

ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

Реалистическая теория
и созидательная практика

Николай ШУЛЬГА

ДРЕЙФ НА ОБОЧИНУ

*ДВАДЦАТЬ ЛЕТ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ
В УКРАИНЕ*

Киев
ООО «Друкарня «Бізнесполіграф»

2011

УДК 316.3(477)
ББК 60.59(4 Укр)
Ш95

Редакційна рада проекту:
П.М.Симоненко, І.В.Алексєєв, Г.В.Буйко,
Г.К.Крючков, В.П.Харченко, Ю.В.Шиловцев

ШУЛЬГА М.О.

Ш95 Дрейф на узбіччя. Двадцять років суспільних змін в Україні. –
К.: ТОВ «Друкарня «Бізнесполіграф», 2011. – 448 с. Мова рос.

ISBN 978-966-1645-46-1

Що з нами відбувається? Який підсумок багаторічних перетворень в українському соціумі? Свої відповіді на ці запитання пропонує автор даної книги – доктор соціологічних наук, заступник директора Інституту соціології НАН України, розглядаючи основні етапи новітньої української історії, ключові події цих років, політичний і соціально-економічний зміст суспільних процесів. Зміна політичного ладу, введення ринкових відносин і формування нових соціальних інститутів кардинально змінюють соціальну структуру суспільства і спосіб його життя. У праці висвітлені основні тенденції в нових стилях життя населення, показані прояви його майнової поляризації. Суперечливий розвиток країни поставив її перед рядом загроз і ризиків. Серед викликів часу автор розглядає глобалізацію й міграцію, маргіналізацію й розмивання ідентичностей, фінансово-економічну кризу й деструкцію влади. Монографія містить великий фактичний матеріал, отриманий в емпіричних соціологічних дослідженнях, а також дані статистики.

Видання буде корисним для всіх, хто цікавиться суспільними процесами в Україні.

РЕЦЕНЗЕНТИ:

В.І.ТАРАСЕНКО,
доктор соціологічних наук, професор Київського національного університету ім. Т.Г.Шевченка;

В.М.ЯКУШИК,
доктор політичних наук, професор Національного університету «Киево-Могилянська академія»

УДК 316.3(477)
ББК 60.59(4 Укр)

© ШУЛЬГА М.О., 2011
© ТОВ «Друкарня
«Бізнесполіграф», 2011

ISBN 978-966-1645-46-1

ВВЕДЕНИЕ

Новейшая история Украины подошла к своему двадцатилетнему рубежу. В традициях нашей культуры придавать особое значение датам, кратным десяти, актуализировать их в общественном сознании. Поэтому и нынешняя годовщина имеет определенную символическую нагрузку, подталкивает к обобщениям. Временной отрезок протяженностью в двадцать лет открывает взору ключевые тенденции в жизни страны, побуждает к осмыслению самых характерных векторов общественного движения. Это тот первый отрезок времени, который уже позволяет говорить о переходе от эмпирико-социологического к историческому масштабу измерений социальных явлений. На этом временном отрезке социология явлений уже переходит в историю событий. Социальные события из разрозненных фактов выстраиваются в вектор и, будучи рассмотренные в динамике, предстают как процесс.

В целом данный период жизни страны можно обозначить как время кардинальных общественных изменений, приведших к смене социально-экономического и политического строя. В сфере экономики в эти годы происходили глубокие трансформации, шло разрушение коммунальной и государственной форм собственности (конечно, кому-то, возможно, более по душе не слово «разрушение», а «переход», однако это уже предмет отдельной дискуссии) и становления на их руинах частной, в первую очередь крупной, собственности. На сегодня приватизировано уже около 90% коммунальной и государственной собственности. Ее перераспределение проводилось посредством механизма ваучеризации, который был ширмой для обирания основной массы граждан.

Народное хозяйство истощалось. В него не вкладывались не только деньги на инновации, но проедались даже амортизационные средства. Основные фонды промышленности, коммунального хозяйства за эти годы износились на 75–90%. Сельское хозяйство находится еще в худшем состоянии, чем промышленность. Большинство хозяйств использует технику, возраст которой составляет уже свыше 20–30 лет.

Шло повсеместное уничтожение основных фондов. Кто не видел разрушенных корпусов заводов, помещений животноводческих ферм, заросших сорняком веток железных дорог, вырытых труб оросительных систем, зданий сельских клубов без окон и дверей?

Общество перестало функционировать как целое, разбилось на отдельные сегменты. Частный интерес стал превалировать над общественным. Владельцы многих приватизированных предприятий перекачивали получаемые доходы в заграничные банки, в оффшорные зоны. Шел массовый отток капитала за границу. Частично эти средства возвращались в виде инвестиций, но уже как средства зарубежных банков и фирм. Именно поэтому самой большой страной-инвестором в украинскую экономику в 2010 году был Кипр, вклад которого составлял 8 млрд. 593 млн. дол., а, например, США – только 1 387 млн. дол.

В упомянутые годы происходили кардинальные изменения в социальной структуре общества. Прежде всего, изменилось ее качество – в ней выкристаллизовались два самых крупных элемента: собственники и наемные работники. В ней появились новые для нашего общества социальные слои: крупные собственники, акционеры, рантье, банковские и биржевые работники, фермеры, безземельные крестьяне и безработные, трудовые мигранты и беспризорники, прислуги и проститутки. В обществе произошло глубокое социальное расслоение. Распространилось, приобрело огромные масштабы такое позорное явление, присущее только странам третьего мира, как массовая бедность.

Обеднение населения происходило на фоне высокого уровня безработицы. Много людей, особенно социально и экономически активных, не найдя возможности адаптироваться к новым общественным условиям в Украине, подались в поисках достойной жизни за рубеж. Таких украинцев за два десятилетия набралось несколько миллионов. Страна теряла наиболее конкурентоспособную часть населения – молодежь и специалистов. С космической скоростью сокращалось население Украины за счет превышения смертности над рождаемостью. Оно уже уменьшилось с 52 млн. до 45,5 млн.

За двадцать лет существования между гражданами государства обозначились резкие различия по политическим, идеологическим, мировоззренческим, ценностным, региональным, языковым, культурным, этническим, религиозным и т.п. при-

знакам, которые в ряде случаев переросли в стадию противостояния.

Не имея реальной продуктивной объединительной идеи, общество находится в состоянии неопределенности, что ведет к постепенной организационной, интеллектуальной и моральной деградации. На это налагаются процессы социальной маргинализации и аномии, что еще больше усиливает явление общественной энтропии.

От затяжного системного кризиса, в котором общество находится все двадцать лет независимости, от беспорядка в государстве, от того, что этому беспорядку не видно конца, от низкого жизненного уровня, от неуверенности в своем будущем и будущем своих детей значительную часть людей охватила апатия. Они потеряли веру в то, что могут лично как-то повлиять на ход событий в обществе.

Устои социума разъедаются теневой экономикой, коррупцией. Власть поразила семейственность, хуторянское кумовство, невиданный в истории nepoтизм. Деморализация поглощает все новые и новые сектора общества, проникает даже в ячейки, традиционно бывшие средой, из которой шли импульсы высоких норм общественной морали, – образование, медицину, культуру. Здесь стали привычными поборы, продажа выпускных оценок, аттестатов, медалей в школе, коррупция процветает в вузах – взятки во время вступительных экзаменов, на зачетах и экзаменах, при получении дипломов. Даже академическое сообщество не устояло перед подачками от соискателей ученых степеней, претендентов на премии и т.п. В медицинских учреждениях теперь не столько лечат больных, сколько получают теневой доход. Массовым и, к сожалению, базовым для украинского общества становится человек без мировоззрения и морали, «человек без свойств».

Новые социальные условия привели к смене образа жизни людей и формированию новых стилей жизни. Они строятся на совершенно других, чем это было двадцать лет назад, духовных и моральных ценностях, на плюрализме мировоззрений и идеологий. Центральной ценностью нового общества становится успех. Как известно, успех строится на первенстве, на конкуренции и победе одного над всеми остальными. В результате общество оказывается поделенным на горстку успешных и огромную массу неудачников, «лузеров». Для последних полем реализации и утешения остается сфера потребления. Если

раньше в центре общественной жизни была сфера труда, сфера производства, то теперь все общественное внимание направлено на потребление. Потребляется все – продукты, услуги, информация...

Чтобы разобраться в этих сложных процессах, понять, что же произошло с нами, найти причины тех или иных событий, чтобы добраться до скрытых механизмов, обуславливающих векторы изменений, необходим глубокий и всесторонний научный анализ происходящего. Осуществить его очень сложно. Он не под силу не только одному исследователю, но и целым научным коллективам. Во-первых, мы все находимся в гуще текущих событий, что серьезно затрудняет беспристрастный, отстраненный, объективный анализ. Во-вторых, многие процессы еще не завершились и неизвестно, как они будут развиваться дальше, каким будет их окончательный вектор.

Конечно, важное значение имеет текущая работа экспертов, политологов, социологов, юристов, специалистов других областей знания, изучающих события, разворачивающиеся перед ними в обществе. Такая работа представляет первый шаг в обобщении, систематизации материала, первый вариант концептуального объяснения происходящего. В данной монографии широко используются статьи постановочного характера отечественных и зарубежных авторов, в которых сделаны попытки теоретического осмысления вставших перед обществом проблем.

Однако для понимания и объяснения глубинных процессов, происходящих в обществе, в отдельных его группах, во взаимоотношениях между социальными группами и классами, для проникновения в сущность новых, ранее не существовавших социальных феноменов, необходимо использовать весь арсенал научных понятий и категорий, опираться на научную методологию. В данной работе сделана попытка для анализа прошедшего двадцатилетия применить набор исследовательских инструментов социологической науки. Все разделы работы написаны с позиций социологии.

Неоценимым источником для изучения общества являются эмпирические социологические исследования. Благодаря им перед исследователями открывается картина общественных процессов, отраженная не в отдельных документах современников (письма, дневники, записи), которые затем по своему вкусу обобщают исследователи в научных работах, а отраженная, бла-

годаря репрезентативной выборке, обобщенная картина мнений представителей различных социальных групп.

В нашем исследовании мы опирались на огромный массив эмпирических данных, собранных в мониторинге Института социологии НАН Украины, который проводится с 1994 года (а некоторые вопросы его анкеты были использованы еще в 1992 году). В них аккумулированы данные, отражающие отношение населения, его социальных, половозрастных, поселенческих, региональных, образовательных, культурных, языковых, религиозных и других групп к различным процессам и фактам жизни украинского общества. Такие данные позволяли нам рассмотреть динамику настроений людей, изменение их мыслей и чувств на протяжении изучаемого периода.

Конечно, мы опирались и на традиционные источники – статистические данные. Наиболее часто использовались данные, представленные в «Статистичних щорічниках України» за анализируемый период, а также в других публикациях Госстата Украины.

Наша книга состоит из трех разделов, каждый из которых в свою очередь содержит несколько параграфов. В первой части работы сделан обзор главных событий, происшедших в стране в период с 1991 по 2011 год, а также рассмотрены в динамике основные социально-политические процессы. Затем читателю предлагается ознакомиться с процессом трансформации социальной структуры украинского общества. В соответствующем параграфе дан анализ основных социальных классов и групп. Более углубленное изучение элементов социальной структуры подвело к необходимости анализа интересов классов и групп, освещению трудности самоидентификации социальных групп в современных условиях и осознания своих групповых интересов. Одним из негативных результатов слабого осознания членами классов своих групповых интересов является политическое «заробитчанство», выражающееся в том, что люди, вопреки своим интересам, публично действуют в пользу других классов и групп.

Три параграфа первого раздела посвящены анализу элит. В частности, рассмотрены этапы становления правящей элиты. Мы выделяем в отдельную группу «смыслообразующую» элиту, в которую включаем тех, кто разрабатывает смыслы, которыми затем наполняется пространство политики и культуры. Закрывает раздел параграф, в котором речь идет о репутации государственных служащих.

Второй раздел монографии посвящен становлению в нашей стране потребительского общества. В нем рассмотрены теоретические вопросы, связанные с пониманием образа и стиля жизни, показано, в чем состоят особенности формирующегося ныне образа жизни и какова специфика стилей жизни населения в обществе бедности. В одном из параграфов данного раздела детально описаны типы современных стилей жизни, которые пробиваются практически во всем мире, независимо от уровня технологического развития страны. Данная тенденция, по-нашему мнению, является одной из черт феномена глобализации. Однако эти общемировые типы стилей жизни накладываются на экономические, социальные, цивилизационные и культурные особенности отдельных стран и приобретают неповторимую конкретику. В чем специфика стилового потребления украинского населения, как различается отдых различных социальных групп, каково место туризма среди предпочтений украинских граждан – ответы на эти вопросы можно найти во второй части книги.

Третий раздел работы охватывает тематику, сосредоточенную вокруг вызовов времени украинскому обществу. Прежде всего, проанализированы понятия «вызов времени» и «вызов истории», показаны контексты, в которых используется каждое из них. Следующий параграф посвящен феномену расширения социального ареала жизни личности. В нем показано, что в условиях глобализации пространство непосредственных контактов личности, круг ее общения существенно расширяется и, по сути, охватывает весь мир. Уплотняется сеть связей, ускоряется темп жизни. В связи с этим рассматривается ряд рисков и угроз как для личности, так и для государства. В частности, в отдельном параграфе дан анализ процессов внешней трудовой миграции, показаны угрозы и риски, которые она создает для украинского общества. Далее рассмотрены внутренние вызовы, стоящие перед обществом. Одним из них является проблема социокультурной маргинализации, связанной с потерей личностью таких опор в социальной жизни, как понятие родины, снижение социальных статусов у огромного числа сограждан, разрушение ценностно-смыслового пространства многих социальных групп. Вызовом, брошенным временем украинскому обществу, стал финансово-экономический кризис. Особенно его проявления анализируются в соответствующем параграфе третьей части работы. И, наконец, еще один вызов, который характерен именно для Украины, – противоборство ветвей

власти. Степень этого противоборства достигла такого накала, что в «оранжевый» период оно переросло в угрозу разрушения государства.

Анализ указанных проблем, которые были характерными для украинского общества в двадцатилетний период после провозглашения независимости, позволяет сделать ряд принципиальных выводов, изложенных в заключительном параграфе книги. Конечно же, мы не претендуем на то, что в работе рассмотрены все ключевые социальные проблемы изучаемого периода.

В частности, нами осознанно обойдена в книге социокультурная тематика. Мы не касались острых проблем этнических, языковых, религиозных отношений, региональных различий в символично-ценностной сфере, отношения различных групп населения к прошлому, которые были актуальными в нашем обществе во все годы независимости. Рассмотрение этих проблем могло бы стать предметом следующего монографического исследования.

Надеемся, что проведенный в этой работе социологический анализ общественных процессов поможет читателям лучше разобраться в сложных и противоречивых событиях современного украинского социума.

РАЗДЕЛ I.

СМЕНА ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ В УКРАИНЕ

1. Вехи новейшей украинской истории

1.1. Провозглашение независимости Украины

Переломные события в жизни СССР и Украины пришлось на август 1991 года. Внутренние, глубинные противоречия, накопившиеся в советском обществе, разрешились в кульминационной событийной точке, связанной с подписанием Союзного договора. М.С.Горбачев, предварительно согласовав с руководителями союзных республик дату подписания этого ключевого для сохранения страны документа на 20 августа, уехал на отдых в Крым. Так называемый августовский путч начался 19 августа 1991 года объявлением создания ГКЧП (Государственного комитета по чрезвычайному положению), введением в Москву войск. В Киев только доходили циркуляры и сообщения средств массовой информации о событиях в Москве и в Форосе. Единственным представителем ГКЧП в Киеве был генерал В.Варенников, который прилетел утром 19 августа в Киев и вел переговоры с руководством республики. Украинская властная верхушка заняла выжидательную позицию. Когда стало понятно, что затея с ГКЧП провалилась, 22 августа было объявлено о созыве внеочередной сессии Верховного Совета Украины. На этой сессии принят Акт о провозглашении независимости Украины, а также постановление о проведении 1 декабря 1991 года референдума о подтверждении этого акта.

Есть несколько принципиальных тем, существующих в общественном сознании в виде словесных клише и деформирующих поэтому сущность того, что они отражают. Искажают смыслы они потому, что отражают только одну сторону проблемы, а остальные аспекты оставляют в тени. К таким штампам относится выражение «24 августа 1991 года был провозглашен Акт о независимости Украины и родилось новое государство». Казалось бы, все правильно. Но это речевое выражение, кото-

рое от частого употребления уже стало общим местом, отразило только одну сторону того, что произошло. А другие, не менее существенные моменты того дня, остаются не раскрытыми. Что же это за аспекты, стороны тех событий?

Во-первых, это то, что все высшие органы власти и органы местной власти остались в руках тех же самых людей, которые их возглавляли ранее. И Верховная Рада продолжала состоять из того же депутатского состава, что и месяц, и год назад. В Кабинете министров и в министерствах также никаких кадровых изменений не произошло. Об этом событии бывший в ту пору премьер-министром УССР В.П.Фокин высказался следующим образом: «...Мне довелось быть не только первым премьер-министром независимой Украины, но и последним председателем Совета министров Украины советской, социалистической. Я принимал эстафету как будто от самого себя» (1). В такой роли был не только премьер-министр, но и десятки тысяч должностных лиц, принимавших должности от самих себя из старого государства в новое.

Во-вторых, легализация и легитимизация органов власти после провозглашения независимости происходила в соответствии с Конституцией и законами Украинской ССР. Было изменено только название страны – из Украинской ССР она стала Украиной. А Верховный Совет, Кабинет министров, вся структура министерств и ведомств, судебная система, судейский состав, прокуратура, правоохранительные органы – все были сформированы в советский период и по советским законам. На территории страны оставались подразделения Советской Армии. Они продолжали жить еще достаточно продолжительное время по советским законам.

Следовательно, персонально и структурно в августе 1991 года власть в Украине не поменялась. Все государственные институты остались на своих местах. Менялись только слова, которые провозглашали от имени власти их руководители. Эти слова выражали новые политические, идеологические, социальные, экономические и моральные ценности. Новые они были только по отношению к самим органам власти, а также по отношению к тем, кто представлял эти органы власти. Трудно сказать, насколько искренними были эти слова. Скорее всего, это был конформизм, элементарное приспособление к изменившимся обстоятельствам. Таким образом, в одночасье произошла смена социально-статусных идентичностей у правящей элиты страны. Поначалу знаком такой смены была замена обращения «товарищ» на «господин». Это был именно знак со стороны приспособившихся. Ведь никто

никаких циркуляров на этот счет не издавал. Самообновившаяся элита развернула усилия по изменению государственного строя, трансформации социальных институтов и социальных отношений в обществе.

Одним из наиболее трудных остается вопрос о причинах развала СССР, об определении распада в социально-исторических категориях: заговор, переворот, революция. В объяснении причин обретения Украиной независимости среди исследователей нет единства мнений. Одни называют это результатом национально-освободительной революции, движущей силой которой была национальная интеллигенция. Причем некоторые авторы считают, что в 1991 году украинцы не просто получили, а завоевали государственную независимость (2). Правда, они не поясняют, как проходило, в каких событиях проявилось это «завоевание». Другие причиной называют благоприятное стечение обстоятельств, когда центральная союзная власть в Москве разложилась, ослабла и развалилась в результате августовского путча 1991 года, когда произошел «навязанный Союзу развод» и независимость сама свалилась на Украину.

Меньше сторонников, но все же они есть, у тех, кто считает причиной демократическую революцию, которую возглавила, опять же, интеллигенция, и которую поддержал народ.

Распространенной является точка зрения, что причиной провозглашения независимости Украины является партийно-хозяйственная номенклатура, которая имела большой вес в экономике и в общественной жизни страны, но была ограничена партийными принципами и догматами, мешавшими ей самоутвердиться экономически и политически, не дававшими в полном объеме получать прибыль от предприятий, которыми она руководила, передавать крупную собственность по наследству.

Насколько обоснована каждая из причин?

Первая причина – национально-освободительная революция – предполагает наличие метрополии и колонии, империи и зависимой территории. Однако если признать Советский Союз империей, а союзные республики колониями, то надо найти доказательства этого постулата. Во-первых, нужно определить, а кто же, собственно, выступал империей. РСФСР? Но по целому ряду экономических показателей она находилась в более невыгодных условиях, чем другие союзные республики. Кроме того, модернизация в течение многих десятилетий в других союзных республиках проводилась за счет ее ресурсов. В таком случае это специфическая

империя, которая эксплуатировала колонии только политически. Но и здесь не все так просто. Во-вторых, подавляющая часть населения в союзных республиках, за исключением прибалтийских, выступала за сохранение союзного государства. В Украине националистическая идеология в 60–80 гг. разделялась небольшой группой интеллигенции, несколько сот представителей которой в этот период пострадало, в том числе и были репрессированы, отбывали наказание в тюрьмах, лагерях, в ссылке. Самые большие претензии политико-идеологического характера, которые были выдвинуты националистами к империи и нашли отклик в массах, – это притеснение украинского языка и культуры. Однако подавляющей массой населения сепаратистские взгляды и настроения не поддерживались. Об этом свидетельствуют результаты всесоюзного референдума, который прошел в марте 1991 года. В нем приняли участие 83% граждан, имевших право голоса. За сохранение Союза в Украине высказалось 70% из них. Таким образом, определение событий 1991 года как национально-освободительной революции не выдерживает критики.

Еще одно объяснение распада СССР дают авторы, рассматривающие горбачевскую перестройку как реформирование сверху. Однако, мол, эти реформы неожиданно превратились в революцию. Пожалуй, это несколько странное объяснение одного из самых сложных типов событий в человеческой истории – революции. Причем, оказывается, что это такая революция, в которой не было противоборства новых общественных сил со старыми. А ведущей, но не движущей, силой революции была консервативная компартийная бюрократия. Такие пустые схемы мало что объясняют в исторических процессах.

Более обоснованными являются позиции у той точки зрения, что партийно-хозяйственная элита, номенклатура, воспользовавшаяся ослаблением центральной власти и уже получившая вкус к выгодам от доходов собственности тех предприятий, которые они возглавляли в период горбачевских реформ, и вокруг которых они наплодили в это время массу посреднических фирм, стремилась легализовать свое право на данную собственность. В этот период обмена власти на собственность они совершенно не были заинтересованы в укреплении государства, которому формально принадлежало все то, что они растаскивали.

Кроме того, номенклатура стремилась закрепиться и обезопаситься территориально. На Украине 90% предприятий принадлежали к союзной собственности. Естественно, что номенклатура

была заинтересована в суверенитете республики, поскольку экономический суверенитет невозможен без политического. В этот период достаточно быстро сформировался слой «номенклатурных националистов», пытавшихся путем ослабления союзного центра, а по возможности и отделения от него, усилить свои позиции на местах. Выразителем интересов номенклатуры было руководство республики, руководители его высших государственных органов. Последние объективно и были делегированы номенклатурой для заявления и отстаивания ее интересов. Конечно, эти процессы нельзя упрощать. В руководстве республикой были и те, кто стремился сохранить союзное государство, не допустить его распада. Однако их позиции во всех властных структурах к началу 90-х гг. были уже значительно слабее, чем «номенклатурных националистов».

Эти процессы получили название «номенклатурной революции». По серьезности и значимости последствий для экономики страны, по нашему мнению, они стоят значительно выше других причин распада СССР и образования независимой Украины, которые назывались выше.

Однако одно дело какой-то социальной группе, пусть даже и очень влиятельной в обществе, иметь свои интересы и хотеть их воплотить в жизнь и совсем другое – обществу иметь привлекательную, реалистическую модель будущего, которая бы вдохновляла значительную его часть. В Украине в начале 90-х гг. не только общество, но ни одна партия, ни один президент, ни одно правительство не имело стратегического плана обустройства страны, его места в международном сообществе. Решались только текущие либо политические, либо хозяйственные задачи. Главным стимулом принятия решений была политическая конъюнктура. Они были либо срочными ответами на ситуации, которые грозили кризисом, финансово-денежным обвалом, катастрофой, либо импровизациями, которые казались целесообразными с политической точки зрения ввиду приближающихся выборов – президентских, парламентских. Они никогда не были логичными, органическими звеньями в цепи управленческих шагов, подчиненных масштабной задаче. Поэтому за годы независимости политика государства выглядит как иррациональная и хаотичная. Население тоже находилось в состоянии «смятения умов», колебалось, а скорее, шаркалось то вправо, то влево. Даже сама политическая ориентация общественных движений не имела четкости в обществе. Приверженцы Народного Руха, приверженцы рыночных, либеральных реформ в это время называли себя левыми, а коммунистов они на-

зывали правыми, консерваторами. Чуть позже все вошло в рамки норм европейской политической традиции и правых стали называть правыми, а левых левыми. Но от этого политическая устойчивость активных участников тех процессов не наступила. Политики, а особенно депутаты Верховной Рады, успевали в течение года побывать в нескольких партиях, мало заботясь о том, в какой части политического спектра они находятся.

Слишком мало времени прошло, чтобы давать окончательные оценки тем переменам, которые произошли в стране в начале 90-х гг. XX ст. Если мы можем более или менее точно сказать, когда начинается последний этап истории Украины (хотя и с этим не так все просто: какую дату здесь ставить за начало – горбачевскую перестройку, провозглашение Декларации о государственном суверенитете Украины, 24 августа 1991 года или еще какой-то рубеж?), то еще сложнее сегодня заявить о его окончании. Пока еще преобладают конъюнктурные оценки. Еще жива большая часть активных участников этих событий. Также нельзя с уверенностью сказать, что мы уже точно знаем, какие социальные силы были движущей силой преобразований конца 80-х– 90-х гг. XX ст. Но это не лишает нас возможности высказать предположение о том, что движущими силами этих событий была та часть партийно-хозяйственной номенклатуры, которая осознала свой интерес в рыночных преобразованиях, легализации частной собственности, включая средства производства и землю (экономическая составляющая движущих сил), а также значительно более многочисленная научная, научно-техническая и гуманитарная интеллигенция, которая хотела демократических преобразований: свободы слова, свободы передвижений, подотчетности власти народу, свободных выборов, соблюдения прав человека.

В течение нескольких лет важную роль в политической жизни Украины играли шахтеры. Сначала они пытались выступать самостоятельно, выдвигая требования перед местными органами власти. Затем территория их выступлений расширилась – они все чаще стали появляться в столице. Однако после нескольких поездок и пеших походов на Киев стало ясно, что эти акции финансируются определенными экономическими группами, заинтересованными в давлении на властные структуры или на какие-то политические силы. Особенно часто выступления шахтеров совпадали с рассмотрением государственного бюджета – изменения на текущий год или подготовка бюджета на следующий год – в Верховной Раде Украины. Угольное лобби (прежде всего директора шахт, угольных

объединений, различного рода коммерческие посредники) было заинтересовано в увеличении бюджетных средств на отрасль, поскольку научилось расходовать их с большой выгодой для себя.

Пиком влияния шахтерского движения на политические процессы можно считать июнь 1993 года, когда шахтеры объявили политическую стачку и потребовали отставки Верховной Рады и президента. Верховная Рада Украины под давлением широкого стачечного движения, охватившего не только шахтеров, но и работников других отраслей, приняла решение о проведении досрочных выборов президента и парламента. В последующие годы влияние шахтеров в украинском обществе стало из года в год падать. Хотя попытки использования шахтеров в политической борьбе предпринимались не раз. Так было и в 2004 году, во время президентской кампании, и в 2007 году во время противостояния Верховной Рады и президента, когда в Киев массово прибывали шахтеры из Донецкой, Луганской, Днепропетровской областей, организованные Партией регионов. Но роль шахтеров в этих событиях не была самостоятельной.

Нельзя обойти молчанием и роль криминальных элементов в этих процессах, которые тоже были заинтересованы в развале социалистического типа хозяйствования, поскольку он не давал возможности легализовывать крупные хищения, средства, полученные в результате различных махинаций, передавать их по наследству. Эти социальные элементы нельзя назвать группой в ее точном социологическом значении, во-первых, потому, что каждый, кто занимался противоправной деятельностью, это скрывал, утаивал, во-вторых, потому, что между ними не было устойчивых связей на уровне всего общества (конечно, это не исключает существования каких-либо локальных организованных преступных группировок).

Хотя и у названных выше групп не было совпадения интересов. Так, интеллигенция объективно вряд ли была заинтересована в том, чтобы лишиться того объема финансирования, которое она получала из государственного бюджета, целого ряда социальных гарантий со стороны государства. Не были заинтересованы в потере выгодных для себя социальных статусов шахтеры, промышленные рабочие, особенно работники ВПК, колхозники, пенсионеры. Однако их объективные интересы не были их субъективными мотивами. У них не были развитыми групповые интересы, у них практически отсутствовала групповая солидарность. Они легко попадались на такие приманки, как обещаемое изобилие ширпо-

треб, выборность руководителей, совершенно не представляя тех потерь, которые их ждут в социальной сфере: бесплатная медицина, бесплатное жилье, низкие тарифы в ЖКХ, на транспорте, бесплатное образование для детей и внуков, бесплатные библиотеки, музеи, символические цены на билеты в театры, кинотеатры, на эстрадные концерты, спортивные соревнования и т.д.

Причины развала СССР имеют не только внутренний характер. Конечно, социальный организм умирает прежде всего от того, что в нем достигают критической точки внутренние противоречия. Но нельзя сбрасывать со счетов и внешние причины. Они тоже могут активно способствовать нарастанию внутренних противоречий. Это положение полностью применимо и к СССР. В условиях двухполярного мира, противоборства двух мировых систем, конечно же, противники Советского Союза, социализма, делали все возможное для своей победы.

Так или иначе, но СССР распался, началась смена социально-экономического строя в новых государствах, образовавшихся в рамках союзных республик, в том числе и в Украине.

Прежде всего были созданы институты государства, обеспечивающие его суверенитет. 20 сентября 1991 года постановлением Верховной Рады Украины была учреждена Служба национальной безопасности Украины, 6 декабря 1991 года принят Закон «О Вооруженных силах Украины», с 1 января 1992 года начинала функционировать Государственная налоговая инспекция, продолжал работать Государственный комитет таможенного контроля. Важнейшим документом, закреплявшим отношения населения Украины с государством, был Закон «О гражданстве Украины», принятый 8 октября 1991 года. Это был один из самых демократичных законов о гражданстве среди соответствующих законов всех постсоветских государств. В нем признавались гражданами Украины все лица, постоянно проживавшие на ее территории на момент образования независимого украинского государства. Благодаря такой правовой формуле были предупреждены возможные расовые и этнические конфликты.

Завершающим актом правового утверждения Украины как независимого государства стал референдум 1 декабря 1991 года. На нем более 90% граждан, участвовавших в голосовании, поддержали Акт о провозглашении независимости Украины. В этот же день прошли и выборы Президента Украины. Среди семи кандидатов в президенты победил Л.М.Кравчук, набравший более 61% голосов избирателей.

1.2. Становление институтов независимого украинского государства

Перед молодым государством встала масса политических, экономических, социальных и духовно-культурных проблем. Они были подобными, типичными для всех государств, образовавшихся на территориях союзных республик. Но каждое из этих государств имело еще и свои, особенные трудности.

Специфическими для Украины были проблемы, во-первых, ликвидации последствий величайшей техногенной катастрофы в истории человечества – Чернобыльской аварии, во-вторых, наличие ракетно-ядерного оружия, доставшегося от СССР, в-третьих, обустройство возвращающихся в страну лиц, депортированных в 40–50-е гг. XX ст. по этническому признаку. Их решение включало как внутреннюю, так и внешнюю составляющую. Как внутренние проблемы, они затрагивали интересы нескольких миллионов человек и требовали для своего решения десятки миллионов долларов. Как внешние проблемы, они предполагали сотрудничество с рядом государств, прежде всего членов Совета Безопасности ООН, членов ядерного клуба и тоже требовали огромных средств для своего разрешения.

На момент распада Советского Союза на территории Украины располагались ракетно-ядерные подразделения Советской Армии, потенциал которых был третьим по мощности в мире. Перед правящей элитой встал вопрос, что делать дальше с этой мощью. В ней были как сторонники, так и противники сохранения ядерного оружия в украинской армии. Противники обретения страной ядерного статуса имели больше аргументов. Прежде всего, Украина не имела финансов, технических средств, кадров для обслуживания боеголовок, чтобы содержать ядерные силы. Кроме того, в коллективной памяти народа еще были свежи пацифистские положения Декларации о государственном суверенитете Украины, а в общественном сознании этот документ еще удерживал высокий авторитет, что, естественно, заставляло о нем помнить и политиков. В статье 9 Декларации говорилось о том, что Украина «торжественно провозглашает о своем намерении стать в будущем постоянно нейтральным государством, которое не принимает участия в военных блоках и придерживается трех неядерных принципов: не принимать, не производить и не приобретать ядерного оружия».

Государству также необходимо было определиться по отношению к Договору о нераспространении ядерного оружия.

Естественно, не были безразличны к этой проблеме и все остальные страны, как обладающие ядерным оружием, так и не имеющие такового. В случае перехода ядерного арсенала к украинской армии увеличивалось бы число участников ядерного клуба, принципиально менялась бы геополитическая расстановка сил. Естественно, что никто к этому не был готов и никакая из стран-обладателей ядерного оружия в этом не была заинтересована.

После длительных и интенсивных внутривнутриполитических дискуссий и внешнеполитических консультаций 16 ноября 1994 года Украина присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия. А вскоре она согласилась и на передачу имеющегося у нее ядерного оружия. В обмен на отказ Украины от ядерного оружия Великобритания, Россия и США давали гарантии ее безопасности. Об этом 5 декабря 1994 году был подписан Будапештский меморандум. В нем страны-гаранты обязывались уважать независимость и территориальную целостность, существующие границы Украины, воздерживаться от экономического давления на нее, добиваться немедленных действий со стороны Совета Безопасности ООН с целью оказания помощи в случае, если Украина станет жертвой акта агрессии или объектом угрозы агрессией с использованием ядерного оружия. Позже к этому меморандуму присоединились Германия, Франция и Китай. Однако, как показала практика последующих лет, это были всего лишь декларации, которые никто не собирался выполнять. Избавившись от ядерного оружия, Украина не получила реальных гарантий своей безопасности. Крупным государствам необходимо было решить принципиальную для себя задачу – не допустить появления нового члена ядерного клуба.

Сложной оставалась проблема раздела имущества, финансов, долгов СССР между ранее составлявшими его республиками.

Союзное государство к концу своего существования имело достаточно большой государственный долг. Его масштабы по-разному оценивали разные люди. На определение его размера кроме субъективизма в оценках, зависящих от политической позиции оценивающего, влияло также и то, по какой методике его оценивали. Как вспоминает бывший Председатель Совета Министров СССР Н.И.Рыжков, обменный курс долга определялся по трем разным направлениям. Первый – тот долг, который был получен в свободно конвертируемой валюте. Второй – тот, ко-

торый образовался между странами, входящими в Совет экономической взаимопомощи, где при расчетах применялись переводные рубли. Третий – тот, который образовался по отношению к странам, которые торговали с СССР по клирингу – Югославия, Финляндия, Индия. Если учитывать эти особенности, то, по мнению Н.И.Рыжкова, внешний долг СССР в 1990 году был равен 35 миллиардам долларов. Е.Гайдар объявил, что на 1 января 1992 года долг был равен 70 миллиардам долларов (3).

После распада СССР встал вопрос о том, как разделить этот долг. Вначале предполагалось, что его разделят пропорционально численности населения между всеми бывшими союзными республиками. Но потом Б.Ельцин объявил, что весь внешний долг берет на себя Россия.

1.3. Приватизация государственной собственности

Ключевым социально-экономическим процессом 90-х годов XX ст. в Украине был процесс смены собственности и собственников. Его главное направление состояло в изменении государственной собственности на одну из форм частной собственности. Для придания ему в общественном мнении какого-то более-менее если не привлекательного, то хотя бы легитимного образа, придумывались различные кампании прикрытия в СМИ. То этот процесс назывался разгосударствлением якобы неэффективной общественной собственности, то он назывался экономическими реформами, то структурными преобразованиями и т.д.

Конечно, этот глубинный процесс приобретал, в зависимости от проводимой государством политики, определенное экономическое выражение. Его главными проводниками были внутренние и внешние акторы. В современной социологии акторами называют социальных субъектов, проявляющих активность в отношении других субъектов. Они часто объединены одними устремлениями, но разными и нередко непроявленными мотивами действий. Внутренний актор – активная, напористая, но неопытная, мало знающая внешний рынок, специфику функционирования современной экономики других стран, зарождающаяся украинская буржуазия. Ее становлению способствовала специально созданная для этого правовая база. Одним из наиболее масштабных механизмов легального перераспределения собственности и формирования крупной буржуазии в стране стала ваучеризация. Этим термином называли уравнительное

распределение государственной собственности среди всех граждан страны – каждый из них получал ваучер, или сертификат, или приватизационный чек, который, как предполагалось, можно будет обменять на акции приватизируемых предприятий. На самом деле это была популистская акция, которая создавала иллюзию равных стартовых возможностей для каждого, но на деле оказавшаяся формой обмана большинства населения страны.

Приватизация государственной собственности проводилась с выгодой для покупателей и в ущерб гражданам и государству. Объекты приватизации продавали по так называемой балансовой стоимости, которая во много раз была ниже их рыночной стоимости. К тому же объекты продавались либо без конкурсов, либо через имитационные конкурсы. Их будущие владельцы были известны задолго до продажи. Понятно, что это были либо лица, тесно связанные с властью, либо сами чиновники, приобретающие государственную собственность для себя через подставных лиц.

Внешний актор – организованная, структурированная, опытная, обладающая разнообразными механизмами влияния буржуазия экономически развитых западных стран, агенты транснациональных компаний (ТНК), представители Международного валютного фонда (МВФ), Всемирного банка (ВБ). Пользуясь слабостью и неопытностью внутреннего актора, внешние акторы навязали Украине в начале 90-х гг. монетарную модель экономических реформ. Модель заведомо малорезультативную, уже неоднократно доказавшую на примере других стран свою неэффективность. Она совершенно не учитывала особенности переходной экономики нашей страны, а законы, принятые в начале 90-х гг. для ее реализации, были механически переписаны из законов западноевропейских стран с давно сложившимися рыночными институтами и сформированной рыночной средой.

МВФ и ВБ свое влияние на Украину осуществляли не только через рекомендации моделей экономических реформ, но и через политику кредитов. А в кредитах страна начала нуждаться буквально с первого дня независимости. Бюджет был постоянно дефицитным, надо было покрывать социальные и другие выплаты. Нужные кредиты могли дать МВФ и ВБ. Внешне это выглядело как своего рода благотворительность с их стороны и выгодные взаимоотношения для Украины. Выгодность сотрудничества с влиятельнейшими международными организациями объяснялась тем, что оно являлось определенным позитивным сигналом для зарубежных инвесторов, извещающим, что состояние экономики и финансов страны

находится в диапазоне допустимых рисков. Предоставляя будто бы выгодные долгосрочные кредиты, и МВФ, и ВБ обставляли их рядом условий, прежде всего в сфере законодательства, в экономической политике правительства. Эти условия и были тем дополнительным средством влияния на политику страны. Чем большим был кредит, тем большей становилась зависимость государства от кредиторов. Если в 1991 году у Украины не было никаких внешних долгов (советские долги взяла на себя Россия), то к 2000 году страна уже имела 10-миллиардный внешний долг. Однако это было только начало. На 31 декабря 2010 года этот долг уже был в два раза больше – государственный внешний долг составлял 181 млрд. 813 млн. 104 тыс. грн. (42,06% от ВВП) или 22 млрд. 835 млн. 965 тыс. долл. Государственный внутренний долг на эту дату составлял 141 млрд. 662 млн. 09 тыс. грн. (32,77%) или 17 млрд. 793 млн. долл. (4).

В этом контексте становится и более понятной податливость украинских властей по отношению к требованиям западных стран о полном закрытии Чернобыльской атомной станции. Как известно, оставшиеся не поврежденными во время аварии два реактора давали ток в общую энергосеть страны, одновременно обеспечивая электроэнергией разрушенные энергоблоки, которая была необходима для поддержания их в безопасном состоянии. Выполнив же требования о полном закрытии этой электростанции, пришлось направлять на нее электроэнергию с других источников, что было достаточно обременительным для бюджета страны. Причем закрытие происходило в тот период (торжественная церемония закрытия станции состоялась 15 декабря 2000 года), когда западные страны растягивали на годы обещанную помощь в строительстве долговременного укрытия ЧАЭС взамен временного, построенного еще в 1986 году. Недоверие к обещаниям западных стран стало причиной того, что за день до полной остановки объекта Верховная Рада приняла решение рекомендовать правительству остановить станцию не ранее апреля следующего года, чтобы за оставшееся время получить от спонсоров – «Большой семерки» и Европейского Союза – письменные гарантии о перечислении обещанных двух миллиардов долларов компенсации за потери от остановки АЭС.

Результатом этих преобразований стало резкое обеднение основной массы населения. Задача легитимации крупной частной собственности была возложена на повсеместно возникавшие частные СМИ. Они должны были внедрять в общественное сознание положительное отношение к частной собственности,

оправдывать процессы несправедливого перераспределения государственной собственности в обществе. Одним из исполнителей этих задач выступала социогуманитарная интеллигенция, которая развернула через СМИ широкомасштабную риторику о неизбежности, безальтернативности проведения приватизации, о перспективах повышения жизненного уровня, обогащения всего населения через приобретение акций, через превращение всех в собственников, через формирование среднего класса.

Экономические изменения происходили параллельно с преобразованиями органов государственной власти. Результатом этих трансформаций стал многократный рост количества государственных служащих: не только за счет раздувания штатов, но и путем создания новых ведомств – Администрация Президента, аппарат Верховной Рады, аппарат Кабинета министров, таможенная и пограничная службы, налоговая администрация, МИД Украины, посольства, заграничные представительства и тому подобное.

На социально-экономическую составляющую проходивших в стране преобразований накладывались внутривнутриполитические. Все эти годы страна находилась в перманентной политической нестабильности. Правительства менялись практически каждый год. Между их политикой не было никакой преемственности. Каждое новое правительство разрабатывало программу социально-экономического развития страны, в которую закладывало, или, во всяком случае, декларировало определенную модель развития. Однако принятие и затем наличие программы скорее походило на какой-то ритуал, чем на утверждение реального документа, в соответствии с которым правительству следовало бы выстраивать свое повседневное поведение. Как правило, все составы правительств готовили программы деятельности. Но далеко не всем правительствам удавалось провести свою программу через Верховную Раду. Этот документ имел не столько хозяйственно-экономическое значение, сколько политическое. Дело в том, что после принятия программы деятельности данный состав правительства в течение года не мог быть отправлен в отставку. Поэтому программа рассматривалась при такой высокой сменяемости состава высшего исполнительного органа как своего рода индульгенция от отставки. В условиях отсутствия в парламенте устойчивого большинства одни политические силы стремились ни за что не допустить принятия программы – так как непринятая программа оставалась удобным средством шантажа политического противника, другие, наоборот, старались побыстрее ее принять, не придавая особого

значения ее содержанию, поскольку это открывало перспективу гарантированной годичной работы поддерживаемого ими правительства. В любом случае – и в случае принятия программы, и в случае ее непринятия – она была формальным документом, который никто не собирался выполнять. И так продолжалось из года в год. В результате выстраивалась картина хаотичной многолетней экономической деятельности государства, отсутствие какой-либо продуманной, последовательной, системной политики во всех сферах жизни. В этом состояла одна из причин многолетнего кризиса как украинской экономики, так и образования, здравоохранения, культуры, социальной сферы.

В этих условиях тысячи предприятий либо закрылись, либо свернули до минимума производство, а работники остались без работы. Резко сократился выпуск продукции предприятий, динамика промышленного производства пошла на спад. В 1991 году оно сократилось на 5%, в 1992 – на 6%, в 1993 – на 8%, в 1994 – на 27%, в 1995 – на 12% и т.д. В 1999 году оно составляло только 48% по отношению к 1990 году. За двадцать лет независимости страна так и не смогла достичь уровня экономического развития даже 1990 года. В 2010 году этот показатель снова упал до 63% в сравнении с указанным сроком. По экономическим показателям Украина опустилась на самые низшие места среди постсоциалистических государств. Так, Польша к 1999 году увеличила по сравнению с 1989 годом свой ВВП на 19%, Венгрия – на 5%. В Словакии производство за этот период тоже упало, но только до 85%, в Словении упало до 76% (5). Особенно тяжелое положение сложилось в отраслях военно-промышленного комплекса. Его предприятия не получали никакого государственного заказа. Выживать они могли только за счет зарубежных заказов. Однако на мировом рынке вооружений, как всегда, была жесткая конкуренция.

Кроме того, те силы, которые были заинтересованы в развале Советского Союза, и после его распада строго контролировали процессы на его развалинах. Важнейшей задачей было не допустить возрождения прежних экономических связей, особенно возрождения военно-промышленного комплекса. Как отмечал академик Ю.Н.Пахомов, «Украина была потенциально опасна для Запада уже тем, что в рамках Украина – Россия мог быть реставрирован мощнейший военно-промышленный потенциал. Чтобы уничтожить эту часть экономики, нужно было создать общий хаос. Именно поэтому была навязана модель, которая заведомо обесточивает экономику – выводит из оборота деньги...Таким путем удалось осадить и

военно-промышленный комплекс, предотвратить реставрационную динамику России и Украины, являвшихся главными носителями военно-промышленного потенциала обеих стран»(6).

Ни одно из украинских правительств за годы независимости не ставило задачу возрождения собственного производства и насыщения внутреннего рынка хотя бы на 70–80% отечественной продукцией. После вступления Украины в ВТО такая задача стала невыполнимой, поскольку на той технологической базе, которая была в стране и которая во все годы независимости не только не обновлялась, но деградировала даже по отношению к имевшейся до 1991 года, невозможно было производить конкурентные отечественные товары, а возможности защитить внутренний рынок через законодательство были ограничены.

Состояние экономики страны усугублялось и политическими факторами. По разным причинам, быстро попав под влияние ведущих западных стран, лидеры украинского государства нередко проявляли неспособность отстаивать перед ними отечественные интересы. Так, на Харьковском предприятии «Турбоатом» по заказу Ирана в 90-е годы строилась турбина для Бушерской атомной электростанции. Однако это не нравилось Соединенным Штатам Америки, которые уже два десятилетия находились в состоянии жесткой конфронтации с Ираном. Пребывая в Украине в 1998 году, госсекретарь США М.Олбрайт потребовала от украинского руководства отказаться от этого заказа (7). При этом она пообещала, что Соединенные Штаты возместят потери, которые будет нести Харьковское предприятие «Турбоатом». Украинское руководство поддавалось давлению и вынудило завод отказаться от контракта. Однако на деле обещание так и не было выполнено. Только на первом этапе завод потерял 260 миллионов долларов, не считая потерь заводов-смежников (8). Чтобы сохранить рамки приличия, американская сторона заявила о создании Харьковской инициативы, в рамках которой якобы будут компенсированы потери предприятий. В 2001 году Американское агентство торговли и развития объявило о предоставлении Харьковской обл администрации гранта на 535 тыс. долларов для проведения технико-экономического обоснования модернизации городской системы отопления. Однако по условиям гранта эти деньги должны были получить американские фирмы, а украинской стороне разрешалось только принять участие в их выборе. В итоге украинская сторона понесла потери от разрыва контракта с Ираном, а выигрыш достался американцам.

Существующие проблемы не только не решались, но на них накладывались новые. В стране было множество крупных промышленных объектов – энергетических, военных, социальных, культурных, строительство которых началось еще в советское время. Однако завершить из них удалось буквально единицы, например, достройку двух энергоблоков на Хмельницкой и Ровенской АЭС в 2004 г. Не способное закончить строительство крупных военных объектов государство решило одни из них продать, как это случилось с авианосцем «Варяг», другие же так и остались замороженными – например, современный крейсер «Украина», заложенный еще в 1983 году и спущенный на воду в 1990-м, готовый на 95%, так и стоит у причала. Самолет АН-70, который почти готов к серийному производству, стал заложником некомпетентной внешней политики государства. От него отказались и Россия, и западноевропейские страны. А самостоятельно его выпускать Украина не может, у нее не хватает для этого сил и средств. Об объектах социального и культурного назначения даже говорить не приходится. Работы на сотнях новостроек больниц, поликлиник, клубов, художественных галерей и т.п. были прекращены. Единственный крупный объект, который был начат государством после 1991 года, – трубопровод «Одесса–Броды». Ценой невероятных усилий его удалось закончить в 2001 году. Но и в этом проекте политическая составляющая не была подкреплена международными договоренностями и экономическими расчетами. Он стал иллюстрацией абсурдности экономической политики новой властной элиты – в трубопровод были вложены огромные бюджетные деньги, но оказалось, что по нему нечего перекачивать. Чтобы он не заржавел, качали нефть не в том направлении, в котором предполагалось, а в обратном. В аверсном направлении трубопровод заработал только в 2011 году – начал перекачивать нефть из одесского порта в Белоруссию. Насколько долговременным будет этот заказ, пока сказать трудно. Да и вопрос возникает, неужели строили этот трубопровод для нужд соседнего государства?

По сути, в стране в эти годы не было ответственного социального субъекта, который не только понимал всю сложность ситуации в государстве и обществе, но и способен был бы решать назревшие вопросы. Такой субъект должен был бы иметь поддержку большей части общества, иметь доверие народа, обладать политической волей и ответственностью за свои решения и действия. К сожалению, за все годы независимости страны такой субъект не сформировался.

Поэтому основные проблемы народного хозяйства Украины не решались годами и десятилетиями. Оно было неконкурентоспо-

собным даже на уровне индустриальных технологий, а об уровне высоких технологий не приходится говорить вообще, поскольку таковые имелись лишь как вкрапления на отдельных предприятиях. Основные фонды производства исчерпали свой ресурс, устарели физически и морально и требовали замены. А деньги, получаемые от приватизации, использовались государством на покрытие дефицита бюджета, который постоянно рос в связи с необходимостью повышения зарплат бюджетникам и пенсий пенсионерам.

Экономика страдала от бартерных операций. Это приводило к тому, что предприятия не имели денег для расчета со своими работниками и вместо зарплаты выдавали собственную продукцию: кто кастрюли, кто автошины, кто фарфор, кто кровати, а кто и гробы.

Огромной проблемой была и остается теневая экономика. Недостатки законодательства, социально-культурные особенности общества создавали необходимые условия для ее существования. Она была укоренена во всех видах бизнеса – крупного, среднего и мелкого. Ее масштаб достигал 50% производства. Утаивалась прибыль предприятий, создавались преступные схемы по уходу от уплаты налогов, заработная плата существовала в двух формах – официальная и «в конвертах». В результате чрезмерно либеральной внешней торговли страну наводнили дешевые импортные товары, с которыми не могли конкурировать отечественные, что в свою очередь вело к упадку и полному краху нашей промышленности, особенно легкой. В этот процесс свою лепту вносила коррупция чиновников таможенной службы, дававшая зеленый свет контрабанде.

Еще одной проблемой в течение двух десятилетий независимости была коррупция. Распространенность взяточничества в налоговой администрации на всех уровнях обедняла и без того скудный государственный бюджет. Экономика обесиливалась тем, что полученные доходы как от приватизации, так и от действующих предприятий легально и нелегально вывозились за границу. Если в других постсоциалистических странах (Венгрия, Чехия, Польша) закон жестко регулировал операции по покупке недвижимости за границей, то у нас эти операции никак не контролировались. Также никак не регулировалось поступление прибыли в страну от прямых инвестиций отечественного бизнеса за рубежом. Тайно размещенные в зарубежных банках прямые вклады украинских бизнесменов потом возвращались в страну под большие проценты, в виде иностранных инвестиций в нашу экономику. Об этом свидетельствует хотя бы такой факт. На 2010 год на первом месте среди стран, инвестировавших средства в

украинскую экономику, был Кипр. Суммы инвестиций составляли 8,6 млрд. долларов. Это в три с лишним раза больше, чем инвестиции России за этот же период. Даже такие страны, как Германия, США, Великобритания в списке по размеру инвестиций в нашу экономику стоят ниже, чем Кипр. Крупным инвестором в украинскую экономику также являются Виргинские Британские острова. Они вложили в нашу экономику 1,37 млрд. долларов. Это больше, чем Франция, Италия, Польша, Швейцария, Венгрия.

Теневая экономика способствовала появлению крупных собственников, тесно связанных с властью. В этот же период разворачивается и ожесточенная конкурентная борьба, в которой на первом месте были не экономические средства, а административные и нередко уголовные. В этой борьбе, как правило, побеждал не тот, кто имел лучшие экономические показатели, а тот, кто был ближе к власти. Со своей стороны, те, кто был при власти, использовали свои посты для собственного обогащения.

Если в конце 80-х гг. XX ст. в СССР разрыв в доходах 10% самых богатых и 10% самых бедных семей составлял 2,5–3 раза (9), то после проведения приватизации государственной собственности в Украине он стал достигать 15–20 раз. Данный фактор также негативно повлиял на развитие народного хозяйства. Экономисты установили, что после определенного порога дифференциации самых богатых и самых бедных частей населения разница в доходах не только не стимулирует экономическое развитие, но, наоборот, становится его тормозом.

На фоне падения уровня производства в начале 90-х гг. начала раскручиваться спираль инфляции. Страна еще не имела собственной денежной единицы и пользовалась купонами, а затем – купоно-карбованцами. Они обесценивались буквально каждый день. Это можно проследить через их отношение к доллару. Так, если весной 1994 года 1 доллар стоил 15100 купоно-карбованцев, то весной 1995 года – 140200 купоно-карбованцев, а весной 1996 года – 184 000 купоно-карбованцев. В сентябре 1996 года была введена денежная единица – гривна. Она вначале была достаточно полновесной денежной единицей даже по отношению к доллару. Один доллар стоил 1,86 гривны. Но уже весной 1999 года один доллар стоил 3,93 грн., а весной 2000 года – 5,22 грн., в ноябре 2008 года – более 6 грн., в феврале 2011 года – 8 грн.

Прослойка быстро обогащающихся бизнесменов стала фиксироваться общественным сознанием и сначала номинировалась через их территориальную принадлежность, как «днепропетров-

ский», «донецкий», «харьковский», «львовский» и другие кланы. Такая географическая номинация бизнес-групп была связана с тем, что на этапе становления они, действительно, объединялись по принципу личных связей, а эти связи, естественно, в первую очередь были локализованы на местном уровне. Территориальность стала одним из первых структурообразующих начал новых промышленных и финансовых групп.

Однако по мере роста бизнеса возникала все большая необходимость выхода на национальный уровень, установления связей на уровне министерств, ведомств, Кабинета министров, Секретариата Президента, Верховной Рады. Для первого десятилетия существования независимого украинского государства характерной была борьба региональных элит за Киев, за печерские холмы. В эти годы региональные элиты, особенно днепропетровская, донецкая, харьковская, одесская экономически и финансово были значительно мощнее киевской городской элиты. Чаше других успеха в бизнесе добивались днепропетровские и донецкие группировки. И только в самом конце XX – начале XXI столетия самостоятельную роль стала играть киевская элита.

В этих процессах много значил такой сугубо украинский социальный феномен, как землячество. В начале 90-х гг. в Киеве образовались землячества практически всех областей Украины. Их, как правило, возглавляли действующие депутаты, министры, другие государственные чиновники высокого ранга или премьер-министры, вице-премьер-министры в отставке. Казалось бы, нонсенс: в столице своей страны создаются землячества. Объяснимо, когда землячества создают иностранцы, выходцы из одной страны на территории другой страны. Однако так кажется только на первый взгляд. При более внимательном рассмотрении оказывается, что это были своеобразные деловые клубы территориального бизнеса, который уже перерос свои местные границы и нуждался в деловой экспансии на более широкую территорию, в укреплении своих позиций на уровне страны и даже за ее пределами. Впрочем, такого рода объединения не являются чем-то оригинальным в контексте мировой истории. Подобные объединения достаточно распространены в постколониальных, слаборазвитых (особенно африканских) странах. Правда, там в основе их существования лежит признак принадлежности к одному племени. По этому признаку госчиновниками отдаются предпочтения при подборе кадров, при осуществлении каких-либо экономических, политических, административно-организационных операций, требую-

щих надежности и доверительности. Такое социальное явление получило в социальных науках название «трайбализм». Конечно, в Украине в основе клановых общностей лежат не племенные отношения, а прежде всего экономические, но при их оформлении на этапе первоначального накопления капитала были использованы земляческие связи, что придало этим экономическим группировкам некоторые черты модернизированного трайбализма.

Вторым структурообразующим началом молодого бизнеса были родственные связи. Кооперативы, фирмы, предприятия организовывали по семейному принципу – отец с детьми, братья, сваты, кумовья, крестники и т.д. Кстати, этот принцип достаточно глубоко укоренился в общественных отношениях украинского общества. Из бизнеса он проник в политику, в государственную службу. Непотизм стал одной из характерных черт политической, государственной и экономической жизни страны в конце XX – начале XXI века.

«Трайбализм», «землячество», непотизм были тесно переплетены, возможно, поэтому первоначально подобные общности называли кланами. Кстати, такая модель организации групповых связей была близка и к моделям криминальных групп, которые проникли в украинскую экономику в 90-е гг. Позже из их рядов выделились наиболее богатые люди, чьи имущественные ресурсы, сила влияния во власти, в государстве и в обществе были чрезвычайно большими. Их стали называть олигархами.

Резкое изменение всего уклада жизни в 90-е годы, ее криминализация нашли отражение в повседневной речи населения. В обиход вошли слова, значительная часть которых была заимствована из языка криминального мира, из словаря блатных. Теперь каждый уличный торговец узнал, что такое «рэкет», «крыша», «наезд», «беспредел». Криминальные группы, влившиеся в новый истеблишмент, принесли и элементы своей субкультуры: привычки, обычаи, жесты, поцелуи, лексику. Теперь уже и на трибуне Верховной Рады стали активно использоваться термины «откат», «дерiban», «разборка», «сходка», «тусовка», «прикид», «братки», «крутые», «кинуть», «опустить» и т.д.

1.4. Формирование новых общественно-политических институтов

Ключевыми темами общественно-политической жизни последнего десятилетия двадцатого века в Украине были углубление демократии, формирование гражданского общества и многопартийности.

Что касается демократии, то ее развитие было преимущественно формальным. Действительно, в стране установилась система регулярных выборов – президентских, парламентских, органов местного самоуправления. Но их организация и проведение, политическая культура избирателей, дистанцированность органов власти от процесса выборов были еще далеки и далеки от совершенства.

Незаметным было и продвижение в направлении гражданского общества. Хотя, если судить по количеству регистрируемых в Минюсте общественных организаций, то число их возросло по сравнению с началом 90-х гг. неимоверно и исчисляется тысячами. Однако число реально участвующих в их работе граждан очень ограничено. Как правило, за каждой из организаций стоят только инициаторы их создания. Но культура гражданственности в обществе, навыки самоорганизации людей практически не изменились.

Также динамично развивалось в эти годы и партийное строительство. Но оно несет в себе те же недостатки, что и другие общественные организации: малочисленность, слабая активность и, главное, слабая убежденность участников в тех ценностях, которые провозглашают партии. Правда, и сами партии далеко не по всем параметрам отвечают критериям политических организаций. Их количество приближается уже к двум сотням. Многие из них создавались не ради достижения общественно значимых целей на основе мировоззренческих, политических и идеологических постулатов, а как определенные бизнес-проекты, цель которых состояла в том, чтобы провести в парламент лиц, финансирующих проект, или лиц, уполномоченных спонсорами партий лоббировать в парламенте их экономические и политические интересы. Ряд партий были определены как партии власти. Их специфика заключалась в том, что они инициировались со стороны высокопоставленных государственных чиновников, которые использовали для их создания пресловутый административный ресурс, стимулировали к вступлению тех, кто каким-то образом зависим от них по службе. Но такие проекты, как показала практика, бывают недолговечными. Распались или многократно сократились такие ранее многочисленные партии власти, как НДП, СДПУ(о), «Наша Украина».

Конечно, существуют и такие партии, которые образованы на основе определенных политических ценностей, – например, Коммунистическая партия Украины, Народный Рух Украины, Прогрессивная социалистическая партия Украины, Социалистическая партия Украины. Самой опытной политической си-

лой является Коммунистическая партия Украины. Несмотря на то, что в 1991 году она была незаконно запрещена, усилиями ее лидеров, партийного актива в Конституционном Суде Украины доказана незаконность такого решения, и партия была легитимизирована. Некоторые политики и политологи пророчили ей скорый распад, поскольку ее существование объясняли ностальгическими настроениями определенной части граждан, а также тем, что партийно-советские номенклатурщики, которые выпали из структур власти, посредством этой партийной структуры пытаются туда вернуться. Если придерживаться этой логики, то коммунистические партии сегодня, через четверть века после горбачевской перестройки, состоят из двух групп партийцев: во-первых, «коварных» номенклатурщиков-долгожителей, которым по 90-100 лет (поскольку они были при власти еще в советское время), и обманутых «ностальгичиков» за прошлым из низов. Такое толкование совершенно игнорирует социальную почву и социальные причины существования левых партий – с одной стороны, резкое снижение жизненного уровня основной массы народа, нестабильность ее социальных позиций, потеря уверенности в будущем, а с другой – уже просматриваемые тупики глобализации, основанной на либерально-рыночных принципах – бессмысленный, постоянно стимулируемый рост потребления, истощение природных ресурсов, угроза региональных и мировых конфликтов за доступ к ним, нарастание противоречий между бедным Югом и богатым Севером.

Многие социальные изменения в украинском обществе опережали изменения в законодательной системе. После провозглашения независимости государство продолжало жить по Конституции Украинской ССР. Правда, в нее постоянно вносились изменения, поскольку шел процесс кардинальных изменений общественно-политического строя государства. Они касались важнейших сторон политической, экономической, социальной и культурной жизни общества. Еще в период существования СССР были внесены принципиальные изменения в Конституцию УССР. Так, в связи с образованием Крымской АССР, в результате проведенного референдума, были внесены изменения, касающиеся территориального устройства государства. Часть статей Конституции была изменена в связи с тем, что менялись функции Верховного Совета УССР, возрастала его роль в контроле над деятельностью Совета министров, парламент переходил на принцип постоянной работы, изменялся статус народного депутата.

Однако после провозглашения независимости Украины остро встал вопрос о подготовке новой Конституции, которая отражала бы изменившиеся реалии жизни. Попытки подготовки новой Конституции предприняты еще в 1990 году, когда Верховным Советом УССР была создана Конституционная комиссия. Однако бурные политические события 1991 года, провозглашение независимости Украины потребовали подготовки нового проекта Конституции страны. Такой проект уже был готов в начале 1992 года. Следуя духу того времени, он был вынесен Верховной Радой Украины на всенародное обсуждение. Оно продолжалось несколько месяцев и в нем приняли участие несколько сот тысяч человек, которые направили в Конституционную комиссию десятки тысяч предложений. Предложения проанализированы, обобщены и учтены в новом проекте, который опубликован в прессе в октябре 1993 года. Однако обострение политической ситуации в стране в начале 1994 года и проведение парламентских и президентских выборов не позволили завершить конституционный процесс. Новый этап в подготовке Конституции Украины начался в конце 1994 года, когда был сформирован новый состав Конституционной комиссии. В основу работы Комиссии положен проект Конституции в редакции 1993 года.

Избранный в 1994 году Президентом Украины Л.Кучма взял курс на усиление органов государственной власти. Объективно в обществе в то время такая потребность была. Для усиления контроля государства по проведению экономической реформы, а главное, для повышения его роли в процессах приватизации государственной собственности необходимо было укрепить вертикаль власти. Однако этому активно сопротивлялись силы, заинтересованные в непрозрачности приватизации, в том, чтобы за бесценок приобретать в частную собственность заводы и шахты, морской и воздушный транспорт, энергетические мощности и порты. Параллельно с этим обострилась борьба за власть между президентом и Верховной Радой Украины. Временным компромиссом в этой борьбе стал Конституционный договор между Верховной Радой и президентом, подписанный в июне 1995 года в нарушение действовавшей в то время Конституции. Он наделял президента полномочиями главы исполнительной власти, вводил в правовое поле деятельность его администрации, расширял круг полномочий других органов исполнительной власти. Одновременно шла работа по завершению проекта

Конституции. Однако ее видение президентом и парламентом существенно отличалось, что привело к обострению политической ситуации в стране. После ряда конфронтационных шагов между ветвями власти 28 июня 1996 года Верховная Рада приняла Конституцию Украины.

Новый Основной Закон провозглашал народ источником власти, закреплял принцип разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную и независимость их одна от другой. В нем подчеркивалось, что нормы Конституции являются нормами прямого действия. Конституция провозглашала широкий круг политических, социальных и культурных прав человека. Правда, многие из них, особенно социальные права, реально были не гарантированы и, как показала практика, являлись скорее лозунгами, чем правовыми нормами. Украина определялась как унитарное государство с автономией – Автономной Республикой Крым. Города Киев и Севастополь получали особый статус. В целом Основной Закон закреплял в Украине президентско-парламентскую республику. Конституция учреждала новые правовые институты – Конституционный Суд Украины и Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека.

Первое время после принятия Конституции Украины политическая элита, правоведы, публицисты формировали в общественном мнении представление об этом документе, как об одном из наиболее совершенных и удачных среди конституций всех европейских государств. Однако со временем, когда соотношение, вес и статус социально-экономических и политических субъектов в общественном пространстве Украины стали меняться, начали появляться высказывания о необходимости совершенствования Основного Закона страны.

Первым со стороны власти такую идею выдвинул президент Л.Кучма. В день годовщины провозглашения независимости Украины – 24 августа 2002 года – он заявил о необходимости проведения конституционной реформы, в основу которой положить переход к парламентской республике. Это было неожиданное предложение, поскольку до этого Л.Кучма пренебрежительно относился к парламенту, считая его деструктивным институтом, который не способен ничего решить. Оппозиция, которая до этого выступала за ослабление президентской власти, усмотрела в предложении президента какой-то коварный план и начала критиковать Л.Кучму, обвинять в том, что он таким образом хочет остаться президентом на третий срок.

И, тем не менее, идея превращения Украины в парламентско-президентскую республику стала политической доминантой на несколько последующих лет.

Больше всех в результате смены общественно-политического строя в стране пострадали образование, здравоохранение и культура.

В первую очередь пострадали общеобразовательные школы. Хотя среднее образование в соответствии с Конституцией оставалось бесплатным, тем не менее, бюджетных средств не хватало для обеспечения учеников учебниками, бесплатными обедами, для проведения внеклассных занятий. Учителям по несколько месяцев не выплачивалась зарплата, что приводило к местным и общеукраинским забастовкам. Учитывая финансовые возможности школ, родители вынуждены были регулярно сдавать деньги на разные цели – на ремонт помещений, на школьное оборудование, на охрану, на оплату преподавателям за дополнительные учебные предметы и т.п. Средние школы были переведены на 12-летнее образование, введена 12-бальная система оценивания знаний.

Немало дискуссий было вокруг необходимости присоединения вузов страны к так называемому Болонскому процессу. Многие вузовские преподаватели возражали против того, чтобы терять выработанную десятилетиями отечественную традицию вузовского обучения. Но общая тенденция постсоветского времени в Украине ориентироваться на западные ценности, образцы и принципы организации работы победила и здесь. Постепенно стала вводиться новая квалификационная шкала: вместо специалистов вузы стали выпускать бакалавров и магистров. Время покажет, как приживется новая система в высшей школе страны. Но уже сегодня видно, что механически воспроизвести ее в наших условиях не удастся. Так, международная практика показывает, что в магистратуру идут 10–20% бакалавров, остальные включаются в трудовую деятельность. Однако у нас обратная тенденция – 75–80% бакалавров стремятся продолжить учебу в магистратуре. Это связано с тем, что в шкале общественных ценностей полное высшее образование располагается очень высоко.

Из-за безденежья высшая школа страны понесла огромные потери. Резко сократилась научно-исследовательская работа в вузах и возросла учебная нагрузка на преподавателей. Возникли сотни новых учебных заведений со статусом высших. В них преобладают социогуманитарные факультеты, поскольку не требуют для учебного процесса дорогостоящего оборудования, лабораторий, материалов. К сожалению, уровень подготовки студентов в них крайне

низок. Одной из причин такого положения дел является невозможность обеспечить новые вузы опытными, высококвалифицированными преподавателями с научными степенями и званиями, укомплектовать библиотеки научной и учебной литературой.

Затяжной системный кризис, охвативший украинское общество в девяностые годы прошлого века и первое десятилетие нового века, не мог не сказаться на морально-психологической атмосфере общества, настроениях людей.

До конца девяностых годов шел постоянный спад производства, а, следовательно, и падение общего уровня благосостояния людей. Для большей части населения характерным был образ жизни, который можно назвать выживанием. У людей образовался дефицит жизненных ресурсов, они во всем испытывали нужду. Поскольку зарплаты и пенсии были крайне малыми, то приходилось направлять их на удовлетворение непосредственных, первоочередных потребностей – в еде, одежде, содержании жилища – и отказываться от всех остальных. Главная задача, которую решали люди, – это выжить физически и помочь сделать это своим близким, родственникам. Все другие потребности – культурные, духовные, досуговые, познавательные – они откладывали на будущее.

Для большинства украинцев резко ухудшились условия быта. Получило распространение такое явление как отключение света. На много часов без предупреждения жильцов оставались без электроэнергии квартиры, в которых размораживались холодильники, отключались вода и тепло, нельзя было ни умыться, ни побриться. Не работали все бытовые приборы – стиральные машины, утюги, холодильники и т.п. Но отключение касалось не только жилого сектора, но и больниц, детских садов, школ, магазинов, бытовых и социально-культурных учреждений. Чтобы как-то смягчить ситуацию, придумали так называемое веерное отключение электроэнергии, когда в определенный период какие-то населенные пункты, районы городов оставались без света.

Кроме того, миллионы людей были вытолкнуты из своих социальных ниш. Вчерашние высококвалифицированные рабочие, механизаторы, техники, конструкторы, инженеры, агрономы, ветеринары, работники научно-исследовательских институтов, учителя, врачи, работники творческих профессий, ученые оказались никому не нужными. Их знания, опыт не находили спроса в обществе. Каждый был предоставлен самому себе. Они не видели перспективы страны, у них не было уверенности в своем будущем и будущем своих детей. Они были унижены и подавлены. Марги-

нализация охватила целые социальные группы. Члены этих групп вытеснены на социальную обочину. Имея высокий уровень образования, высокую квалификацию, широкий общий кругозор, они оказались на положении нищих. Часть из них подалась в «челноки» – продавать отечественные товары за рубежом и закупать зарубежные товары для продажи дома. Такое положение унижало их, психологически и морально угнетало, формировало комплекс неполноценности. В новой социальной среде нужно было менять свои жизненные ориентиры, нормы и ценности. Те, на которых они воспитаны, «не работали» в новых условиях.

Многие люди не могли приспособиться к такому состоянию. Аномия – так называют состояние сознания, когда старые социальные нормы и ценности уже не работают, а новые еще не сложились, и люди попадают в своеобразный нормативно-ценностный вакуум – охватила огромные массы населения.

Как известно, непосредственной обобщенной реакцией на жизненные обстоятельства являются эмоции. Общественные эмоции – самая динамичная, самая подвижная часть общественной психологии. В девяностые годы XX ст. у основной массы людей преобладали негативные эмоции. Многие переживали различные социальные страхи. Особенно боялись в эти годы безработицы, голода, невыплаты зарплат, роста цен и роста преступности. По данным Института социологии НАН Украины, число людей, в целом неудовлетворенных своей жизнью, возросло с 45% в 1992 году до 70% в 1998 году.

К 2000 году экономическое падение приостановилось и в последующие годы даже начался небольшой подъем. Повышался размер средней зарплаты и средней пенсии. У людей стали появляться слабые надежды на то, что экономическая ситуация в стране постепенно улучшится. Однако неудовлетворенность другими сторонами жизни оставалась высокой. Простые граждане становились совершенно беззащитными перед бюрократическим произволом чиновников местной и центральной власти. Главы областных и районных госадминистраций превращались в местных князьков, на которых не находилось управы. Они оказывали давление на органы внутренних дел и суды. Нередко они поддерживали тесные связи с криминальными группировками, использовали уголовников для расправы со своими политическими соперниками и экономическими конкурентами. Наиболее резонансными стали покушение на жизнь народного депутата Украины В.Бортника, расстрел в Донецком аэропорту народного депутата

Украины Е.Щербаня, убийство главы Украинской межбанковской валютной биржи В.Гетьмана, президента Донецкого футбольного клуба А.Брагина, заместителя министра курортов и туризма Автономной Республики Крым Д. Гольдича.

В отношении некоторых высокопоставленных чиновников даже открывались уголовные дела. Под следствием находились исполняющий обязанности премьер-министра Украины Е.Звягильский, вице-премьер-министр Ю.Тимошенко, председатель крымской автономии Е.Супрунюк, вице-спикер автономии А.Данелян, депутат Верховной Рады АРК В.Шевьев. Бывший премьер-министр Украины П.Лазаренко был арестован в США и приговорен судом к нескольким годам лишения свободы. В общественном сознании сложилось устойчивое мнение, что страной управляет мафия.

Если названные уголовные дела были, можно сказать, точечными, то в 2005 году прокатилась волна репрессий, связанных с только что прошедшими президентскими выборами, а в 2010–2011 гг. привлечено к уголовной ответственности много государственных служащих высокого ранга, включая министров и заместителей министров, которые обвинялись в расхищении государственной собственности, мошенничестве и других преступлениях.

1.5. Нарастание политического кризиса и конфликт элит во время президентских выборов 2004 года

Последние годы нахождения у власти президента Л.Кучмы ознаменовались чередой крупных политических скандалов, в которые оказался втянутым президент. Наиболее резонансными были убийство журналиста Г.Гонгадзе и «кассетный скандал». Г.Гонгадзе, критиковавший Л.Кучму в СМИ, исчез в ночь с 16 на 17 сентября 2000 года. Перед этим он обращался в прокуратуру с просьбой о защите в связи со слежкой за ним неустановленными лицами.

28 ноября 2000 года майор государственной службы охраны Николай Мельниченко, работавший в подразделении, обеспечивающем техническую безопасность Президента Украины, через лидера Социалистической партии Украины Александра Мороза обнародовал аудиозаписи, якобы сделанные в кабинете президента Кучмы. На них были записаны голоса, похожие на голоса Л.Кучмы и ряда других высоких должностных лиц. Эти записи свидетельствовали о давлении президента через своих подчиненных на журналистов, в том числе там упоминалась фа-

милия и Г.Гонгадзе. Они свидетельствовали о коррупции в высших эшелонах власти, об их вмешательстве в деятельность судов и других противозаконных и аморальных действиях. Майор Н.Мельниченко тайно покинул Украину и в апреле 2001 года получил политическое убежище в США.

Скандалы активизировали политические партии и общественные организации разной политической направленности. Они начали кампанию протестов, которая проходила под лозунгом «Украина без Кучмы». Активисты политических партий, народные депутаты, представлявшие оппозицию в парламенте, разбили в центре Киева палаточный городок. Главное требование, которое выдвигалось на митингах, шествиях, демонстрациях, – отставка президента Л.Кучмы. Для координации действий различных политических сил был создан Фронт национального спасения. Апогеем этих выступлений стали столкновения демонстрантов возле парка им. Т.Г.Шевченко и здания Администрации Президента Украины в Киеве 9 марта 2001 года.

Вслед за этими скандалами и массовыми протестами в конце сентября 2002 года появился еще один – «кольчужный скандал». Его суть состояла в якобы незаконной продаже радиолокационных систем «Кольчуга» Ираку. В них были втянуты высшие должностные лица, государственные органы, которые они представляли, а через СМИ, которые достаточно активно и подробно освещали эти события, большая часть населения. Позже стало ясно, что это был инспирированный скандал. Следов «Кольчуг» в Ираке и после американской агрессии в эту страну так никто и не нашел.

Политические скандалы стали катализаторами все возрастающего недовольства населения своим экономическим положением, кланово-олигархической властью, давлением бюрократической системы, массовым нарушением законности. Определенные надежды граждане страны возлагали на приближающиеся парламентские выборы 2002 года. Они проводились по смешанному принципу – 225 народных депутатов избиралось по многомандатному округу (по партийным спискам) и 225 – по одномандатным округам. По многомандатному округу больше всего голосов набрали оппозиционные силы. На первом месте был избирательный блок политических партий «Блок Виктора Ющенко «Наша Украина», который получил 70 депутатских мест. На втором месте – Компартия Украины – 59 мест. Провластные блоки «За единую Украину!» и СДПУ(о) завоевали только 35 и 20 мест соответственно.

Однако в одномандатных округах, где властью широко использовался административный ресурс, в парламент прошли люди, готовые на тесное сотрудничество с властью, с президентом. Благодаря закулисным манипуляциям представителей центральной и местной власти пропрезидентская фракция «За единую Украину!» в день открытия первой сессии парламента нового созыва (4-го) состояла из 175 депутатов и была самой большой в парламенте. Но ее консолидированных действий хватило лишь на несколько недель. В первую очередь ее единство было важно для избрания Председателя Верховной Рады Украины. Им был избран В.Литвин. Однако меньше чем через месяц после этого события фракция «За единую Украину!» распалась на шесть новых депутатских фракций.

Политические противоречия в обществе все больше нарастали. В этих условиях оппозиционные силы, несмотря на свою политическую и идеологическую разнородность, начали координировать действия, направленные против президента. Для усиления давления на власть во второй половине августа 2002 года оппозиция начала акцию «Восстань, Украина!», целью которой была отставка Л.Кучмы. Осенью этого года Киев наполнили протестанты со всех регионов Украины. В марше протеста приняли участие около 100 тысяч человек. Следует отметить то, что большая часть лидеров правых оппозиционных сил были недавними соратниками Л.Кучмы во властных структурах и занимали в них высокие посты: В.Ющенко – премьер-министр, И.Юхновский, Н.Жулинский, Ю.Тимошенко, – вице-премьер-министры, В.Пинзенник, Г.Удовенко, Б.Тарасюк, Ю.Ехануров, В.Онопенко, Ю.Костенко, И.Заец – министры, И.Драч, Е.Червоненко – председатели госкомитетов.

Власть оказывала жесткое сопротивление оппозиции. Устанавливалась слежка силовых структур за активистами общественных организаций, участниками протестных действий, их снимали с работы, оказывали психологическое давление на родственников.

И все же в целом в обществе шел процесс ослабления власти под влиянием активного давления на нее оппозиции, которая организовывала одну за другой многотысячные акции протеста. В этих условиях в октябре 2002 года было сформировано новое правительство, которое возглавил В.Янукович, до этого несколько лет работавший главой Донецкой областной государственной администрации. Л.Кучма рассчитывал на то, что этот опытный хозяйственник и администратор сможет усилить исполнительную

вертикаль власти, наладить экономику страны. И действительно, экономика страны в 2003-2004 гг., когда премьер-министром страны был В.Янукович, стремительно росла. В 2003 году ВВП вырос на 9,4%, а в 2004 – на 12,1%, в то время как в 2002 году – только на 5%. Некоторые аналитики увидели в В.Януковиче приемника на посту президента. Правда, такие выводы были поставлены под сомнение рядом политических маневров Л.Кучмы, в том числе и через Конституционный Суд Украины, который допустил правовую возможность избрания Л.Кучмы на еще один срок.

Все это снижало популярность действующей власти в народе. А тем временем приближался срок новых президентских выборов. К ним шла очень активная подготовка как со стороны провластных сил, так и оппозиционных. Власть рассчитывала применить на выборах свой проверенный метод – административный ресурс. Это социально-политическое явление получило распространение не только в Украине, а на всем постсоветском пространстве. Его суть состоит в том, что близкие к власти политические партии и организации влияют на результаты выборов. При этом используются самые разнообразные формы влияния – от психологического давления руководителей на подчиненных с целью склонения их голосовать за определенные политические силы, до прямых обещаний и угроз, грубой фальсификации результатов выборов.

Но не менее активно готовилась к президентским выборам и оппозиция, особенно прозападная – «Наша Украина» и БЮТ. Она активно консультировалась с различными западными общественными организациями, политическими партиями, крупными политиками. Они прямо или косвенно финансировали консультации и обучение лидеров и активистов общественных организаций, тренировали их методам организации массовых публичных акций, способам давления на власть. В свою очередь многочисленные западные эксперты и консультанты консультировали правую оппозицию непосредственно в Украине.

Ближе к дате выборов стала достаточно ясно просматриваться идентификация кандидатов в президенты – В.Ющенко как прозападного, В.Януковича как пророссийского. За этим отождествлением все четче стал проявляться и раскол избирателей по территориальному признаку: запад страны – за В.Ющенко, восток – за В.Януковича. Предвыборная кампания сопровождалась не только «грязными» политехнологиями, выплескиванием в информационное пространство различных компрометирующих материалов на кандидатов в президенты, но и различными инцидентами,

смысл которых было трудно понять – то ли это были действительно выпады против кандидатов, то ли это были провокации, то ли это хорошо продуманные пиар-акции. Наиболее громкими инцидентами с В.Ющенко были загадочное его отравление, негласная слежка за ним сотрудников МВД и их арест на горе Ай-Петри, угрожающее преследование автомобиля кандидата в президенты каким-то грузовиком в Херсонской области. С В.Януковичем известен полуанекдотичный случай бросания в него яйцом в Ивано-Франковске перед предвыборным митингом, обморок и последовавшая госпитализация. Каждый из этих случаев получил многообразную интерпретацию со стороны разных политических сил. Поэтому интерес представляет интерпретация случая отравления В.Ющенко человеком из его окружения – Д.Жванией. Уже в 2008 году эмоционально реагируя на действия В.Ющенко, давшего команду подведомственным ему структурам проверить законность получения украинского гражданства Д.Жванией, последний заявил, что В.Ющенко не был отравлен в сентябре 2004 года, что это была пиар-акция его избирательного штаба, а после выборов данный факт используется окружением президента для того, чтобы контролировать его и манипулировать им (9).

Первый тур президентских выборов, проходивший 31 октября 2004 года, не выявил победителя. В.Ющенко получил 39,9% голосов избирателей, а В.Янукович – 39,3%. Второй тур выборов был назначен на 21 ноября 2004 года. В преддверии второго тура выборов общественно-политическая атмосфера накалялась. В.Ющенко и его сторонники обвиняли своих оппонентов в подготовке массовых фальсификаций результатов выборов в пользу В.Януковича. Сторонники последнего заявляли о различных нарушениях избирательного закона оппозицией. За два дня до выборов В.Ющенко на одном из каналов телевидения призвал своих сторонников в день выборов выйти на Майдан с целью недопущения фальсификации их результатов. Ход выборов контролировали многочисленные украинские и зарубежные наблюдатели. Еще до объявления результатов выборов они заявляли о нарушениях закона о выборах президента. В частности, отмечали низкое качество списков избирателей, где один и тот же гражданин попадал в несколько списков, а с другой стороны многие избиратели не находили своей фамилии в таких списках. Особенно много нареканий было на изготовление, учет, выдачу и использование открепительных талонов для голосования, на то, что при голосовании использовался такой прием, как «карусель», когда бюллетени для голосования выносятся за

пределы помещения для голосования и выбор избирателя контролируется, на то, что в урны для голосования вбрасывались заранее заполненные бюллетени и т.д. Все это формировало в обществе недоверие к результатам выборов.

Об итогах голосования было заявлено еще до проведения подсчета голосов несколькими социологическими фирмами, проводившими экзит-поллы. Данные опросов существенно различались – одни заявляли о победе В.Януковича, другие – о победе В.Ющенко.

Предварительные результаты голосования, оглашенные Центральной избирательной комиссией Украины, свидетельствовали о победе В.Януковича. Не ожидая окончательных результатов выборов, сторонники В.Ющенко начали разбивать лагерь из палаток на площади Независимости. План проведения этой акции был разработан за несколько месяцев до ее начала. Ко второму туру выборов она была подготовлена финансово и материально. Поэтому палаточный городок, организованный по армейскому образцу, был сформирован в течение нескольких часов. Началась акция, которая получила название «оранжевой революции» (символика кандидата в Президенты Украины В.Ющенко была оранжевого цвета). К ее активной фазе относят период с 22 ноября по 8 декабря 2004 года. Сами лидеры «оранжевой революции» уже через три с половиной года начали высказывать сомнения в том, что события осени 2004–зимы 2005 гг. можно назвать революцией. В частности, на одной из телепередач летом 2008 года Д.Жвания заявил, что не было никакой «оранжевой революции». Действительно, не всякое массовое выступление населения можно называть революцией. Уже многие десятилетия ученые-обществоведы и политики изучают различные формы выступления народа против власти. Они предложили строгие понятия революции и прилегающие к нему понятия переворота, заговора, путча. То, что произошло в конце 2004 – начале 2005 гг. в Украине не относится ни к социальной, ни к политической революции. Произошла смена групп элит у власти. Все остальное – социальный строй, государственные институты, социальные порядки остались прежними. И дальнейшее развитие событий показало, что в стране никаких принципиальных изменений не произошло.

Эпицентром политических событий, связанных с выборами президента, для всей Украины стал Майдан (площадь Независимости). Здесь продолжался непрекращающийся митинг, в котором участвовали десятки тысяч человек, а в отдельные моменты,

по утверждению сторонников В.Ющенко, – больше 100 тысяч человек. Граждане откликнулись на призывы лидеров «оранжевых», обещавших установить в стране диктатуру закона, покончить с коррупцией, наказать казнокрадов. Информационное обеспечение этого бессрочного митинга проводилось по новейшим технологиям. 5-й канал телевидения и радио «Эра – FM» в режиме прямого эфира чуть ли не круглосуточно вели прямые трансляции с Майдана. Они активно внедряли в общественное сознание абстрактные, но очень привлекательные лозунги-ценности: «демократия», «свобода», «справедливость», «солидарность», «власть закона», обещали отделить власть от бизнеса, провозглашали «Бандитам – тюрьмы!», мобилизовывали: «Нас много, нас не одолеть!». Репортажи с Майдана вели все крупнейшие информационные агентства мира. Это создавало во всем обществе специфическую атмосферу, оказывало сильнейшее давление на представителей власти. В тех регионах, которые поддерживали В.Януковича, принимались меры по ограничению влияния оппозиционных СМИ и оппозиционных журналистов. Например, в Донецкой, Днепропетровской, Луганской и Харьковской областях была прекращена трансляция 5-го канала телевидения.

В Киеве преимущество было на стороне оппозиции. Центральные органы государственной власти были деморализованы, правительственные здания, здание Администрации Президента Украины были заблокированы. Л.Кучме рекомендовали навести порядок в столице силовым методом, но он от такого варианта решения проблемы отказался. Ситуацией в Украине озаботились лидеры соседних государств, Европейского Союза, международных организаций. С целью разрешения конфликта в Киев прибыли спикер Госдумы России Б.Грызлов, верховный комиссар Евросоюза по внешней политике Х.Солана, президент Литвы В.Адамкус, а также экс-президент Польши А.Квасьневский. На переговорах, в которых приняли участие с украинской стороны Л.Кучма, В.Янукович и В.Ющенко, удалось несколько смягчить атмосферу противостояния. Параллельно с этими переговорами Верховный суд Украины рассматривал жалобу Н.Катеринчука, доверенного лица В.Ющенко на выборах, на действия и бездействие Центральной избирательной комиссии Украины по установлению результатов повторного голосования. 3 декабря 2004 года суд частично удовлетворил жалобу Н.Катеринчука и признал действия ЦИК неправомерными, решил результаты повторных выборов 21 ноября 2004 года упроднить и обязал ЦИК

провести повторное голосование, не предусмотренное ни Конституцией, ни избирательным законом. ЦИК назначил повторное голосование на 26 декабря 2004 года. К этому голосованию было приковано внимание общественности многих стран мира. Голосование прошло без каких либо эксцессов. Победу одержал В.Ющенко. Он набрал 52% голосов, а В.Янукович – 44%.

Команда В.Януковича не смирилась с поражением и решила добиваться отмены результатов повторного голосования. Однако штаб премьер-министра оказался менее изобретательным, чем штаб его политического соперника. Сторонники В.Януковича, по сути, копировали поведение «оранжевых», когда было объявлено об их поражении после второго тура выборов. Они установили палатки в Донецке, других городах юго-востока страны, а также в Киеве. Такие действия не получили значительного резонанса в обществе.

Была также подана жалоба В.Януковича в Верховный суд Украины на действия и бездеятельность Центральной избирательной комиссии Украины, в частности на ее постановление о победе на выборах кандидата на пост главы государства, лидера блока партий «Наша Украина» В. Ющенко. В.Янукович также просил суд назначить новые выборы, поскольку, по его мнению, невозможно установить результаты волеизъявления граждан. Верховный суд Украины не удовлетворил жалобу В.Януковича.

1.6. «Оранжевая» перестройка

23 января 2005 года В.Ющенко принял присягу Президента Украины (кстати, данную процедуру он проделывал уже второй раз, поскольку первый раз он провозглашал присягу президента еще до решения ЦИК после второго тура голосования в полупустом зале Верховной Рады Украины). Через несколько дней он внес в парламент кандидатуру Ю.Тимошенко на должность премьер-министра. 4 февраля 2005 года Верховная Рада Украины избрала ее на этот пост.

Кабинет министров Украины, сформированный после драматических «оранжевых» событий, пытался позиционировать себя в общественном мнении не просто как очередной состав правительства, которых было в независимой Украине уже больше десятка, а как принципиально новая политико-управленческая команда, способная перестроить всю исполнительную власть по европейскому образцу, навести порядок во всех сферах жизни общества.

Такие же сигналы подавала и команда президента В.Ющенко — его аппарат (Администрация Президента была переименована в Секретариат Президента), Совет национальной безопасности и обороны, Государственное управление делами при президенте, другие структуры, подчиненные главе государства. Курс на европейскую интеграцию провозглашался как магистральный. Для его реализации в составе правительства был учрежден пост вице-премьер-министра по вопросам европейской интеграции. Даже в повседневном поведении премьер и новые министры противопоставляли себя прежним чиновникам: например, в выходные дни все члены правительства ходили на каток, катались на лошадях и т.д. Однако желаемое и действительное разительно отличались.

Предвыборные обещания «оранжевой» власти укреплять правовое государство на практике обернулись массовыми увольнениями госслужащих низшего и среднего звена, работников образования, культуры и здравоохранения. Им вменялось в вину служение предыдущему режиму, поддержка на выборах не их кандидата в президенты. Всего, по заявлению В.Ющенко, было уволено 18 тысяч человек. Впервые было проведено такое масштабное увольнение государственных служащих, персонала с высшим и средним образованием. Последствия этой акции тут же проявились в резком всплеске управленческой некомпетентности органов исполнительной власти.

С первых же дней высшие чины новой власти, забыв об обещании отделить власть от бизнеса, занялись созданием благоприятных условий для своих коммерческих дел, строить коррупционные схемы. Первый крупный публичный скандал этой команды случился уже в сентябре 2005 года, когда было заявлено о процветании коррупции среди «революционеров» во власти. Затем последовал ряд скандальных отставок и перемещений соратников В.Ющенко по Майдану. Нарастали политические противоречия внутри политических сил, составлявших новую власть. Началась публичная грызня между президентом В.Ющенко и премьер-министром Ю.Тимошенко. С одной стороны, этому способствовали приближающиеся очередные парламентские выборы, которые обостряли конкурентную борьбу, а с другой стороны, они открывали возможность разрешения политических противоречий. Уже через восемь месяцев деятельности Кабинет министров Украины, возглавляемый Ю.Тимошенко, был отправлен в отставку. Правительство Ю.Еханурова, пришедшее ему на смену, по сути, было техническим и продержалось всего несколько месяцев.

На волне постмайданной эйфории, широкого, доброжелательного внимания к Украине со стороны лидеров многих стран мира перед высшим руководством государства открывались хорошие перспективы для развития и укрепления международных экономических и политических связей. Однако оно главные усилия направило на вступление страны в ЕС и НАТО.

Идея вступления Украины в НАТО возникла у правящей верхушки сразу же после провозглашения независимости. Она актуализировалась всякий раз, когда Россия выдвигала какие-либо претензии к Украине. Однако в первые годы после развала СССР взаимная зависимость Украины и России была значительной. Производственная кооперация еще оставалась той, которая сложилась в рамках СССР. Экономические показатели деятельности тысяч украинских и российских предприятий зависели от того, как они выполняли взаимные договоры, но не в меньшей степени и от того, каков был характер отношений между государствами. У высшего украинского руководства еще не было достаточных условий для того, чтобы вести свою политику без учета интересов Российской Федерации. Это и отсутствие какого-либо договора, кроме Договора между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и Украинской Советской Социалистической Республикой от 19 ноября 1990 года, и отсутствие официального взаимного признания государственных границ. Кроме того, на территории Украины находились стратегические ядерные ракеты, которые обслуживались военными специалистами из РСФСР.

Впервые о стремлении Украины вступить в НАТО официально и публично президент Л.Кучма заявил 23 мая 2002 года на заседании Совета национальной безопасности и обороны. Он обосновывал это тем, что государства-члены НАТО никогда не воевали между собой (о войне между Турцией и Грецией президент запямятовал). Следовательно, чтобы Украина была в безопасности, ей надо вступать в эту организацию. Затем прокучмовское большинство в Верховной Раде Украины 19 июня 2003 года приняло Закон об основах национальной безопасности Украины, в котором имелось положение о том, что одним из основных направлений государственной политики по вопросам национальной безопасности является «обеспечение полноправного участия Украины в общеевропейской и региональной системах коллективной безопасности, приобретение членства в Европейском Союзе и Организации Североатлантического договора при сохра-

нении добрососедских отношений и стратегического партнерства с Российской Федерацией, другими странами Содружества Независимых Государств, а также с другими государствами мира». Лукавство этой формулировки было очевидным – вступление Украины в НАТО при стратегическом партнерстве с Россией. Тем не менее, линия этого документа проводилась в жизнь. В июне 2004 года Л.Кучма подписал Военную доктрину об условиях обеспечения военной безопасности страны, в которой говорилось о проведении политики евроатлантической интеграции, конечной целью которой является вступление Украины в НАТО. Однако политические скандалы внутри страны, охлаждение отношений с западными государствами, что особенно ярко было продемонстрировано на саммите в Стамбуле, подтолкнули Л.Кучму вернуть геополитический руль снова в сторону России. 15 июля 2004 года он издал указ, которым в Военной доктрине Украины задача «вступления Украины в НАТО» заменялась на «существенное углубление отношений с НАТО».

Победа В.Ющенко на президентских выборах означала усиление прозападной, в том числе и пронататовской политики. Целью президента было скорейшее протаскивание страны в НАТО. При этом игнорировалось как мнение народа по этому вопросу, так и существующее законодательство страны. Дошло до того, что 27 мая 2006 году в Феодосию вошел американский корабль «Эдвентидж», который привез якобы инженерную технику и строительные материалы для подготовки учений «Си-Бриз», на проведение которых разрешения Верховная Рада Украины не давала. Позже оказалось, что на борту корабля было и оружие. Это вызвало возмущение местных жителей, которые выставили в порту пикеты. В связи с этим фактом Феодосийский горсовет принял решение объявить город «территорией без НАТО», а Президиум Верховной Рады АРК выступил с заявлением, в котором выразил обеспокоенность обострением ситуации в автономии в связи с выгрузкой в порту Феодосии груза военного назначения. Американцы вынуждены были убраться из украинских территориальных вод восвояси.

Власть инициировала в СМИ широкомасштабную пропагандистскую кампанию за вступление Украины в НАТО. В свою очередь общественные организации и политические партии – противники вступления страны в НАТО инициировали сбор подписей с требованием проведения референдума по этому вопросу.

В начале 2008 года властная «тройка» – президент, премьер-министр и председатель парламента – подписали письмо генсеку НАТО с просьбой присоединения к Плану действий по членству в НАТО (ПДЧ), проигнорировав при этом необходимость утверждения такого решения на заседании Кабинета министров и на пленарном заседании Верховной Рады. Это было не единственное нарушение украинского законодательства высшими должностными лицами Украины, которое они допустили в контексте проблемы вступления или невступления Украины в НАТО. Президент В.Ющенко, вопреки Конституции Украины, проигнорировал инициативу 4 млн. граждан, собравших подписи с требованием проведения референдума по вопросу вступления Украины в НАТО, рассмотренных ЦИК и переданных президенту для принятия решения о референдуме. И даже после того, как Конституционный Суд Украины признал то, что президент страны обязан назначить референдум, В.Ющенко продолжал игнорировать данный закон.

Обострение внутренней ситуации в стране по поводу вступления в НАТО повлияло на членов этого блока. В 2008 году Украина не была присоединена к ПДЧ ни на апрельском саммите НАТО в Бухаресте, ни на декабрьском в Брюсселе. Постепенно эта тема была снята с повестки дня и окончательно похоронена Законом Украины «Об основах внутренней и внешней политики», принятым Верховной Радой Украины 1 июля 2010 года, который предусматривает проведение страной политики внеблоковости.

Говоря о внешнеполитической деятельности государства, следует заметить, что не только попытки вовлечения Украины в НАТО носили драматический характер. Так, процесс вступления Украины во Всемирную торговую организацию продолжался 15 лет. У государства не было четкой стратегии по этому вопросу. Переговоры с ВТО вели представители более десяти составов правительства, в позициях делегаций, которые направлялись на переговоры, не было преемственности. От этого теряла Украина и выигрывали другие страны–члены ВТО, партнеры по переговорам. Однако, будучи политически зависимыми от западных стран, руководители страны, выполняя требования международных организаций и лидеров других государств, торопили события, заставляли как можно быстрее подписать все необходимые для вступления документы. Для верхушки украинской власти собственные политические выгоды были более весомым аргументом, чем интересы отечественной экономики и последствия для

страны, к которым вели условия вступления в эту организацию. Никто – ни президенты, ни главы постоянно сменяющихся правительств – не считался не только с мнением отечественных промышленников, представителей аграрного сектора, перерабатывающей промышленности, их ассоциаций, но и с позицией Верховной Рады Украины. От народных депутатов скрывали условия, на которых предполагалось вступление страны в ВТО. Не было публичных дискуссий о том, какие сектора экономики, в конечном счете, выиграют, а какие проиграют, какие меры необходимо предпринять для того, чтобы сохранить отечественное производство, не допустить свертывания рабочих мест, безработицы. Экономика, рынок страны открывался для всего мира на одинаковых условиях. И это при том, что уровень производительности труда в стране был в несколько раз ниже, чем в развитых странах, что народное хозяйство держалось на старых, неконкурентоспособных технологиях. Конечно, такое поведение президента и правительства возможно только в тех государствах, где не сформировалась национальная элита, где она не связывает прочно себя, свои интересы – политические, экономические, культурные, духовные – со страной, с ее будущим.

1.7. Углубление кризиса и крах «оранжевой» власти

На парламентских выборах 2006 года больше всех мест в Верховной Раде Украины набрала Партия регионов – 186. Однако ни самостоятельно, ни вместе с фракцией КПУ регионалы сформировать правительство не могли. Им противостоял союз БЮТ, «Наша Украина» и СПУ. Но и блок «оранжевых» из-за внутренних противоречий, амбиций лидеров не смог избрать спикера парламента и договориться о создании правительства. В начале июля 2006 года фракция СПУ перешла на сторону оппозиции и заключила соглашение с Партией регионов и КПУ о создании антикризисной коалиции, которая объединила 238 народных депутатов. Коалиция избрала Председателем Верховной Рады Украины А.Мороза и согласовала кандидатуру В.Януковича на пост премьер-министра и предложила ее президенту. Однако президент не вносил кандидатуру В.Януковича в парламент для избрания. Поэтому продолжало работать старое правительство во главе с премьер-министром Ю.Ехануровым.

В.Ющенко намеревался навязать работе будущего коалиционного правительства свои политические цели и принципы. С

этой целью он инициировал созыв национального круглого стола, участниками которого были лидеры политических партий, победивших на выборах, представители власти и общественных организаций. Состоялось два заседания круглого стола, результатом которого стало подписание Универсала национального единства. Этот документ не подписала Ю.Тимошенко, а лидер КПУ П.Симоненко подписал его с целым рядом принципиальных замечаний. Вторым важным результатом заседаний национального круглого стола было выдвижение президентом В.Ющенко кандидатуры В.Януковича на пост премьер-министра Украины. 4 августа 2006 года Верховная Рада Украины утвердила его в этой должности.

Тем не менее, политический кризис в стране преодолен не был. Надежды на широкую коалицию не оправдались. «Нашу Украину» и БЮТ не устраивало положение оппозиции и они, особенно БЮТ, взяли курс на проведение досрочных выборов в парламент. Кроме того, все больше и больше обострялось противостояние между президентом и Кабинетом министров, между Верховной Радой и президентом. Управляемость государством и страной еще больше ослаблялась тем фактом, что на выборах 2006 года местные советы, по сути, были поделены между «синеголубыми» и «оранжевыми», а главы областных госадминистраций были пропрезидентскими. Между представителями правительства, Верховной Рады и президента шла активная борьба за овладение крупными государственными должностями, приводящая к тому, что в стране одновременно существовало фактически по два генеральных прокурора Украины, по два главы одной и той же областной администрации. В этой правовой вакханалии своими усилиями президент дискредитировал Конституционный Суд Украины, который мог бы внести ясность в ряд спорных в конституционно-правовом отношении вопросов. Политическое, правовое и административное противостояние усугубилось митинговым противостоянием. Каждая из коалиций проводила многотысячные митинги в Киеве, собирая участников со всей страны.

В конце концов президент В.Ющенко с согласия В.Януковича и А.Мороза издал 2 апреля 2007 года указ о роспуске Верховной Рады Украины. Антикризисная коалиция и многие правоведы поставили это решение под сомнение с точки зрения его законности. Его направили в Конституционный Суд для экспертизы на правовую чистоту. Президент еще дважды своими указами отменял

и назначал досрочные выборы в парламент. Они состоялись 30 сентября 2007 года.

Но и досрочные выборы в парламент не принесли принципиально нового в расстановку политических сил в стране. Только вместо социалистов в Верховную Раду попали представители Блока Литвина. Ни одна из политических сил не получила заметного преимущества перед другими. Снова после длительных консультаций «оранжевые» создали коалицию, которая политически была очень слабой – с преимуществом в два голоса. Благодаря этому зыбкому преимуществу в парламенте с подачи президента В.Ющенко премьер-министром была утверждена Ю.Тимошенко, которая сформировала коалиционное правительство из представителей БЮТ и «Нашей Украины–Народной самообороны».

В деятельности Ю.Тимошенко, вторично возглавившей правительство, просматривались два направления – социальный популизм и подготовка к будущим президентским выборам. При ближайшем рассмотрении эти направления сливались в одно. Социальный популизм был не самоцелью, а средством завоевания симпатий будущего электората. К тому же популизм премьер-министра определялся не только будущим, но и прошлым. Вся предвыборная программа БЮТ на досрочных парламентских выборах 2007 года была построена на ничем не подкрепленных обещаниях. Одним из самых броских обещаний было обещание выплатить населению компенсации по советским вкладам. От премьера население, особенно пенсионеры, ждали действий. И такие действия были предприняты уже с января 2008 года: каждому вкладчику начали выдавать в Ощадбанке компенсации, но не более 1000 грн. Живыми деньгами предполагалось выдать около 6 млрд. грн., а остальные 14 млрд. в виде погашения задолженности вкладчиков за жилищно-коммунальные услуги. Как и следовало было ожидать, на практике эта кампания натолкнулась на непреодолимые трудности. Во-первых, в банках, где выдавали задолженности по вкладам, возникали огромные очереди, давки. Во-вторых, у правительства не было такой огромной суммы наличных денег. В-третьих, вброс на рынок дополнительных миллиардов гривен тут же проявился в виде резкого роста цен на товары первой необходимости. В-четвертых, попытка компенсировать задолженности по коммунальным услугам ставила на грань краха и без того экономически слабые предприятия ЖКХ. В итоге многие сторонники В.Ющенко и Ю.Тимошенко оказались разочарованными их политикой. Весной 2005 года, то

есть сразу после прихода к власти В.Ющенко, у более 60% населения преобладало чувство надежды, у 34% – оптимизм. Однако прошло немного времени и настроения стали меняться. Уже весной 2007 года, по данным омнибуса Института социологии НАН Украины, только 7% граждан испытывали чувство перспективы, а 19,5% переживали оптимизм. Однако чувство разочарования охватило 53% населения, а неудовлетворенности – 38%.

Не удалось Ю.Тимошенко реализовать и другое резонансное, а по существу – авантюрное обещание: отменить призыв в армию уже с 2008 года и перевести весь личный состав на контрактную службу. В этом ее главным противником был президент В.Ющенко. Однако не только в этом.

Президент, несмотря на резкое падение своего рейтинга, не отказывался от мысли своего переизбрания на второй срок. И, естественно, что в Ю.Тимошенко он увидел главного соперника на будущих президентских выборах. Иначе говоря, начался новый этап противоборства между президентом и правительством. Шла откровенная борьба между президентской администрацией и Кабинетом министров. Например, действие многих решений Кабмина президент приостанавливал, мотивируя это их неконституционностью, и обращался по этому поводу в Конституционный Суд. Только за полгода 2008 года президент так поступил по отношению к 40 решениям Кабмина, возглавляемого Ю.Тимошенко (10).

Разные, иногда противоположные, позиции занимали президент и премьер-министр по многим вопросам внешней политики. Особенно ярко противоречия проявились в период грузино-осетинского конфликта летом 2008 года. В.Ющенко занял откровенно прогрузинскую позицию, в то время как Ю.Тимошенко старалась прямо не заявлять о своей позиции.

Противостояние институтов власти еще больше ослабляло государство. Нарастали тенденции кризиса украинской государственности. Парадокс состоял в том, что чем больше национал-демократы говорили о независимости, патриотизме, национальной сознательности, чем больше государственных постов оказывалось в их руках, тем слабее становилось украинское государство.

Процесс разрушения институтов государственной власти стал очевидным после «оранжевой революции». Причем делали это, наверное, того не желая, лица, возглавлявшие эти институты. По сути, хаос инициировался и активно внедрялся в ткань общественной жизни государственной властью. Летом 2008 года противоборство элит, закулисные интриги групп влияния в укра-

инской политике привели парламент к точке, из которой любой его шаг вел в тупик – выход двух народных депутатов из правящей коалиции, но невыход их из фракций привел к тому, что формально правящая коалиция не имела необходимых 226 голосов, правительство оказалось без поддержки парламентом. Президент приложил немало усилий для того, чтобы скомпрометировать парламент. Но и его авторитет регулярно снижался. К лету 2008 года рейтинг доверия президенту составлял 4 – 5%. Внеочередные выборы в столичный совет продемонстрировали политическое банкротство пропрезидентской партии «Наша Украина», которая не преодолела даже 3% барьер. Жизнь в стране приобрела полную непредсказуемость. Апелляция к проведению еще одних внеочередных парламентских выборов как выход из политического тупика не имела перспектив, поскольку общество устало от их бесконечной череды.

Скандалы стали неотъемлемым признаком жизни правящей элиты Украины. Конечно, инциденты с высокопоставленными чиновниками случаются во всех странах. В демократических государствах их не скрывают, с ними разбираются. Однако в Украине, особенно при власти «оранжевых», скандалы стали непременной составляющей политической жизни общества. То глава запорожской администрации побьет охранника из Госохраны у кабинета премьер-министра, то подерутся министр внутренних дел с мэром Киева, то начальник подразделения «Кобра» покажет непристойный жест Председателю Верховной Рады... Данные примеры говорят, во-первых, о том, что в это время на поверхность политической жизни выносило случайных людей, совершенно не подготовленных к роли государственных деятелей, с узким кругозором, с низкими морально-психологическими качествами, во-вторых, состояние дел в стране было таким, что скандалы стали удобным средством переключения общественного внимания с серьезных, судьбоносных проблем, стоявших перед обществом, на второстепенные.

Государственное управление ослабло, потеряло авторитет и дееспособность. Была не просто потеряна управляемость страной, а произошла серьезная деструкция общества. В нем ослабли социальные скрепы, удерживающие его как самостоятельный социальный организм. Деформированы социальные отношения и ослаблены общественные институты, комплекс которых обеспечивает состояние общества, называемое «социальным порядком».

С конца 2008 года все больше украинских граждан стали ощущать на себе действие финансового и экономического кризиса,

который втягивал в свое поле и нашу страну. У украинской власти сначала было другое мнение, и она пыталась успокоить своих сограждан тем, что кризиса в стране нет, что кризис Украину миновал, поскольку у нас другая, чем в промышленно развитых государствах, экономическая структура и, что мы слабо интегрированы в мировую хозяйственную систему. Премьер-министр Ю.Тимошенко в октябре в 2008 года заявила, что «на сегодняшний день проявления мирового финансового кризиса в Украине ни в каких жестких формах не существует» (11).

Правда, позже она вынуждена была признать, что кризис охватил и Украину. Но уже летом 2009 года премьер-министр поспорила объявить: «Украина начала постепенно выходить из экономического кризиса» (12).

Между тем, кризисные явления в украинском обществе, в том числе в финансах и экономике, не говоря уже о политике и морали, не только продолжались, но в ряде сфер еще и не достигли дна.

Мировой финансово-экономический кризис еще более обнажил деформированность, асимметричность деградирующей украинской экономики. Только несколько отраслей – металлургия, химия, сельское хозяйство – в докризисное время производили продукцию, востребованную на мировом рынке. Когда же спрос на эту продукцию упал, раскрылись все убожество и абсурдность нашей экономики. В ней сохранялась тяга к самым примитивным и разрушительным формам экономической деятельности – бартерным операциям, теневым схемам. По оценкам Минэкономики Украины, теневой сектор в первом полугодии в 2009 году стал расти и достиг 36% ВВП. Причем это самая скромная оценка. По данным же Счетной палаты Украины, в сентябре 2009 года часть теневого оборота превысила 40%, а Мировой банк придерживался мнения, что «в тени» находилось 50% украинской экономики (13).

Население ощутило на себе кризисные явления через разорение банков, в которых люди держали сбережения, замораживание депозитов, падение курса гривны по отношению к американскому доллару – с 4,9 летом в 2008 году до 9,5 грн. за один доллар в марте в 2009 года. По данным опроса (опрос – одновременное социологическое исследование на разные темы) Института социологии НАН Украины, в апреле 2009 года 18% населения считали, что кризис на них повлиял катастрофически, а 62% ощутили его влияние достаточно остро, но не катастрофически. Особенно болезненно повлиял кризис на Центр и Восток страны – 22% и

20% жителей этих регионов отвечали, что кризис на них повлиял катастрофически. В Центре жертвами кризиса в первую очередь стал «конторский пролетариат» (работники различных офисов, аналитических центров и т.п.). На Востоке, где сосредоточена металлургическая и химическая промышленность, пострадали работники именно этих отраслей в связи с резким падением спроса на мировом рынке на их продукцию. Заметно увеличилась безработица. Были опасения, что она еще больше возрастет за счет того, что начнут возвращаться в страну внешние трудовые мигранты.

Однако, несмотря на кризис в странах пребывания, основная масса трудовых мигрантов не вернулась. Украина для них даже в условиях мирового кризиса и ухудшения условий их работы в странах пребывания, привлекательнее не стала. Только в России в 2010 году постоянно работало около 3 млн. украинских граждан (14). Они пользовались правом украинцев пребывать в РФ три месяца без виз. Затем они возвращались на какое-то время домой и снова ехали на заработки в Россию. Особенно популярной была Россия как место трудовой миграции у жителей юго-востока Украины.

Для жителей западных и центральных регионов страны более привлекательной была трудовая миграция за бывшие границы СССР.

Многие граждане под любым предлогом пытались найти легальную возможность для выезда из страны – либо на заработки, либо навсегда. На фоне ющенковского исторического мифотворчества и демагогии о патриотизме все больше и больше простых граждан теряли надежду на свое будущее и будущее своих детей в Украине. Они искали лучшей доли для себя за рубежом. Чтобы реализовать планы, они придумывали самые неожиданные сценарии своего перемещения и обустройства за рубежом. Например, не один десяток тысяч украинских граждан – потомков жителей Северной Буковины и Северной Бессарабии, – воспользовались изменениями в румынском законодательстве и получили румынские паспорта, которые облегчали им путь в ЕС. Многие уезжали навсегда. Трудовая миграция стала дополнительным каналом сокращения населения страны.

Финансово-экономические кризисные явления, связанные с общемировыми тенденциями, усиливались внутривластным кризисом: ослабленная государственная власть из-за противостояния ее ветвей; потеря управляемости государственными институтами; игнорирование всеми – государством, бизнесом, гражданами; повсеместная, глубоко укорененная во все поры

общества коррупция; недоразвитость институтов гражданского общества. Некоторые государственные институты не способны были выполнять свои основные функции. Например, армия стала неспособной выполнять свою главную функцию – защиты от внешней агрессии. В армии сошлись многие острые проблемы украинского общества. Из-за тощего государственного бюджета на ее финансирование выделялось крайне мало средств. Но и тех скудных сумм, которые намечались бюджетом, оборонное ведомство не получало в полном объеме. Недофинансирование армии продолжалось практически во все годы независимости. Войска не получали новых вооружений с момента образования украинского государства. Денежных средств с большой натяжкой хватало только для того, чтобы проводить текущее обслуживание устаревшей военной техники. Ежегодные призывы в армию новобранцев превратились в пустую формальность, поскольку военнослужащие срочной службы не проходили полноценной боевой подготовки. Все упиралось в нехватку средств на стрельбы, получение навыков вождения бронемашин, танков. Даже многие выпускники военных авиационных заведений, будущие офицеры, за годы обучения не садились за штурвал самолета или вертолета. Для солдат-срочников пребывание в армии в основном сводилось к несению караульной службы.

На процессы дезорганизации и ослабления государственных институтов накладывалась моральная деградация. Она пронизывала все социальные прослойки и группы общества. Особенно опасным было то, что аморализм и цинизм глубоко поразили людей, которые находились во власти. Самые резонансные преступления совершались теми, кто по должности должен был обеспечивать законность и порядок, быть образцом морального и правового поведения. В течение только нескольких недель конца лета и начала осени 2009 года широкая общественность была потрясена жестоким убийством беззащитного человека в Кировоградской области, к которому причастны народный депутат Украины, районный прокурор, начальник райотдела милиции. Один за другим вспыхивали другие скандалы – с милицеескими начальниками в Харьковской области, возглавлявшими преступную группу, поставлявшую и распространявшую наркотики; с педофилами, где среди подозреваемых оказались представители и власти, и детских воспитательных институтов. Все чаще стали совершаться заказные убийства. Чуть ли не ежедневно появлялись сообщения о расстрелах и подрывах

бизнесменов, руководителей СМИ – в Киеве, Днепропетровске, Львове, других городах и в селах.

В таких политических и социально-экономических условиях находилась Украина накануне очередных президентских выборов, назначенных на 17 января 2010 года.

На выборах Президента Украины в 2010 году Центральная избирательная комиссия Украины зарегистрировала 18 кандидатов. Среди них были лидеры всех парламентских фракций, несколько народных депутатов Украины, а также лидеры некоторых непарламентских партий. Предвыборная агитация проходила в достаточно напряженной психологической обстановке, с публикациями различных компрометирующих материалов. Особенно резкими обвинениями обменивались В.Ющенко и Ю.Тимошенко. Однако на многих избирателей подобные формы предвыборной агитации уже не действовали. Особенно больших различий между программами кандидатов в президенты Украины не просматривалось, и достаточно значительная часть избирателей смотрела на них скептически. Звучали призывы голосовать против всех или вообще не ходить на выборы. Следует сказать, что очень многие избиратели продолжали ориентироваться не на программы кандидатов, а на конкретных личностей.

В первом туре выборов два первых места заняли В.Янукович и Ю.Тимошенко, которые существенно оторвались от других претендентов – набрали по 35,32% и 25,05% голосов избирателей, принимавших участие в голосовании, соответственно. Неожиданностью стал выход на третье место кандидата «Сильной Украины» С.Тигипко, который впервые участвовал в президентских выборах и набрал 13% голосов избирателей, принявших участие в голосовании. Действовавший на момент выборов президент В.Ющенко набрал 5,45% голосов и занял 5-е место среди кандидатов.

Во втором туре голосования между Партией регионов (В.Янукович) и Блоком левых и левоцентристских сил (П.Симоненко) был подписан меморандум о сотрудничестве. В этом документе были изложены договоренности, которых стороны в случае победы на выборах обязывались придерживаться. Они касались ряда социальных проблем, статуса русского языка, отношения к отечественной истории, а также геополитического курса страны. Блок левых и левоцентристских сил призвал своих приверженцев голосовать во втором туре за В.Януковича.

Повторное голосование проходило 7 февраля 2010 года. Во втором туре выборов победу одержал В.Янукович, который набрал

48,95% голосов избирателей. Ю.Тимошенко получила поддержку 45,47% голосов избирателей, принимавших участие в голосовании.

Ни в первом, ни во втором туре голосования каких-либо грубых нарушений, которые бы могли повлиять на их результаты, зафиксировано не было. Зарубежные наблюдатели – от международных и национальных институций, официальных и неофициальных организаций – сделали вывод, что выборы были открытыми, честными и демократичными. Попытки Ю.Тимошенко оспорить результаты выборов в суде ни к чему не привели.

Как и на президентских выборах 2004 года, избирательские предпочтения распределились по региональному принципу. В.Янукович набрал большинство голосов в юго-восточных областях, а Ю.Тимошенко – в центральных и западных. Такое распределение голосов еще раз продемонстрировало культурно-ценностные и геополитические отличия населения страны, которые в предшествующие выборам годы находившиеся у власти «оранжевые» политические силы не только не сумели сгладить, но, наоборот, еще более углубили.

Сами по себе президентские выборы не решали многих проблем, накопившихся в институтах всех ветвей власти. Особенно сложной и даже абсурдной оставалась ситуация в парламенте страны. Ее абсурдность состояла в том, что ранее провозглашенная правящая коалиция, состоявшая из фракций БЮТ и НУНС, на самом деле не имела большинства голосов в парламенте. Несмотря на это, из-за специфики украинского законодательства распустить коалицию без ее собственного желания было невозможно. Но и коалиция не могла провести через парламент ни одного решения, ни одного законопроекта, если ее не поддерживала хотя бы часть оппозиции.

В этом парламентском тупике страна находилась уже достаточно продолжительное время. И политики, и общество понимали, что подобный статус кво не только подрывал основы государства, но и компрометировал саму идею демократии. Присматривались два наиболее вероятных пути выхода из этого политического тупика. Первый – провести досрочные парламентские выборы. Второй – реформировать коалицию, придать реальному большинству в парламенте официальный статус. По первому пути большинство депутатов идти не захотело, поскольку многие депутаты не были уверены, что в результате досрочных выборов они снова окажутся в Верховной Раде. А им хотелось проработать весь период, положенный по закону для народных

депутатов Украины 6-го созыва. Поэтому они искали правовые основания для формирования новой коалиции.

Поддерживающие президента В.Януковича фракции парламента для того, чтобы выйти из правового тупика, внесли изменения в регламент работы Верховной Рады, одновременно направив свое обращение по этому вопросу в Конституционный Суд Украины. Благодаря таким действиям в Верховной Раде была создана новая коалиция – «Стабильность и реформы», состоящая из фракций Партии регионов, Компартии Украины и Блока Литвина. Первоначально в ней было 235 депутатов: фракция Партии регионов – 172, фракция КПУ – 27, фракция Блока Литвина – 20 депутатов и к ним присоединились 16 внефракционных депутатов. Кстати, Конституционный Суд Украины подтвердил легитимность коалиции, состоявшей из фракций и внефракционных депутатов, поскольку отдельные народные депутаты имеют право принимать участие в формировании коалиции в Верховной Раде.

Постепенно новая коалиция увеличивалась за счет присоединения к ней народных депутатов, которые выходили из состава фракций «Наша Украина – Народная самооборона» и Блок Юлии Тимошенко. К моменту завершения работы шестой сессии Верховной Рады Украины 6-го созыва в составе коалиции «Стабильность и реформы» было уже около 260 депутатов. Благодаря заметному перевесу по численности и достаточно строгой дисциплине в коалиции, законотворческий процесс в парламенте налажился, эффективность его работы повысилась. Правда, оппозиция неоднократно обвиняла ее в том, что ради скорейшего проведения законопроектов через парламент коалицианты нарушают регламент Верховной Рады.

Для укрепления своих позиций на уровне областей, городов и районов президент страны провел массовую ротацию глав администраций этих административных единиц. Практически все они были заменены на людей, поддерживающих предвыборную программу В.Януковича.

Правящая парламентская коалиция сформировала правительство во главе с премьер-министром Н.Азаровым. Перед ним стояла нелегкая задача вывода экономики из кризиса, восстановления управляемости государственных органов, укрепления финансовой дисциплины. Для того, чтобы увидеть истинное положение дел в экономике, выявить финансовые нарушения предыдущего правительства, а также снять обвинения в пред-

взятости, правительство Н.Азарова приняло решение о проведении квалифицированного аудита и пригласило для этого зарубежную фирму. Но еще до окончания ее работы правительство на основе собственного анализа сделало вывод о том, что финансово-экономическая сфера страны находилась в тяжелейшем положении. Особенно большой грузом для финансовой системы страны были краткосрочные займы, взятые правительством Ю.Тимошенко в 2009 году под высокие проценты. По ним уже надо было рассчитываться с кредиторами.

Ситуация усугублялась еще тем, что многие государства к лету 2010 года не только не вышли из кризиса, но помимо экономической рецессии столкнулись с небывалыми проблемами, связанными с огромными долгами государств, дефицитами бюджетов, растущей безработицей. Многие крупные западные политики и эксперты предсказывали вторую волну кризиса. Украине не хватало своих средств для того, чтобы удержать ситуацию под контролем и не допустить дальнейшего падения экономики. Поэтому правительство обратилось за новыми внешними займами. Российская Федерация предоставила Украине заем в сумме 2 млрд. долларов. Международный валютный фонд также согласился провести переговоры с Украиной о предоставлении крупного денежного кредита. Но свой кредит МВФ оговаривал целым рядом условий. В частности, были выдвинуты требования по увеличению возраста выхода работников на пенсию, повышению коммунальных тарифов, сокращению дефицита бюджета и другие. На большую часть из них правительство вынуждено было пойти.

После президентских выборов начала меняться и внешняя политика государства. В.Янукович в первые же недели после вступления в должность побывал в центрах мировой политики – Брюсселе, Москве и Вашингтоне.

Стали налаживаться украинско-российские отношения. В течение нескольких месяцев после президентских выборов стали регулярными встречи президента Украины В.Януковича с президентом Российской Федерации Д.Медведевым и премьер-министра Украины Н.Азарова со своим коллегой В.Путиным. В ходе этих встреч были подписаны документы об углублении экономического, политического, социального и гуманитарного сотрудничества между двумя странами. Особенно резонансными были договоренности, подписанные В.Януковичем и Д.Медведевым 21 апреля 2010 года в Харькове. По Соглашению между Россией и Украиной по вопросам нахождения Черномор-

ского флота России на территории Украины пребывание российский флота после 2017 года пролонгировалось еще на 25 лет. Были подписаны документы о снижении цены на российский газ для Украины на 30 % (за тысячу кубометров), а также о строительстве моста через Керченский пролив, завершение которого предусматривается в 2014 году.

Более определенную позицию заняла Украина и по отношению к НАТО. К середине 2010 года вопрос о вступлении Украины в североатлантический альянс снят с повестки дня. Во-первых, Верховная Рада Украины приняла Закон «О принципах внутренней и внешней политики», в котором в отличие от предыдущего аналогичного закона, который был принят в 2003 году, отсутствовал геополитический ориентир на вступление Украины в НАТО. В новом документе в ст.11 говорилось о том, что Украина придерживается политики внеблоковости. Закон пояснял, что внеблоковость «означает неучастие Украины в военно-политических союзах, приоритетность участия в усовершенствовании и развитии европейской системы коллективной безопасности, продолжения конструктивного сотрудничества с НАТО и другими военно-политическими блоками по всем вопросам, представляющим взаимный интерес». Во-вторых, западные страны за несколько лет правления «оранжевых» убедились, что те, кто в украинской властной элите провозглашали себя яростными сторонниками евроатлантической интеграции, вряд ли являются теми людьми, на которых они могли положиться, теми, кто способен убедить украинское общество в перспективности такой геополитической ориентации. Не верил Запад и в то, что украинская власть способна создать и укрепить государственные институты, внедрить в повседневную жизнь демократические нормы, отвечающие натовским стандартам. В мягкой форме такую позицию подтвердила и госсекретарь США Х.Клинтон во время июльского 2010 года визита в Украину, делая упор не на критике, а подчеркивая право страны решать такие вопросы: «Украина – свободная страна в выборе союзников... Двери НАТО открыты, но выбор за вами» (15). В таком же ключе высказался и генсек НАТО А.Расмуссен во время пребывания в Киеве в феврале 2011 года, подчеркнув, что хотел бы видеть Украину «интегрированной во всеохватывающую евроатлантическую архитектуру безопасности», но «Украина будет решать, в каком положении держать двери в НАТО. НАТО двери открыло, и наша позиция остается такой же как и была» (16).

Местные выборы, состоявшиеся 31 октября 2010 года, усилили позиции Партии регионов и ее парламентских союзников. Это дало возможность президенту В.Януковичу усилить вертикаль власти. Вторым важным событием в государственной жизни стало решение Конституционного Суда Украины 1 октября 2010 года, которое признало, что изменения в Конституцию в 2004 году были приняты с нарушением процедуры. В связи с этим они теряли силу и на органы государственной власти возлагалась задача приведения нормативно-правовых актов в соответствие с Конституцией Украины, принятой Верховной Радой Украины 28 июня 1996 года. Этим актом государство возвращалось к форме президентско-парламентской республики.

Таким образом, за два десятилетия существования независимого украинского государства ни одно из жизненно важных ожиданий народа достигнуто не было. Вместо экономических реформ произошло беззастенчивое разграбление государственной собственности, которая сосредоточилась в руках нескольких десятков семейств. Ценой независимости стал непрерывный системный кризис, упадок экономики, падение жизненного уровня подавляющей части населения, социальная поляризация, появление таких социальных болезней как массовая безработица, огромная детская беспризорность, бродяжничество, возрастание преступности. Люди потеряли веру в будущее.

Правящая элита Украины оказалась не способной решить те задачи, которые поставило перед ней время. В моральном отношении она представляла малопривлекательное сообщество. Во властную элиту прорвались некомпетентные, безответственные, циничные, завистливые, корыстолюбивые, нахрапистые и беспринципные люди. В ее среде происходили постоянные сговоры, подсиживания, измены, предательства. Вчерашние друзья, кумовья, соратники сегодня превращались в заклятых врагов. Они обвиняли друг друга во всех смертных грехах – в коррупции, воровстве, обмане, отравлениях, убийствах... Это еще больше омрачало общественную атмосферу, дезориентировало простых граждан, вызывало у них разочарование, обиду и апатию. Украинский истеблишмент не смог выработать такую модель построения социума, которая открывала бы путь движения к современному высокотехнологическому обществу, правовому, демократическому, социальному государству, в котором граждане чувствовали бы себя комфортно и были социально защищены.

Литература:

1. Застереження досвіду. Вітольд Фокін: Більшість рішень приймається в квазіправовому полі, а цинізм стає нормою поведінки. – День. – 2008. – 26 березня.
2. Вятрович Владимир. Кому и для чего необходим «пересмотр» истории. – Зеркало недели. – 2008. – 29 марта – 5 апреля.
3. Калашникова М. «Наше государство больно, но это не значит, что мы окончательно пали». – Независимая газета. – 2001. – 4 апреля.
4. МВФ прогнозирует рост госдолга Украины в 2011 г. до 42,4% ВВП // <http://www.rbc.ua/rus/top/show/mvf-prognoziruuet-rost-gosdolga-ukrainy-v-2011-g-do-42-4-vvp-18022011170900>
5. Р.Гринберг. Десять лет системной трансформации. – Независимая газета. – 1999. – 22 декабря.
6. – Зеркало недели. – 2002. – 13 – 19 июля.
7. См. Правда Украины. – 2003. – 28 марта.
8. Конопля Елена. Стратегию продавать нельзя. – Новый день. – 2008. – 7 февраля.
9. Р.Гринберг. Десять лет системной трансформации. – Независимая газета. – 1999. – 22 декабря
10. <http://pravda.com.ua/news/2008/6/3/76924.htm>; <http://www.ppravda.com.ua/news/2008/6/10/77284.htm>)
11. – Зеркало недели. – 19 июля 2008.
12. Тимошенко не бачить ознак фінансової кризи в Україні. <http://news.liga.net/news/N0855740.html>; <http://www.vesti.ru/doc.html?id=304008>
13. Давиденко Б. Економіка: в тіні 36%. – Дело. – 27 жовтня 2009. <http://delo.ua/ekonomika/makroekonomika/ekonomika-v-teni-132762/>.
14. Заробітчани з України не будуть жити в підвалах і на горищах Москви. <http://www.ppravda.com.ua/news/2010/06/20/5156028/>
15. <http://t-pravda.net/ua/economy/business/23974-xillari-klinton-ne-isklyuchaet-vozmozhnosti-vstupleniya-ukrainy-v-nato.html>
16. <http://rus.newsru.ua/ukraine/17feb2011/rassmussen.html>

2. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА

В последние два десятилетия украинское общество переживает глубочайшие трансформации в связи с изменением социально-политического строя. Социальная структура украинского общества окончательно еще не сложилась, в ней продолжают формироваться новые слои, качественно видоизменяются существующие и исчезают некоторые старые слои. Неустойчивыми являются как группы крупных собственников, образовавшиеся в процессе несправедливого, а часто и криминального, присвоения общенародной собственности, так и различные слои мелкой буржуазии, которая массово образуется, и так же массово ежедневно разоряется, пополняя ряды неимущих. Впрочем, состав и других социальных слоев является неустойчивым. Из-за нестабильности развития экономики, кризисных явлений в социальной сфере, безработицы, отсутствия представления обществом, основной массой его граждан своего будущего идут интенсивные процессы перетекания, обмена составом между различными социальными группами.

В олигархической, крупнобуржуазной среде продолжается ожесточенная борьба за перераспределение еще оставшейся в руках государства собственности. Однако последней остается с каждым годом все меньше. Поэтому процесс перераспределения обостряется и в секторе уже приватизированной собственности. Оба эти процесса конкуренции за собственность тесно связаны с борьбой за власть. Ведь собственность и власть неразрывно связаны. А в нашей стране эти связи обрели особенно уродливый характер. Рассказы и обещания на «оранжевом» Майдане об отделении власти от бизнеса были рассчитаны на простачков. Если в первые годы так называемых реформ, то есть в 90-е годы XX столетия, вхождение во власть открывало огромные возможности для овладения государственной собственностью, то по мере разграбления последней (напомним, что приватизировано уже около 90% государственной собственности) ее наличие открывает большие возможности для вхождения во власть и ее удержания.

Формирующаяся сегодня социальная структура общества характерна и тем, что в ней сосуществуют социальные группы, сложившиеся еще при социализме, и те, которые являются следствием укоренения в обществе рыночных отношений и частной

собственности. Однако удельный вес первых с каждым годом уменьшается – и по причине экспансии рыночных отношений во все поры общества, и по причине естественной смены поколений.

Из каких же социальных классов и слоев состоит сегодня украинское общество? Каковы они по численности, каков уровень образования у представителей этих классов? Каков их профессионально-квалификационный уровень, сколько у нас управленцев и управляемых? Казалось бы, что в информации, которая содержится в ответах на эти вопросы, в первую очередь должна быть заинтересована власть, государственные управленческие структуры. Ведь без этой информации ни о какой эффективной управленческой политике не может быть и речи. Однако, если судить по тем данным, которые ежегодно публикует Госкомстат Украины, то в нашей стране дело обстоит иначе. Многие названные показатели в публикациях Госстата отсутствуют. Хотя прежде, в советское время, такие данные публиковались.

Итак, каково же видение официальной статистикой социальной структуры украинского общества?

Теперь Госстат Украины пользуется понятиями «экономически активное население (рабочая сила)» и «экономически неактивное население». В состав экономически активного населения включены люди в возрасте от 15 до 70 лет. Получается, что в Украине рабочая сила в 2009 году составляла 22,15 млн. человек, то есть почти половину общей численности (46 млн.) населения страны (1). Это все лица, способные предложить себя на рынке труда и ищущие работу. Следовательно, в состав рабочей силы входят и безработные. Если же исключить безработных, то оставшихся определяют как занятое население. В 2009 году в стране было 20 млн. 191 тыс. человек занятого населения. Это наиболее активная в экономическом, социальном, политическом и культурно-духовном плане часть населения.

К экономически неактивному населению относятся дети в возрасте до 15 лет, неработающие пенсионеры, студенты, домохозяйки, люди, потерявшие надежду найти работу и уже не ищущие ее, а также лица, находящиеся в психиатрических и исправительных учреждениях. В конце 2009 года экономически неактивное население составляло 12 млн. 823 тыс. человек, в том числе 2 млн. 251 тыс. лиц трудоспособного возраста.

Под углом зрения рассматриваемой темы нас интересует в первую очередь социально-классовая структура экономически активного населения. Но, как это ни досадно, официальная ста-

тистика отказалась от классификации населения по классовым признакам. И теперь нет возможности точно сказать, сколько в Украине рабочих, крестьян, интеллигенции и служащих, крупной, средней и мелкой буржуазии, сколько представителей других социальных групп.

Впрочем, классификация по классовым признакам в нынешних условиях дело действительно нелегкое. Скажем, кого относить к рабочему классу? Ведь рабочие заняты сегодня не только на зарегистрированных предприятиях, по трудовым договорам, но и на условиях неофициального найма. Особенно много таких людей работает на ремонте квартир, на строительстве и ремонте частных и дачных домов. Причем речь идет не только о рабочих строительных профессий — каменщиках, штукатурах, малярах, плиточниках, кровельщиках, печниках, сантехниках, но и об электриках, садовниках, слесарях, столярах и т.д. Многие так работают по обслуживанию отдельных состоятельных семей — уборщицы, няни, воспитательницы, репетиторы, или же занимаются частным извозом, или осуществляют наладку и ремонт компьютерной и бытовой техники, изготавливают домашнюю мебель, вывозят мусор, стеклят лоджии и балконы... А кто может сказать, сколько неофициально работает парикмахеров, массажистов, различного рода знахарей, врачей и т.д.? Впрочем, это не причина того, чтобы отказываться давать полную статистическую информацию о социальных классах и группах.

Много трудностей возникает при попытке классифицировать сельское население, особенно тех, кто занят в аграрном секторе экономики. В украинском селе в результате разрушения коллективных хозяйств и формальной передачи земли в собственность бывшим колхозникам и рабочим совхозов складываются новые по своей социальной сущности классы — крупные латифундисты (пока теньевые, официально не значущиеся), мелкая буржуазия и сельские батраки. С одной стороны, крестьяне являются собственниками земельных наделов. С другой — существуют серьезные различия в том, как они распоряжаются своей землей. Одни сдают свои наделы в аренду сельскохозяйственным предприятиям, другие — фермерам, третьи пытаются обрабатывать их сами. Учитывая юридическую неопределенность в вопросе купли-продажи земли, процессы, связанные с правовым аспектом пользования землей, имеют непрозрачный, теневой характер. Многие крестьяне, особенно пожилые люди, по сути, уже передали землю на разных условиях разного рода дельцам, которые только и ждут

законного признания ее купли-продажи, чтобы легализовать себя как крупных собственников земли. Кстати, тогда, будем надеяться, станет ясным, сколько у нас безземельных крестьян, сельских пролетариев, батраков, а сколько латифундистов, сколько фермеров, кулаков. У людей, которые входят в эти группы, идет сложный процесс изменения психологии, формирования новой социальной идентичности, новых интересов.

С подобными трудностями мы сталкиваемся и тогда, когда хотим определить, сколько в стране высококвалифицированных специалистов. Ведь очень многие архитекторы, проектировщики, специалисты по компьютерной технике и другие работают в «тени», без официального оформления трудовых отношений.

Новые социальные реалии в Украине, в частности масштабная трудовая миграция граждан за рубеж, которая имеет латентный характер, сделали недостижимым точный учет размеров социальных слоев и групп. Официальная статистика уходит от вопроса о внешней трудовой миграции. Она только фиксирует, что в 2010 году в страну прибыло на постоянное место жительства 30810 человек, а убыло из страны 14677 человек. Тех же, кто выезжает на заработки в другие страны на длительные сроки (в том числе и на годы) по туристическим визам, официально никто не учитывает. Хотя по разным экспертным источникам, количество трудовых мигрантов, то есть украинских граждан, выехавших за рубеж, составляет от 2,5 до 7 млн. человек. Это огромное количество людей. Под давлением социальных обстоятельств они оставили дома жен, детей, родителей и уехали на заработки в другие страны, конечно же, занимая самые непрестижные трудовые ячейки, рабочие места самой низкой квалификации. Кстати, мы столкнулись с любопытным фактом: несмотря на то, что государственная статистика не учитывает эту категорию людей, никаких проблем с балансом населения в стране у нее не возникает. В официальных статистических справочниках выведен полный баланс населения по всем его категориям, как будто миллионов трудовых мигрантов не существует в природе – несколько миллионов туда, несколько миллионов сюда для нее значения не имеют.

Таким образом, существует немало трудностей при определении размеров и границ социально-классовых групп. Однако попытаемся эти трудности обойти и составить, пусть и не совсем точное, представление о социально-классовой структуре украинского общества. Есть много способов определения численности социальных классов, в том числе и экспертных, не претендующих

на очень высокую точность, но все же дающих общие представления о численности социально-классовых групп. Очевидно, что отказ от учета социальных классов в статистике связан не столько с профессиональными трудностями, сколько с политическими. Идя в ногу с идеологической модой, официальная украинская статистика отказывается от всего, что связано с марксистской методологией, советскими традициями в общественном учете социальных групп. А очень жаль. Поскольку анализ социально-классовой дифференциации общества мог бы объяснить многие экономические, социальные, политические, культурные явления в украинском обществе, был бы надежной основой для прогнозирования развития общественных процессов в нашей стране.

Возможно, статистика стесняется называть вещи своими именами. Ведь в таком случае надо упоминать о капиталистах, буржуазии мелкой и крупной, об олигархах. А в нашем общественном сознании слово «буржуй» пока остается неблагозвучным. Куда приятнее в публичной сфере звучит слово «работодатель». Да и о батраках, пауперах, люмпенах, нищих, беспризорниках тоже неудобно говорить — может рассердиться вышестоящее начальство. Поэтому услужливые люди посредством радующих ухо терминов изображают Украину бесклассовым обществом, обществом, в котором есть только группы, различающиеся по признаку занятости.

Особенно много терминов-масок применяют для класса капиталистов, для крупной и средней буржуазии. Это и верхний класс, и правящий класс, и элита, и привилегированный класс, и работодатели. Один бывший политработник пожарных войск высокого ранга, ставший теперь апологетом российской буржуазии, недавно в «Независимой газете» обижался на другого автора за то, что тот употребил выражение «отстаивает классовые интересы богатеев». Бывший политработник возмущается: «Лексика-то какая... Ну написали бы: интересы людей деятельных, самодостаточных, благополучных» (2). Данное явление Роллан Барт назвал вычеркиванием имени. Он очень хорошо его описал: когда речь идет об экономике, буржуазия именуется как таковая без особого труда. А вот «как политический факт буржуазия опознается уже плохо — в Палате депутатов нет «буржуазных» партий. И уж полностью она исчезает как факт идеологический: при переходе от реальности к представлению, от человека экономического к человеку психическому имя буржуазии начисто стирается. Она уступает фактам, но непримирима в вопросе о ценностях; она подвергает свой статус настоящему разыменованию, и ее можно охарактери-

зовать как социальный класс, не желающий быть названным. Понятия «буржуа», «мелкий буржуа», «капитализм», «пролетариат» как бы постоянно обескровливаются, истекают смыслом, до тех пор, пока их и называть станет ни к чему» (3).

Процесс вычеркивания имени в обществе в наше время хорошо замаскирован и достаточно сложен. Конечно же, на это направлен весь потенциал СМИ, в это вовлечены интеллектуалы. Но самым мощным потенциалом является выработанное в пользу буржуазии общественное мнение.

У Ярослава Гашека есть рассказ, который так и называется – «Социальные различия». Там действуют два главных героя – приказчик Никлес и управляющий Пассер. Они дружили и часто выпивали. А после выпивки выкидывали разные веселые штучки. О них в селе сложилось устойчивое мнение. И как это почти всегда бывает, общественное мнение искаженно отражало социальные различия. Несмотря на то, что оба приятеля выпивали поровну, на селе говорили: «Вчера приказчик Никлес был пьян, как свинья, а господин управляющий был немного навеселе». И даже тогда, когда приказчик ради эксперимента выпивал в три раза меньше, все равно на селе говорили: «Вчера приказчик Никлес был пьян, как свинья, а господин управляющий был немного навеселе». Очевидно, что и статистикам, и ученым следует отказаться от этой формулы и начать давать адекватные и честные оценки степени опьянения как приказчикам, так и управляющим.

Конечно, не только Государственная служба статистики Украины уходит от социально-классового описания структуры общества. Столь же бережно уводит внимание граждан от вопиющей имущественной поляризации и Государственная налоговая администрация Украины, которая под предлогом того, что запрещено раскрывать информацию о конкретных плательщиках налога, то есть о физических лицах, совершенно не предоставляет обществу обобщенную информацию об имущественном расслоении налогоплательщиков.

В сложившейся ситуации исследователю ничего не остается, как пытаться читать информацию, предоставляемую Госкомстатом Украины, между строк, дополнять ее результатами социологических исследований.

По информации Госстата Украины, занятое население страны, которое составляло в 2010 г. 20 млн. 214 тыс. человек, делится на четыре большие социальные группы: работающие по найму; работодатели; самозанятые; бесплатно работающие члены семьи.

Первая группа объединяет наемных работников. Однако в социально-классовом отношении она неоднородна, поскольку включает в себя как рядовых исполнителей из числа рабочих, крестьян, интеллигенции, так и служащих, занимающих руководящие должности во всех сферах народного хозяйства, а также в сфере государственного управления. Конечно, с точки зрения классового анализа этот показатель не точен, ибо он не делает различия между управляющими и управляемыми. Да и уровень доходов у представителей этой группы различается в десятки раз. Скажем, управляющий крупной фирмой или банком с доходом несколько десятков тысяч долларов в месяц и простой рабочий с полутора сотнями долларов в месяц. Но оба они относятся к категории наемных работников.

Самой большой группой в обществе по характеру получаемых доходов являются наемные работники. Хотя в условиях трансформации форм собственности эта группа из года в год сокращается. Так, если в 1990 году на 25 млн. 419 тыс. занятых в народном хозяйстве было 24 млн. 666 тыс. наемных работников, или 97% от общей численности занятых, то в 2005 году группа лиц, работающих по найму, сократилась до 16 млн. 916 тыс. человек, или 81,8% в составе занятых. В 2010 году в составе 20 млн. 214 тыс. занятого населения было уже только 16 млн. 408,5 тыс. наемных работников, или 81% от занятых. Среди городского занятого населения наемные работники составляют 91,7%, или 12 млн. 630 тыс. человек. На селе удельный вес наемных работников существенно меньший — 58,7% сельской рабочей силы, или 3 млн. 779 тыс. человек.

Вторую по численности группу представляют самозанятые. К ним относятся те, кто не является штатным сотрудником предприятий и организаций и самостоятельно, без привлечения наемного труда производит товары и услуги для реализации их на рынке. В городах это лица, занимающиеся торговлей, ремонтом, обслуживанием, на селе — в первую очередь крестьяне, индивидуально занимающиеся растениеводством и животноводством, приусадебными участками. Самозанятых в стране в 2005 г. было 16,8% рабочей силы, или 3 млн. 474 тыс. человек. Из них: среди занятого городского населения — 5%, или 705 тыс. человек, а среди сельского — 42%, или 2 млн. 766 тыс. человек. Нетрудно заметить, что категория «сельское самозанятое население» скрывает избыточное население. Эти люди предоставлены сами себе, брошены на самовыживание.

Третьей социальной группой среди занятого населения являются работодатели. Этим термином называют тех, кто прибегает к использованию наемного труда, предоставляет работу наемным работникам. Эта группа составляет 0,9% занятого населения, или 186 тыс. чел. Они сосредоточены преимущественно в городах. Согласно данным Госкомстата, в городах их проживает 1,2% от городского занятого населения. В абсолютных числах это равно 169 тыс. человек.

Четвертой группой, которую выделяет украинская статистика, являются «бесплатно работающие члены семьи». Таких в стране насчитывается 0,5% от занятого населения, или 103 тыс. человек. Из них в селе проживает 72 тыс.

Данные по самозанятым, работодателям и бесплатно работающим членам семьи мы привели за 2005 год, поскольку в 2010 году Госстат Украины почему-то перестал давать данные по каждой из этих групп отдельно, а объединил их. Согласно данным 2010 года, все эти три группы насчитывали 3 млн. 805 тыс. человек. В том числе в городах – 1 млн. 149 тыс. и в сельской местности – 2 млн. 656 тыс. человек.

Кроме того, Госстат Украины ввел еще одно новшество. В отдельную группу стали выделять занятых в неформальном секторе экономики. К ним относятся работники, которые трудятся на не имеющих государственной регистрации предприятиях с числом работников до 5 человек. Сюда же относятся и работники, которые трудятся по устной договоренности с работодателем в официальном секторе, т.е. без заключения трудового договора, а значит без минимальных социальных гарантий. В 2010 году, согласно данным Госстата Украины, в стране было 4 млн. 533 тыс. человек занятых в неформальном секторе экономики, в том числе 3 млн. человек в сельском хозяйстве, полмиллиона на стройках, более 600 тысяч в торговле, на ремонте автомобилей, в ресторанах и гостиницах.

Из приведенной классификации населения можно сделать следующие выводы. Во-первых, основная масса (четыре пятых) занятого населения — это работники, работающие по найму. Именно эта группа составляет большинство среди рабочих, интеллигенции и даже крестьян. Правда, среди занятого сельского населения, и это, во-вторых, существенный удельный вес имеют самозанятые — 42%. В-третьих, в целом по стране работодатели составляют незначительную часть среди занятых — всего 1,2%.

Для того чтобы лучше представлять современное народное хозяйство, рассмотрим, как рассредоточены работники по видам экономической деятельности. Самые большие группы работни-

ков в 2009 году были сконцентрированы в промышленности, сельском хозяйстве, а также в торговле и сфере услуг. В промышленности трудилось 3 млн. 547 тыс. человек, на транспорте и в связи – 1 млн. 388 тыс. человек, в строительстве – 966 тыс. человек, в сельском хозяйстве, охотничьем и рыбном хозяйствах – 3 млн. 131 тыс. человек.

В то же время в оптовой и розничной торговле, в торговле транспортными средствами, в ремонтной сфере, в гостиницах и ресторанах было занято 4 млн. 729 тыс. человек, в сфере образования – 1 млн. 698 тыс. человек, в органах здравоохранения и социальной помощи – 1 млн. 348 тыс. человек, в операциях с недвижимостью занято 1 млн. 149 тыс. человек, в госуправлении – 1 млн. 79 тыс. человек, финансовой деятельностью занимается 351 тыс. человек.

Таким образом, в сфере материального производства, то есть в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи, а также в сельском хозяйстве, занято 9 млн. 32 тыс. человек. А в нематериальной сфере – в просвещении, здравоохранении, торговле, государственном управлении, финансовой деятельности, операциях с недвижимостью – занято 10 млн. 354 тыс. человек. Другими видами экономической деятельности заняты 693 тыс. человек. Как видим, в структуре народного хозяйства за последние годы значительно возрос удельный вес лиц, работающих в отраслях, оказывающих услуги населению, и снизился удельный вес лиц, работающих в сфере материального производства. Количество работников в сфере услуг впервые в истории нашей страны превзошло количество работников в материальном производстве. Это означает, что наше общество, по сути, уже стало обществом потребления. В таком обществе существенно меняется образ жизни и стиль жизни населения. Об особенностях этих перемен речь пойдет в следующем разделе данной монографии. Здесь же только отметим, что структура экономики, производства и рабочей силы общества потребления существенно отличается от соответствующих характеристик индустриального общества. Кроме того, в такой социальной среде коренным образом меняется социально-психологический тип наемного работника.

Превращение индустриального общества в общество потребления отражает общемировую тенденцию. Однако в Украине данный процесс совпал с периодом провозглашения независимости страны, смены общественно-политического строя, несправедливой, криминальной приватизации государственной собственно-

сти, резкого сокращения промышленного и сельскохозяйственно-го производства, закрытия предприятий. В этих условиях больше всего пострадали наиболее квалифицированные работники передовых предприятий, особенно военно-промышленного комплекса, сотрудники отраслевых научно-исследовательских институтов, а также работники учреждений культуры, образования, медицины. Состоялся сложный социальный процесс деклассирования, маргинализации значительной части основных социальных классов общества. Рабочие, инженерно-технические работники, учителя, ученые, офицеры вынуждены были массово переходить в «челноки», становились мелкими торговцами на рынках, различными управленцами в мелких фирмах, конторскими служащими в банках, страховых компаниях, на биржах, вспомогательными работниками в расширяющейся сфере торговли и услуг, становились таксистами, охранниками и т.д.

В результате социально-экономических изменений последних лет образовалась огромная масса мелкой буржуазии, которую ободряюще стали называть средним классом. В первую очередь ее составляют самозанятые. Не останавливаясь специально на анализе термина «средний класс», отметим только, что, несмотря на попытки придать ему статус строгой научной категории, он так и не преодолел положения метафоры. Очень часто этим термином пытаются прикрыть классовую поляризацию буржуазного общества. Люди, оказавшиеся в положении мелкого буржуа, находятся в крайне противоречивом состоянии: с одной стороны, им удастся собственным тяжелым трудом подняться в материальном положении чуть выше бедных, но, с другой стороны, их социальное положение является крайне шатким, неустойчивым, неопределенным. Ежегодно «свое» дело заводят десятки тысяч людей, но основная масса из них в течение нескольких месяцев разоряется. Мелкая буржуазия не выдерживает конкуренции с крупной буржуазией, а после вступления страны в ВТО – и конкуренции с транснациональными компаниями. Она становится их жертвой. В первую очередь разоряются всякого рода небольшие артели из-за наводнения рынка дешевыми зарубежными промтоварами, расширения сети крупных магазинов, вытеснения зарубежными продуктами отечественных сельхозпродуктов и т.д.

В современной украинской статистике невозможно найти данные о количестве научно-технической и гуманитарной интеллигенции, занятой на производстве, о количестве управленцев в народном хозяйстве, о количестве работников на рабочих местах

с разными уровнями образования, в том числе и с высшим и т.д. Поэтому при доступности только ограниченной статистической информации о разных группах и категориях работников с высшим и средним образованием нет возможности судить о разных отрядах интеллигенции. Как социальную группу, интеллигенцию можно выделить лишь по единственному критерию – по уровню образования. Однако такой подход дает искаженное представление о реальной социальной картине общества и, в частности, об интеллигенции. Скажем, практикующего врача, имеющего свою клинику и нанимающего других врачей, вряд ли правильно включать в одну группу с врачами государственных поликлиник, имеющих крайне низкую зарплату. Особенно трудно распределять по социально-классовым группам юристов, врачей, управленцев предприятий и компаний разных уровней.

Не знаем мы точно и того, сколько на самом деле у нас безработных, поскольку многие люди не работают на предприятиях, а только держат там трудовые книжки. А кто может дать точный ответ на вопрос, сколько появилось в обществе люмпенов, деклассированных элементов, бездомных, опустившихся, спившихся, бродяг, нищих и т.д.?

Отдельно следует сказать несколько слов о пенсионерах. Начиная с 60–70-х гг. XX ст., данная социальная группа постепенно превратилась в одну из самых многочисленных в нашей стране. В 2010 г. у нас было 13 млн. 721 тыс. пенсионеров, в том числе: по возрасту – 10 млн. 569 тыс. человек, по инвалидности – 1 млн. 500 тыс. человек. Это самая большая социальная группа общества (вспомним, что в материальном производстве занято 9 млн. 32 тыс., а в нематериальном 10 млн. 354 тыс. человек). Это люди, обладающие большим жизненным опытом, внесшие огромный вклад в развитие страны. Однако в нынешних условиях данная группа находится в самых трудных социальных условиях. Подавляющая часть пенсионеров относится к группе бедных. «Средняя пенсия у нас одна из самых низких на континенте, – вынужден признать вице-премьер-министр Украины С.Тигипко. – Сейчас почти 65% пенсионеров получают пенсию в размере менее 1000 гривен в месяц – это в 4–10 раз ниже, чем в других европейских странах» (4).

Среди пенсионеров самый высокий удельный вес больных людей, и вместе с тем они в наименьшей мере, из-за своего низкого уровня материального состояния, могут приобрести медикаменты, получить элементарную медицинскую помощь, которая практиче-

ски вся стала платной. А значительная часть сельских пенсионеров, к тому же, не имеет доступа к медицинским учреждениям из-за их удаленности. В сельской местности проживает 4 млн. 319 тыс. пенсионеров. Они составляют 31,5% всех пенсионеров страны.

Многие пенсионеры продолжают трудиться. Таковых в стране насчитывается 1 млн. 904 тыс. человек (без учета тех пенсионеров, которые работают на статистически малых предприятиях). А в отдельных отраслях народного хозяйства пенсионером является каждый пятый работник — на водном и авиационном транспорте, в здравоохранении, образовании и даже на операциях с недвижимостью. Самые большие группы пенсионеров трудятся в просвещении — 373 тыс., в здравоохранении — 315 тыс., на транспорте и в связи — 115 тыс. и в сельском хозяйстве — 79 тыс. человек.

К сожалению, государственная статистика подходит к проблеме социальной дифференциации, уровня жизни населения, мягко говоря, специфически. При огромной поляризации в доходах и расходах населения страны она показывает только так называемый квинтильный коэффициент, то есть соотношение между 20% самых богатых и 20% самых бедных. Этот коэффициент по денежным расходам в 2010 г. был равен 4,1. Иначе говоря, денежные расходы 20% самых богатых в 4,1 раза больше, чем расходы беднейших. Даже эта цифра впечатляет. Но если внимательно разобраться в вопросе дифференциации населения по жизненному уровню, то окажется, что введение квинтильного коэффициента — это своего рода отвлекающий маневр, маскировка. Он применяется для того, чтобы скрыть действительное различие в уровне жизни богатых и бедных. А оно в нашей стране огромно. (Кстати, статистика Российской Федерации тоже маскирует богатство своих олигархов, но все же не так услужливо, как в Украине. Там сопоставляются десять процентов самых богатых и десять процентов самых бедных по доходам. Это соотношение в России сегодня равняется 15. Вряд ли оно ниже в Украине).

Несмотря на многократно повторяющиеся заявления обслуживающих богачей политиков и служителей СМИ о нашей открытости и демократичности, в действительности украинское общество ничего не знает о структуре социальных групп по доходам, особенно о самых богатых, о размерах их богатства. Речь идет не о праздном любопытстве, не о примитивной зависти, а о насущной потребности общества знать реальное состояние дел, если это общество хочет иметь будущее. Поэтому важно знать, не

как соотносятся доходы двадцати процентов самых богатых и самых бедных, а знать структуру качественно отличающихся имущественных групп. Необходимо четко выделить самых богатых, богатых, зажиточных, бедных и нищих.

Правда, определить критерий выделения качественно различных имущественных групп непросто. Не существует особых трудностей лишь при выделении групп с низкими доходами. В разных странах, а также международными организациями разработаны различные критерии выделения нищих и бедных семей. Так, в Украине государством устанавливаются минимальная зарплата, минимальная пенсия, прожиточный минимум. Исходя из этих критериев, выделяют нищих — тех, кто имеет доход ниже прожиточного минимума, бедных — имеющих доход, близкий к прожиточному минимуму.

Большинство населения Украины является бедными людьми. По данным Госстата Украины, в 2009 г. 30% населения имели среднедушевые денежные расходы ниже прожиточного минимума. А на селе доля такого населения составляла 46%. Напомним, что в 2009 г. прожиточный минимум составлял 701 грн.

Значительная часть людей живет в крайней бедности. У 2% населения среднедушевые расходы в месяц составляли менее 300 грн., или 37 долларов США. Следует учесть, что на селе людей с расходами до 300 грн. проживает 4%. Еще у 8% населения доходы составляют от 300 до 480 грн. в месяц. Следующая группа, составляющая 16% населения, получает от 480 до 660 грн. в месяц. Эти три группы населения с самыми низкими доходами составляют более 25% населения страны. Их ежедневные доходы составляют от одного до 5,5 доллара США в сутки. Эти люди живут в условиях крайней нищеты. В целом по стране в 2009 году ниже прожиточного минимума (он составлял 701 грн.) проживало 30% населения, а на селе — 46%.

Кстати, в США к бедным семьям относят тех, у кого расходы на питание составляют не менее одной трети всех доходов семьи. В Великобритании бедность определяется через уровень дополнительного пособия, выделяемого государством нуждающимся. А таковыми считаются те, у кого низкий семейный доход. В настоящее время в Великобритании получают дополнительное пособие 17% населения (5).

Самой большой и самой нуждающейся социальной группой в Украине являются пенсионеры. А самые бедные всегда, во всех обществах являются самыми несвободными. Ими легче

манипулировать, то взывая к прошлому опыту старшего поколения, то пытаясь их подкупить жалкими подачками, то обещая улучшить их быт и благосостояние и т.д. Но самая главная проблема пенсионеров состоит в том, что у них не развито понимание собственных групповых интересов, не развито групповое самосознание, не развито чувство солидарности и они слабо организованы.

Конечно, в каждой стране в зависимости от уровня жизни существует свое представление о бедности и богатстве. Для сопоставимости данных украинской статистики с субъективными представлениями украинских граждан о доходах мы взяли данные социологического мониторинга Института социологии НАН Украины 2010 г., в котором респонденты оценивали тип семьи в зависимости от уровня дохода на одного человека. По их мнению, к нищим относятся семьи с доходом на одного человека до 603 грн., к бедным — до 1028 грн., к средним — до 2516 грн., к зажиточным — 6775 грн., к богатым — 30219 грн. в месяц. Понятно, что с каждым годом эти показатели изменяются, так как растут цены, усиливается инфляция.

Эмпирические социологические исследования, проводимые сегодня, имеют тот недостаток, что в них практически невозможно отразить информацию о самых верхних и самых нижних слоях населения. Интервьюеры не могут, как того требует методика опроса, попасть в самые богатые семьи. Их туда не допускают. И точно так же вне зоны досягаемости социологов оказываются бездомные, бродяги, попрошайки и т.п. Тем не менее, эти исследования дают представление о главных социальных характеристиках основной части общества.

Кстати, упомянутое выше социологическое исследование Института социологии НАН Украины за 2010 год показало, насколько неустойчивы субъективные оценки, насколько они вариативны в зависимости от постановки вопроса. Вышеприведенные оценки, связанные с классификацией семей в зависимости от дохода на одного человека, были абстрактны и не касались конкретного респондента. Когда же был задан вопрос «Как бы Вы оценили материальное положение Вашей семьи в целом?», то оказалось, что свою семью относят к нищей только 6%, к бедной — 43%, к средней — 51%, к зажиточной — 0,7% опрошенных. К богатой не отнес свою семью ни один респондент. Иначе говоря, более половины людей относят свои семьи по доходам к середине. Возможно, многим людям неприятно идентифицировать

себя с бедностью, нищетой. Мы решили проверить, каков же совокупный доход на одного человека у этих людей в реальности. Оказалось, что у тех, кто отнес свою семью к нищим, доход на одного человека равен 629 грн., к бедным — 865 грн., к средним — 1330 грн., к зажиточным — 1300 грн.

Из этих ответов следует то, что реально получаемый доход у людей ниже того, который по их представлениям должны получать члены семьи соответствующего уровня доходов. Правда, у нищих и бедных показатели по их представлениям и реальные показатели близки. Так, люди из нищих семей считают те семьи нищими, у которых доход на одного человека равняется 603 грн. И на практике у членов этих семей доход на одного человека равен 629 грн. У бедных семей соответственно 1028 грн. и 865 грн. А тех респондентов, которые отнесли себя к более благополучным семьям, разница между представляемым в их воображении доходом членов семьи такого, как у них имущественного статуса, и реального дохода члена семьи является существенной. У членов семей со средним доходом: воображаемый доход каждого члена средней семьи должен равняться 2516 грн., а у них реально он равняется 1329 грн. В зажиточных семьях соответственно — 6775 грн. и 1300 грн., то есть у них доход даже ниже, чем у средних семей.

Социологический мониторинг за 2010 год показал также и самооценку доходов респондентов, относящихся к различным социально-статусным группам. Средний доход в месяц на одного члена семьи работодателя равен 2658 грн., самозанятого — 1386 грн., наемного работника — 1177 грн., неработающего — 910 грн., неработающего пенсионера — 499 грн. Конечно, эти данные вряд ли говорят о сильной поляризации населения по доходам. Следовательно, самооценочный метод выделения социальной структуры, в частности отнесения к имущественным группам, является крайне неточным. Возможно, что здесь сказывается сложившаяся в стране непрозрачная ситуация с выплатой зарплат и других видов доходов. Как известно, большое распространение получили выплаты «в конвертах». Естественно, об этих доходах респонденты предпочитают умалчивать. А это значит, что при выделении имущественных групп, при рассмотрении имущественной поляризации общества надо опираться на объективные показатели, в которых на сегодняшний день не заинтересован никто — ни работодатели, ни наемные работники (хотя они от этого теряют размер своих будущих пенсий).

Конечно, имущественная поляризация не может быть сведена только к различиям в месячных доходах. Важным показателем были бы сведения о том, сколько процентов семей владеют 70%–80%–90% основных средств производства, а также в какую сумму оцениваются их богатства. Было бы интересно узнать, собственность скольких процентов самых богатых семей равна собственности всех нищих семей, всех бедных семей, всех средних семей. Однако такую информацию по Украине сегодня собрать невозможно.

Кое-какую информацию об имущественной дифференциации дают сообщения Государственной налоговой администрации о лицах, уплативших налог из суммы годового дохода, превышающего 1 млн. грн. Количество миллиардеров и миллионеров растет в Украине с каждым годом. Так, если в 2003 г. у нас было 850, в 2004 г. — 1 тыс. 871 официальных миллионеров, то в 2006 г. их, по словам первого вице-премьера Н.Азарова, — около 50 тысяч (6). По сведениям газеты «Известия в Украине», в 2006 г. в стране было тридцать миллиардеров (7). Правда, автор не указывает каких — гривневых или долларовых. По информации журнала «Форбс», в 2006 году в Украине было 7 долларовых миллиардеров — Р.Ахметов, В.Пинчук, С.Тарута, В.Гайдук, И.Коломойский, Г.Боголюбов и К. Жеваго (8). В 2007 году, согласно журналу «Фокус», в стране уже был 21 миллиардер. К названным в 2006 году миллиардерам в списке «Фокуса» добавились в 2007 году В.Бойко, В.Новинский, К.Григоришин, Л.Байсаров, П.Порошенко, В.Хорошковский, С.Буряк, А.Буряк, В.Матвиенко (9). Среди 1210 богатейших людей мира, названных в 2011 году, было восемь украинцев: на 39-месте находился Ринат Ахметов с состоянием в \$16 млрд, далее на 336-м — Виктор Пинчук с \$3,3 млрд, еще ниже с капиталами от 1 до \$2,5 млрд стоят: Игорь Коломойский, Геннадий Боголюбов, Константин Жеваго, Юрий Косюк, Андрей Веревский и Олег Бахматюк (10).

Это показатель все усиливающейся поляризации общества и вхождения его в мировой капитализм, где накопления пятисот самых богатых людей в мире равны годовому доходу половины человечества (11).

Но таких сведений о миллиардерах и миллионерах, конечно, крайне недостаточно. Граждане вправе знать, как в целом выглядит структура имущественных групп. Государственной налоговой администрации следовало бы дифференцированно показать, сколько у нас налогоплательщиков с годовым доходом от 100 тыс. грн. до 250 тыс., от 250 тыс. грн. до 500 тыс., от 500 тыс. грн.

до 1 млн. и т.д. Такие сведения давали бы возможность хотя бы приблизительно видеть имущественную дифференциацию населения и глубже понимать социально-экономическую природу нашего общества.

Из вышеизложенного следует, что за последние два десятилетия социальная структура украинского общества претерпела кардинальные изменения.

Во-первых, изменилось самое качество социальных отношений, которые скрепляют социальную структуру общества. Теперь они основываются на принципе частной собственности.

Этот принцип уже стал системным, а его результатом стала резкая имущественная дифференциация социальных групп, поляризация объективных интересов собственников и наемных работников. Трудовые отношения теперь основываются на социальной эксплуатации. И если о праве «священной частной собственности» СМИ трубят с утра до ночи, то понятие эксплуатации вытеснено из публичного оборота. Буржуазное общественное мнение сделало из социальной эксплуатации фигуру умолчания, вся «демократическая» журналистика делает вид, что такого явления в нашем обществе вообще не существует. Естественно, что в подобных условиях новая ситуация еще до конца не осознана общественным сознанием, и в первую очередь групповым сознанием наемных работников. В общественном сознании продолжает жить еще много инерционных элементов — стереотипов, клише о человеке труда и т.п. Например, по данным социологического мониторинга за 2010 год 25% населения все еще считает, что значительную роль в жизни украинского общества играет рабочий класс, а 19% — крестьяне. Но сама повседневная практика разрушает эти представления, так как они не отвечают реальным отношениям в обществе.

Во-вторых, социальная структура качественно изменилась еще и в том смысле, что удельный вес работников производственной сферы, ранее составлявших большинство трудящихся, из года в год сокращается и уже к настоящему моменту он меньше, чем удельный вес работников сферы услуг. Вместе с этим разрушаются многие нравственные и социально-психологические качества рабочей силы, которые формировалась в условиях больших коллективов, — коллективизм, солидарность, дисциплинированность, ответственность, верность и надежность.

Образовавшаяся в процессе приватизации государственной собственности, установления капиталистических социально-

экономических отношений новая социальная структура общества преобразовала все классы. Ее нельзя рассматривать так, что одни классы, например, рабочий класс, остался таким, каким он был при социализме, а остальные, особенно сформировавшиеся недавно, — городская и сельская мелкая буржуазия, сельские батраки, другие — это новые классы, с новыми неведомыми нам особенностями. И те, и другие становятся неизвестными не только для тех, кто пытается понять их суть со стороны, но и для них самих. Что касается первого, то есть рабочего класса, то это уже совсем другой рабочий класс, чем он был при социализме. Из господствующего класса общества, который вместе с другими дружественными классами и социальными группами был хозяином всей общенародной собственности, он превратился в класс наемных работников. Его теперь нанимают на работу к себе на фабрики и заводы собственники, хозяева. Изменилось и его место в обществе. Из лелеемого, воспеваемого советской пропагандой класса, он превратился в неразличимую буржуазными СМИ группу работяг, в серую массу, которая не представляет никакого интереса ни для газет, ни для радио, ни для телевидения.

Среди этих групп невозможно зафиксировать, точно подсчитать деклассированных элементов, людей, которые в условиях развала государства, упадка экономики, закрытия предприятий, под ударами судьбы потеряли связь с коллективами, с товарищами, потеряли веру в будущее и вынуждены вести такой образ жизни, который обеспечивает им только элементарное выживание.

У всех этих людей кардинальная смена социальных статусов сопровождалась сложными индивидуально-личностными процессами — социально-культурным шоком, маргинализацией, анонимией, депрессией. В результате этих перемен наемные работники оказались социально дезориентированными. Противоречивость сознания ряда групп наемных работников состоит в том, что они реально относятся к группе эксплуатируемых работников, а с другой — у многих из этих работников существует иллюзия улучшения своего социального положения, перехода в более высокий социальный статус, закрепление в так называемом среднем классе. Особенно широко распространены такие социально наивные представления у людей с высшим образованием. Одной из причин распространенности таких заблуждений является то, что эти иллюзии ежедневно внедряются в сознание наемных работников,

ежечасно воспроизводятся в СМИ и тем самым укрепляются в сознании людей.

У таких людей трудно формировать классовое сознание, открывать для них их истинные классовые интересы. Они крепко держатся за свои предрассудки, защищают их, а попытки развенчания заблуждений воспринимают в штыки, воспринимают как покушение на что-то сокровенное.

Отсюда вытекает еще одна сложная проблема – проблема социальной самоидентификации, проблема осознания, отождествления себя с определенными социальными группами в новом общественном пространстве. Формально занимая определенные ниши в классовом и групповом пространстве, многие люди еще не адекватны им в субъективном плане, они сохраняют какие-то черты, привычки своих прежних статусных позиций, продолжают себя оценивать по старым меркам. Но социальное окружение, среда воспринимает их уже в новой ипостаси, в соответствии с их новыми ролями. Бывшего завсектором отраслевого научно-исследовательского института, кандидата химических наук, воспринимают на рынке в его тесном киоске по продаже косметики как продавца, а не разработчика нового полимера. А бывшую лучшую учительницу района оценивают в итальянской семье, где она ухаживает за престарелым инвалидом, не через призму педагогического мастерства, а того, хорошая она прислуга или нет. Вряд ли эти люди в душе, в своем сознании однозначно приняли навязанные им роли, тем более, что эти роли снизили их прежний общественный статус, лишили прежних возможностей самореализации и самоутверждения. Разлад между тем, как человек воспринимает социальное окружение, а социальное окружение воспринимает его, приводит к большой личной драме, к психологическим проблемам. И эти проблемы приобрели сегодня не индивидуальный характер, а массовый, они стали социально типичными.

Большинство людей не может приспособиться к новым, рыночным реалиям, к обществу, в котором все решают деньги. На вопрос исследования Института социологии НАН Украины в 2007 году: «В какой мере Вы приспособились к нынешней жизненной ситуации?» только 16% отвечают, что они активно включились в новую жизнь, рыночные отношения кажутся им естественным образом жизнедеятельности. Большинство же людей переживает растерянность, дискомфорт, чувствуют себя «не в своей тарелке». 32% опрошенных пребывают в постоянном поиске себя в ны-

нешней жизни. Кто-то пытается завести собственное дело, кто-то зарегистрировался в службе занятости и ожидает, что ему предложат работу, кто-то полез в старый шахтный шурф добывать металлолом или вырыл на заброшенном угольном пласте копанку и пытается с нее жить, кто-то поехал искать счастья в Россию, Польшу, Италию, Португалию... Но больше всего тех, кто не имеет желания приспособливаться к нынешней ситуации, живут как придется, ожидают изменений. Таких 38%. Это наиболее типичная категория людей в нашем обществе – они сидят и ждут. Это они наиболее восприимчивы к сладким обещаниям политических демагогов, которые обещают перед каждыми выборами, что сделают всех счастливыми.

Противоестественность нынешнего жизнеустройства наиболее ярко проявляется в восприятии его молодежью. Казалось бы, что молодыми людьми эти условия должны были бы восприниматься как нормальные, обычные, поскольку именно в них они начали себя осознавать как личности, стали взрослыми. Однако даже среди молодежи в возрасте до 30 лет доля приспособившихся к новым реалиям, которые им кажутся вполне естественными, составляет всего 23%. Но больше всего тех, кто пассивно ждет чего-то лучшего, среди людей старшего поколения – 59%. Они совсем потеряли веру в себя.

Существующим ныне в Украине общественно-политическим строем, согласно тому же исследованию, недовольны подавляющее большинство граждан. В целом он устраивает только 4% опрошенных. А 42% считает, что существующий общественно-политический строй необходимо изменить кардинальным образом. По мнению еще 47% респондентов, существующий общественно-политический строй надо постепенно улучшать реформами. Причем наиболее решительно настроены менять общественный строй кардинальным образом жители западного региона – 50%. На востоке и юге такой точки зрения придерживается только 36–37% жителей. И, соответственно, реформистски настроенных граждан больше всего на востоке страны – 41%, а меньше всего на западе – 33%.

В заключение отметим, что в современных обществах социальная структура общества является значительно более динамичной, чем даже в самых передовых странах 100–150 лет назад. Данное качество современной социальной структуры выдвигает задачу постоянного изучения динамики состава социальных групп и классов, реального состояния отношений между групп

пами и классами, анализировать объективные интересы общественных групп, раскрывать социальную перспективу каждой из них. Надо прогнозировать, какие социальные слои затухают и исчезают, какие зарождаются и становятся наиболее массовыми, изучать их формирующиеся социально-психологические особенности. К сожалению, новая социальная структура украинского общества, которая сложилась в последние два десятилетия, остается практически неизученной. И пока интереса к ее изучению не проявляют ни государство, ни другие социальные субъекты. Очевидно, что такое положение дел кому-то выгодно. Не выгодно оно только самому украинскому обществу.

Литература:

1. Все статистические данные здесь и далее приводятся по книге “Статистичний щорічник України за 2009 рік”. — К. — 2010.
2. Сергей Степашин. От неравенства не уйти. — Независимая газета. — 2008. — 15 апреля.
3. Барт Ролан. Буржуазия как анонимное общество. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М. — 1994. С. 72—130.
4. <http://www.pravda.com.ua/articles/2011/02/18/5932432/>
5. <http://www.krugosvet.ru/articles/125/1012515/1012515a1.htm>.
6. <http://oglydach.com/news/2006/12/29/128371.htm>.
7. Соколовская Я. Самые богатые люди на Украине — политики и их спонсоры. — Известия в Украине. — 2006. — 5 июля.
8. <http://www.pk.kiev.ua/country/2007/03/11/100005.html>
9. <http://www.pravda.com.ua/news/2008/2/28/72343.htm>
10. <http://news.mail.ru/inworld/ukraina/society/5475522/>
11. Зигмунт Бауман. Пять прогнозов и множество оговорок. — Иностранная литература. — 2006. — №8.

3. ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ КЛАССОВ И ГРУПП

Социальные интересы в науке рассматривают как один из элементов мотивационно-потребностной сферы личности. Социальный интерес – это совокупность побуждений к действиям, поступкам, другим видам социальной активности в виде мотивов, установок, ценностей, идей и т.п., причиной которых являются общественные отношения (экономические, социальные, политические, правовые, профессиональные, этнические, культурные и т.п.) групп и общностей, в которые включена личность. Интерес – это благо, выгода, ценность для субъекта, которые он намеревается, в конечном счете, получить, достичь, утвердить, включаясь в общественные отношения. Интерес – это то, что касается меня, а также тех, кто в каком-то отношении находится в таком же положении, как и я.

Следовательно, в наиболее обобщенном плане социальные интересы отражают выгоду социального субъекта, которую он хотел бы достичь, исходя из его положения в системе отношений в обществе, в социальном пространстве. Выгода социального субъекта в системе отношений в социальном пространстве может как совпадать, так и не совпадать, сталкиваться с выгодами других социальных субъектов, противостоять им, что приводит к социальной напряженности и конфликтам. Социальные интересы могут быть как материальными, так и идеальными, как реальными, так и иллюзорными, ложными.

Одним из сложных вопросов, связанных с проявлением социальных интересов, а следовательно, и с их изучением, является характер осознания интересов как познающим субъектом, так и субъектом социальных практик, как отдельной личностью, так и социальными группами.

Интересы являются продуктом человеческого сознания. И как всякий результат сознания они могут быть предметом отражения разных типов социальных субъектов. Как правило, они и являются одновременно предметом разных ракурсов отражения. Они могут быть теоретическим, научным отражением реальных отношений социальных субъектов, но могут и быть тем видом отражения, который существует в обыденных практиках широких масс, тем видом отражения, который называют социальным во-

ображением (или социальным воображаемым), социальными представлениями, социальным познанием. Так, Чарльз Тейлор использует понятие социального воображаемого, под которым он понимает «нечто более широкое и глубокое, нежели просто интеллектуальные схемы, которые люди могут привлекать себе в помощь, рассуждая о социальной реальности отстраненно и отвлеченно». По его мнению, это «способы, благодаря которым они представляют собственное существование в социуме, свои взаимоотношения с другими людьми, ожидания, с которыми к таким контактам обычно подходят, и глубинные нормативные идеи и образы, скрывающиеся за этими ожиданиями»(1). Понятие социального воображаемого Ч.Тейлора очень близко понятию социального представления С.Московичи, который его определял как «универсальный социально-психологический феномен, включающий все формы познания», объединяющий «идеи, мысли, образы и знания, которыми совместно пользуются члены коллектива (общности)» (2). Феномен обыденных представлений людей о своем месте в обществе, в системе социальных отношений рассматривает в своих работах Г.Андреева. Она говорит о познании социального мира обыденным человеком, непрофессионалом, познании им повседневной реальности своей собственной жизни и называет его социальным познанием. В непосредственном жизненном опыте человека складывается «знание», которое не равнозначно научному знанию (3).

Поэтому задача познающего субъекта (ученого, науки как института) состоит не только в том, чтобы отразить то, каким может быть наиболее адекватное отражение социальных отношений групп, агентов практики, воплощенных в интересе, но также изучить и то реальное, обыденное «знание» социальных интересов, которым обладают рядовые люди, а также те социальные группы, которые они составляют.

Следовательно, социальные интересы относятся к тем феноменам действительности, которые являются предметом постоянной рефлексии людей. Причем отражение субъектами социальных интересов не сводится к названным выше двум типам рефлексии. Социальные интересы постоянно предстают как результат и идеологического, и политического отражения. Последние не сводятся ни к научной, ни к обыденной рефлексии. Они отражают и формулируют содержание интересов групп и классов под углом зрения выгоды их реализации (правда, не всегда именно тех групп и классов, о которых они говорят, но и тех групп и

классов, о которых они умалчивают). Кроме того, социальные интересы являются результатом идеологического отражения. Субъекты идеологии решают задачу представления действий групп и классов (если они являются идеологами именно этих классов) по реализации своих интересов в привлекательном для общества виде.

В этом контексте следует сказать еще и о группах давления, которые пытаются обеспечивать наиболее полную реализацию интересов лоббируемых ими групп при решении связанных с этим задач в пространстве законодательной, исполнительной и судебной власти.

Сами же члены классов и групп оказываются под влиянием всех названных субъектов отражения их социальных интересов, пытающихся навязать свои представления об этих интересах. Кроме того, члены групп и классов, имея свое представление о групповых интересах, которое сформировалось у них на основе собственного социального опыта, имеют различное представление о своем групповом интересе: во-первых, каждый из членов группы в зависимости от целого ряда факторов (образование, возраст, социальный опыт, мировоззрение, социальные установки и другие) по-разному представляет эти интересы, во-вторых, каждая из групп имеет разный уровень представлений о своих интересах, в-третьих, представления и личностного, и группового субъектов постоянно изменяются, находятся в постоянной динамике. В конечном итоге складывается очень сложный и противоречивый процесс бытия индивидуальных и групповых социальных интересов. Реальную картину общественного существования и проявления интересов можно назвать феноменологией интересов.

В современных условиях социальные интересы на уровне обыденного сознания членов групп выступают как мыслительный продукт, интегрирующий в себя повседневные представления о своих выгодах, понятых через призму своего места в системе социальных отношений, а также различные виды знания, идеи, ценности, полученные в процессе систематического обучения, образования и под влиянием СМИ. Такого рода ментальные конструкции, в которых сплавлены воедино рациональные и эмоциональные элементы, научные и обыденные знания, называют социальными представлениями. Мы не отождествляем понятия социального интереса и социального представления, а лишь подчеркиваем, что в практическом поведении человека социальный

интерес приобретает форму социального представления. Но это не отменяет существования социального интереса в других формах общественного сознания. Из этого следует, что социальные интересы в массовом сознании приобретают форму социальных представлений, социальных воображений, социальных знаний: в теории – в виде научных понятий, в идеологии – в виде идеологем, в политике – политических мифологем, стереотипов.

Следовательно, в обществе сосуществуют, соперничают и противоборствуют разные представления об интересах одной и той же социальной группы.

На уровне повседневной практики социальные интересы класса, группы осознаются этими коллективными субъектами на разном уровне понимания. Причем, если говорить о больших социальных группах, то следует еще выделять внутренние группы в составе больших групп, различающиеся степенью осознания своих общегрупповых интересов. Скажем, в среде рабочего класса выделяются отраслевые или профессиональные группы, которые существенно различаются как уровнем осознания своих интересов, так и уровнем активности по их достижению, реализации.

Сложный процесс формирования групповых интересов по-разному был описан в различных социологических и политологических теориях. Наиболее полно и всесторонне он разработан в марксистско-ленинской теории. К.Маркс зафиксировал два полюса состояния классового сознания – «класс в себе» и «класс для себя» (4). Позже В.И.Ленин конкретизировал эти крайние состояния группового сознания и ввел понятия классового чувства и классового инстинкта (5), экономического или тредюнионистского сознания, политического революционного сознания, а также соответствующие этим уровням сознания уровни развития классовых интересов. А.Грамши изучал процесс становления и развития классовых интересов, подверг анализу различные внешние общественные факторы, которые существенно влияют на степень развитости групповых интересов, показал механизмы оформления их в определенные политические требования. В частности, он ввел понятие артикуляции интересов, которое отражает процесс преобразования смутных представлений, нечетких, расплывчатых мнений о своих интересах членов группы в относительно строгие формулировки. А.Грамши и Д.Лукач также проанализировали условия формирования отчужденного или неистинного, лжесознания классов, и возникающие на их основе

групповые псевдоинтересы: иллюзорные, внушенные, подмененные (6).

В дальнейшем в процессах развития и функционирования групповых интересов был выделен такой аспект, как агрегация интересов. Этим термином называют процесс интеграции, объединения разрозненных частных требований членов класса или группы, установление между ними связей, в том числе и иерархических (7).

Таким образом, в процессе изучения социальных групповых интересов было выявлено, что без специализированной познавательной деятельности сами члены социальных групп глубоко проникнуть в смысл своих групповых интересов не могут. Как правило, социальные интересы постигаются теоретически, не самой группой, а кругом лиц, специализирующихся на познавательно-теоретической рефлексии интересов групп – ученых, политиков, идеологов, политтехнологов, лоббистов. Эти специализированные команды постижения групповых интересов стремятся передать, внедрить в сознание членов группы те знания и представления о групповых интересах, которые они выработали. На этой основе, под воздействием целенаправленных и стихийных факторов, формируются обыденные представления, социальные воображения членов групп о своих социальных интересах.

Члены группы самостоятельно могут осознать свои интересы всего лишь на уровне обыденной рефлексии. В.И. Ленин этот уровень осознания классовых интересов назвал тред-юнионистским сознанием. Кроме того, стало ясным, что профессионально отрефлектированные, теоретически изученные групповые интересы могут остаться вещью в себе, если их не донести до сознания членов групп. Процесс внедрения в сознание членов групп смыслов их интересов представляет сложную, разностороннюю работу. Ее берут на себя партии и профсоюзы, проводя пропаганду и агитацию. Но так было только на начальном этапе существования этих социальных институтов. Если на первых этапах данную работу выполняли сами политические партии и профсоюзы в виде партийной и профсоюзной пропаганды, то затем, по мере развития соответствующих технологий, ее взяли на себя специализированные общественные институты, в первую очередь средства массовой информации, а также институты государственной власти, система образования, институты культуры. Основными их функциями в этом направлении являются формирование социальных идеалов, ценностей, позиций, ориентиров адекватных природе

существующего общественного строя, с последующей артикуляцией и агрегацией на основе господствующих в обществе ценностей интересов социальных групп.

Понятие интереса охватывает огромное пространство явлений, имеющих различное содержательное наполнение, многообразные уровни проникновения в сущность и смысл этих явлений социальными субъектами, многочисленные формы их социального выражения. Тема социальных интересов имеет разные направления проявления. Поэтому в познавательном плане она является, во-первых, междисциплинарной. Социальные интересы изучаются философами, историками, социологами, политологами, юристами, эстетиками, культурологами и т.д. Во-вторых, данная тема в каждой из наук имеет достаточно большую исследовательскую историю, разные методологические подходы к ее изучению. В-третьих, даже в рамках одной науки открываются разнообразные аспекты изучения социальных интересов.

Чтобы ограничить круг проблем, в данной работе мы сосредоточим свое внимание на формах и способах проявления интересов социальных групп в повседневной практике. Мы хотели бы обратить внимание на феноменологическую сторону социально-групповых интересов. Феноменологию мы рассматриваем как непосредственное восприятие, осознание, описание субъектом форм проявления какого-либо явления. В данном контексте под феноменологией социальных интересов мы подразумеваем уровень непосредственного восприятия, понимания социальных интересов самими их субъектами, тот уровень осознания своих социальных интересов, который существует у них на данный момент, а также имеющееся общественное мнение по поводу интересов определенных социальных групп.

Такой подход позволяет рассмотреть проблему не только через построение идеальных теоретических конструкций интересов в их самоданности, не через сущностное представление объекта, но, прежде всего, через анализ тех проявлений интересов групп, с которыми мы непосредственно встречаемся в повседневном бытии. Благодаря такому подходу наши представления о групповых интересах обогащаются тем аспектом, в котором присутствует процесс становления, формирования, субъективного конструирования, расшифровки, интерпретации этих интересов в сознании носителей.

Каждый отдельный человек не может глубоко проникать в сущность и ясно осознавать все свои социальные интересы. При-

надлежа к десяткам общественных групп, реагируя на них формированием соответствующих идентитетов, то есть групповых идентичностей, он успевает на каждый данный момент времени на основании своего личного опыта формировать свои представления лишь о некоторых из них, являющихся наиболее актуальными, наиболее активно отобризованными в данный момент времени. В течение жизни он накапливает определенный жизненный опыт, позволяющий ему лучше понять свои жизненные интересы. Однако многие интересы так и останутся для него толком не осознанными.

Кроме того, феноменология социальных интересов каждый раз разворачивается в зависимости от того, как субъект интересов понимает, интерпретирует социальную реальность. Ведь человек реагирует не на реальность, а на то, как он ее себе представляет. В наше время – время многообразных «интерпретаторов» мира, в котором мы живем, – СМИ, искусство, Интернет, реклама и т.п. – профессионально готовят образы этого мира и не только щедро предлагают, но настырно навязывают их населению, вторгаясь в сферу его сознания, включая и подсознательный уровень.

Поэтому можно обозначить два подхода к познанию социальных интересов. Первым является гносеологический подход как процесс становления научного понятия, которое отражает выгоду, пользу социального субъекта, занимающего определенную позицию, статус в системе объективно существующих социальных отношений. Целью такого подхода является выстраивание, конструирование идеальной теоретической модели интересов социального субъекта. Ее можно представить в виде сложной структуры, в которой одни интересы являются наиболее важными для субъекта, другие чуть менее значимыми, третьи – еще менее важными и т.д., и таким образом выстроенными в один иерархический ряд. Некоторые социальные интересы равнозначны для субъекта и находятся в одних и тех же горизонтальных рядах.

Второй подход предполагает создание феноменологической модели социальных интересов, в которой бы отражались реальные представления социального субъекта о своих интересах: и уровень познавательного проникновения в сущность интересов, и разнообразные искажения, деформации, которым подверглись представления о его интересах в процессе социального бытования (их интерпретации, представленные в СМИ, Интернете, ис-

кусстве), а также как результат различного рода социальных принуждений (8).

В связи с тем, что социальные интересы представляют собой ту субъективную реальность, которая связана с социальными представлениями людей и отношениями, основанными на них, то некоторые авторы считают ошибочной постановку вопроса о существовании каких-либо «объективных» социальных интересов. В связи с этим заметим следующее. Во-первых, следует признать факт существования объективных отношений членов социальных групп, определяющий их объективную позицию в этой системе отношений, а, следовательно, и объективный интерес, который может стать предметом теоретического познания. Во-вторых, в гносеологическом плане мы признаем, что это знание можно охарактеризовать так: «знать – это значит обладать присутствием реальности такой, какова она есть», а «знание есть мысленное или языковое выражение этого присутствия», т.е. «знание есть представление того, каковы вещи на самом деле». «Любая эпистемология должна предполагать не только это понимание знания (в противном случае она была бы не теорией познания, а теорией чего-то другого), но и предполагать, что знание как таковое вообще возможно» (9). Когда речь идет о становлении групповых социальных интересов в гносеологическом плане, то строится познавательная идеальная модель этого процесса. Он раскрывается как последовательные этапы в состоянии сознания группы, которые ведут ко все более полному и точному осознанию своих объективных интересов.

Конечно же, сам факт существования объективного интереса как результата наличных социальных отношений не означает наличия такого интереса как феномена, присущего в данный момент в личностном или групповом сознании. Об объективном интересе можно говорить только лишь как о возможности, как наиболее выгодной для группы вероятностной самореализации в системе общественных отношений. В реальной социальной практике процессы формирования групповых интересов так никогда не проходят. В действительности объективный интерес сам по себе, стихийно, без специально организованных познавательных усилий социальным субъектом не осознается. Описанная схема является всего лишь одним из способов рефлексии социальных интересов – это путь научной рефлексии.

Интересы конкретных социальных групп в конкретный момент как предмет познания требуют другой логики и методологии

их изучения. Они должны рассматриваться как общегрупповые социально-психологические феномены, которые испытывают на себе воздействие наиболее значимых элементов группового сознания, а последние – рассматриваться в динамике непрерывных изменений. Иначе говоря, чтобы понять реальные групповые интересы во всей их полноте, они должны рассматриваться не только в гносеологическом плане, но и в феноменологическом.

Перейдем к рассмотрению феноменологии социальных интересов. При этом нас будет больше интересовать феноменология, а не гносеология групповых социальных интересов. В теоретическом отношении тема социальных групповых интересов, их феноменологии остается наименее разработанной, особенно интересов больших социальных групп. Такое положение вещей связано с тем, что уровень теоретического осмысления сущности больших социальных групп и их общественного бытия, функционирования желает лучшего. Имеется много причин тому, что в огромном количестве работ, заявленных как научные, теоретические представления о больших социальных группах находятся на уровне представлений конца 19 – начала 20 века. Прежде всего, это связано с тем, что изучением больших социальных групп занимается мало серьезных исследователей как в социологии, так и в социальной психологии. Кроме того, имеются объективные трудности, связанные с возможностями эмпирической верификации феноменов, проявляющихся в группах, насчитывающих миллионы и десятки миллионов людей.

В чем специфика интересов группы в отличие от интересов личности?

Групповые феномены имеют ряд характеристик, которые присущи только им. Это такой важный признак, как то, что групповые феномены не существуют нигде, кроме личности, но вместе с тем они отличаются от личностных феноменов сознания. В чем же состоит эта специфика? Прежде всего в том, что групповой феномен образуется как результат взаимодействия личностей, принадлежащих к группе. К тому же взаимодействие личностей в группе разворачивается в соответствии с определенными закономерностями, происходит по определенному образцу, по определенной модели.

Личностные интересы людей, даже входящих в одну группу, заметно отличаются. Личностные интересы являются элементом системы «личность» и они отражают характер, закономерности взаимодействия элементов внутриличностной системы. А груп-

повые интересы являются элементом отношений и взаимосвязей системы «группа». Поэтому групповые интересы можно понять только через характер функционирования внутригрупповых отношений.

Чтобы понять, что существуют групповые интересы, отличные от личностных, достаточно представить поведение личности, которая выбирает стратегию поведения, будучи автономной, и представить ее же поведение, когда она осознает себя членом группы (малой, средней или большой).

Об интересе группы как реальном феномене можно говорить только тогда, когда входящие в нее люди осознали себя членами группы, то есть, когда у них состоялась идентификация с группой и на этой основе они ощущают, осознают определенные выгоды для группы как ее интерес. Если же такое состояние сознания не сформировалось, тогда можно вести речь только об объективном интересе, о потенциальном интересе группы. Хотя реальным, актуальным интересом он может так никогда и не стать.

Деление общества на социальные классы, этнические, языковые и религиозные общности, занимающие различные статусы в обществе, формирует у них объективно отличные интересы. Общество как целостная система состоит из социальных групп, объективные интересы которых существуют в виде потенциальных значений и смыслов. Реальными, хотя бы для профессионально познающего субъекта, они становятся тогда, когда теоретически «извлечены». В силу разных причин социальные групповые интересы часто остаются неизвлеченными. Можно сказать, что исторически они преимущественно были неизвлеченными и лишь изредка становились предметом теоретического внимания.

Мы здесь не касаемся вопроса об уровне постижения этих смыслов членами социальных групп. Эта интереснейшая тема требует отдельного серьезного теоретического разговора. Отметим только, что для постиндустриальных обществ характерной чертой является высокая скорость протекания социальных процессов, быстрая смена событий, «мелькание» социальных сюжетов, то есть быстрая смена социальных ситуаций, в которых пребывают личность и группы. Высокая динамика социальной жизни порождает новый феномен – неуспевание постижения смыслов происходящего, рост числа неизвлеченных смыслов, что в конечном итоге приводит к состоянию, которое Ф.Гиренок назвал «режимом неизвлеченных смыслов» и «антропологической катастрофой». «В мире антропологической катастрофы, – отмечает

ученый, – скорость смены одного события другим так велика, что значения и смыслы не успевают осесть. Выпасть в осадок. А если они и кристаллизуются, то мы их не успеваем сделать фактом сознания. Поэтому сегодня каждому из нас приходится жить в режиме неизвлеченного смысла. В мире неясного и неочевидного. А если мир неясен, если он лишен смыслов, то в нем невозможно и напряжение воли. А если в мире нет воли, то в нем нет и того, что существует, если мы хотим, чтобы оно было. Предметы воли и веры исчезают, растворяются в мире причинных зависимостей. Мир как бы проседает» (10).

Уже только по этой причине между объективными интересами и реально актуализированными интересами групп никогда не бывает не только тождества, но очень часто даже приближительной адекватности. Но несовпадение объективных и реально присущих группе интересов не сводится только к этой причине. Причин такого положения есть несколько. Наиболее значимыми являются следующие: а) Каждая из групп вырабатывает (или заимствует, получает от других социальных субъектов) свою картину социального мира, наполненного смыслами и значениями и, таким образом, в обществе одновременно существует несколько картин мира; б) Между картинами мира социальных групп существуют не только различия и противоречия, но и реальное противоборство за гегемонию своих представлений в общественном пространстве. В связи с этим возникает проблема объективной социальной реальности и ее адекватного отражения.

Кроме того, между теоретическими картинами мира и реально существующими картинами в сознании членов этих групп всегда имеются различия, связанные с процессом трансформации, перевода, внедрения теоретико-понятийных представлений в обыденно-реальные представления. «Приходится констатировать, – пишет Л.Косова, – что знаниевые структуры бытуют в массовом сознании по правилам, отличным от системы отрефлексированных исследовательских представлений. Исследовательские категории, перейдя на уровень массового сознания, втягиваются в контексты повседневного опыта и наполняются смыслами обыденной жизни» (11).

Когда говорят о социальных интересах групп, то подразумевается, что группы как социальные субъекты имеют сформированную идентичность, достаточно ясно осознают свои цели, у них имеется устойчивая структура ценностей, норм, других групповых феноменов. Очевидно, что с точки зрения методики научно-

го анализа проблемы так и надо рассуждать. Нельзя же одновременно анализировать все. Однако, если мы хотим приближаться к истине, то необходимо помнить, что реальные социальные группы находятся на разных уровнях сформированности идентичности, развитости групповой солидарности, усвоенности и осознанности групповых ценностей и норм, групповой воли, коллективной памяти, групповой ответственности и других феноменов. Следовательно, чтобы понять действительные для определенного времени, т.е. те, которые наличествуют, скажем, на сегодня, интересы конкретной социальной группы, надо изучить и эти стороны групповой жизни, эти ее характеристики, а затем показать процесс взаимодействия всех групповых феноменов и как его результат – наличествующий групповой интерес. Представление о действительных интересах конкретной группы мы можем получить при условии, что рассматриваем ее как целостное образование, некоторую систему, в которой интересы являются одним из элементов, подчиняющихся внутренним закономерностям ее развития.

На практике групповые интересы проявляются в определенной форме и определенном виде. Характеристики данного феномена находят выражение в уровне осознания интересов членами группы, в их готовности к действиям по реализации интересов (развитость коллективной воли, наличие опыта совместных действий, проведения соответствующих акций), в социально-психологических предпосылках реализации групповых интересов (характере и уровне развития групповой идентичности, наличии традиций, сохранении и воспроизводстве групповой памяти, уровня развитости групповой солидарности, степени сформированности групповой воли и готовности к действию). Различные варианты сочетания этих характеристик образуют типы проявления групповых социальных интересов.

Рассмотрим более подробно названные феномены под углом зрения их влияния на формирование групповых социальных интересов. Начнем с феномена групповой идентичности. Процесс уяснения, осознания личностью себя в системе человеческих отношений, своего места в системе социальных связей, своей принадлежности к социальным группам и своего места в этих группах называется социальной самоидентификацией. Социальную идентичность рассматривают как комплекс представлений личности о своем месте в обществе, о своей принадлежности к группам, о разделяемых группой ценностях, мировоззренческих, политиче-

ских и культурных ориентирах. Сформировавшаяся социальная идентичность оказывает влияние на мотивационную сферу личности, на представления субъекта о своих интересах. А в группах, образовавшихся на основе единства социокультурных ценностей их членов, именно идентичность определяет интересы личности.

Следовательно, осознание личностью, как и группой, своего интереса входит в один комплекс с процессом самоидентификации, идентификации с группами и общностями. Без идентификации социальный субъект не может выявить свой интерес – ни личный, ни групповой. Идентифицировав себя определенным образом, социальный субъект тем самым принимает определенные ценности, социальные представления, образ мысли, а, следовательно, и определенный образец социального поведения. Те группы, с которыми идентифицирует себя личность, в значительной мере рассматриваются ею как референтные группы. Самоидентификация означает и субъективную включенность в соответствующую группу, эмоционально-чувственное отношение к миру через эту общность, с позиций данной группы.

Однако характер, тип внутригрупповых коммуникаций, от которых зависит как качество идентичности, так и выраженность и степень осознанности групповых интересов, существенно различаются в малых и больших социальных группах, а также сами большие группы, несмотря на один и тот же термин, которым они называются, принципиально отличаются в зависимости от формационного или цивилизационного (в зависимости от социально-философских позиций исследователей) этапа, то есть, от этапа развития человеческого общества.

Чтобы лучше понять качественную специфику больших социальных групп, сделаем отступление от анализа феномена идентичности и более подробно рассмотрим, в чем же заключаются эти особенности для разных исторических эпох.

В условиях феодального общества не было социальных классов в том смысле, как они сформировались в капиталистическом обществе. Для традиционного общества характерными были сословия. Они были одним из элементов в иерархическом порядке социальной структуры, а их специфика состояла в том, что члены сословия получали свои права, обязанности и привилегии по наследству, которые были закреплены в обычае или законе, но, как правило, и в том, и в другом. Члены сословий живут в одинаковых социальных условиях, что является объективной основой отнесения их к одной социальной группе. Уровень раз-

вития социальных коммуникаций в традиционных обществах был крайне низким (в силу отсутствия общесословных организаций, механизмов и способов представительства интересов всего сословия). Поэтому члены сословия таковыми были лишь номинально, а социальная группа была достаточно простой по характеру внутренних связей. Это было объединение агрегатного типа. Например, что собой представляло сословие французского парцелльного крестьянства и каков характер социальных связей этой большой общественной группы прекрасно описал К.Маркс: «Парцелльные крестьяне составляют громадную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая, однако, в разнообразные отношения друг к другу. Их способ производства изолирует их друг от друга, вместо того чтобы вызывать взаимные сношения между ними. Это изолирование еще усиливается вследствие плохих французских путей сообщения и вследствие бедности крестьян... Парцелла, крестьянин и семья; рядом другой крестьянин и другая семья. Кучка этих единиц образует деревню, а кучка деревень – департамент, таким образом, громадная масса французской нации образуется простым сложением одноименных величин, вроде того, как мешок картофеля образует мешок с картофелем. Поскольку миллионы семей живут в экономических условиях, отличающих и враждебно противопоставляющих их образ жизни, интересы и образование образа жизни, интересам и образованию других классов, – они образуют класс. Поскольку между парцелльными крестьянами существует лишь местная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации, – они не образуют класса» (12).

Социальные классы капиталистического, или по другой терминологии индустриального общества, образованы по другому принципу. Главными критериями их отличий является место, занимаемое ими в системе общественного разделения труда, отношение к средствам производства, их роли в общественной организации труда, способам получения и размерам получаемой доли общественного богатства (В.И.Ленин). В контексте нашего анализа важно обратить внимание на то, что члены социальных классов индустриального общества не получают по наследству никаких социальных прав, они обладают большой автономией в обществе. Тем не менее, их образы жизни в рамках этих больших групп имеют много общих типичных черт, формируют классо-

вых индивидов во многом с совпадающими социальными характеристиками, общей для них картиной мира, социальной культурой и т.п. Жизнь одного социального класса отделяет от жизни другого класса социальная дистанция, труднопреодолимые межклассовые барьеры. Различия формируют противоречия между классами, лежат в основе конфликтов их интересов. Такая структура и порядок общественной жизни индустриального общества облегчает членам класса процесс социально-групповой, классовой самоидентификации.

Возвращаясь к анализу явления самоидентификации, отметим, что ощущение и осознание личностью своей принадлежности к тому или иному классу в такой социальной среде происходят непроизвольно, поскольку они в повседневной жизни очевидны: род занятий, уровень образования, район проживания, тип жилища, одежда, характер потребления, особенности проведения свободного времени и т.д. заметно различимы, своеобразны. Круг социальных связей личности был определен преимущественно в рамках одного социального класса, одного социального сословия и даже одного социального слоя.

Смена социально-классовой или сословной идентичности в течение жизни личности в этом типе социума была практически невозможной и если такое происходило, то это относилось к случаям исключительным и девиантным. Сословно-классовый характер общества формировал такие социальные условия, в которых личность могла достаточно уверенно прогнозировать свои социальные статусы для всех этапов своей жизни.

В традиционных обществах социальная структура была стабильной, а в границах человеческой жизни практически одной и той же. Соответственно и ее идентичности были жестко заданными и четко очерченными, крупными, емкими и наполненными. В традиционном обществе в личностном сознании групповая идентичность была доминантной и она обуславливала то, что члены группы, класса строили свое социальное поведение в большей мере как типовое групповое, а не уникальное личностное, подчиненное реализации индивидуального проекта жизни. В подобных обстоятельствах и социальные интересы группы проявлялись значительно более прозрачно, легче осознавались членами групп. Поэтому в традиционном обществе для личности было понятным, значимым, важным и убедительным стоять на страже своих групповых интересов, защищать их, добиваться их полной реализации.

Сложность осознания групповых интересов в современном обществе связана с тем, что оно существенно усложнилось по сравнению с традиционным обществом. Социум развивается по линии возрастания автономии личности, ее суверенности и сокращения степени выраженности типовых групповых признаков. По мере роста образованности населения, усиления вертикального социального лифтирования, система общественных связей личности в классовом, в групповом социальном пространстве существенно изменилась, приобрела разнообразный, диверсифицированный в классовом отношении характер, и, таким образом, система социальных связей личности стала более сложной, социально многоуровневой. Личность одновременно принадлежит ко все большему числу социальных групп и обретает все больше и больше социальных ролей. Раньше групповая принадлежность имела более выраженный характер: она включала набор человеческих качеств, тесно связанных с данной социальной группой. В постиндустриальном обществе происходит автономизация личности через усложнение набора социальных характеристик и как следствие этого размывание достаточно высокой внутригрупповой однородности личностей, характерной для прежних социальных групп.

В социологии слабо отрефлексирована технологическая и организационная основа автономизации личности. Мало внимания уделяется такой характеристике общественного устройства, как общественное разделение труда, особенно его институционально-организационной стороне. В индустриальном обществе многие формы жизнедеятельности были коллективными в своей основе: люди работали в больших цехах со многими десятками рабочих, кино можно было посмотреть только в кинотеатре, вместе с другими зрителями, книги и журналы многие читали в библиотеках, семьи были большими, многопоколенными.

Теперь формы жизнедеятельности все больше приобретают либо индивидуальный, либо камерный характер – многие работают в офисах с небольшим числом работников, семьи тоже малые, нуклеарные, на работу ездят на личных автомобилях, читают газеты, журналы, книги, смотрят фильмы на индивидуальных экранах (электронные книги, ноутбуки, плазменные экраны). Конечно, еще остаются и производственные цехи с сотнями работников, и работают кинотеатры, и многие люди продолжают пользоваться общественным транспортом и т.д. Но тенденция автономизации форм жизнедеятельности налицо.

Благодаря этому биография каждой личности становится все более уникальной, а ее жизненный путь становится в значительной мере собственным проектом, а не заданной классовым статусом судьбой (13). Естественно, такие изменения не могли не повлиять на характер восприятия и осознания ею своих интересов — классовых и групповых. Правда, в условиях выживания, в которых все еще пребывает украинское общество, у членов его основных социальных групп (за исключением горстки олигархов, банкиров, латифундистов) не хватает ресурсов для проявления свободы выбора, конструирования «индивидуальных биографий».

Еще одной особенностью современного общества является то, что членство в группах, в том числе и в больших социальных, не является постоянным, как это было раньше. У человека появляется больше шансов переходов из одной социальной группы в другую.

Теперь только некоторые социальные группы остаются для личности пожизненными. Наиболее устойчивыми являются ее принадлежности к этнической, языковой и религиозной группам, что, кстати, стало причиной возрастания их значимости в системе как межличностных отношений, так и в целом в общественных отношениях. Профессиональная группа далеко не для всех является пожизненной. Для многих характерны смена идеологических позиций, переход из одной политической группы, партии в другую. Неустойчивый, мобильный, изменчивый социальный статус личности приводит к тому, что она оказывается без устойчивых идентичностей. Художественная литература первой зафиксировала такую модель личности и определила ее как «человек без свойств» (14).

Но, к счастью, все же у людей свойства остаются, пусть и не такие устойчивые, как в былые времена. Одновременная принадлежность личности ко многим большим и малым социальным группам становится причиной того, что личностная идентичность становится заметно фрагментированной и мозаичной. Специфика проявления социальной идентичности с такой структурой состоит в том, что, во-первых, она актуализируется не в единстве всех своих элементов, всех аспектов, а только частями, фрагментами; во-вторых, они идентифицируются в разное время, с разной силой, с разной интенсивностью.

В этих условиях утверждается социальная полипозиционность личности. Она приводит к формированию сложной соци-

альной идентичности человека с ярко выраженной полиидентичностью, нередко с внутренними противоречиями личностной идентичности. Вместе с тем результатом указанных процессов является умножение социальных интересов личности, усложнение их структуры. Формируются новые комбинации социальных интересов, основанных на новых идентичностях.

В постиндустриальном обществе прежняя система представительства интересов социальных групп теряет свою эффективность. Отношения между членами новых, умножившихся социальных групп, и субъектами представительства старой социально групповой системы, усложняются. Рядовые члены высказывают неудовлетворенность деятельностью организаций, взявших на себя роль представителей интересов старых групп. Эти организации критикуют за бюрократизацию, замыкание на своих узких интересах, отчужденности от проблем простых людей. В конце концов граждане теряют к ним интерес, снижают свое участие в таких организациях.

Каждый из идентитетов личности не только позволяет ей ощущать свою принадлежность к некоторой общности, группе, но одновременно чувствовать и свое отличие от членов всех других общностей в этом ряду. В традиционном обществе различия посредством идентификации на «своих» и «чужих», выделение «мы» и «они» было укрупненным, генерализованным, поскольку общество разделялось на несколько больших социальных групп, в рамках которых существовали субгруппы. Сегодня же личность идентифицирует себя с множеством социальных общностей, часто имеющих характер статистических групп, которые воспринимаются ею как равноуровневые, равнозначные. У нее формируется множественная идентичность, а если учесть тот факт, что множественность идентичностей не всегда образует их органичность, то часто плюралистическая идентичность обретает качество гибридной, а то и механически-агрегатной идентичности.

Поскольку переходы между социально-классовыми, имущественными, образовательными, профессиональными группами стали возможными, более того, они знакомы личности как через примеры поведения других людей, так и через свой жизненный опыт, то у нее может появиться социальный интерес, связанный не только с той группой, к которой она сегодня принадлежит, но и с той, в которую она стремится попасть, той группой, которая стала для нее референтной.

Усложнившаяся структура сознания личности порождает новую структуру ее социальных интересов и новый характер их проявления.

Вхождение человека во множество социальных групп часто порождает феномен неупорядоченности собственных интересов во внутриличностном сознании. Далеко не все люди способны построить обоснованную, логичную иерархию своих интересов, вытекающих из факта своего вхождения в разнообразные социальные группы. Хаотичность представлений о своих интересах создает противостояние этих интересов во внутриличностном сознании даже среди тех интересов, которые в принципе не противостоят друг другу. Поскольку личность одновременно входит в группы, разделяющие взаимоисключающие ценности, то это еще больше усложняет ее поведение. Ее сознание содержит интересы, которые объективно противостоят друг другу и порождают действительные внутриличностные конфликты интересов. Последние могут иметь как социально-пространственную, функциональную природу, например, ролевые, так и социально-временную, например, между непосредственными, оперативными интересами и долгосрочными, стратегическими интересами человека.

Еще более сложными являются процессы самоидентификации личности, а, следовательно, и осознания своих групповых интересов в трансформирующихся обществах. Например, значительная часть ныне здравствующих украинских граждан пережила, а многие еще продолжают переживать, глубокую ломку своих социальных идентичностей. Что бы ни рассказывали сегодняшние новоявленные идеологи, критикующие недавнее прошлое, но у большинства людей в советское время были устойчивые социальные и гражданские идентичности. В данном случае не будем уделять внимание вопросу о степени осознанности и отрефлектированности людьми этих идентичностей. Главное то, что эти идентичности у них были и они создавали для каждой отдельной личности определенный социальный комфорт. Вместе с разрушением страны, государства, развалом целого ряда социальных институтов люди оказались перед острой и эмоционально напряженной проблемой формирования новых социальных идентичностей и новых социальных интересов. Многие вынуждены были сменить род занятий и профессию, осознать и признать себя членом новых социальных общностей, что предполагало формирование новых гражданских и политических идентичностей, а некоторым,

в силу ряда причин, даже освоение новых этнических идентичностей. Однако подобные макросоциальные процессы происходят не быстро. Все эти социальные, а вслед за ними и социально-психологические, катаклизмы проходят через сознание и души наших современников. Они оформляются в ряд специфических социальных феноменов. Так, для многих людей потеря прежних идентичностей вызывает аномию, растерянность, недоверие к социальным группам и институтам, а то и отторжение новых идентичностей, которые, казалось бы, они должны были принять в силу своего нового социального положения (15).

В подобных социальных процессах, если не ключевую, то, по крайней мере, важную роль приобретают нравственные аспекты общественного поведения личности. Падение общественной морали одних людей угнетает, а других воодушевляет на активность. П. Сорокин, описывая периоды социальных потрясений, отмечал, что люди свободные от моральных норм в «условиях зверской борьбы, лжи, обмана, беспринципности и морального цинизма...чувствовали себя великолепно; занимали выгодные посты, зверствовали, мошенничали, меняли по мере надобности свои позиции и жили сытно и весело». А их антиподы не выдерживали «раздражений среды», возмущались, протестовали, что навлекало на них преследования, наказания, а то и смерть (16). Однако многие люди противоречивость своей социальной позиции, свой внутриличностный конфликт интересов решают по-другому, не настолько драматично – через упрощение проблемы. Они рассуждают так: «если пользу, выгоду, удовольствие можно получить сейчас, хотя в отдаленном будущем этот шаг будет чреват для меня негативными последствиями, то лучше получить благо сейчас». Возможность реализации интереса через большой отрезок времени переводит его в разряд гипотетических и логика поведения личности выглядит следующим образом: «еще неизвестно, как сложатся обстоятельства в далеком будущем, а потерять реальную выгоду могу сейчас. Поэтому лучше синица в руке, чем журавль в небе». Именно так поступали многие украинские граждане на выборах, когда им предлагали мелкие подачки. Сам поступок, само конкретное поведение человека, конечно же, не может быть объяснено одним единственным фактором, скажем, стремлением безотлагательного получения выгоды. На выбор личности, на ее социальное поведение действуют многие факторы. Но в их число надо включать и описанный.

Таким образом, в постиндустриальных обществах самоидентификация личности с социальными группами, с одной стороны, становится более размытой, а с другой стороны — образуются социальные группы с нечеткими, размытыми, слабыми идентичностями их членов.

Как показывает современная практика, само по себе наличие групповой идентичности не гарантирует глубокого, адекватного понимания группой своих интересов, их успешной публичной манифестации, а тем более их достижения, реализации. Группа может достичь эффективного функционального состояния, рассмотренного с позиции достижения своих групповых интересов, в том случае, если в ней будут сформированы и развиты качества, укрепляющие ее единство. Это прежде всего моральные и социально-психологические качества, обеспечивающие поддержку друг друга членами группы. Если члены группы на уровне неформальных отношений придерживаются одних моральных принципов, то ее единство существенно возрастает.

Качественное состояние групповой идентичности может быть разным — от слабого эмоционально-чувственного ощущения связи ее членов с группой до высочайшего уровня интенсивности субъективного единства с ней. Эта сторона групповой идентичности рассматривается как групповая солидарность (17). Данное интегральное социальное качество характеризует как внутригрупповые, так и межгрупповые отношения. Солидарность подразумевает доверие, причем, прежде всего, внутригрупповое доверие. Понятно, что оно должно быть значительно более высоким между членами одной группы, чем между членами данной группы и представителями других групп. Конечно, солидарность может быть не только внутригрупповой, но и межгрупповой, а также всех членов общества. Без этого не может существовать само общество. Оно возможно тогда, когда есть хотя бы минимальная солидарность между его членами. Внутригрупповая мобилизация, организация межгруппового взаимодействия — это средства, обеспечивающие проявление солидарности членов группы.

Описываемый феномен во многом зависит от других групповых социально-психологических, коммуникационных и моральных качеств. Так, в тех группах, где имеется высокий уровень групповой сплоченности и развитой идентичности членов, значительно выше вероятность внутригрупповой и межгрупповой солидарности. В группах же с размытой идентичностью членов,

в атомизированных сообществах рассчитывать на солидарность трудно.

Сегодня все группы украинского общества и общество в целом испытывают дефицит солидарности. Уровень стихийной социальной солидарности как внутри социальных групп, так и между группами является крайне низким. Одной из причин такого состояния является то, что у нас в обществе сейчас крайне низкий уровень доверия как между членами общества в целом, так и между членами отдельных групп. Без этого качества группа превращается в формальную общность. Сегодня связи личности с социальными группами эмоционально ослабли. Даже признавая себя по своим объективным показателям принадлежащей к определенной социальной группе, далеко не каждая личность доверяет этой группе, солидаризуется с ней в отношении каких-либо социальных действий, в том числе и по защите своих социальных интересов. Например, по данным опроса Института социологии НАН Украины за 2009 год, больше всего готовы защищать свои интересы с членами своей группы работники образования, науки, культуры, здравоохранения и дошкольного воспитания. Среди них 63% готовы солидаризоваться с работниками группы, к которой они относят и себя. За ними идут предприниматели из среднего и мелкого бизнеса – 57%, работники финансовой сферы – 53%, работники промышленности, строительства и транспорта (без высшего или среднего специального образования) – 52%. Во всех других профессиональных группах имеется менее 50% участников, готовых отстаивать свои интересы с членами своих групп.

Однако приведенные цифры – это всего лишь слова, элементы вербального поведения. А реально, на практике, людей с развитым чувством солидарности еще меньше. У многих категорий работников потеряно, размыто чувство солидарности. Еще два десятилетия назад известны были высокой групповой солидарностью шахтеры. Они организованно выходили на митинги, пикеты, забастовки, протестные шествия, отстаивая свои групповые социальные интересы. Сегодня же они разъединены, атомизированы.

В угольной промышленности, как, кстати, и в других отраслях народного хозяйства, широко распространенным явлением стала невыплата заработной платы. Нередко шахтеры какой-либо шахты, которые не получали зарплату по несколько месяцев, идут на отчаянный шаг – они объявляют голодовку под землей. Однако шахтеры других шахт, как правило, их не поддерживают. Причин

для объяснения такого поведения они находят много. Главными причинами являются страх потерять работу и неразвитое чувство солидарности, слабое осознание своих стратегических, групповых, классовых интересов и, конечно же, отсутствие профессионального союза – организации, которой бы они по-настоящему доверяли. Такое состояние общественного сознания прекрасно знают и хозяева шахт, и их наемные менеджеры, и представители власти. Они перестали бояться организованного сопротивления шахтеров.

В такой общественной атмосфере через некоторое время оказываются в аналогичном состоянии шахтеры другой, затем третьей, четвертой и т.д. шахт.

Такие же проблемы солидарности существуют и среди членов других больших общественных групп – территориальных общностей, поколенческих когорт, образовательных групп и т.п.

По уровню развитости доверия между членами группы исключением является только семья. Это, с одной стороны, говорит о том, что наше общество еще остается, если и не традиционным, то, во всяком случае, обществом с ограниченным пространством доверия. У нас доверие сконцентрировано в рамках семьи, а за этими пределами выражено слабо. Из масштабных социальных институтов больше всего доверяют церкви. Но следует отметить, что церковь таковой является только в вербальной оценке. Ее влияние как организующего центра для реализации каких-либо общественных проектов невелико. Другие потенциальные центры доверия в обществе – профсоюзы, общественные организации, политические партии – пока не пользуются доверием.

Существенную роль в деле организации и мобилизации больших социальных групп могли бы сыграть лидеры, обладающие харизмой. Но к настоящему времени таковых лидеров практически нет. Для нашего общества их роль особенно значима, так как у наших сограждан все еще преобладают пассивные стратегии поведения, ориентации на внешний локус контроля. У нас люди не доверяют организациям, они рассчитывают только на себя и своих близких. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос упомянутого выше омнибуса Института социологии НАН Украины за 2009 год: «Что, на Ваш взгляд, лучше всего объединяет, сближает людей?». Самое большое число респондентов – 64% – считает, что лучше всего объединяют людей родственные и дружеские отношения. Кстати, этот ответ коррелирует с ответом на вопрос «Кому Вы доверяете?»

Следующим фактором, сплачивающим людей, респонденты назвали угрозу, опасность, то есть фактор, который соответствует экстремальной ситуации. Его назвали 36% респондентов. Но угроза объединяет людей при условии, что их кто-то организует. Как видим, этот путь консолидации общества понятен более чем трети взрослого населения. Как правило, в экстремальных условиях это делает власть, государство. Однако подобную инициативу по консолидации власть берет на себя в случае появления угроз для всего общества. С точки зрения интересов социальных групп угрозы могут иметь характер направленности на отдельные группы. В таком случае защитить группу, ее интересы могут только организации, созданные самими этими группами. Если же этого нет, то от угрозы каждый член группы спасается в одиночку. Результат таких действий, как известно, плачевен.

Организации в защиту групповых интересов предполагают участие в них и самих членов группы. Однако, как показывают социологические опросы, в нынешних условиях члены групп отдают предпочтение тем, по их мнению, консолидирующим общество факторам, которые не предполагают какого-либо участия в работе организации. Так, консолидирующим общество фактором, по данным упомянутого выше омнибуса Института социологии НАН Украины, считают приемлемую и влиятельную партию только 8% опрошенных, а перспективного и популярного лидера – 27%, то есть больше, чем в три раза.

Новым средством, облегчающим людям процесс объединения в определенные группы для решения конкретных задач, являются социальные сети Интернета. Они помогают решить по крайней мере две проблемы, которые сегодня являются препятствием для реального объединения людей, для решения организационных проблем, существующих в современных городах. Во-первых, социальные Интернет-сети не требуют активистов, которые бы реально, в физическом пространстве обходили потенциальных участников гражданских акций. Во-вторых, этот способ экономит время всех участников, а особенно организаторов, на этапе подготовки акции. Этот способ особенно удобен для городских жителей, которые, с одной стороны, плотно расселены в городском пространстве, а с другой – лично разъединены, атомизированы. Различного рода форумы в Интернет-пространстве позволяют людям наладить контакты, обсудить задачи и подготовить какую-либо публичную гражданскую акцию. Кроме того, такой способ общения на подгото-

вительном этапе экономит время, которое для жителей городов, особенно крупных, является самым дефицитным ресурсом.

Кроме того, Интернет вносит существенный вклад в формирование общественного мнения. Сотни, а то и тысячи рядовых пользователей сетью выполняют роль журналистов. Но в отличие от профессиональных журналистов они не подвержены никакому контролю со стороны каких-либо редакторов. Блоги, интернет-форумы, другие формы распространения новостей в Интернете создают конкуренцию официальным СМИ, становятся альтернативными источниками информации, зачастую опережающей по новизне все другие источники. К тому же к ним у населения более высокий уровень доверия, поскольку авторы новостей, как правило, являются участниками событий. Особенно популярны Интернет-новости в тех странах, где власти пытаются контролировать информационные потоки, применяют цензуру, которая приобретает здесь формы фильтров на информацию определенного содержания, кибер-атаки на соответствующие сайты.

Мобильные телефоны и Интернет уже проявили себя как эффективные средства мобилизации масс в таких событиях, как «зеленая революция» в Иране, а также в процессе массовых выступлений, приведших к смене правящих режимов в Тунисе, Египте.

Конечно, феномен солидарности является самым важным социально-психологическим условием развития и укрепления социальных групп, достижения ими своих интересов. На уровне же общества для укрепления всех его элементов власть, как правило, предпринимает усилия, направленные на консолидацию больших социальных групп. В частности, со стороны государства предпринимаются усилия развить и укрепить межгрупповую, межклассовую консолидацию путем организационных усилий. Одной из моделей таких действий является создание трехсторонних комиссий, включающих представителей работодателей, наемных рабочих и государства, действующих на основе Закона Украины «О коллективных договорах и соглашениях».

Однако таким образом организуемая консолидация остается малоэффективной, во-первых, потому, что сектор ее влияния в украинском обществе является ограниченным. Он направлен только на занятое население. Все другие группы – они составляют более половины населения – даже теоретически под его влияние не попадают.

Во-вторых, эффективность этой модели в нашем обществе невелика, поскольку крайне низким является доверие не только между субъектами данной модели, то есть между представителями работодателей, профсоюзов и государства, но и между этими представителями и представляемыми, то есть между работниками и профсоюзами в целом, и особенно между работниками и лидерами профсоюзов, между органом, представляющим предпринимателей и предпринимателями, между государственными чиновниками и гражданами. Кроме того, нет доверия между основной массой населения и предпринимателями, работодателями, между народом и властью, между предпринимателями и властью. Иначе говоря, в условиях тотального недоверия в обществе говорить о ростках организуемой консолидации, не говоря уже о социальной солидарности, крайне трудно.

Среди групповых феноменов, влияющих на формирование и уровень развитости социальных интересов, важное место занимает групповая, коллективная память (18). Механизмы коллективной памяти включены в общий контекст жизни социальных групп, в том числе и больших. В патриархальном обществе коллективная память существовала как составной элемент традиции. В содержание традиции встраивалась память только о тех событиях и процессах, которые были важны для существования группы, ее воспроизводства, конкурентоспособности среди других социальных групп. Остальные факты жизни вытеснялись из ее коллективной памяти, забывались. Прочность коллективной памяти обеспечивалась специальными механизмами, являвшимися неотъемлемыми атрибутами групповой, общинной жизни. Кроме письменных текстов, а они тысячи лет были эксклюзивным средством хранения коллективной памяти, доступным лишь небольшому кругу из членов группы, имеющих особый социальный статус, существовали тексты обязательные для устной передачи новым поколениям.

В современном обществе, перенасыщенном информацией, коллективная память наполняется и удерживается через два канала: организованную, формальную систему передачи сведений о прошлом – образование, наука, искусство, СМИ, и неформальную – устные предания, семейные рассказы, групповые мифы и т.п.

На состояние современной коллективной памяти в контексте манипуляции общественным сознанием, особенно в условиях информационного перенасыщения, большое влияние оказывает организованное, целенаправленное умолчание. Благодаря

последнему в группе, в обществе в целом формируется общественный склероз. Он проявляется как феномен массового забывания, как способ вытеснения на далекую периферию общественного сознания памяти о том, что было в группе, что было с группой, с обществом в целом еще несколько лет, а нередко и несколько недель, дней назад. Механизм функционирования общественного склероза заключается в том, что информационное пространство общества перенасыщается, социальный субъект не в состоянии удерживать в памяти этот огромный массив информации и вырабатывает привычку держать в памяти только то, что попало в память сегодня. Формируется специфический тип социальной памяти, удерживающий в своем поле только ту информацию, которая воспроизводится, подкрепляется многократным повторением в течение суток при помощи СМИ. Одноразовые сообщения очень быстро растворяются, тонут в повторяющейся информации и уже через день-два о них никто не помнит. В общество вбрасывается только та устойчивая информация, которая выгодна манипуляторам. Без подкрепления ее в памяти субъекта через многократное воспроизводство в СМИ наступает ее забвение. Внешне все выглядит демократично: никто не накладывает табу ни на какую информацию, не существует никаких институтов цензуры. Но с точки зрения манипуляции общественным мнением, установками, ориентациями людей такая система является более эффективной, чем любая система, основанная на цензуре – она обеспечивает общественный склероз по отношению к определенным видам информации.

Например, из СМИ, всего публичного дискурса вытесняются понятийно-категориальный аппарат, метафоры, вообще упоминания, отражающие социальную картину общества, в том числе и его дифференциацию по социально-классовым группам. Ей взамен предлагается принципиально иная картина социума, иной пазл, образованный из других социальных фрагментов: профессиональных, поколенческих, территориальных. На этом полотне представлены не классы, а политическая масса, находящаяся в состоянии всеобщего консенсуса. Противоречия классовых интересов переводятся в плоскость противоречий «детей и отцов», акции в защиту классовых интересов канализируются в моральную сферу и компрометируются негативными оценками и характеристиками типа: «активность маргиналов», «ностальгическая инициативность приверженцев консерватив-

ных традиций», «реванш носителей ценностей вчерашнего дня» и т.п. Благодаря подобным манипуляциям «априори снимается множественность возможных политических проектов действительности. Вместо строгой и последовательной иерархии идеологических ценностей предлагается упрощенная эмоциональная логика «здравого смысла» (19). В условиях информационного господства средств массовой информации достаточно нескольких лет для того, чтобы из памяти общества вытереть неудобные сведения и сформировать новую систему ценностей и духовных интересов.

Социальная атомизация и идентификационное размягчение больших социальных групп приводят к снижению роли и значения для существования группы в целом и ее отдельных членов такого феномена как групповой, коллективный опыт(20). Дополнительным фактором, негативно влияющим на значимость коллективного опыта, стало ускорение темпов общественного развития, времени существования технологий.

В постиндустриальном, информационном обществе, в котором важнейшие теоретические и технологические знания сменяются с периодичностью три– пять лет, жизненный опыт как социальный феномен потерял свою прежнюю значимость. Во-первых, он утратил свою ценность как ресурс для входящих в жизнь поколений, так как при нынешней динамике общественных процессов воспроизводимость жизненных ситуаций, в которых бы пригодился предыдущий опыт возрастных когорт, катастрофически сокращается.

Во-вторых, сам опыт уже не имеет той психологической, эмоциональной, навыково́й насыщенности, плотности, «толщины», как прежде, поскольку «опыт» теперь сводится к разовому переживанию социальной ситуации, которая не становится типичной, а превращается в уникальную.

В связи с этими изменениями и само явление опыта меняется. Теперь опытом можно называть не те модели поведения, которые находятся на поверхности, а смысловые схемы, заложенные в модели этого поведения и не просматривающиеся на поверхности как самостоятельные. Их глубинную сущность, которая повторяется, можно добыть только значительными познавательными усилиями.

Проблема общего для всех членов группы социального опыта осложняется еще и тем, что если рассматривать опыт через жизненную историю личности, а не группы, то окажется-

ся, что каждая из групп состоит из личностей, очень заметно отличающихся одна от другой пережитым опытом. Чем более оригинальным является опыт отдельного члена общества (а в условиях атомизированного общества все больше пробивается именно эта тенденция), тем сложнее каждому из них осознать общий, повторяющийся полезный групповой опыт. Поэтому общий групповой опыт может нарабатываться, накапливаться и осознаваться как важный и ценный только в процессе совместных действий членов группы. А данное качество у современных групп, как мы убедились выше, становится все более дефицитным.

Таким образом, повседневно-практическая сторона зарождения, развития и функционирования социальных интересов представляет сложный процесс взаимодействия многих групповых явлений. Наличный групповой интерес в каждый момент времени представляет концепт обыденного сознания, являющийся продуктом взаимовлияния, итогом наложения друг на друга познавательных, социально-психологических, моральных и социальных явлений, происходящих в самой группе, а также результатом воздействия на группу совокупности внешних факторов. Социальные интересы группы находятся в постоянном изменении, дрейфе, маршрут которого может проходить от слабо понимаемых до четко осознаваемых интересов. В их осознании все большая роль принадлежит целенаправленному влиянию специальных институтов общества – партий, профсоюзов, СМИ и т.п. Но увеличение удельного веса рациональных компонентов в процессе восприятия личностью групповых интересов не означает, что они всегда дрейфуют от размытых представлений до четких, от неразвитых к развитым, а тем более нельзя понимать этот процесс так, что изменение групповых интересов идет по линии приближения к истине. В реальной общественной жизни эти изменения скорее напоминают дрейф с непредсказуемым маршрутом, в котором сочетаются в разных пропорциях истинные групповые интересы и разнообразные виды псевдоинтересов – подменных, чужих, внушенных, иллюзорных и т.п. Поэтому на каждом этапе развития социальной группы, общественного класса перед ними встают задачи формирования и развития коллективных интересов, доведения их до сознания членов класса.

Литература:

1. Тейлор Чарльз. Что такое социальное воображаемое? — Неприкосновенный запас — 2010, №1 (69); Косова Лариса. Идолы площади // Вестник общественного мнения. — М. — 2008. — №1(93).
2. Московичи С. От коллективных представлений к социальным // Вопросы социологии. — 1992. — №2. — С. 24 — 64.
3. Андреева Г.М. Психология социального познания. Учебное пособие. — М. — 2000. — С.122.
4. Энгельс Ф. Маркс и Родбертус. Предисловие к первому немецкому изданию работы К.Маркса «Нищета философии». Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. Т.21, — С.183–184.
5. См.: Ленин В. И. О диктатуре пролетариата. Полн. собр. соч., т. 39, с. 268.
6. Грамши А. Избранные произведения: Т. 1-3. — М., 1957–59; Лукач. Д. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. — М. — 2003.
7. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. — М. — 2002. — С. 81–82, 187–189. Организованные группы интересов и формирование государственной политики // Государственная служба: Группы интересов. Лоббирование (взгляд из-за рубежа). — М. — 1995. — Вып. 4. — С. 61; Павроз А.В. Government Relations как институт социально-политического взаимодействия // ПОЛИТЭКС. — 2005.- N 2. — С.239.
8. См. Пьер Бурдьё. Введение в социологию социальных наук: объективация субъекта объективации // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2004. — Том VII, специальный выпуск.
9. Э. Агацци. Эпистемология и социальное: петля обратной связи .— Вопросы философии. — 2010. — №7.
10. Михаил Бойко. Режим неизвлеченных смыслов. 60 лет философу Федору Гиренку. — “НГ Ex libris”. — 20 марта 2008. — № 10. <<http://exlibris.ng.ru>>.
11. Косова Лариса. Идолы площади // Вестник общественного мнения. — М. — 2008. — №1(93). — С.60.
12. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. Т.8. — С.115-217.
13. Бауман З. Индивидуализированное общество. — М. — 2002; Бек У. Собственная жизнь в развязанном мире: индивидуализация, глобализация и политика // http://www.soc.pu.ru/publications/pts/bek_3.shtml).
14. См.:Музиль Роберт. Человек без свойств (книга 1). — М. — 1994.
15. Нагайчук А.Ф. Конфликт интересов в сфере социальной политики // Социологические исследования. — 2006. — №3; Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал . — 1994. — №1.

16. Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. — М. — 1994. — С.424.
17. Барсукова С.Ю. Солидарность участников неформальной экономики (на примере стратегий мигрантов и предпринимателей) // Социологические исследования. — № 4. — 2002; Горяинов В.П. Групповая солидарность и ценностные ориентации. — Социс. — 1997. — №3; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. — М. — 1996; Луман Н. Общество, интеракция, социальная солидарность // Человек. — 1996. — №3; Урсулеску К. Соціальна солідарність: розвиток поняття в історії соціології і сучасні інтерпретації // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2009. — №1; Солидаризация в рабочей среде: социальное и индивидуальное / Под ред. В.А. Ядова. — М. — 1998; Яницкий О. Риск-солидарности: российская версия. Постановка вопроса. — Интер. — 02-03. — 2004 // <http://www.isras.ru/files/File/Inter/02/5%20ind2.pdf>.
18. Емельянова Т.П. Коллективная память с позиций конструкционизма // psychology.rsuh.ru/archive/emelyanova3.doc; Ю. М. Лотман. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. — Таллинн. — 1992. — С. 200-202; Хальбвакс Морис . Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. — 2005. — №2—3(40—41). С.5—12.
19. Мартыянов Виктор. Политика в пределах здравого смысла // Свободная мысль. — 2007. — №10. — С.191.
20. Каиров В.М. Традиции и исторический процесс. — М. — 1994. — 188 с.; Покровский Н.Е. Непрерывность и стабильность социального опыта как ценность // http://www.amstud.msu.ru/full_text/texts/conf1995/pokrovskiy22.htm; Флиер А.Я. Социальный опыт как основа функционирования и исторического воспроизводства сообществ // Общественные науки и современность. — 2002. — № 1. — С. 166—183.

4. ГОНОРАРНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Становление институтов буржуазной демократии в нашей стране разворачивается как противоречивый общественный процесс. С одной стороны, создаются, хотя бы и формально, социальные институты для реализации интересов разных социальных групп. С другой стороны, большая часть граждан находится в состоянии пассивности, безразличия к любым общественным акциям, неверия в их успех.

Причин такого состояния общественного сознания несколько. Во-первых, отсутствие традиции участия в публичных практиках на основе личного выбора гражданина и как следствие этого – отсутствие у людей установок, мотивов на участие в них. Во-вторых, разочарование, возникшее у рядовых граждан на основе новейшего опыта, приобретенного в социальных практиках, когда их активные публичные действия не давали никакого результата для них, для реализации их социальных интересов.

Попробуем разобраться в том, как украинские граждане в современных условиях воспринимают свои социальные групповые интересы, какие факторы влияют на формирование их представлений о своих социальных интересах, какие пути и способы достижения своих интересов они избирают на практике, в каких социальных условиях, социально-психологической и моральной атмосфере разворачиваются эти процессы. Прежде всего обстоятельно рассмотрим такое явление, которое приобрело широкое распространение в последние годы, как участие рядовых граждан в общественных акциях и голосованиях за вознаграждение.

Реалии постсоветского времени показали, насколько сложным является процесс осознания как отдельной личностью, так и группой, собственных социальных интересов в условиях частной собственности и рыночных отношений. Представления людей о своих социальных интересах очень далеки от той теоретической модели, согласно которой личность осознает свои непосредственные индивидуальные социальные интересы, интуитивно догадывается о них, а затем идеологи и политики помогают ей выяснить истинные социальногрупповые, классовые интересы и она проникается ими, осознанно их отстаивает, добивается реализации.

В нынешних украинских общественных условиях процессы восприятия социальным субъектом своих интересов оказываются значительно более многообразными, запутанными и более противоречивыми, чем это было в конце XIX – начале XX века.

Объективной причиной осложнения данного процесса выступают как общие социальные условия – изменение всего общественно-политического строя, изменение общественных ценностей и норм, перенастраивание с помощью системы образования и СМИ социальной ориентации масс, так и атомизация общества, снижение уровня развитости общественных групп как самостоятельных социальных субъектов, снижение межличностной сплоченности, размывание социальной солидарности, организационная примитивизация коллективных субъектов, а в некоторых случаях – и их распад.

Эту объективную причину предопределяют такие последствия в сфере общественного сознания: снижается уровень морали, падает роль нравственности как регулятора повседневного поведения личности, в целом ослабевает ее (нравственности) контрольная функция, снижается ее действие на поведение людей. Ухудшение условий жизни основной массы населения, резкая имущественная поляризация, повсеместное нарушение закона людьми богатыми и теми, которые находятся при власти, коррупция и взяточничество пронизывают всю вертикаль власти, въелись во все поры общества, а также рост цен, невыплата зарплат и пенсий выступают тем общественным фоном, который словно бы оправдывает некоторые моральные и правовые отклонения.

Самые высокие места среди ценностей, пропагандируемых в обществе, занимают богатство, деньги, успех. Тема выбора моральных ценностей личностью, ее ответственности за такой выбор практически «выпала» из общественного сознания современного украинского социума, из повестки дня общенациональной дискуссии. Потому не удивительно, что значительная часть людей, особенно молодежи, которая не приобрела даже элементарных основ моральных ценностей, совершенно искренне считает добывание денег, где угодно и как угодно, любым способом и любой ценой делом совершенно приличным, а то даже и благородным.

Аморальность в определенной мере охватила все слои общества. Нельзя сказать, что СМИ не уделяют никакого внимания этой теме. Но ее развенчивают по большей части в форме прямого

или завуалированного упрека хозяев газеты или телеканала своим политическим соперникам.

Результаты такого влияния на общественную мораль оказываются практически нулевыми. Во-первых, потому, что подобная критика воспринимается обществом хотя и как нужная (понятно, что поведение политиков, правительственных чиновников должно быть безукоризненным), однако как неискренняя (поскольку критикуют только оппонентов), а во-вторых, моральные изъяны приобрели широкое распространение не только среди политиков, но и среди значительной массы населения, среди так называемых рядовых граждан.

Иначе говоря, у основной массы населения формируется представление, что теперь такая сложная жизнь, что ради выживания люди — кто чаще, а кто реже — нарушают нормы морали и законы.

На вопрос омнибуса Института социологии НАН Украины в 2009 году: «Считаете ли Вы, что для удовлетворения собственных интересов большинство людей готово использовать что угодно, даже противоправные, аморальные способы действий?» положительно ответили 42% опрошенных, 46% заявили, что большинство людей «способно при случае «согрешить», но преимущественно придерживается правовой и моральной нормы» и только 12% сказали, что большинство людей «всегда действуют в соответствии с правовыми и моральными требованиями общества» (1).

Обращает на себя внимание то, что наиболее распространено представление о готовности большинства людей ради своих интересов совершать противоправные и аморальные поступки среди молодежи. Если среди людей старшего поколения так думают 37,5%, то среди молодежи — 45%. Имея большой опыт жизни, в том числе и жизни в других социально-политических условиях, ровно половина лиц старшего возраста считает, что большинство людей придерживается правовых и моральных установлений и только изредка «грешит».

Такая картина соблюдения правовой и моральной нормы в обществе вырисовывается в сознании населения. Она сложилась под воздействием повседневных фактов и служит в определенном смысле оправданием их собственных поступков, поскольку теперь «все так делают». Каждый отдельный человек в принципе понимает, что это ненормальная ситуация, что отступление от моральной и правовой нормы является «грехом», виной, ведет к расшатыванию социальных принципов, что так в

обществе не должно быть. Но поскольку личности часто трудно воздержаться от искушения их нарушить, то распространенность, массовость вины служит определенным оправданием и ей самой.

Хотя свое собственное поведение респонденты оценивают как более моральное и законопослушное, чем в их представлениях поступки других людей, поведение большинства членов общества. Считают себя готовыми к противоправным и аморальным поступкам только 4% респондентов, то есть в 10 раз меньше, чем по их представлениям на это готово большинство людей. Половина опрошенных заявила, что всегда поступает в соответствии с правовыми и моральными требованиями общества. Более самокритичными оказались еще 45% респондентов, которые заявили, что хотя они преимущественно и придерживаются соответствующей нормы, но все же при случае способны согрешить.

Заметно отличается самооценка у представителей разных возрастных групп. Самой откровенной относительно своей способности «согрешить» при случае является молодежь. Таких среди респондентов данной возрастной группы набралось 55%. Среди них «правильных людей», то есть тех, кто заявляет, что всегда поступает в соответствии со строгой моральной нормой и по закону, меньше, чем среди людей старшего и среднего поколений, – всего 40%. А вот самыми «безгрешными» считают себя люди старше 55 лет. Во-первых, среди них таких, кто при случае может «согрешить», набралось только 35%, то есть на 20% меньше, чем среди молодежи. А во-вторых, 63% людей старшего поколения считают, что они всегда поступают в соответствии с правовой и моральной нормой.

В условиях размытости в обществе моральных представлений относительно нормы поведения, в том числе и в политической сфере, часть людей, действительно, может ошибаться в оценке своих поступков, а часть занять циничную позицию оправдания вседозволенности общественными обстоятельствами жизни. Толчок к формированию атмосферы нравственности в этих условиях в первую очередь должна дать интеллектуальная элита, моральные авторитеты общества.

Описанная нами нравственная атмосфера современного украинского общества оказывает существенное влияние на другой процесс, а именно на процесс формирования и осознания личностью своих классовых и групповых интересов.

Как известно, реализовать свой социальный интерес личность может индивидуально и коллективно, непосредственно через свое поведение и опосредствовано через передачу своих прав и полномочий другим субъектам, которые будут выступать от ее имени. Однако оба эти пути для современного украинского гражданина по различным причинам являются малоэффективными.

Данная проблемная социальная ситуация является в значительной мере следствием социально-политических процессов, происходивших в украинском обществе в предыдущие годы. В конце 80-х – начале 90-х гг. XX ст. в общественном мнении бывших советских республик большую популярность получила идея представительной демократии. Ее западноевропейский вариант стал ориентиром для политических сил, пришедших к власти в новых независимых государствах. Что же за модель государства была взята за образец?

В XX веке западноевропейская демократия была такой формой государственного строя, в основе которой лежало (или хотя бы провозглашалось) представительство интересов основных социальных классов общества. Представительную функцию отдельных классов брала на себя политическая партия, которая строилась на основе идеологической доктрины, мировоззренческих и ценностных постулатов. Такой тип государства и был избран как ориентир для построения в новых независимых государствах.

Однако попытки копирования и воссоздания западноевропейской модели представительной демократии в постсоветских странах, в том числе и в Украине, не увенчались успехом. Главной, но не единственной, причиной этого была, с одной стороны, другая историческая и глубинная культурная матрица этих обществ, которая отторгала чужую им модель. С другой стороны, попытка внедрения этой модели пришлась на период, когда она уже начала клониться к закату, когда повсеместно стала пробиваться тенденция размывания традиционной социально-классовой идентичности и формирование множественной, неустойчивой идентичности на базе более мелких общностей (экологических, правозащитных, гендерных, национально-культурных, территориально-поселенческих, земляческих и тому подобное), а также на период роста кризиса доверия избирателей к политическим партиям, снижения их роли в публичной жизни (например, по сравнению со СМИ).

Одним из самых ярких показателей кризиса европейской представительной демократии является пассивность избирателей на местных, национальных и наднациональных выборах. Эту нарастающую из года в год тенденцию демонстрируют страны Европейского Союза. Например, на последних местных выборах во Франции (март 2010 года) во втором туре явка избирателей составила 52%, в Нидерландах (3 марта 2010 года) – 53%, в Португалии (27 сентября 2009 года) – около 60%. Это одни из самых низких показателей явки избирателей на местные выборы в данных странах.

Потерян интерес европейцев и к выборам в надгосударственные структуры, в частности в Европейский Парламент. На последних выборах (2009 год) в данный орган рекордно упала явка избирателей. В целом по ЕС она составила 43%, а в таких странах, как Литва – лишь 21%, Словакия – 20% (2).

Конечно, большую активность избиратели проявляют на выборах в тех европейских странах, законодательство которых предусматривает обязательное участие граждан в голосовании. Например, в Бельгии тем, кто не примет участие в выборах, угрожает штраф в размере больше 100 евро.

Низкая явка избирателей на выборы опасна тем, что ставит под сомнение легитимность выборов. Очень многие избиратели рационально понимают такое следствие своего неучастия в избирательном процессе. И тем не менее не ходят на выборы. Следовательно, есть еще какая-то причина, есть, как теперь говорят, какой-то фактор X, который блокирует их участие в голосовании, представляет его в их сознании бесполезным, лишним, а в эмоциональном плане – негативным.

Обобщенно причину кризиса представительной демократии можно свести к следующему. Во-первых, кризис партий связан с тем, что в соревновании за влияние на массы они проигрывают СМИ. Во-вторых, в общественном мнении падает престиж личного участия в работе политической партии, а отсюда и снижение численности партий. В-третьих, в обществе падает доверие к политическим партиям. В-четвертых, в современных обществах в целом падает гражданская и политическая активность масс. Кроме того, следует обратить внимание еще на одну причину, имеющую объективный характер. Это ускорение протекания общественных процессов и как следствие – провисание их смыслов.

Человеку всегда было непросто понять то, что происходит в современном ему обществе. Во-первых, подавляющая часть людей занята своими непосредственными повседневными житей-

скими проблемами. Ни времени, ни навыков анализа социальных процессов, ни необходимых для этого знаний у них нет. Действительно, найдется не так много людей, которые бы имели возможность задумываться, анализировать, проникать в сущность общественных изменений, искать причину происшедших перемен. Такую возможность имеют, таким благом пользуются лишь те, кто в силу своей позиции в системе общественного разделения труда занимается изучением, анализом общественных процессов, а также их интерпретацией, объяснением, – ученые-обществоведы, политики, работники разного рода аналитических центров и, конечно же, многочисленная группа интерпретаторов событий, которые старательно корпят в индустрии, называемой средствами массовой коммуникации.

Все другие, которых для удобства обобщения называют народной массой, для критического и глубокого осмысления того, что происходит в стране, в обществе, скажем откровенно, имеют мало возможностей. Они заняты своими многочисленными повседневными заботами, живут практической жизнью. Свои услуги по объяснению того, что происходит в обществе, им предоставляют вышеназванные категории лиц. Не будем сейчас затрагивать вопрос о том, насколько объективно, добросовестно они этим занимаются, насколько достоверные представления об обществе они дают.

Смыслы соотносятся с определенного масштаба поведенческими шагами социального субъекта в рамках некоторых временных единиц. Обычно крупное событие, крупный социальный процесс размещается в большой временной рамке, а незначительные, мелкие процессы, являясь быстротекущими, не соотносятся с временными единицами. Соответственно масштабам этих процессов происходят и проявления смыслов – смыслы локальных событий раскрываются быстрее, а крупных, исторических процессов – десятилетиями. Конечно, бывают события чрезвычайно высокой динамики – взрывные, революционные дни. В них концентрируется большая энергия, огромный социальный потенциал, который извергается очень быстро, а в исторических масштабах – молниеносно. Нередко они раскрывают смыслы предыдущих процессов, которые накапливались годами и десятилетиями. Но и в этих революционных днях нередко остается еще немало загадок.

Так или иначе, но в обществе формируются определенные представления о том, что происходит, складывается общественное мнение о тех или иных событиях, фактах, процессах. Кроме того, даже для той небольшой группы людей, которая по роду

своих профессиональных занятий занимается объяснением происходящего, постижением его смыслов, необходимо время, чтобы вникнуть в суть процессов, разобраться в них, проанализировать, оценить, сопоставить разные точки зрения, и тем самым на определенном уровне понимания постичь их значение. Пока этот цикл завершится (хотя бы в первичном виде – ведь процесс познания определенного отрезка человеческой истории бесконечен), пока общество получит научную картину мира, этот мир уже станет другим. Такая трудность в постижении смыслов социальных процессов существовала и в предыдущие эпохи, когда темп жизни был невысоким. В современном обществе (постиндустриальном, информационном, глобальном) понять смыслы становится во много крат сложнее, поскольку социальные процессы становятся чрезвычайно динамичными, быстротекущими и быстроизменяющимися. В обществе складывается такая ситуация, такой образ жизни, в котором многие смыслы зависают, остаются нераскрытыми, не понятными творцам, участникам социальных процессов. Реальные участники событий понимают их (события) на основе устаревших своих представлений, объясняя их через призму инерционной картины того мира, которого уже нет.

Эта логика постижения того, что происходит в обществе, в полной мере касается и понимания личностью своих социальных интересов. В той безумной динамике современной практической жизни, в которой находится личность, в том калейдоскопе социальных ролей, которые она выполняет, ей очень трудно ухватить все смыслы тех процессов, действий, отношений, в которые она включена, понять все свои социальные интересы, а еще сложнее – реализовать их.

Есть два пути их достижения. Первый путь – это непосредственное участие в каких-либо действиях, акциях, направленных на то, чтобы реализовать свои интересы. Вторым способом защиты своих социальных прав является передача полномочий другим субъектам – общественной организации, политической партии, государственным органам и тому подобное. Особой формой передачи своих полномочий гражданами, в том числе и полномочий по защите социальных интересов, является их передача депутатам, работающим в выборных органах – органах местного самоуправления, парламенте страны. Эти органы являются ключевыми органами представительной демократии.

Украинские граждане по-разному оценивают оба пути защиты своих социальных интересов. В нашем опросе были названы

одиннадцать вариантов социальных действий в защиту своих прав и интересов. В ответах на вопрос: «В случае, когда нарушены Ваши права и интересы, какие мероприятия и способы отстаивания своих прав и интересов Вы считаете самыми эффективными, допустимыми настолько, что Вы сами готовы принять в них участие?» такой путь отбросило сразу больше половины опрошенных. 34% респондентов ответило, что ни «одно из мероприятий не кажется мне эффективным и допустимым настолько, чтобы я принял в них участие», еще 19% затруднились ответить. Больше всего людей готовы принять участие в законных митингах и демонстрациях – 28,5%, в сборе подписей под коллективными петициями – 26%, в участии в предвыборной кампании – 18%, в пикетировании государственных учреждений – 12%. Каждое из остальных мероприятий – угрозы забастовкой, бойкот, несанкционированные митинги и демонстрации, незаконные забастовки, голодовки протеста, захват зданий, блокирование путей сообщения, создание незаконных вооруженных формирований – набрало менее 10% (Общая сумма ответов равна больше 100%, поскольку каждый респондент мог выбирать несколько вариантов ответа).

Следовательно, согласно ответам респонденты распределились на пять крупных групп, которые насчитывают от 18% до 34%. Две из них – те, кто не готов принимать участия в любых мероприятиях, и те, кто затрудняется с ответом, – следует исключить из числа акторов непосредственной реализации своих интересов. Эти две группы составляют более половины взрослого населения страны. Причем их самоисключение из рядов борцов за свои интересы не связано с возрастом, поскольку таких «отказников» среди молодежи – 46%, среди людей среднего возраста – 49% и среди людей старшего поколения – 58%.

Остальные три группы – это те, кто готов принимать участие в мероприятиях по защите своих интересов: участвовать в законных митингах и демонстрациях, собирать подписи под коллективными петициями, принимать участие в предвыборных кампаниях. Причем заявляют о своей готовности действовать преимущественно одни и те же люди. Следовательно, активные защитники своих интересов по отдельным акциям потенциально составляют не более трети опрошенных. Впрочем, не будем забывать, что это вербальная готовность респондентов защищать свои интересы, которая никогда стопроцентно не переходит в реальное поведение. Реально же в течение последних 12 месяцев 84% опрошенных ни в одном из общественно-политических мероприятий участия не принимали.

В наших условиях модель представительной демократии не работает по вышеназванным причинам, а также по причинам, которые характерны только для нашего общества. Одной из главных является то, что как общество, так и отдельная социальная группа, прежде всего семья, отдельная личность, ведут образ жизни выживания. Он противостоит нормальному образу жизни стабильных обществ – образу жизни развития. Типичной характеристикой украинского гражданина, ведущего образ жизни выживания, является недовольство своим общественным положением, недоверие ко всем социальным институтам, размытая идентификация как с малыми, так и с большими социальными группами, членом которых он является, слабая солидарность с членами этой группы или даже полное ее отсутствие и обратная сторона этого качества – социальный индивидуализм (то есть нежелание участия в коллективной форме социальных практик), сиюминутный, ограниченный непосредственными житейскими проблемами прагматизм.

Есть еще и третий путь – это нереализация социальных интересов личности, их перенесение во времени на более поздние сроки (а в действительности – отнесение в никуда), подавление. Психологически нереализация интересов проявляется как терпение, асимметричный компромисс (то есть согласие в убыток себе) с властью, с руководством предприятий и организаций, с владельцами. Сегодня большая часть украинских граждан по данной проблеме имеют амбивалентные представления. На вопрос анкеты: «Как лучше поступить в случае ухудшения условий жизни?» 63% респондентов заявили, что согласны и скорее согласны с вариантом ответа «лучше потерпеть и любой ценой сохранять мир и согласие». И одновременно в ответах на этот же вопрос 74% выразили мнение, что они согласны и скорее согласны с вариантом ответа «активно протестовать, но без применения насилия». Эта проблема требует своего детального и всестороннего рассмотрения. В данном же исследовании мы оставим ее за скобками.

Нереализация своих социальных интересов не означает всегда бездеятельность. Эта черта реализуется в социальном поведении, по крайней мере, в двух вариантах – в активном и пассивном. В активном варианте в своем социальном поведении человек не выбирает жизненную стратегию, основанную на фундаментальных, базовых стратегических интересах той социальной группы, членом которой он является, а выбирает поведение, ограничивающееся индивидуальным ресурсом, без надежды на солидарное ре-

шение проблемы совместно с другими членами социальной группы, ситуативное решение текущей, непосредственной житейской проблемы.

В пассивном варианте человек отказывается от какого-либо стремления подчинить себе среду и обстоятельства. Он выступает быстрее объектом социальных действий, чем субъектом своих планов. Для многих людей, переживших слом привычного порядка жизни и ожидающих новых бед, новых неприятных сюрпризов от судьбы, характерны отказ от жизненной активности, покорность, то есть то, что называют резиньяцией.

Еще более трудно найти в современном украинском обществе какое-либо осмысленное, целеустремленное, последовательное поведение социальных групп как общественных субъектов, через которых личность может реализовать свою жизненную стратегию. Проблема противостояния сиюминутных и долгосрочных, базовых интересов личности является одной из ключевых и самых трудных с точки зрения рационального объяснения ее социального поведения. В условиях низкого уровня жизни, бедности человеку приходится постоянно сталкиваться с необходимостью выбора между своими ближайшими, непосредственными, частичными интересами и отдаленными, но существенными интересами группы, к которой он принадлежит. Понятно, что в большинстве случаев он отдает предпочтение первым. К тому же на практике интересы и потребности человека далеко не всегда являются разумными и возвышенными. Разве таким редким в нашем обществе является поведение, основанное на логике повседневного мышления, представленное в следующем эпизоде: «Внук сидит без работы и без денег. Ему хочется выпить. Он срывает у бабушки провод и сдает его на металлолом. Полулицы, в том числе и родная бабушка, остаются без тока: разморозился холодильник, не работает телевизор, темно ночью. А внук аргументирует: «обойдешься, старая, и так, а мне выпить нужно».

Особенности отстаивания социальных интересов гражданами Украины (а точнее безразличного отношения к ним) могут быть объяснены тем фактом, что у многих из них не сформирована устойчивая идентичность с социальными группами, членами которых они объективно являются. Значительная часть наших соотечественников сегодня имеет размытую социальную идентичность. Этому способствует неопределенность украинского общества по многим ключевым параметрам – политическим, экономическим, социальным, культурным, геополитическим. Шаткость контуров

социальных институтов и направлений развития страны транслируется в неустойчивость положения личности в обществе, шаткость быстросменного социального статуса, ее социально-ролевого набора, неприспособленность к новым жизненным реалиям. В таком положении находится две трети населения страны. На вопрос: «В какой мере Вы приспособились к нынешней жизненной ситуации?» 34% респондентов ответили, что «находятся в постоянном поиске себя в нынешней жизни» и столько же ответило, что не имеют «желания приспособляться к нынешней ситуации, живут как придется, ожидают перемен к лучшему». Только 18% опрошенных адаптированы к ситуации и заявляют, что «активно включился в новую жизнь, рыночные отношения представляются мне естественным образом жизнедеятельности».

Трудно ожидать определенного осмысленного поведения в отстаивании своих социальных интересов в условиях, когда, с одной стороны, человек заявляет, что ближайшей для него жизненной позицией является: «прикладывать максимум усилий для реализации своей цели, отстаивать свои интересы» (60% респондентов), а с другой стороны, отвечая на вопрос: «Если бы правительство Украины приняло решение, которое притесняет Ваши законные права и интересы, смогли бы Вы что-то сделать против такого решения?», 59% отвечает «нет, ничего не мог бы сделать». То есть, практически одинаковое число респондентов выражает прямо противоположные утверждения. Можно допустить, что такое противоречие характерно только для какой-то части респондентов, поскольку остаются еще около 40% опрошенных, которые ответили по-другому. Поэтому возникает неминуемый вопрос, а сколько же таких людей, которые заявляют, что будут прикладывать максимум усилий для отстаивания своих интересов, и одновременно именно они говорят, что ничего не могут сделать по их защите. Анализ ответов на эти вопросы показывает, что массив респондентов с такими прямо противоположными утверждениями на одну и ту же проблему составляет 57%. Поэтому как ученым, экспертам, так и политикам, управленцам, в своих выводах и в принимаемых конкретных решениях следует учитывать такую контраверсию сознания наших сограждан и принимать такое состояние их сознания как данность, которой не избежать. Впрочем, противоречие массового сознания, по мнению многих ученых, характерно не только для определенного исторического отрезка — периода кардинальных социально-экономических и политических преобразований и сопровождающего их многолетнего си-

стемного кризиса. Некоторые из них считают, что противоречие сознания является сущностной чертой национального характера отдельных народов. Например, Н.А.Бердяев считал противоречие сущностной чертой русского народа: «Для русских характерно совпадение и сочетание антиномичных, полярно противоположных начал. Россию и русский народ можно охарактеризовать лишь противоречиями»(3). По-видимому, родство и близость характеров украинцев и русских дает себя знать и в восприятии социального мира.

Поэтому будем различать разные уровни обобщений, разную логику доказательств и аргументирования у философов и социологов. В данном случае мы можем смело утверждать, основываясь на результатах нашего опроса, что в настоящее время украинским гражданам свойственно противоречивое сознание, причем противоречие в форме амбивалентности сознания одних и тех же людей по отношению к конкретным социальным фактам. Последнее, очевидно, имеет конкретную причину, которая коренится в непосредственной, сегодняшней социальной ситуации, в которой находится украинское общество.

Большинство людей среднего и старшего поколения очутились в вакууме публичных и общественных связей. В советское время они были включены в многочисленные коллективы – возрастные (октябрята, пионерские, комсомольские, с их подопечными организациями – военно-патриотические поисковые группы, отряды «Зарница»), образовательно-просветительские (школьные, вузовские, народные университеты), территориальные (добровольные народные дружины, кружки при жэках и тому подобное). Люди работоспособного возраста были вовлечены в работу собраний производственных коллективов, партийных, комсомольских, профсоюзных организаций, различных общественных бюро, советов и тому подобное. Через них они включались в коммуникационные связи той отрасли, в которой работали, населенного пункта, в котором жили, в общественно-политическую жизнь страны в целом.

Можно критиковать такую форму общественной жизни за формализм, нарочитость, принудительность, заидеологизированность. Но никуда не деться от того факта, что подобные отношения создавали насыщенную и плотную систему публичной коммуникации личности. Особенно сильно пострадала сеть взаимодействия, форм взаимной поддержки людей на уровне производственных организаций и учреждений. Сегодня последние трудно назвать трудовыми коллективами. Это нашло отражение даже в языке.

Если раньше в них были коллективные мероприятия, общий отдых, вечеринки, то теперь их заменили так называемые корпоративы. В выражении «корпоративная вечеринка» отображается не только дань моде, но и суть изменений, которые состоялись. Если в коллективных мероприятиях собирались люди, которые имели равное отношение к производству, то в корпоративе присутствует четкое осознание того, кто является владельцем, кто является наемным управленцем, а кто является наемным работником.

В настоящее время какие-то общественные организации остались у детей и подростков: пластунские, пионерские организации, спортивные секции, образовательные кружки и т.п. Молодежь меньше включена в организации масштаба малой группы. Только небольшая ее часть принимает участие в работе общественно-политических организаций, научно-образовательных и спортивных секций, самодеятельных художественных коллективов. По большей части работа таких ячеек построена на коммерческой основе. А уровень жизни многих семей ограничивает возможность платить за участие детей и молодежи в таких группах.

Подавляющее большинство людей среднего и старшего поколения, несмотря на массированную риторику в СМИ о необходимости развивать ячейки гражданского общества, в сущности, ни в какой форме коллективного общения не принимают участия. Кроме того, в общественном сознании состоялась демобилизация внимания к процессам идентификации личности с производственно-трудовыми и профессиональными группами, а акцент сместился на идентификацию с языковыми, этническими, территориальными группами.

Следствием всего этого стала атомизация поведения людей в публичной сфере, примитивизация организации общественной жизни, ее деградация. Данный вид индивидуализма является результатом распада социальных связей между членами общества, социального отчуждения личности от форм коллективного действия и редукция их к самым упрощенным формам. Личность ни с кем не солидаризируется, никому не доверяет, в том числе и ни одному из социальных институтов, за исключением разве что семьи. Выражением недоверия к институтам своего государства является тот факт, что украинский гражданин не готов прилагать усилия для защиты своих социальных интересов, изменения жизненных обстоятельств в своей стране. Для основной массы людей более комфортно поругать власть дома, в собственной квартире, чем выходить на какие-то публичные мероприятия, включаться

в другие формы отстаивания своих интересов. А для более активных граждан проще разрешить свою жизненную проблему, добиться своей цели, используя социальный порядок и экономическую структуру других государств, встраиваясь в функционирующие там общественные институты.

Однако основная масса граждан остается в своей стране и живет по законам и традициям своей родины.

Изменение динамики общественной жизни, а вместе с ней и формирование принципиально нового типа проживания личностью своего жизненного пути определяют современные представления последней о своих интересах. Нестабильность в обществе лишает людей возможности построения долговременной жизненной стратегии, а следовательно, у них нет представлений о каких-то коренных, долговременных, стойких групповых интересах.

Состояние системного кризиса, политическая нестабильность делают как общество в целом, так и жизнь отдельной личности непредсказуемыми. Она не может твердо рассчитывать, как будет складываться ее жизнь через полгода, год, а тем более на длительный период. Она находится в ситуации постоянного дефицита жизненных ресурсов. Для нее каждый ближайший шаг – это проблемная ситуация, на решение которой она направляет практически весь свой ресурс. Поэтому горизонт разрешимой ею жизненной проблемы находится всего лишь в конце этого ближайшего шага. Такой тип жизненных ситуаций, если они воспроизводятся во времени достаточно долго – у нас уже два десятилетия – производит специфический стиль мышления, особый принцип решения жизненных задач и, наверное, постепенно формирует специфический, не создающий для себя жизненных стратегий тип личности.

Об ограниченности жизненной ресурсной базы наших граждан свидетельствуют ответы на вопрос нашего омнибуса: «Есть ли у Вас намерение в течение ближайших двух-трех лет осуществить следующее..?» Из одиннадцати вариантов ответов, которые были предложены респондентам, ответы группировались вокруг трех – улучшить материальное положение (48%), пытаться сохранить имеющееся социальное положение (33%) и улучшить жилищные условия (28%). И если первый и третий ответы допускают действия на достижение, то второй фиксирует, что у каждого третьего респондента нет уверенности не то что в будущем успехе, а даже в том, что он сможет сохранить достигнутое.

Будущее страны в ближайшее десятилетие нашим гражданам также представляется малопривлекательным. Когда вопрос стоит

достаточно абстрактно: «Как Вы считаете, до 2020 года улучшится или ухудшится ситуация в нашей стране?», то ровно половина населения считает, что ситуация улучшится и заметно улучшится. Однако когда вопросы конкретизируются, то оптимизм относительно будущего исчезает и преобладает пессимистическая оценка. 74% респондентов считают маловероятным и совсем невероятным, что страна догонит по экономическому уровню развитые страны, а 67% допускают, что дистанция между нашей страной и развитыми странами увеличится. Более трех четвертей опрошенных (76%) считают вероятным и очень вероятным, что увеличится безработица, 81% считают, что состоится необратимое разрушение экологии, 73% с большой и очень большой долей вероятности ожидают жестких конфликтов, усложняющих жизнь.

Причем пессимизм свойствен не только старшему и среднему поколению, но и молодежи. Например, маловероятной видится перспектива подтягивания нашей страны по экономическому уровню к развитым странам 69% опрошенной молодежи, а увеличение безработицы считают вероятным и очень вероятным 74% респондентов в возрасте до 30 лет.

Неуверенность в своем будущем и будущем страны, неустойчивое состояние человека в обществе формирует у него черту временного исполнителя, в том значении, что он не выстраивает какую-то длительную жизненную стратегию и стремится не упустить никакой шанс, даже самый незначительный, здесь и сейчас. Он руководствуется принципом «лучше синица в руке, чем журавль в небе». Логика выживания диктует ему необходимость решать непосредственную задачу, а для включения в актуальное поведение элементов стратегии у него не хватает ресурсов. В его текущей жизни, построенной по модели выживания, а не развития, во временных координатах присутствует главным образом настоящее время и прошлое. Будущее для человека очень обременительно, он его просто не может «вытянуть». Поэтому все, что связано с будущим, в том числе и фундаментальные, базовые социально-групповые интересы, он оставляет «за скобками» реального поведения.

Важным общественным средством, которое помогает человеку добиваться своих социальных интересов, реализовать их, является политическая партия. Как уже упоминалось выше, идея их создания заключалась в том, чтобы квалифицированно, политически грамотно, последовательно отстаивать социальные интересы определенных социальных классов, групп. Участие в работе партии можно считать традиционной политической,

коллективной защитой гражданами своих интересов. Однако не будем забывать, что в общественно-исторических процессах социальные институты, организации развиваются по своим закономерностям, изменяются, деформируются, меняют свою природу, отмирают. Это же происходит и с политическими партиями. Их новейшее зарождение и возрождение в Украине имеет свою специфику. Во-первых, практически все они, за исключением КПУ, возникли в 90-е годы XX века. Некоторые из них декларировали свою преемственность от украинских политических партий, которые существовали в первые десятилетия XX века. Хотя всерьез говорить о действительной преемственности новых украинских партий от предшественников с подобными названиями не приходится. Это скорее показная преемственность, желание инициаторов их создания придать авторитет новообразованной организации, украсить ее имидж. Считанные единицы партий перебазировались в страну из-за границы. Это те организации, которые возникли после Второй мировой войны в среде украинской эмиграции.

Во-вторых, массовое распространение политических партий в Украине совпало с неблагоприятной для их будущего мировой тенденцией – снижением своей роли партиями в общественно-политической жизни. Подобные процессы проявляются как в западноевропейских, так и в центральноевропейских и в постсоветских странах. Исследователи высказывают мнение, что постсоветские общества уже прошли этап «расцвета публичной сферы и гражданской активности». Для такого типа общества характерным является то, что оно «в некоторых принципиальных чертах похоже с современным западным, и его тоже вполне можно определить как постгражданское» (4). Правда, эти тенденции в разных социальных условиях проявляются в специфической форме и наполняются разным значением. Если на Западе они возникают в процессе эволюционного развития общества, то в центральноевропейских и постсоветских государствах ситуация является значительно более сложной. В этих государствах пробиваются одновременно две тенденции: бурного роста политических партий после провозглашения и конституционного закрепления политического плюрализма и появления больших трудностей при попытках построения классических политических партий, характерных для Западной Европы XX века.

Классические политические партии образовывались на определенных философско-мировоззренческих принципах, создавали

свою идеологическую программу. У нас же многие политические партии только формально имеют программы. В действительности же это, как правило, эклектические наборы каких-то конъюнктурных лозунгов. Поэтому они могут с течением времени плавать по всему идеологическому спектру, перемещаясь от одних идеологических причалов к другим. Например, партия «Батькивщина» за достаточно непродолжительное время своего существования позиционировала себя и как социал-демократическая, и как крайняя правая партия, вступала и в Социнтерн, и в Европейскую народную партию.

С самого начала процесс формирования многопартийности в нашей стране разворачивался как противоречивый: он одновременно вмещал в себя тенденции укрепления, распространения, роста влияния и скептического отношения, неверия в эти организации. С одной стороны, в стране зарегистрировано более 180 политических партий, а, с другой – очень низкий уровень доверия населения к политическим партиям и нежелание вступать в них. Согласно omnibus Института социологии НАН Украины 2009 года, в партиях находится 4% взрослого населения, то есть около 1,5 млн. людей. Следует отметить такую особенность украинского «партийного строительства» как бурные, но кратковременные всплески роста рядов тех партий, лидеры которых пробиваются на первую роль в государстве. При низком общем уровне политической активности населения «партии власти» в течение нескольких месяцев становятся массовыми, насчитывающими сотни тысяч людей. Вспомним, сколько было членов в «Народном Рухе» в начале 90-х гг., потом в Народно-демократической партии Украины. Эстафету приняли социал-демократы Украины (объединенные), которые заявляли о более чем полумиллионной массе своих членов. После прихода к власти «оранжевых» в течение нескольких месяцев шло наращивание числа партячек «Нашей Украины». Затем самыми многочисленными стали Партия регионов и «Батькивщина». Но закономерность развития «властных партий» является грустной: как только их лидеры теряют статус в государственных институтах, так и от партии почти ничего не остается.

В результате взаимодействия, взаимовлияния этих процессов у нас сложилась многопартийность, которая имеет достаточно четко выраженную собственную, украинскую черту. В частности, наиболее мощные организации, которые объявляют себя политическими партиями, в действительности оказываются масштабными бизнес-проектами. Партийная работа в них ведется также по

принципу организации бизнеса. Во-первых, лидеры и спонсоры партий при приеме граждан в партию используют ту же логику рекламы (открытую или скрытую), что и при продаже товаров. Во-вторых, члены партии вступают в них не для проявления своей гражданской, политической позиции, не для утверждения близких им идеологических и политических ценностей, а для того, чтобы извлечь какую-то выгоду: получить или удержаться при должности, сделать профессиональную или политическую карьеру, защитить свой бизнес, повысить свой социальный статус. Поэтому внутрипартийная жизнь больше напоминает бизнес-отношения, чем жизнь политической организации.

Немногочисленными и слабо влияющими на положение дел в стране являются и общественные организации. Большинство из них способны держаться на плаву только при грантовой, спонсорской поддержке, а не за счет общественной активности своих членов.

По данным омнибуса 2009 года Института социологии НАН Украины, большинство людей личное участие в работе политической партии или общественной организации не считает способом защиты своих социальных интересов. Поэтому участие в деятельности этой организации считают важным для себя лично только 22% респондентов, а не важным – 57%. На такое отношение граждан к личной публичной активности влияет много причин. Здесь заявляют о себе долговременные факторы, которые проявляются при жизни не одного поколения. Например, такие, как крайне слабое участие народа в общественной жизни в истории Украины, патернализм государства в советское время, культурные традиции («моя хата с краю»).

В такой общественной ситуации трудно определить, что первично, а что вторично, что является причиной, а что следствием: то ли люди не принимают участие в общественных объединениях потому, что разочаровались в их способности и желании направлять свои действия на решение проблем рядовых граждан, то ли у людей укоренено иждивенческое отношение к этим организациям, желание получать от них только какие-то блага, но не принимать участия самим в их работе. Не наблюдается и давления граждан на политические партии и общественные организации, как на образования, которым граждане различным способом (поддержка в общественном мнении, голосования за них на выборах, спонсорская поддержка их существования и тому подобное) передали свои полномочия.

Следовательно, можно утверждать, что подавляющая часть украинских граждан свои коренные и долговременные социаль-

ные интересы на практике, как в непосредственной форме, так и в опосредствованной (через передачу своих полномочий) не отстаивает. Вообще у украинских граждан очень размытые представления о том, как и кто должен защищать их интересы. Например, в исследовании, проведенном Центром им. А. Разумкова в июне 2007 года, в ответах на вопрос «Кто должен представлять Ваши интересы в общественных процессах в первую очередь?», получены такие результаты: структура бизнеса—1,4%, общественная организация—13,8%, средства массовой информации—10,5%, отдельные политики—11,9%, политическая партия—26,4%, профсоюзы—13,5%, другое—4,3%, трудно ответить—18,2% (5).

Осознание потребности в собственной политической партии для защиты своих интересов сильнее развито у молодой, агрессивной, только что появившейся в социальной структуре украинского общества буржуазии, чем у различных групп наемных работников. Кроме того, буржуазия имеет в своем распоряжении значительные ресурсы для формирования, а точнее, заказа и покупки политических партий, чем другие социальные группы. И действительно, покупает она политические партии со свойственными ей грубостью и цинизмом. А рынок реагирует на это своими предложениями на продажу уже готовой «политической партии». Например, после президентских выборов 2010 года в Украине еще с трудом просматривалась судьба парламента шестого созыва. Была большая вероятность того, что новая коалиция в Верховной Раде создана не будет и тогда предстояло бы провести новые парламентские выборы. Кроме того, наступил срок проведения выборов в органы местного самоуправления и мэров городов. И сразу же в Интернете появилось предложение о продаже политической партии с разветвленной сетью областных организаций, которая со времени регистрации в Минюсте Украины существует уже более двух лет, и в которой можно изменить название, а также обновить в центре и на местах руководящий состав. За такую политическую партию просили 180 тысяч долларов. Это лишило покупателя хлопот по формированию партии, а также необходимости прожить с нею два года, чтобы иметь право принимать участие в выборах.

Знакомясь с информацией в Интернете о партии, которая продается, мы столкнулись с тем, что поисковая система выдала и другие объявления со словами «продается партия», в частности: «Продается партия женской обуви, в том числе сапоги, «весна-осень», от 35 до 41 р-ра, а также партия всепогодных курток из

синтетической ткани. Антикризисная цена» (6). Что, в принципе, одно и то же. Ведь продается в настоящий момент все – места в парламенте, переход из фракции во фракцию, женское тело, место на песенном конкурсе, футбольный матч... Так почему не может продаваться новенькая политическая партия «под ключ»?

Возможно в результате такого рода «партийного строительства» в Украине в последние два десятилетия значительная часть граждан чувствует разочарование в многопартийности. Согласно результатам социологического мониторинга Института социологии НАН Украины, динамика общественного мнения по данной теме такая: если в 1994 году на вопрос: «Нужна ли, по Вашему мнению, Украине многопартийная система?» ответили негативно 30%, в 2008 году – 43%, а в 2010 – 46%. Считали, что нужна – 36%, 26% и 21% соответственно. А количество неопределившихся осталось почти одинаковым – 34%, 31% и 32% (7).

Здесь нет возможности анализировать причину разочарования населения в многопартийности. Мы только фиксируем факт, что многопартийная система как инструмент отражения и защиты интересов разных социальных групп в Украине не воспринята, не понята и не принята тремя четвертями населения.

Правда, подобное утверждение было бы односторонним, если бы мы не обратили внимание на то, что многие граждане слабо осознают и свои собственные социальные интересы, и роль политических партий в их защите. Об этом свидетельствуют, например, ответы на вопрос о выборе респондентами лучшей избирательной системы. После вопросов о том, какую бы они выбрали избирательную систему (а в них предлагалась пропорциональная, мажоритарная и смешанная система выборов в Верховную Раду), респондентам предлагалось объяснить, почему они выбрали такую систему. Среди семи вариантов ответов были и три варианта, которые объясняли выбор тем, что он обеспечивает представительство интересов респондента. В одном варианте – обеспечивает справедливое представительство интересов региона (города, района), в котором проживает респондент, во втором – справедливое представительство социальной группы, которую респондент считает своей, в третьем – наилучшим образом обеспечивает представительство этнической, религиозной, языковой группы, которую респондент считает своей. Первый вариант ответа, то есть обеспечение прав региона, поддержали 25% респондентов. Этот вариант набрал наибольшее количество ответов респондентов среди всех семи

вариантов. А второй вариант, связанный с представительством интересов социальной группы респондента, набрал всего 14% сторонников. Третий вариант (отстаивание интересов этнической группы) привлек внимание только 4% опрошенных.

Таким образом, больше всего люди – каждый четвертый избиратель – в представительной демократии видят способ справедливого представительства своего региона. Систему представительной демократии считают способом защиты групповых социальных интересов только 14% опрошенных, в том числе 15% наемных работников, 10% самозанятых и 16% работающих в семейном бизнесе. При этом следует учесть, что у нас в стране наемные работники составляют около 80% всех занятых. Именно показатели этой группы определяют уровень понимания способов защиты, представительства своих социальных групповых интересов всего населения Украины. А он, судя по этим ответам, катастрофически низкий.

Варианты этих ответов являются дополнительными доказательствами того, что украинские граждане плохо осознают свои интересы, а отсюда и значимость как самого процесса, так и формы передачи своих полномочий отдельной избранной ими личности (как в случае мажоритарной системы выборов) и представителям политической партии (при пропорциональной системе).

Следовательно, и второй путь защиты, отстаивания своих интересов гражданами – путь передачи своих полномочий избранным для этого представителям, также пока оказался в нашей стране неэффективным.

В обоих случаях мы допускали, что у граждан есть какие-то осознанные долговременные, коренные социальные интересы. Однако по ходу анализа мы убедились, что в силу социально-исторических обстоятельств значительная часть людей может и не осознавать свои коренные интересы, ориентироваться на определенные сиюминутные приманки, выгоды.

Классическая модель защиты групповых социальных интересов в годы независимости у нас так и не сформирована. Были отдельные кратковременные периоды политической и гражданской активности. Но они не сформировали у граждан привычку к таким действиям, не укоренились, не стали традицией. Что же мы имеем в действительности? Всплески активности остаются только определенными точками социальной памяти, на фоне которых из года в год продолжается состояние вялости, разочарования в прямых гражданских действиях, наблюдается неучастие значи-

тельной части (иногда большинства) граждан в политических акциях, а также становящееся все более массовым участие в акциях «профессиональных активистов» за вознаграждение.

На феномене активности граждан за вознаграждение мы остановимся более обстоятельно.

В последние два десятилетия в украинском обществе состоялись кардинальные изменения. Большинство взрослого населения, если ясно и не осознает, то по крайней мере смутно чувствует, что оно очутилось в абсолютно другой социальной среде, чем та, которая была привычной для него с детства. Но и эти два десятилетия не были однородными по доминирующей тенденции в политической жизни. Отметим лишь одну тенденцию, очень важную в контексте данного анализа. В конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого столетия массовое участие граждан в украинской общественной жизни было искренним, было преимущественно проявлением зова их души. Митинги, пикеты тогда воспринимались как проявление политической активности, гражданской позиции. В начале нового века у значительной части людей стала формироваться тенденция включаться в общественные мероприятия уже не по призыву сердца, а по предложению какого-либо дельца от политики за вознаграждение – за деньги, продукты, какую-либо услугу. В платных политических акциях стали принимать участие люди всех возрастных групп, мужчины и женщины, жители городов и сел, студенты и безработные, а нередко и работающие. В ответ на критику подобной практики можно услышать, что в демократическом обществе разрешено все, что не запрещено. В связи с этим возникает вопрос, на самом ли деле в этом заключается значение свободы и демократии? Ответ на него даже не опытному в познании общества человеку известен. Но одно дело дать оценку явлению и совсем другое – понять его мотивы и причину.

Практики платного участия множества людей в политических действиях относятся к феномену, получившему в литературе название политического консьюмеризма. Этим термином называют два явления. В первом значении он употребляется по отношению к явлению в сфере торговли в прямом смысле, – когда потребители, занимая определенные политические позиции, покупают товары только отечественной фирмы, или, напротив, не покупают товары, не пользуются услугами компании какой-то страны. Кроме того, существует и такой вид политической активности, когда люди покупают товары и пользуются услугами только той компании, которая проповедует близкие им ценности. По

мнению некоторых исследователей, здесь мы имеем дело с новым видом политической активности. «Через политический шопинг, – пишет С.Пшизова, – кампания по дискредитации корпоративной символики и рекламных слоганов, электронные петиции и другие новые формы политического участия граждане пытаются, минуя государство, выходить напрямую на крупные компании, международные организации, общественное мнение, тем самым непосредственно выражая свою волю и влияя на решение важных вопросов» (8). Этот вид политической самодеятельности ограничен в своих возможностях и не отменяет традиционных форм гражданской активности. В странах устоявшейся буржуазной демократии политический консьюмеризм является, с одной стороны, фактом зарождения новой формы политической активности масс, а с другой – способом выражения разочарования в результативности традиционных форм гражданской активности, в эффективности деятельности классических политических институтов в современных условиях.

Во втором значении политическим консьюмеризмом называют такую деятельность людей, в которой мотивация их поступков в политической сфере является потребительской, а не гражданской, когда их поведение не является проявлением политической позиции, а способом получения каких-то выгод, вознаграждений. Иначе говоря, когда область политической жизни воспринимается ими как пространство для заработка или получения других благ, когда в содержание этой своей активности они не включают никакой политической, мировоззренческой, идеологической ценности, а мотивация их поведения является сугубо меркантильной.

В Украине политическое потребительство приобрело широкое распространение именно во втором значении. Причем оно стало не только массовым, но и приобрело самую циничную форму. То есть речь идет о явлении, которое, во-первых, имеет определенные качественные признаки, в том числе моральные и социально-психологические, во-вторых, возникло в последние годы и потому является новым, еще до конца не понятным для общества, его членов. Что касается последней характеристики, то есть новизны явления политического консьюмеризма, то она проявляется и в том, что полного представления об этом феномене общество не имеет ни на уровне обыденного сознания, ни на уровне научного познания.

Политический консьюмеризм предусматривает две стороны участников: первая – это политическая элита, вторая – полити-

ческая массовка, потребители. Актив политических партий, созданных по форматам бизнес-проектов, прикормлен и выполняет свои функции за соответствующую мзду. Характер деятельности первичной ячейки современной украинской политической партии имеет формальный характер. Роль рядовых членов мало что значит как в повседневной деятельности, так и в определении целей и задач партии, а также в решении насущных проблем тех слоев, к которым они принадлежат. Поэтому значение пребывания в партии рядовые члены нередко видят в том, чтобы принимая участие в определенных мероприятиях, проводимых их организацией, извлечь для себя какую-либо материальную выгоду. Нередко они становятся организаторами групп граждан для участия в митингах, пикетах, других акциях. Партийцы выступают «звеньевыми», «бригадирами», «десятьниками», которые набирают людей для участия в мероприятиях. Они договариваются об условиях оплаты за участие в акции, сообщают расценки за соответствующие функции во время этой акции – за простое участие, за несение флага, транспаранта, скандирование и тому подобное. Они же отвечают за поведение членов своей «десятки», за их питание, за периодичность смены звеньев, которые стоят с флагами и транспарантами, проводят переключку участников. Именно в этих практиках сходятся сиюминутные частные интересы членов партии и массы беспартийных. В сущности же, интересы и тех и других одинаковые – извлечь для себя какую-либо выгоду. Причем для некоторых людей, в том числе и членов партии, участие в организации и проведении митингов становится систематическим.

Заняв позицию «профессионального» митинговальщика, рассматривая ее как своего рода службу, такие люди абстрагируются от содержания «работы», от того, какой политической силе они предоставляют услуги. Участие в политических мероприятиях как способ заработка вошло в повседневную практику украинских граждан и стало явлением привычным, банальным. В периоды обострения политического противоборства в стране, во время избирательных кампаний можно встретить множество объявлений такого типа: «РАБОТА. Участие в массовых акциях, митингах. Оплата почасовая – 15 грн/час. Звонить по телефону...». Большинство политических «заробитчан» выработали в себе психологическую позицию дистанцированности от политики. Она помогает устранить морально-психологический дискомфорт, который возникает у личности из-за несовместимости

ее ценностных ориентаций (конечно, если они есть) и реального поведения.

Очень часто «заробитчане» сотрудничают со многими партиями, объединениями, организациями не в одиночку, а в постоянном составе «звеньев», «десяток». Тогда личная моральная ответственность еще больше размывается, переводится на организаторов и организацию. Особенно много таких людей из числа малообеспеченных, безработных, пенсионеров, студентов и учеников. Для некоторых из них «гонорар» за участие в публичной акции, за разные виды работы во время выборной кампании (разноска «подарков» от кандидатов на выборную должность, обход и агитация избирателей по квартирам, расклеивание листовок и т. п.) составляет большую часть их месячного дохода.

На практике организация митингов, пикетов, шествий, демонстраций является еще сложнее. В их подготовке и проведении кроме партийных активистов принимают участие, а точнее, в первую очередь занимаются организацией этих мероприятий, представители власти – на уровне руководителей местных органов самоуправления и государственных органов: села, поселка, города, области. Они применяют пресловутый админресурс, который включает нередко и финансовый ресурс. А к ним присоединяются партийные активисты, благодаря участию которых делается видимость деятельности общественной организации, политической партии, то есть гражданской активности.

Конечно, было бы преувеличением приписывать всех участников общественных мероприятий к «политическим туристам», «профессиональным участникам митингов». Есть еще немало людей, которые приходят на публичные акции по собственной инициативе, проявляя свои гражданские качества. Да и моральные оценки участия в митингах, пикетах за оплату существенно отличаются у разных людей. На вопрос омнибуса: «Существуют различные мнения относительно того, почему люди ходят на митинги, пикеты за вознаграждение. Какое из мнений Вам ближе?» 22% опрошенных прямо ответили, что это «неплохой способ заработка». Больше всего такого мнения придерживаются опрошенные из числа молодежи – 26%. Почти столько же его разделяют респонденты среднего возраста – 24%. Заметно меньше такого мнения придерживается людей старшего возраста – 15,5%.

Некоторая часть граждан склонна найти какое-то моральное оправдание тому, что она разделяет мнение о том, что за участие в митингах и пикетах можно получать вознаграждение. 37%

респондентов ответило, что «это нормально, если человек поддерживает ту политическую силу, которой он симпатизирует». В этой форме ответов снова близкие позиции занимают молодежь и люди среднего возраста и наибольшая разница в ответах молодежи и людей старшей возрастной группы – 40% и 34% соответственно.

24% респондентов считают участие в общественных акциях за вознаграждение аморальным. Особенно много таких среди людей старше 55 лет – 30%. А менее всего среди молодежи – 18%.

Таким образом, наибольшие отличия в моральной оценке участия в общественных акциях за вознаграждение имеются между молодежью и старшим поколением. Молодежь смотрит на подобное поведение более прагматично, а старшее поколение проявляет больший моральный ригоризм.

В региональном разрезе население Украины в ответах на этот вопрос различается следующим образом. Утилитарно к этой теме относятся жители центра страны. Здесь 30% считает, что это неплохой способ заработка. Это почти в два раза больше, чем на юге страны. Возможно, что такая позиция жителей центрального региона объясняется близостью к столице, где политические акции проходят наиболее часто и являются самыми массовыми. А «массовка» как раз в значительной части состоит из жителей центральных областей, которых материально стимулируют и подвозят в Киев, поскольку минимизируются расходы на транспорт. Для многих людей из центральных областей такая практика уже стала достаточно привычным способом поправки своего материального положения. Эту гипотезу подтверждают и ответы на данный вопрос жителей разных типов населенных пунктов. Среди киевлян почти в два раза больше людей, чем среди жителей остальных типов населенных пунктов, которые участие в митингах и пикетах рассматривают как способ заработка. Так считают 37% киевлян и от 20% до 22% жителей сел, небольших и крупных городов. Как известно, киевлян привлекали к такому роду заработков не только общеукраинские общественно-политические организации, но и городская власть.

Оправдывают тех, кто получает вознаграждение при поддержке на митингах и пикетах той силы, которой симпатизируют, 42% жителей крупных городов и от 35% до 37% киевлян, жителей малых городов и сел.

Удельный вес людей со строгой моральной оценкой по отношению к «профессиональным демонстрантам» среди жителей

разных типов населенных пунктов почти одинаков – в пределах 20–26% тех, кто оценивает подобное поведение как аморальное.

Региональные отличия респондентов, считающих аморальным участие в общественных мероприятиях за вознаграждение, колеблются достаточно значительно – от 19% опрошенных в центре до 32% – на юге страны. По-видимому, здесь отражается распространенность прагматичного отношения к участию в митингах и пикетах в центральном регионе.

Среди образовательных групп достаточно заметно выделяется группа лиц с первой ступенью высшего образования. Среди них больше всего тех, кто считает, что участие в политической акции за вознаграждение это неплохой вид заработка, – 41%. В то же время во всех остальных образовательных группах такие ответы дали всего от 18% до 24% респондентов.

Лица с первой ступенью высшего образования меньше других склонны считать, что подобное поведение является аморальным. Таких среди них только 9%, тогда как среди других образовательных групп подобную точку зрения разделяют от 22% до 28% опрошенных.

Дополнительную характеристику лицам, которые рассматривают политический консьюмеризм как нормальный, ничем не худший от других форм работы, способ заработка, дают их ответы на вопрос: «В какой мере Вас интересует политика?». Почти треть (30%) тех респондентов, которые заявили, что их политика не интересует совсем, считают, что участие в митингах является неплохим видом заработка. То есть, к такому роду деятельности они относятся предельно прагматично: меня не интересует, какие лозунги я ношу, к чему призывает политическая сила, которой я предоставляю услуги, главное, что таким образом я могу заработать денег. Здесь в чистом виде проявляется укоренение в сознание значительной части общества потребительского отношения к политическим акциям, к восприятию их как сугубо коммерческих мероприятий. А собственный интерес они рассматривают не через сложное осмысление своей принадлежности к социальной группе и соответственно – групповых интересов, а через сиюминутную выгоду, ситуативный интерес.

Мнения людей по отношению к участию в политических мероприятиях за вознаграждение отличаются от их готовности лично принимать участие в акции за вознаграждение. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос: «Пошли бы Вы на митинг, пикетирование для поддержки определенной политической силы

(политика), общественной организации, если бы Вам за это предложили вознаграждение (деньги, продукты и тому подобное)?» Прямой ответ, что они готовы пойти на подобную акцию, дали только 10% респондентов. Больше всех таких среди молодежи – 15%, а меньше всех среди людей старшего поколения – 6%.

28% респондентов согласны идти на митинги и пикеты к своим симпатикам за деньги. Очевидно, они отделяют уровень своего благосостояния от материальных возможностей организаторов мероприятий и сознательно или подсознательно считают их людьми состоятельными, способными оплатить их участие в акции. Среди молодежи за вознаграждение готовы идти на митинги и пикеты своих сторонников 33% опрошенных. Среди людей среднего возраста – 30% и среди людей старше 55 лет – 20%.

Ответы на данный вопрос показывают, что хотя многие люди уже начали придерживаться мнения, что участие в митингах и пикетах можно рассматривать как своеобразную работу, которая относительно неплохо вознаграждается, но не все из них готовы эту мысль реализовать в своем поведении. Хотя та часть людей, у которых уже сформировалось подобное мнение и которые готовы идти на политические мероприятия за вознаграждение, уже достаточно большая и равняется 69%. То есть, у подавляющей части этих людей сложилось в сознании непротиворечивое отношение к факту участия в митингах и пикетах за вознаграждение.

Им противостоит категория людей, которые считают, что подобное поведение является аморальным и они за деньги или за другое вознаграждение на общественную акцию не пошли бы, поскольку подобные предложения их оскорбляют. Среди респондентов, которые считают подобное поведение аморальным, 61% отбросили бы предложение идти на митинги за деньги, считая его оскорбительным.

В самой многочисленной группе респондентов, занимающих более гибкую позицию и считающих нормальным участие за деньги в митингах той политической силы, которой они симпатизируют (напомним, что по массиву их 37%), удельный вес таких, кто готов уже идти на митинги за вознаграждение, составляет 65%.

В низах, в общественном мнении социальных групп, которые ведут образ жизни выживания, складывается и утверждается представление о том, что участие в общественных мероприятиях в условиях рынка, – это тоже работа, за которую должны платить. Начало этой тенденции положили спекуляции олигархов, связанные с выбиванием бюджетных денег для определенной отрасли экономики:

угольной промышленности, сельского хозяйства, других отраслей. Администрация предприятий формировала группы работников, которым выплачивались командировочные, организовывалось питание, вода, предоставлялся транспорт, вспомогательные средства – палатки, транспаранты и так далее и направляли их в Киев на митинги, пикеты, шествия с целью оказания давления на правительство, парламент, президента, другие органы государственной власти. Нельзя сказать, что подобного рода акции всегда проводятся по инициативе олигархов. Этой формой давления пользуется и местная власть, и отдельные группы центральной власти для давления на другую ее часть. Естественно, что истинный смысл участия в подобных мероприятиях для рядовых граждан или остается скрытым, или они догадываются об истинной цели подобной акции. Об интересах своей социальной группы как субъектов общественного процесса каждый из участников акции вряд ли задумывается. Тем более, вряд ли на уровне обыденного сознания они размышляют о том, пойдут ли их действия на пользу или во вред интересам групп, к которым они объективно принадлежат.

Участие в митингах, пикетированиях, других массовых мероприятиях в психологическом плане для отдельного участника выглядит как достаточно анонимное действие. Он находится в толпе, его главная роль заключается в том, чтобы создавать видимость массовости. Его фамилия, статус, место работы или учебы, адрес, не только официально, а даже формально нигде не фигурируют, никем не фиксируются. Разве что бригадиром, который может знать его номер мобильного телефона и имя для того, чтобы предложить принять участие в очередном мероприятии за деньги.

Более ответственным шагом в социальном смысле является участие человека в выборах в местные органы власти, в парламент, президента. Здесь он идентифицирован как гражданин страны, внесен в список избирателей, отнесен к определенному избирательному участку. В общественных мероприятиях такого рода человек попадает в такие условия, когда должен сознательно делать свой выбор – идти или не идти на голосование, если идти, то за кого голосовать. Мы уже не говорим о том, что выборы в социальные институты любого уровня предусматривают определенную степень политического развития человека, определенный уровень правовой и политической культуры, личную гражданскую ответственность за состояние дел в селе, микрорайоне, городе, области, стране. Это, так сказать, теоретическое представление об

ожидаемом поведении гражданина, это модель, которая заложена в правовую норму законов о выборах.

На практике же, варианты поведения избирателей значительно более разнообразны. Они отражают не только уровни правовой и политической культуры населения, но и традицию, которая складывалась десятками и сотнями лет, и культурную матрицу поведения, которая присуща именно данному обществу, а также непосредственную ситуацию в обществе, которая сложилась на период выборов. Скажем, особенность политического, общественного поведения в Украине заключается в том, что население проявляет высокую (как для нашего времени) активность на выборах. Но прийти на выборы и сделать продуманный выбор во время голосования – это абсолютно разные вещи. На данной стадии развития гражданских практик в Украине значительная часть людей (я преднамеренно не употребляю слово «граждан») во время голосования готовы быстрее реализовать свой сиюминутный непосредственный интерес, чем глубинный, долгосрочный социально-групповой.

В последние годы среди разнообразных моделей поведения избирателей все большее распространение получила такая, в основе которой превалирует не политическая составляющая, а утилитарно-прагматичная. Она сводится к тому, что право голоса гражданина рассматривается как ресурс, а точнее, как товар, которому есть соответствующий денежный эквивалент. Причем речь идет не об одиночных случаях, а о массовом поведении, выразительной общественной тенденции. Например, Украинская служба Би-Би-Си перед выборами Президента Украины в 2010 году провела серию передач, в которой принимали участие молодые избиратели. Одна из участниц этой встречи, Марина Гайдак рассказала: «Моя младшая сестра, которой только что исполнилось 18 лет, как-то за ужином спросила, где бы лучше продать свой голос. Она говорит, что для нее это будет хорошая прибавка к стипендии, а от того, кто победит, в ее жизни ничего не изменится» (9).

К сожалению, молодежь, которая выросла в общественной атмосфере политических разочарований, цинизма, переносит и в сферу гражданских и общественных практик присущий ей утилитаризм и прагматизм. Ради справедливости следует сказать, что последние характеристики не является монополией лишь молодежи. Они достаточно распространены и среди людей других возрастных групп. Поэтому сводить все причины лишь к одной – к общественным условиям формирования молодежи в последнее десятилетие

XX века и первое десятилетие XXI века было бы упрощением. Очевидно, следует анализировать и другие причины, сформировавшие аналогичное поведение в общественно-политической сфере общества у людей среднего и старшего возраста.

Следовательно, создание условий для представительной демократии в бедной стране, в стране, не имеющей традиций многопартийного парламентаризма, без развитой гражданской культуры не обязательно ведет к развитию действительной демократии. Как мы убедились, в таких условиях могут зарождаться карикатурные модели демократии, где вместо гражданской активности возникает оплаченная активность политических «заробитчан». Кстати, те, кого называют активистами гражданских организаций, по своей социальной сути, в большинстве своих общественных проявлений мало чем отличаются от тех, кто входит в группу «профессиональных голосовальщиков» и платных участников митингов и пикетов. Активность лидеров общественных организаций очень плотно коррелирует с периодичностью финансовых вливаний. Как только ручеек оплаты исчерпывается, усыхает и активность и организаторов, и рядовых членов, а затем деятельность и существование всей организации.

Насколько распространены в обществе являются настроения продажи своих голосов? При каких условиях они могут быть проданы, какими мотивами руководствуется человек в этих действиях? Поиском ответов на эти вопросы задались исследователи из Фонда «Демократические инициативы» перед президентскими выборами 2010 года в Украине. Оказалось, что три четверти избирателей (76%) не согласны продавать свой голос в интересах определенного кандидата. То есть, это та часть электората, которая стоит на твердых моральных позициях и ни при каких условиях не отдаст никому свой голос. А среди тех, кто готов поддаться искушению и хотел бы что-то иметь материального от своего избирательного голоса, 2% способны это сделать за любую сумму, 6% хотели бы поторговаться и отдали бы голос при условии, «если будет устраивать сумма» (в среднем это свыше 500 грн.), а 13% – это, так сказать, торгаши с претензией на моральное целомудрие: они бы продали свой голос, если бы собирались голосовать именно за этого кандидата.

Объяснение подобного поведения в общественном мнении существует такое: 44% опрошенных считают, что так люди ведут себя из-за трудного материального положения, 30% причину ви-

дят в том, что избирателям «безразличны все кандидаты», а 15% респондентов считают, что люди так ведут себя из-за жадности и желания заработать на всем (10).

Кроме того, социальное поведение по образцу рыночных отношений (все продается и все покупается) приживается в обществе быстрее, чем поведение, основанное на гражданских демократических принципах. Первое становится все более распространенным. Причем, эта модель выступает в самом упрощенном, примитивном виде – в ней за рамки выносятся этическая ценность, а нередко и правовая норма. Например, в сфере образования (как в вузах, так и школе) в основе отношений учителя и ученика становится не получение знаний, учебы, а получение дохода. То же происходит и в медицине между врачом и пациентом, на ученом совете – между соискателем и членами совета, в органах местного и государственного управления между государственным чиновником и гражданином. Иначе говоря, смыслы социальных отношений в разных сферах общества универсализируются и укладываются в формулу купли-продажи.

Как показали президентские выборы 2010 года, избиратели отнеслись к выполнению своего гражданского долга более ответственно, чем они об этом говорили перед выборами. Как зарубежные, так и местные наблюдатели не зафиксировали значительных нарушений в процессе выборов, в том числе и в день голосования, которые бы могли повлиять на результаты выборов.

От того, что существует высокая активность на выборах, проблема гонорарных практик в политической сфере не исчезает. Особенно важной и актуальной она остается, если ее анализировать под углом зрения социальных интересов личности, путей и способов их достижения. Готовность, пусть даже вербальная, достаточно большой части украинских избирателей продавать свой голос является свидетельством, проявлением сложной проблемы постижения личностью своих социальных интересов, непосредственной связи механизмов реализации социальных интересов и уровнем гражданской ответственности. Такой характер голосования граждан ставит вопрос об их готовности к ответственной демократии, и даже о том, нужна ли населению с такими морально-политическими качествами демократия в классическом понимании этого явления. Если отбросить последнее, то есть крайнюю политическую позицию о неготовности населения к демократии, то вопрос об ошибочной, «неправильной», деформированной демократии, которая у нас

сложилась, все равно остается. Как и остаются вопросы о путях выхода из кризисного состояния общественного сознания.

При обсуждении темы продажи голосов на выборах сосредоточивают внимание на двух проблемах – аморальности такого поведения и нарушении действующего законодательства. А вот тема измены своих социальных интересов теми, кто продает свои голоса, практически не обсуждается. Она менее интересна для средств массовой информации, поскольку не имеет привкуса сенсационности, нуждается в философских и социологических знаниях, является более сухой и рациональной. Но с точки зрения социальных и политических последствий для общества именно этот аспект публичных практик является важнейшим. Поэтому именно он должен быть подвергнут всестороннему теоретическому анализу. Среди проблем, которые должны быть при этом рассмотрены, по нашему мнению, это, во-первых, проблема сложности понимания личностью своих долгосрочных групповых интересов, а тем более соблюдение ею в поведении логики верности этим интересам, во-вторых, проблема постоянного искушения реализовать сегодняшний, непосредственный интерес, во вред долгосрочному. В-третьих, проблема мобилизации общественного мнения вокруг других тем, затушевка и попытка выведения данной темы из публичного дискурса, то есть проблема манипуляции общественным мнением относительно социальных и групповых интересов.

Следовательно, за этими фактами скрываются изменения, которые произошли в общественной жизни. Что же это за изменения? Во-первых, эти факты свидетельствуют о снижении общественной активности населения. Во-вторых, они сигнализируют о кризисе форм проявления прямой демократии. В-третьих, они говорят об изменении значения для людей многих митингов, демонстраций, пикетов. Из формы проявления политической позиции гражданами они превращаются в специфическую форму зарабатывания денег. За этими фактами прячутся процессы деформации общественной морали, этических принципов личности. Они отражают размывание представлений людей о своих долговременных, коренных классовых интересах, люмпенизации социальных групп.

Завершая наш анализ феномена гонорарных гражданских практик, отметим, что на социальное поведение современного украинца влияют такие факторы как образ жизни выживания, анония, снижение морального порога в обществе, пропаганда потреби-

тельских ценностей, консьюмеристского стиля жизни, недоверие к социальным институтам, включая государственные и политические, невысокая политическая культура, низкая гражданская активность, неуверенность в будущем и ряд других факторов, формирующих специфическую форму и способы реализации (или нереализации) его социальных интересов. В поведении представителей большинства социальных групп не прослеживается его (поведения) детерминированности групповыми интересами. Как правило, проявляются такие мотивы социальных поступков, которые связаны с краткосрочной, сиюминутной ситуацией, в которой оказался человек.

Общие выводы, которые можно сделать из проведенного анализа, сводятся к тому, что, во-первых, сегодня в социальном поведении украинских граждан слабо просматривается стремление реализовать групповой социальный интерес. Значительная часть из них считает, что лучше получить сиюминутную, в целом мизерную, выгоду в виде вознаграждения за участие в митингах, пикетах, независимо от того, чего добиваются их организаторы, а не целеустремленно и последовательно добиваться своих коренных классовых и групповых интересов. Нередко требования, выдвигаемые на подобных мероприятиях, идут вразрез с интересами их наемных участников. По-видимому, подобное поведение наших граждан объясняется тем, что значительная часть из них не верит в свою способность добиться своих социальных интересов, а потому считает, что лучше получить хотя бы что-то в настоящий момент, чем не иметь ничего никогда.

Во-вторых, мы являемся свидетелями усиления прагматизма, иногда даже циничного прагматизма, в поведении разных групп населения. Больше всего прагматиков сосредоточено: а) в молодежной когорте; б) среди жителей центрального региона страны; в) среди киевлян; г) среди лиц с начальной ступенью высшего образования.

Такой моральный релятивизм, потребительское мировоззрение, которое выносит за скобки сознания многие этические критерии и ставящее в центр своей морали голый прагматизм, дает основание рассматривать и военного наемника, и киллера, и проститутку, и политического перебежчика, как людей «просто исполняющих свою работу». В его оправдание можно сказать, что, мол, нельзя подходить к реальному, повседневному поведению людей с завышенными этическими критериями, что люди являются такими, какими их делает жизнь. Конечно, мож-

но сказать и так. Но при этом, во-первых, следует, по крайней мере, честно признать, что массы несут свою долю ответственности за то, что происходит в обществе и каким оно есть. Во-вторых, иметь в виду, что разные общества в одно и то же время часто находятся на разных уровнях моральной культуры, а исторически каждое из них переживает как периоды моральных подъемов, так и моральных кризисов, этического упадка. Каковы причины моральной деградации и какие пути выхода из нее, – это уже другая тема.

Литература:

1. Омнибус Института социологии НАН Украины 2009 года. Далее по тексту параграфа, если нет другой ссылки, приводятся эмпирические данные из упомянутого омнибуса.

2. Итоги выборов в Европейский парламент. – <http://www.rodon.org/polit-090611092648>

3. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. – С.15.

4. Пшизова С.Н. От «гражданского общества» к «сообществу потребителей»: политический консьюмеризм в сравнительной перспективе // Полис. – 2009. – №1. – С.110.

5. Хто має представляти Ваші інтереси у суспільних процесах в першу чергу? – http://razumkov.org.ua/poll.php?poll_id=154

6. Объявление. – <http://www.doska.ru/msg/clothes-footwear/footwear/bootss/aafgn.html>

7. Головаха Є., Паніна Н. Українське суспільство 1992-2008: Соціологічний моніторинг. – Київ. – 2008.

8. Пшизова С.Н. От «гражданского общества» к «сообществу потребителей»: политический консьюмеризм в сравнительной перспективе // Полис. – 2009. – №1. – С.106.

9. Шокало Марта. «Мій перший раз» удруге: молодь – про вибори – http://www.bbc.co.uk/ukrainian/ukraine/2009/12/091226_first_time_marta_sp.shtml

10. Прес-конференція Фонду «Демократичні ініціативи» «Вибори–2010 в оцінці громадської думки», 12 січня 2010. – <http://dif.org.ua/ua/press/oergo>

5. ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РОТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ УКРАИНЫ В ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ

В последние годы в научной литературе элите уделяется очень много внимания. А по нашему мнению, даже чересчур много. Дело в том, что «элита», как научное понятие, имеет достаточно размытые, расплывчатые контуры. Оно скорее метафора, чем научное понятие. Оно более гармонично вплетается в публицистический контекст, чем в научный. Критериев отбора претендентов в группу, которая может быть названа «элитой», так много, и критерии так противоречивы, что по желанию объем понятия может постоянно изменяться как по содержанию, так и по масштабам.

Через конкретизацию этого понятия персонализируют представителей определенных социальных групп и это привлекает как исследователей, так и читателей. Но именно благодаря этому оно упрощает, в известной мере примитивизирует и даже банализирует социологический анализ, переводя его на уровень обыденных суждений, ведет в противоположную сторону от системы строгих социологических и шире – научных – понятий и категорий.

Кроме того, нечеткость критериев, по которым определяется эта группа, обуславливает ситуацию, когда разными наименованиями пользуются для обозначения одного и того же концепта, и разные концепты отражаются одним и тем же наименованием (1).

Возможно именно эти недостатки и делают его привлекательным на определенном этапе как развития общества, так и развития теории. Благодаря своей «приблизительности» понятие «элита» употребляется там, где необходимо углубление теории, конкретизация знания, но предложений по ограничению рамок и ужесточению критериев отбора феноменов в его состав, удовлетворяющих строгим научным критериям, еще не выработано. В других языках имеются иные термины, употребляемые как его синонимы в отдельных областях жизни. Например, в английском языке используется термин «истеблишмент» (establishment), который означает власть имущих, правящие круги, политическую элиту. Ни в украинском, ни в русском языках подобного термина нет. Очевидно, данный факт стал одной из причин того, почему слово «элита» прижилось в последние десятилетия в языке, в том числе и в научном.

Осознавая и имея в виду слабости данного понятия, все же рискнем еще раз использовать его для анализа общественных процессов последних двадцати лет в Украине. Применяя его, попытаемся разобраться в процессе становления правящих кругов страны, исследовать основные этапы их становления. Стартовой гипотезой при этом будет то, что ядром правящей элиты является политическая элита. Поэтому и в контексте данного исследования речь будет идти именно об этапах становления политической элиты.

Однако, когда начинаешь вникать в сущность того, что получило название «правлящая элита», то оказывается, что, во-первых, она во все годы независимости изменялась, трансформировалась, в нее входили разные субэлиты. Во-вторых, понятие правящей элиты не тождественно понятию властной элиты. Хотя для многих стран эти понятия тождественны. То есть в нашем обществе кроме властной элиты имеются еще другие группы элит, которые правят государством. Возникает вопрос, что же это за элиты?

Следовательно, для того, чтобы разобраться в этапах становления политической элиты, необходимо выяснить, какие субэлиты играли ведущую роль в правящей элите на разных этапах жизни страны в последние два десятилетия. А для этого следует сформулировать представление о тех субэлитах, которые активно действовали в это время на арене общественной жизни.

Считается, что властную элиту составляют экономические, военные и политические круги. Такого мнения придерживался Р.Милс (2). Для нашей страны такое определение властной элиты не подходит. Даже для нынешней ситуации в стране, а тем более по отношению к ситуации двадцатилетней давности.

Какие субэлиты играли заметную роль в новейшей истории Украины? Предварительно можно назвать такие субэлиты – советская партийно-административная и хозяйственная элита, диссиденты, криминальная «элита», новая административная элита, бизнес-элита, политическая элита. Именно эти группы элит больше всего повлияли на принятие масштабных, судьбоносных решений для страны. Вне этого ряда оказалась военная, научная или интеллектуальная элита, а также так называемая творческая элита. О них следует сказать отдельно. Об их роли в жизни страны скажем с самого начала.

5.1. Военная элита

Что касается военной элиты Украины, то ее судьба в период независимости отличается от судьбы военных элит во многих странах. В данном случае в эту категорию мы включаем не только военных в узком значении этого слова, но представителей всех военизированных институтов – и армии, и милиции, и службы безопасности. Иначе – сюда входят те, кого в обиходе называют силовиками.

Силовые структуры были дискредитированы еще в конце 80-х гг., когда шло разрушение государственной машины СССР. А после распада Советского Союза из-за финансовых неурядиц армия оказалась в жалком состоянии. Высшее военное руководство так и не приобрело статуса влиятельной элитной группы. Попытки министра обороны А. Кузьмука достичь военной элитой престижного и влиятельного статуса были скомпрометированы громкими скандалами, имевшими большой общественный резонанс – такими, как попадание ракет в жилой дом в Броварах и в российский пассажирский самолет ТУ-154. Авторитет военных не рос и после скниловской трагедии, взрывов на военных складах в Артемовске и Богдановке, сделок с крупными долларовыми суммами, которые перевозились с согласия высших военных чинов из Ирака, и тому подобное.

В период президентства Л.Кучмы была предпринята попытка нарастить и укрепить милицию. Ведущую роль здесь играл министр внутренних дел Ю.Кравченко. Он пользовался большим доверием Л.Кучмы. В период его руководства увеличилась численность милиции, ее оснащение, были созданы и экипированы новой техникой специальные подразделения. Милиции поручалось выполнение деликатных операций, имевших политическую окраску. Но под воздействием общественной дискуссии относительно роли милиции, развернувшейся в обществе после гибели журналиста Г.Гонгадзе, после столкновения демонстрантов с милицией в Киеве в марте 2001 года, значительная часть личного состава милиции, в том числе и офицеров, была деморализована, а Ю.Кравченко отправили в отставку. А без харизматического лидера милицейский генералитет не удержал высокого статуса в политической жизни страны.

Из представителей спецслужб до самых высоких государственных должностей – премьер-министра, секретаря Совета

национальной безопасности и обороны, министра обороны – добрался Е.Марчук. В своей деятельности он опирался на поддержку высших чинов силовых структур. Но из-за профессиональной закрытости и других причин эта группа не сложилась как самостоятельная.

В условиях политической нестабильности в стране верхушка и милиции, и армии, и спецслужб не хотела занимать четкой, самостоятельной позиции в социально-политических процессах. Она демонстрировала роль исполнителя приказов и в критических ситуациях, чрезвычайных событиях, где могли быть человеческие жертвы, пыталась не доводить дело до крайностей, побаивалась, что за последствия столкновений ответственность будет нести она. Поэтому в периоды общественно-политических кризисов и обострений они не только четко выполняли указания президента, но и сомневались, колебались, поддерживали конфиденциальные связи с лидерами оппозиционных сил. Такое поведение они продемонстрировали и во время президентских выборов в 2004 году.

Таким образом, элита силовых структур не играла, а тем более сейчас не играет заметной роли в составе властной элиты.

5.2. Научная элита

Эта группа была практически отстранена от участия в принятии важных для страны решений. Хотя она и функционировала, разрабатывала определенные предложения, касающиеся технологического, экономического, политического, социального, духовно-культурного направлений развития страны, но эти предложения оставались вне поля зрения правящей элиты и даже общества. Востребованной была лишь та часть научных разработок, которая укладывалась в задание формирования нового символического универсама, легитимации новых общественных отношений. Ее отдельные представители, особенно из академической и частично из вузовской среды, вливались в составы властных команд, занимали высокие должности в администрациях президентов, посты министров и даже вице-премьеров правительств, избирались народными депутатами. Но выполняли они роль не представителей тех социальных институтов, из которых были рекрутированы, не лоббировали их интересы, а были своего рода интеллектуальным украшением, или даже прикрытием, вуалью для всей остальной властной

команды. Они были своего рода знаком, который должен демонстрировать обществу, что им управляют профессора и академики.

5.3. Криминальная «элита»

О криминальной «элите» говорить что-то конкретное сложно. Она непрозрачна. Для ее исследования необходимо привлекать данные правоохранительных органов. А это в наших условиях дело не только не простое, а на данный момент практически безнадежное. Это, во-первых. А, во-вторых, определенная часть криминальной «элиты» трансформировалась в бизнес-элику и политическую элику, а это означает, что даже при наличии доказательств принадлежности в прошлые годы определенных лиц к криминальной «элите» исследователь рискует перейти из категории ученых в категорию подсудимых. Поэтому об этой субэлите правящей элиты мы будем лишь вспоминать, без какой-либо конкретизации. Кстати, граждане хорошо ориентируются в составе политического бомонда. Об этом свидетельствуют их ответы на вопросы анкет в социологических исследованиях. В социологическом мониторинге Института социологии НАН Украины в 2010 году на вопрос: «Как Вы считаете, какие социальные группы играют значительную роль в жизни украинского общества?» каждый третий респондент (32%) ответил: «Мафия» (3).

5.4. Административно-властная элита

Пожалуй, основной группой правящей элиты новейшей Украины можно считать административно-властную элику. Именно она была тем стержнем, на котором держалась власть в годы независимости, она составляла ядро правящей элиты.

Значительная часть современной правящей элиты Украины вышла из советской административно-партийной, комсомольской и хозяйственной элиты. Ее реинкарнация в рыночных условиях проходила несколькими типичными путями. Во-первых, одна часть старой элиты, оставаясь на своих прежних должностях, оказалась в новой административно-властной элите. К последней мы относим органы исполнительной власти – всю их вертикаль, а также Верховную Раду и органы местного самоуправления. Судебная ветвь власти испытала наименьшие изменения, она трансформировалась в новые властные институты

наиболее мягко. Там циркуляция элит происходила естественным путем – одни заканчивали свою карьеру по возрасту, другие лифтировались на более высокие посты, молодежь вливалась на стартовые должности.

Таким образом, ядро новой административно-властной элиты после провозглашения независимости Украины составила именно старая государственно-управленческая и судебная элита.

Во-вторых, другая часть старой элиты успешно конвертировала свой политико-административный капитал, предоставлявшийся им должностями в партийных, советских, комсомольских органах, в экономический капитал – в частную собственность и в должности в учреждениях и предприятиях, основанных на частной основе.

В-третьих, хозяйственная элита адаптировалась к рыночным условиям, использовала свои статусные и профессионально-ролевые позиции и фактически перешла в статус владельцев тех предприятий, которые она возглавляла в советское время.

Интеграция старой элиты в новые условия происходила в конце 80-х – в начале 90-х гг. XX века. В это же время появляется и группа новой элиты, влившаяся в правящую элиту. Это бывшие диссиденты, «забастовщики», активные бизнесмены из кооператоров, фермеров, финансистов, «челноков». Различие между этими двумя группами правящей элиты и чувствовалось, и артикулировалось в общественном сознании. «Старую» и «новую» элиты уже различали не только аналитики, но это деление вошло и в будничное сознание. По этому признаку элита разделялась достаточно длительное время. Хотя какой-то строгой разделительной линии между ними провести было нельзя. И те, и другие мимикрировали, перетекали из группы в группу. Хотя «новая элита» продолжала еще идентифицировать и противопоставлять себя «старой» и во время президентства Л.Кравчука, и Л.Кучмы. Однако драматические президентские выборы в 2004 году еще более осложнили идентификацию правящей элиты. Теперь острее чувствовалась разделительная граница между людьми, принадлежащими к прокучмовской элите и к проющенковской. Прокучмовская, являвшаяся новой по отношению к советской, становится «старой», и образуется «новая элита» – проющенковская. Память о самой старой новейшей элите (советской) переместилась на периферию общественного сознания. Ведь она уже слилась с другими элитными группами. О ней в старом формате вспоминали лишь некоторые политиче-

ские маргиналы типа О.Тягнибока с его тремя «к» – коммунисты, кагебисты, кучмисты.

Впрочем, с идентификацией прокучмовской элиты возникают большие трудности. Значительная часть высшего эшелона проющенковской элиты всего несколько лет назад была высшим эшелонем кучмовского режима – членами правительства, руководителями государственных органов исполнительной и законодательной власти. Это были люди одно время приближенные к Л.Кучме, но позже обиженные им, снятые с постов. «Последовательными борцами» с этим режимом они стали лишь после потери высоких должностей и доступа к властным и экономическим ресурсам.

Таким образом, административно-властная элита – это та группа правящей элиты, которая занимает высокие государственные должности во всех ветвях власти. Через незавершенность процессов перераспределения собственности, формирования социальной и политической структур общества, несформированность и неустойчивость экономической элиты, отстраненность от процессов управления государством других элитных групп административно-властная элита играла и пока еще играет центральную роль в принятии ключевых решений, касающихся главных направлений развития государства и общества. В ее составе находится наиболее опытная часть правящей элиты Украины, которая имеет опыт управленческой работы еще с советского времени, и которая, благодаря своей моральной и психологической гибкости, конформизму, проявляет себя как политические долгожители.

Административно-властная элита не отделена жестко от других элит, входящих в правящую элиту. Именно в этой среде вызревало немало ведущих фигур экономической и политической элиты. Многие из представителей административно-властной элиты являются одновременно и представителями бизнес-элиты, а также политической элиты, поскольку процессы разграничения этих элит еще далеко не завершены.

5.5. Экономическая элита

Вопрос об экономической элите Украины не простой. Сложность его заключается в том, что понятие экономической элиты имеет разные смыслы в условиях социалистической экономики и в рыночных условиях. Если в первом случае в эту группу вхо-

дят люди, принимающие самые важные решения относительно функционирования и развития экономики страны, не имея при этом своей частной собственности, то для рыночной экономики с частной собственностью в экономическую элиту входят как лица, принимающие важнейшие решения по экономическим вопросам (менеджеры), так и владельцы капитала. Поэтому сказать, что у нас раньше не было экономической элиты, было бы не совсем верно. Она была. Были выдающиеся экономисты, управленцы, руководители больших предприятий и отраслей, имеющие значительный опыт управления народным хозяйством. Но их нельзя отождествлять с новой экономической элитой, которая только стала зарождаться. Формирование новой элиты происходило преимущественно непрозрачно. К данной группе общество имеет определенные подозрения, ее статус к настоящему времени еще полностью не легитимизирован. Сегодня украинскую экономическую элиту составляют владельцы крупных заводов, холдингов, руководители и управляющие большими частными и государственными компаниями, банкиры, зернотрейдеры и т.п.

В эти годы бизнес-элита стремительно росла – как в количественном составе, так и по размерам частной собственности, которой она владела. На исходе второго президентского срока Л.Кучмы в стране уже сложились крупные олигархические группы с мощным капиталом. Они все больше претендовали на самостоятельную роль в политике, на непосредственное участие в работе парламента, принятие в нем выгодных для себя законов, на выработку правительственных решений. Олигархи начинают превращаться в самостоятельного политического игрока. Однако полного их оформления в самостоятельную политическую силу до завершения пребывания Л.Кучмы при власти не произошло.

Становление крупных владельцев, олигархов в самостоятельный политический субъект – не простой процесс. Во-первых, они составляют противоречивую по интересам социальную группу. У них совпадают лишь стратегические цели – гарантии существования их частной собственности, стабильная ситуация в стране, отсутствие социальных потрясений. А в других вопросах бизнеса они остаются конкурентами.

Во-вторых, одни олигархические группы являются более приближенными (или находятся даже очень близко) к власти, к руководству страны, к главе государства, Администрации (Се-

кретариату) Президента, а другие значительно отдаленными. И это создает разные группировки среди крупных владельцев, разное отношение их к тем, кто находится у власти.

Разная направленность интересов отдельных олигархических, финансово-промышленных групп, корпораций заставляет их создавать разнообразные организации, в том числе и политические партии, которые бы формулировали эти интересы, представляли их в публично привлекательной форме. Некоторые крупные олигархические объединения играют в более сложные игры, поддерживая ради собственной страховки на выборах разные политические партии и объединения, причем нередко разной политической, идеологической и геополитической направленности.

Бизнес-элита сегодня взаимодействует с властью несколькими способами. Во-первых, ее представители непосредственно входят во власть. Они занимают высокие должности в правительстве, в Администрации Президента, в Совете национальной безопасности и обороны, возглавляют министерства и ведомства. Во-вторых, ее представители избраны в Верховную Раду. В этих обоих случаях речь идет даже не о взаимодействии бизнес-элиты и власти, а о слиянии бизнеса с властью. В-третьих, бизнес-группы финансово поддерживают партии. В большинстве случаев они не поддерживают партии, а создают их, содержат как между выборами, так и во время выборов, определяют, кто будет направлен в выборные органы власти – парламент, местные советы, мэрами городов.

Смена президента в 2004 году существенно подорвала расстановку бизнес-групп, общественный статус разных олигархических групп, степень гарантии их собственности со стороны государства. Такие обстоятельства заставили экономическую элиту активизировать свою деятельность в политическом поле. Практически все они приняли участие в субсидировании выборной кампании в Верховную Раду в 2006 году, финансовой поддержке определенных политических партий. К тому же эти выборы впервые проходили по пропорциональной системе. А это означало, что крупные капиталисты потеряли возможность непосредственно выдвигаться кандидатами в депутаты. Между крупным капиталом и избирателями встали политические партии. И те олигархи, мощные бизнесмены, которые раньше в избирательных кампаниях рассчитывали лишь на самих себя, которые своевременно не позаботились о создании собственных партий, теперь вынуждены

были идти на прямое взаимодействие с уже существующими партиями. Другое дело, что собой представляли эти партии.

Неуверенность в своих позициях у большого бизнеса порождает не только сложность его взаимоотношений с властью. Такое его состояние также связано и с общей атмосферой в обществе. Отношение населения к большому бизнесу настроенное. Рядовые граждане не верят в то, что олигархи разворачивают свою экономическую деятельность, исходя из интересов страны как целого, что они являются сторонниками социальной справедливости, демократии, заботятся о правах человека, проникаются проблемами защиты окружающей среды. Прежде всего, в них видят людей, которые несправедливо обогатились. Во-вторых, в их поведении видят эгоистические, корыстные устремления, желание постоянно увеличивать свое богатство за счет других. Ради своей выгоды они наносят вред обществу в целом. Хотя у населения существует такое же высокое недоверие и к чиновникам, государственной бюрократии.

5.6. Политическая элита

Политическая элита – это такая общественно-активная группа людей, которая продуцирует и последовательно отстаивает определенные мировоззренческие и идеологические ценности, имеет определенную политическую цель и общественный проект ее осуществления, широкую поддержку в обществе, значительное количество сторонников, способная их организовать, поднять и повести на политические акции, которые влияют на решения, принимаемые государством. Но главной своей целью политические элиты ставят приход к власти, занятие как можно большего количества государственных должностей и через институты государственной власти проведение в жизнь тех целей, которые намечены в их партийных программах.

Политическая элита становится полноценной составляющей правящей элиты тогда, когда она опирается на крепкую политическую партию с разветвленной сетью ячеек и налаженным вертикальным подчинением, установившейся системой горизонтальных и вертикальных коммуникаций.

Активное партийное строительство началось в нашей стране в начале 90-х годов. Первые политические партии создавались на определенных идеологических ценностях. Во всяком случае, они об этом хотя бы четко декларировали. На данном этапе возник партийный плюрализм, хотя и формальный по сути. Массовых,

организационно структурированных и идеологически четких политических партий в этот период так и не возникло. Возможно, подобный результат был следствием предыдущих лет, когда массовой дискредитации в общественном мнении была подвергнута КПСС. Так или иначе, но массовых политических партий в начале 90-х годов в Украине не возникло.

С середины 90-х годов в этой сфере зарождаются новые явления.

После укрепления власти президента Л.Кучмы в первую каденцию его президентства стали активно появляться партии, которые строились сверху, под определенное высокое должностное лицо или крупного бизнесмена. Они имели размытые идеологические и политические программы. Мотивом их создания было позиционирование определенной экономической группировки в политической сфере общества. А главной целью было либо укрепление позиций организаторов партии в государственной власти, либо создание ими защитной организации от так называемых наездов власти, личной правовой защиты, неприкосновенности для руководителей этих партий. То есть образовывалась так называемая «крыша» политического характера. Такие образования выполняли в некоторой степени роль лоббистских организаций: они проталкивали через парламент желаемые для себя законопроекты, влияли через депутатские мандаты своих представителей на чиновников из исполнительной власти, направляли часть средств из государственного бюджета в свои бизнес-структуры. Показательной в этом плане были Аграрная партия и Партия промышленников и предпринимателей. По существу, они выполняли роль парламентского аграрного и промышленного лобби.

Поскольку в обществе еще только начинает разворачиваться процесс политической структуризации населения, поскольку так и не образовались еще действительно политические партии, за исключением нескольких, то нет оснований и говорить о наличии полноценной самостоятельной политической элиты. Если она и есть, то является слабой, имеет значительно меньшие возможности формулировать и принимать государственные решения, чем государственная административная элита.

Существующие на сегодня партии такими являются лишь по названию. С точки зрения политико-идеологического содержания они еще не являются партиями.

К какому партийному спектру, к какой идеологии можно отнести, например, Партию регионов? Это правая, центристская или левая партия? По своему предвыборному поведению и на прези-

дентских выборах в 2004 году, и на парламентских выборах в 2006 году, и на президентских выборах 2010 года она проявила себя как перехватчица лозунгов левых партий. Она работала на электоральном поле коммунистов и в значительной мере перетянула его себе.

Еще более «гибкой» по отношению к идеологическим ценностям является партия «Батькивщина», а также находящаяся в состоянии постоянных преобразований партия «Наша Украина». Такая же политико-идеологическая всеядность характерна и для блоков партий, составляющих парламентские фракции. Во-первых, это избирательные блоки, включающие разнообразные мелкие партии, которые являются маловлиятельными в обществе. Каждая из таких партий в отдельности практически не имеет поддержки электората. На выборах блоки получали значительную поддержку, благодаря ориентации избирателей на лидеров блоков – Ю.Тимошенко и В.Ющенко (хотя последний формально и не входил в избирательный блок «Наша Украина» на выборах в парламент в 2006 году, поскольку был президентом). Партии, которые входят в блоки, хотя и имеют свои партийные программы, но они достаточно невыразительные. Скажем, какой является наибольшая политическая партия блока БЮТ «Батькивщина», которую и возглавляет Ю.Тимошенко? Правой, центристской или левой? Об этом трудно сказать. А чем отличается по своей идеологии Украинская социал-демократическая партия, которая присоединяется к БЮТ, от СДПУ (о)? Как соотносятся идеологические позиции партий в самом БЮТ? Это все вопросы без ответов. Причем перечень вопросов, которые возникают, очень большой.

Создается впечатление, что БЮТ уже «пометил» все точки политического и идеологического спектра. Было время, когда бютовцы были сторонниками Социнтерна, то есть позиционировали себя как левые. Потом заявили, что они сторонники солидаризма. Однако что такое солидаризм, вряд ли кто мог сказать не только из рядовых членов объединения, но и руководящих активистов партий блока. По-видимому, в конце концов кто-то объяснил лидерам, что солидаристами себя считали и итальянские фашисты. Очевидно, поэтому лидеры БЮТ совершили очередной ход. В последнее время они провозглашают себя носителями правых ценностей и объявляют себя сторонниками Европейской народной партии.

Любопытным в этом контексте является вопрос об идеологах партий. Ведь партия интересна не только своей идеологией, но и идеологами, разработчиками или интерпретаторами

этих идей. Партия может разработать собственную идеологию, перенять идеологию, которая заимствована у других, разрабатывалась в другой стране, в других условиях, в другое время. Скажем, тот же солидаризм распространен в мире как определенное идеологическое течение. То же самое относится и к идеологии Европейской народной партии, которая придерживается христианско-демократических ценностей. Однако украинские политические вожди не утруждают себя обсуждением проблем идеологических ценностей с рядовыми членами своих партий и блоков. Кроме того, и партии, и общество имеют право знать, кто из ученых, интеллектуалов, идеологов партии, скажем, партии «Батьківщина», разработал или хотя бы адаптировал к современным украинским условиям идеи солидаризма, социал-демократии, христианской демократии? Каким образом эта идеология была донесена до общества? Какие дискуссии по этой теме были проведены, если не в обществе в целом, то хотя бы среди политиков, ученых, экспертов? Насколько они уязвимы для критики? Насколько развернутая их аргументация? Эти и другие вопросы остаются открытыми.

Такие же вопросы можно поставить и к партиям блока «Наша Украина». Сейчас даже политолог с первого раза не скажет, какие партии входят в этот блок. И хотя в общественном мнении сложилось впечатление, что там преобладают партии националистического направления, на самом деле это не так. Действительно, в избирательный блок «Наша Украина» входит Конгресс украинских националистов. Хотя его рейтинг вне данного блока практически нулевой. Если выпустить эту партию в свободное выборное «плавание», то вряд ли она наберет и один процент голосов избирателей. В какой-то мере имеются националистические сюжеты в программах партии Народный Рух України и Украинской республиканской партии «Собор». Но кроме названных трех политических партий в этот блок входят еще три. И их идеологическую окраску выявить трудно. Например, к какому политическому спектру принадлежит политическая партия «Наша Украина»? Ответить на этот вопрос — задание не из легких. Совсем другое направление презентует партия Християнсько-демократический союз. Хотя ее программные положения также очень и очень размыты. В этом же избирательном блоке находится и Партия промисленників и підприємців України. Это вообще откровенно лоббистская группа.

А в целом, если подойти к участникам упомянутых парламентских блоков со строгими критериями, которые могут быть предъявлены политическим партиям, то окажется, что они организационно слабые, а идеологически аморфные и расплывчатые.

В период пребывания на посту президента Л.Кучмы образовывались и так называемые партии власти. Так их стали называть потому, что учреждались они крупными государственными должностными лицами – президентами, премьер-министрами, министрами. В эти партии в первую очередь привлекали государственных служащих разных уровней, а когда подобные «партии» увеличивались численно, крепили организационно, то в обществе появлялась, как всегда, масса конъюнктурщиков, которые добровольно вступали в эти организации. Партии власти – это партии начальников. Начальников разных уровней. Они так и воспринимаются в обществе. Однако их судьба печальна. Как только наивысший начальник уходит с высокой государственной должности, начинается распад партии. Так произошло и с НДП, и с СДПУ(о), и с «Нашей Украиной». С 2010 года пришла очередь и до «Батькивщины».

Следовательно, политические партии, имеющие четкие идеологические позиции, не развились, не стали массовыми, а партии-макеты распространились. Политические партии не вызывают доверия у большинства граждан. Им полностью доверяет лишь 1% населения, частично – 7%. То есть уровень доверия к политическим партиям равняется 8% (4).

Ввиду такой ситуации в политической сфере общества владельцы партий-макетов используют их по принципу жизни спор. Партии находятся в спящем состоянии между выборами и просыпаются в соответствующее время. Имея материальный, а главное – информационный ресурс, они используют современные манипулятивные технологии и достигают определенных результатов. Собственно такие технологические партии сами по себе ничего не стоят. Главную работу за них выполняют средства массовой информации, принадлежащие соответствующим олигархическим группам.

При этом следует отметить, что формирование политических партий в украинском обществе происходит в неблагоприятное для этого время. Дело в том, что сегодня уже проявилась, как общая для многих западных стран, тенденция падения влияния партий на массы. Партии здесь проигрывают СМИ. И хотя политическая ситуация в Украине существенно отличается от

ситуации в западных странах, нельзя игнорировать существенно растущую роль СМИ в политической жизни украинского общества. Становление политических партий при наличии развитой сети всех видов СМИ – электронных, печатных, Интернета – проходит совсем по другому сценарию, чем в условиях столетней давности, когда существовали лишь газеты.

Следовательно, в условиях рыхлости политической структуры общества, аморфности политических партий действительная политическая элита в нашей стране еще не вызрела, еще не приобрела достаточного общественного веса, чтобы играть самостоятельную роль в социально-политических процессах. Становление политической элиты вплетено в процесс развития прежде всего властной элиты, но также и в более широкий общественный процесс.

Таким образом, формирование политической элиты продолжается. Этот процесс разворачивается в широком поле политических, экономических, социальных и геополитических изменений. Поэтому он не имеет четко очерченных границ своего развития, а включен в процессы становления административно-властной, экономической и даже криминальной элит. Однако продолжающееся формирование новой социально-групповой и политической структуры общества, конституционно-правовые изменения, разворачивающиеся сейчас в стране, детерминируют постепенное становление более четко выраженных контуров политической элиты.

5.7. Основные этапы становления правящей элиты Украины

Следовательно, опираясь на сказанное, можно выделить определенные этапы развития правящей элиты и в ее составе – политической элиты Украины в новейший период. Понятно, что такая периодизация имеет условный характер. Ведь в общественной жизни один процесс перетекает в другой, а не резко обрывается. Но все же можно выделить определенные качественно отличные отрезки в этих процессах. В нашем случае они в известной мере связаны с изменениями в характере общественно-политических отношений в стране. Мы выделяем пять этапов становления правящей элиты в Украине. Первый этап связан с подготовительными процессами, предшествовавшими изменению общественно-политического строя в стране, и первыми годами после провозглашения независимости. Окончанием этого эта-

па и началом следующего можно считать президентские выборы 1994 года.

Второй этап совпадает, по нашему мнению, с первым периодом президентства Л.Кучмы – 1994–1999 гг. Третий охватывает второй период президентства Л.Кучмы – 2000–2004 гг. Четвертый – этап нахождения у власти «оранжевой» элиты – 2005–2009 гг. И последний, пятый этап начался в 2010 году, когда к власти пришел президент В.Янукович.

Более детально характеристики этих периодов выглядят так.

Первый этап – 1989–1994 гг. Это время сосуществования старой, советской и новой диссидентско-националистической элит. Последняя была рекрутирована событиями конца 80-х – начала 90-х гг. Происходила конвертация политического и административного капитала старой элиты (работники партийных, советских, комсомольских органов, руководители предприятий) в экономический, шло накопление капитала у лидеров как экономических, так и криминальных группировок. Одним из наиболее масштабных механизмов легального перераспределения собственности стала ваучеризация. Начинается резкое падение жизненного уровня основной массы населения. В несколько раз возрастает количество государственных служащих: не только за счет раздувания штатов прежних институтов власти, но и путем создания новых ведомств – таможенная служба, налоговая администрация, заграничные представительства и тому подобное. Они укрепляют основу административно-властной элиты. Формируются частные СМИ как база для легитимации крупной частной собственности. Процесс оправдания несправедливого перераспределения собственности объективно прикрывается социо-гуманитарной интеллигенцией путем развертывания риторики о неизбежности, безальтернативности проведения реформ, о необходимости построения гражданского общества, независимого государства, о национальной идее и тому подобное.

Второй этап – 1994 – 1999 гг. Происходит накопление объемов капитала у всех трех групп элиты – старой властной, новой властной и новой криминальной. Резко растет теневая экономика, укореняется мафия, ее верхушка вливается во властную элиту. Образуются властно-экономические кланы – днепропетровский, донецкий, киевский, южный и другие. Разворачивается противоборство региональных элит как между собой, так и за контроль над центральной киевской властью, над печерски-

ми холмами. Укрепляется и возвышается над всеми остальными неконституционный орган – Администрация Президента Украины. Большой бизнес становится источником рекрутирования правящей элиты. Массово возникают и укрепляются частные СМИ, увеличивается их количество. Криминальная прослойка приносит в новый истеблишмент элементы криминальной культуры и языка. Постепенно уходят из политической сцены диссиденты.

Третий этап – 2000–2004 гг. Сливаются три группы элиты – старая, новая и криминальная – в новую (прокучмовскую). На их базе формируются мощные олигархические группировки, построенные по принципу сращивания власти и собственности. Правящая элита криминализируется, криминальная элита респециализируется. В марте 2000 года происходит антиконституционный переворот в парламенте. Зарождается непотизм. Вызревают собственные политические амбиции у отдельных олигархических групп. Происходит перераспределение властного ресурса, отстраняется от власти часть высшей правящей элиты, на этой почве формируется новая правая, прозападная контрэлита (из бывшей властной элиты), укрепляются ее позиции в парламенте.

Четвертый этап – с конца 2004 г. по начало 2010 года. Начало этого этапа означало, что часть олигархической элиты, определенные крупные владельцы созрели для того, чтобы освободиться от патроната высших государственных мужей, от незаконного перераспределения прибылей между ними и государственными чиновниками через механизм коррупции.

Кроме того, важной чертой четвертого этапа было дальнейшее укрепление олигархических групп. Данный процесс развертывался в двух формах. Во-первых, крупные олигархи поглощали более мелких собственников и тем самым увеличивали свой капитал. Во-вторых, они продолжали реализовывать отработанные еще на третьем этапе схемы скупки по низким ценам государственной собственности. В-третьих, крупные украинские олигархи вступили в ожесточенную борьбу между собой на рынке, прежде всего внутреннем. Конкурентная борьба крупного олигархического капитала лежала в основе того, что на поверхности общественной жизни проявлялось как политические противостояния элитных групп, приобретающие разные формы: как противостояние партийно-политических элит, региональных элит, цивилизационно-ценностных элит и т.п.

Во время президентских выборов углубился раскол властной элиты, началось противостояние региональных элит. В среде политической элиты обозначились прозападная и пророссийская части. Прозападная, или «оранжевая», элита провела массовую послевыборную ротацию управленцев всех рангов по всей вертикали власти. Было освобождено от занимаемых должностей 20 тыс. госслужащих. Некачественный состав новобранцев, рекрутированных во властные органы, привел к резкому всплеску управленческой некомпетентности органов исполнительной власти. Эти события сопровождались невиданным расцветом nepoтизма.

На этом фоне произошло заметное ослабление властной вертикали, рост роли региональных элит в жизни общества в целом. Граждане почувствовали на себе растущий вакуум власти. Ситуация осложнилась инициированными президентом В.Ющенко внеочередными выборами в парламент. Они прошли 30 сентября 2007 года и воспроизвели уже состоявшееся разделение политической элиты по региональному признаку, зафиксировали и укрепили новый раскол – раскол «помаранчевых» политических сил.

Пятый этап начался после вступления в должность президента В.Януковича в феврале 2010 года. Его приход означал политическую победу крупного капитала, олигархов, владельцев металлургического, угольного, нефтегазового и химического секторов экономики. Крупный капитал теперь становился полноправным владельцем политических институтов страны. Данный этап зафиксировал окончательное оформление в стране двух групп элит – пророссийской и прозападной. Конечно, такое деление достаточно условно. Но все же от факта преобладания в риторике двух больших групп элит разных типов ценностей уйти нельзя. Мы подчеркиваем, что речь идет, прежде всего, о декларациях ценностей. В реальном поведении политических элит эти различия найти значительно труднее, чем в их риторике. Кроме того, ценности декларируются через партийные институты. Что же касается реальных персон, составляющих украинский политический истеблишмент, то о ценностных ориентациях большинства из них сказать что-либо определенное практически невозможно. Дело в том, что большинство из них уже осчастливили своим пребыванием как прозападные структуры, так и пророссийские. А некоторые из них мигрируют из одного лагеря в другой даже с некоторой регулярностью, напоминая чем-то теплолюбивых пернатых.

Кроме того, пятый этап развития украинской властной элиты сделал очевидной ее консервацию. Данная тенденция достаточно заметно просматривалась и на четвертом этапе. Однако пятый этап обнажил крайне опасную черту существования украинской политической элиты – она не обновляется, в нее практически не рекрутируются свежие силы. Она вошла в период застоя, который, как известно, всегда имеет негативные последствия для общества.

Конкретной особенностью пятого периода являлся, во-первых, процесс укрепления вертикали власти. Правящая элита приняла идею необходимости укрепления институтов государства за счет ужесточения дисциплины, подчинения нижестоящих органов вышестоящим и достаточно последовательно, во всяком случае, в первый год своего властвования, реализовывала данную норму на практике. Важным фактором стало принятие на психологическом уровне молчаливого согласия, что импульсы управления идут от президента страны и они обязательны для всех. Такая атмосфера в системе власти сложилась еще в условиях, когда президент имел ограниченные полномочия по отношению к органам исполнительной власти. После решения Конституционного Суда Украины от 30 сентября 2010 года об отмене закона 2004 года, положившего начало политической реформе, страна возвращалась к президентско-парламентской форме правления. Теперь жесткая властная вертикаль подкреплялась и Конституцией. Оппозиция усмотрела в этом угрозу авторитаризма. Правда, не вся оппозиция. Значительная ее часть, особенно в парламенте, увидела в данном факте сигнал для смены политических ориентиров. И в очередной раз начала переходить в лагерь власти.

Во-вторых, новая власть декларировала обществу, что она будет добиваться равной ответственности перед законом всех. И если на четвертом этапе становления украинской политической элиты работы лишились многие тысячи госслужащих среднего и низшего звена, то на данном этапе к уголовной ответственности были привлечены и лица, относящиеся к высшей управленческой элите – бывшие министры и заместители министров, главы ведомств и т.п. Им в вину вменялись различные виды злоупотребления властью. К уголовной ответственности в первый год президентства В.Януковича были привлечены не только лица, занимавшие посты в предыдущей властной команде, но и те, кто занял высокие посты при новой власти.

В-третьих, еще одной особенностью данного периода развития украинской политической элиты было то, что в руководящие органы всех уровней государственной власти непропорционально много влилось выходцев из донецкого региона. Подобные действия вызывают недовольство у политической элиты других регионов страны. По этой же причине всю властную элиту стали идентифицировать, как донецкую.

На этом можно было бы и поставить точку. Но нынешний процесс развития политической элиты требует обратить внимание на одну проблему методологического характера. Существующие методы анализа элит – позиционный, репутационный, статусный, метод практических результатов не учитывают одну особенность Украины, как страны, потерявшей традиции государственного строительства. Для анализа украинской элиты, мы считаем, необходимо ввести еще один метод, который условно можно назвать социально-поведенческим. Его сущность заключается во введении критерия адекватности поведения правящей элиты вызовам, стоящим перед обществом. Для современной Украины важно проанализировать с позиций этого метода крайний, предельный случай – способность правящей элиты быть ответственной за судьбу общества, народа и в конечном итоге – государства.

Если строго оценивать реальное поведение правящей элиты Украины за последние 20 лет, то она не показала ни поведения, адекватного историческим вызовам, ни ответственности, гарантирующей будущее народа и страны. Депопуляция, вывоз капитала, отсутствие финансово-экономических групп, члены которых связывали бы свое личное будущее и будущее членов своих семей с Украиной, геополитическое поведение без учета долгосрочных последствий для страны и другие факты говорят о том, что укоренившейся и ответственной правящей элиты у нас нет, что она еще не сложилась. Максимум заботы, которую проявляет правящая элита, сосредоточено в координатах «здесь и сейчас», да и то, если угрозы касаются непосредственно ее, а не общества в целом или определенных его секторов.

К тому же правящая элита Украины существует преимущественно в приватной форме. Приватной в том смысле, что она публично даже не заявляет о своих долгосрочных намерениях, планах, общественных проектах. Программ у нее нет. Она только во время выборов очередной раз обещает всем красивую жизнь. А те конкретные обещания, которые давала

перед выборами избирателям, игнорирует, даже не объясняя причин.

Внутренние проблемы формирования национально ответственной элиты наложились на глобальную проблему наступления элит на социальные права широких слоев населения. Если украинская элита, будучи не уверенной в надежности сохранения своих капиталов внутри страны, вывозит их в оффшорные зоны, то экономическая элита развитых стран также припугивает свои правительства тем, что будет вывозить свои капиталы за границу, если правительства будут поддерживать высокие налоги и большие социальные расходы. В обоих этих случаях некоторые исследователи видят переход многих национальных элит на глобалистские позиции, изменение статуса элит из национального на глобальный, ослабление или даже потерю ими национальной идентичности, а, следовательно, и их отказ от защиты национальных интересов (5). Если эта гипотеза будет реализовываться, то может осуществиться и сценарий перехода Украины в категорию несостоявшихся государств.

Литература:

1. Сартори Дж. Вертикальная демократия // Политические исследования. – 1993. – № 2. – С. 80.
2. См.: Миллс Р. Властвующая элита. – М. – 1959. – С. 379.
3. Українське суспільство. 1992-2010: соціологічний моніторинг –К. –Інститут соціології НАН України. –2010. –С. 515.
4. Українське суспільство. 1992-2010: соціологічний моніторинг –К. –Інститут соціології НАН України. –2010. –С. 489.
5. См.: А.С.Панарин. Народ без элиты: между отчаянием и надеждой. Кто нами правит? // <http://www.conservator.ru/forums/telegraf/posts/35077.html>.

6. УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ, ПРАВЯЩАЯ И «СМЫСЛОТВОРЯЩАЯ» ЭЛИТЫ

Об управленческой элите написано достаточно большое число работ, как в нашей стране, так и за рубежом. Однако остается много вопросов, требующих дальнейшего прояснения. Причем они касаются не только тех проблем, которые возникают по мере углубления изучения материала, но и исходных, выходных постулатов темы. Как уже было отмечено в предыдущем параграфе, во-первых, сам термин «элита» в силу своей образной природы оставляет много неясностей, требует постоянных уточнений, прояснений при попытках его использования в объяснении реальных социальных процессов. Во-вторых, термин «элита» без конкретизирующих определений является малопродуктивным гносеологическим средством, поскольку охватывает слишком разнородные объекты. В связи с этими замечаниями сначала выскажем некоторые соображения.

Широкое использование в нашей стране в последние два десятилетия термина «элита», с одной стороны, открыло перед исследователями новые познавательные возможности, а с другой – показало ограниченность этого термина, его размытость, метафоричность.

Будучи метафорой, он охватывает широкий круг социальных субъектов, часто имеющих подобие лишь по одному-двум, да и то не всегда существенным, признакам. Впрочем, исследователи обращают внимание и на его гносеологическую полезность. «Метафора понимается как основная ментальная операция, способ познания и категоризации мира: в процессе мыслительной деятельности аналогия играет не меньшую роль, чем формализованные процедуры рационального мышления. Обращаясь к чему-то новому, сложному, не до конца понятному, человек нередко пытается использовать для осмысления элементы какой-то более знакомой и понятной сферы» (1). По-нашему мнению, потребность в использовании данной онаученной метафоры остается в связи с тем, что она помогает схватывать в целостности некоторые социальные категории людей, которые плохо объединяются логически строгими научными понятиями. Но позитивно высказываясь о термине «элита», мы этим замечанием хотели бы еще раз напомнить о его логико-гносеологической нестрогости. Такое напоминание необходимо

по той причине, что многие специалисты в повседневной исследовательской суеде подсознательно наделяют его ролью строгого научного понятия и соответственным образом обращаются с ним в процессе анализа, в своих теоретических размышлениях и выводах.

Второе замечание касается определения «элита». Даже если его сузить, придав определение «управленческая», все равно остается много неясного. Уже сложилась определенная практика использования термина «управленческая элита». Он употребляется по отношению к руководителям предприятий, учреждений и их подразделений, по отношению к руководителям отраслей и ведомств. Хотя в последнем случае возникают проблемы, поскольку руководителей министерств в силу специфики их функций пытаются каким-то образом отделить от их высокопоставленных подчиненных. Считается, что министры выполняют не только управленческие функции, но и политические. Для выполнения сугубо профессиональных и организационных функций во многих странах в министерствах вводится должность государственного секретаря. Такие попытки были и в нашей стране, но они не прижились. Таким образом, министры у нас одновременно являются представителями управленческой и политической элит. Кстати, эта двойственность проявляется в том, что как государственному служащему министру присваивается первый ранг. А как политический деятель он, как правило, вынужден покидать свой пост вместе со своей политической командой, проигравшей выборы.

Не меньше вопросов возникает и по отношению к политической элите. Кто ее составляет? Только ли лидеры политических партий? Очевидно, что нет. К политической элите не в меньшей степени относятся и различные эксперты, консультанты. Здесь политическая элита пересекается, совпадает с интеллектуальной элитой, интеллигенцией. А когда мы попадаем в социально-культурное пространство интеллигенции, интеллектуалов, то строго распределить все по полочкам, отделить друг от друга интеллектуалов, интеллигенцию, управленцев, политиков становится еще труднее.

Не будем сейчас углубляться в данный анализ. Тем более, что по этим темам прошла уже не одна дискуссия (2). Для нас важнее обратить внимание на то, что все названные группы имеют отношение и к управлению, и к руководству. Однако зафиксировав эту данность, мы не упрощаем ситуацию, а еще боль-

ше ее усложняем, поскольку надо разобраться, чем отличается руководство от управления. В украинском и русском языках четкого различия между этими терминами не существует. Хотя термин «руководство» и употребляется с оттенком того, что оно связано с принятием стратегических решений, а «управление» – с выполнением этих решений. Однако, повторим, четкого разделения этих терминов не существует. Поэтому их употребляют и по отношению к управлению коллективами, фирмами, корпорациями, и по отношению к отраслям народного хозяйства, экономики, и по отношению к части территории страны, к административной единице, и по отношению к стране в целом. Оба эти термина используются и для обозначения хозяйственного, экономического и политического управления процессами. Хотя в английском языке управление коллективами, фирмами и т.д. обозначается термином *management*, а для обозначения политического управления, руководства – *governance*.

Поэтому для дальнейшего разговора мы внесем некоторую ясность. Дальше будем говорить об управленческой элите, связанной с определением *governance*, а менеджерскую элиту мы оставляем за скобками размышлений. Таким образом, дальше пойдет разговор только о той элите, которая, условно говоря, «ведет народ».

Функции, попадающие под определение «вести народ», проявляются дифференцированно на разных уровнях управления. Как правило, это выражение используется по отношению к лидерам политических сил, поддерживаемых сотнями, тысячами, а то и миллионами людей. Но они ведут народ через сложную, иерархическую организационную систему и каждый из тех, кто включен в нее как руководитель определенных звеньев, подразделений, тоже ведет народ, хотя только его какую-то часть.

Кроме того, сам процесс управления имеет разное проявление – в одном случае содержание управления имеет административно-организационный характер, в другом – ценностно-нормативный. И каждый из них может быть официальным и неофициальным, политическим и общественным и т.д.

Все те, кто «ведет народ», могут быть отнесены к правящей элите. Хотя, конечно, в многопартийном, демократическом государстве «ведет народ» не только правящая элита. Значительная часть народа идет за оппозицией. Однако в целом общество в большей мере зависимо от правящей элиты, находящейся при власти.

Эти рассуждения нам были нужны для того, чтобы показать, оттенить еще один слой управленческой, скорее даже руководящей элиты, которая обычно при анализе остается в тени. Мы считаем, что среди отрядов элиты следует отдельно выделить интеллектуальную элиту, а в ней ту часть, которая творит новые идеи и вырабатывает новые смыслы. Поэтому и назовем ее смыслотворящей.

Под последней мы понимаем всех людей, причастных к созданию в обществе определенного ценностно-смыслового поля, к наполнению его идеалами, образами, символами, мифами, к выработке социальных норм, представлений об общем интересе, в конечном счете, к формированию национальной (в гражданско-политическом смысле) идентичности. К этому отряду элиты относятся и те, кто выборочно воспроизводит ранее существовавшие идеи, включает их в современный оборот и дает им актуальную интерпретацию, кто ведет работу «по изменению своей собственной мысли и мысли других» (3).

«Смыслотворящую» элиту, как правило, не включают в руководящую, управленческую, а тем более в правящую элиту. Но по своим функциям она больше, чем любая другая элита, управляет, (а точнее – руководит, если под этим термином понимать такой вид деятельности, который связан с выработкой стратегии развития общества). Она осознанно или бессознательно, спонтанно берет на себя роль мозга общества, коллективного лидера нации. Как раз на данную группу интеллектуальной элиты и падает, по большому счету, роль проводника народа. А она требует соответствующих качеств – уметь вести народ по эффективному пути, быть ответственной перед людьми.

Роль «смыслотворящей» элиты в управлении общественными процессами (несмотря на терминологическую путаницу) давно является предметом анализа в социогуманитарных науках. В этой теме в разные периоды на первый план выдвигались ее разные аспекты. Кроме того, она не всегда формулировалась как проблема роли «смыслотворящих» элит в управлении. Ее формулировали то как влияние идеологов на развитие общества (К.Маркс, Ф.Энгельс, В.Ленин, А.Грамши, Д.Лукач, Г.Маркузе и др.), то как проблему «интеллектуалы (интеллигенция) и власть» (авторы сборника «Вехи», М.Фуко и др.). В последнее время в социологии развернулась дискуссия о роли публичных интеллектуалов, социологов в обществе, об их участии в решении значимых общественных вопросов (П.Штомпка, М.Буравой, Дж.Александр, М.Вевьерка, И.Селеньи, П.Тамаш).

Интегральным показателем эффективности «смыслотворящей» элиты является ее способность своевременно и адекватно давать ответы на вызовы времени. Проблему исторических вызовов и ответов одним из первых рассмотрел А. Тойнби. Он ввел в научный оборот понятие «вызов-и-ответ», показал неразрывность отражаемого этим понятием социально-исторического процесса и сформулировал правило динамики развертывания вызова истории: вызов, на который общество дает адекватный ответ, в будущем порождает новый вызов – в том и состоит динамика общественного процесса. Вызов, на который общество дало неадекватный ответ, провоцирует новый, в основном опять же неадекватный ответ и так вплоть до надлома, катастрофы.

Процесс ответа общества на вызов истории А. Тойнби конкретизировал через введение в систему объяснения социальных субъектов. По его мнению, субъектом, который берет на себя роль разработчика адекватного ответа на вызовы истории, является «творческое меньшинство», или элита. Для этого у нее имеются соответствующий статус и способности. Однако она не всегда способна находить успешные ответы на вызовы. Приспособившись к своему комфортному состоянию, «творческое меньшинство» превращается в замкнутую касту, вырождается. Всю свою активность оно направляет на борьбу за самосохранение, раскалывается и сосредоточивается на борьбе за власть, таким образом, оставляя общество без ответов на вызовы времени.

Такому деморализованному «творческому меньшинству» в обществе противостоит «внутренний пролетариат». Этим термином А. Тойнби обозначает не социальный класс, а группу, образующую, по его выражению, людьми с одинаковым состоянием души. «Внутренний пролетариат» характеризуется не столько бедностью или простотой происхождения, а постоянным чувством недовольства, дискомфортом своего социального статуса, готовностью к возмущению, протесту.

В обстоятельствах неспособности «творческого меньшинства», как и «внутреннего пролетариата» давать адекватные ответы вызовам времени, общество подходит к черте надлома, упадка и разложения (4).

Конечно, представленная А. Тойнби схема, является предельно упрощенной, она передает только ключевые точки социально-исторической динамики. В действительности это очень сложный, со многими опосредующими звеньями, процесс.

Он включает многоуровневый процесс общественного осознания вызовов, их иерархизацию по степени важности. Вызовы проявляются в разных формах – в виде задач и в виде угроз и рисков. Задачи предстают как необходимость безотлагательного решения каких-либо экономических, социальных, политических, правовых проблем, разного рода преобразований в социальных институтах, технологической модернизации экономики и т.п. Угрозы и риски также требуют распознавания, анализа, прогнозирования, разработки стратегии и подготовки адекватных ответов по конкретным темам и направлениям.

Адекватность ответов на исторические вызовы зависит от многих и многих причин. Здесь же укажем только на те, которые связаны с деятельностью «смыслотворящей» элиты: уровень развитости знаний по социальному и технологическому прогнозированию, способность системного анализа исторических вызовов, навыки поиска и разработки смыслов и целей, способность выбора стратегии для ответов на крупномасштабные исторические вызовы, умение предвидеть ближайшие и отдаленные социальные последствия предлагаемых проектов, наличие в обществе развитой сети прогнозно-аналитических институтов.

Конечно, нельзя все проблемы успешного развития общества сводить к «смыслотворящей элите». Общественный проект может быть неуспешным, провальным по разным причинам. Во-первых, он может оказаться таким оттого, что таковыми являются условия, в которых он разворачивается. Во-вторых, потому, что элита, его реализующая, оказалась некомпетентной, ограниченной, инертной. В-третьих, возможно, что элита не видит интереса в том, чтобы решать проблемы общества в целом, ей выгоднее решать свои частные интересы, а общество по разным причинам не может полноценно контролировать элиту. В-четвертых, и скорее всего это самая реальная причина, что в действительности пересекаются, накладываются друг на друга все три вышеназванные причины.

Иначе говоря, в действительности элита бывает способной давать либо адекватные ответы на вызовы времени, либо неадекватные. Правда, бывает еще и такая элита, которая совсем не способна давать никакие ответы на вызовы. Если элите присущи качества второго и третьего вариантов, то общество в конечном счете теряет свою суверенность, свою субъектность и превращается во что-то другое. Оно может добровольно влиться в другое сообщество, может быть насильно присоединено к другому государству, а может просто раствориться в других обществах.

Если же элита способна давать ответы, то в них проявляется ее эффективность: а) она может давать либо адекватные, либо неадекватные сложившейся ситуации ответы; б) она может давать ответы своевременно и несвоевременно. Следует заметить, что ответы на вызовы не представляют какую-то догму, устойчивую формулу, годящуюся на все времена. Адекватность ответа имеет конкретно-временную ограниченность. В связи с изменениями ситуации и обстоятельств ответ становится неадекватным. Поэтому адекватность ответов обеспечивается постоянным анализом изменяющихся ситуаций, коррекцией задач и реального поведения общественного субъекта.

К сожалению, украинская правящая элита новейшего времени оказалась исторически неэффективной. Она давала преимущественно неадекватные ответы на исторические вызовы. На первых же шагах существования государства, когда нужно было сконцентрироваться, консолидировать все общество, а не отдельные его группы, на укреплении государственности, она сфокусировала все общественное внимание на этнических, языковых, исторических вопросах. Причем не только правящая элита, но и большая часть «смыслообразующей» элиты «по умолчанию» приняла националистическую идеологию. Все три президента Украины последовательно проводили ее в жизнь. Особенно большое усердие проявляли вице-премьеры и министры гуманитарного профиля, независимо от того, к какой политической партии они себя причисляли – к националистам, национал-демократам, социал-демократам, социалистам или вовсе к беспартийным.

В современном мире, если отечественная элита не в состоянии своевременно распознавать вызовы, то за нее это делают представители элит других государств, естественно, через призму интересов своей страны. Сегодня мы все чаще становимся свидетелями того, как представители элит других сообществ, по сути, руководят нашей страной без каких-либо возражений со стороны представителей нашей государственной власти и «смыслообразующей» элиты. Например, Международный валютный фонд определяет ключевые положения внутренней политики государства, дает конкретные поручения по трансформации социальной сферы. В частности, в 2011 году МВФ обязал украинское правительство повысить цены для населения на газ, поднять тарифы на коммунальные услуги. Эта же международная организация, привязав морковку кредитов перед украинской властью, беспардонно требует изменений конституционных гарантий, в частно-

сти повышения пенсионного возраста для женщин. Какова же позиция по этим вопросам украинской интеллектуальной элиты? Где ее расчеты о последствиях для общества в случае выполнения требований МВФ? Где ее собственные предложения по выходу страны из социального кризиса?

Впрочем, реально процесс распознавания вызовов и подготовки ответов разворачивается более усложнено: некоторые представители элиты улавливают вызовы, стоящие перед страной, поднимают эти проблемы публично, донося их обществу. Однако очень часто их интенции не находят поддержки в интеллектуальном сообществе, поскольку они идут вразрез с мейнстримом представлений олигархов, расходятся с общей атмосферой, умонастроениями, царящими в обществе. Например, тупиковость и опасность развития многонациональной страны по националистической модели была ясна для многих интеллектуалов. Однако их предупреждения игнорировались основной массой современной украинской интеллигенции. Как верно отмечают некоторые публицисты, у последней существует негласное табу – не трогать, не критиковать украинский национализм. «Украинские демократы твердо усвоили, что экзальтированный хлопец с пылающими глазами и портретом Бандеры – это союзник в борьбе с авторитарными режимами Кучмы и Путина. Обижать его ни в коем случае нельзя – подыгрываешь Кремлю, злобным чекистам и донецким бандитам. Неписанного табу свято придерживались» (5).

Таким поведением элиты общество было подготовлено к восприятию махровой ксенофобии, масштабы разрастания которой стали ясны после выборов в Тернопольский облсовет, где националисты из Всеукраинского объединения «Свобода» получили 34% голосов. Вот тут-то и всполошились «смыслотворцы» – стали давать более трезвые оценки национализму, ксенофобии, предупреждать об их опасности. Но как бы не было поздно!

В связи с этим встает вопрос о степени ответственности разных отрядов элит за неумение распознавать риски и угрозы, за несвоевременные ответы на вызовы. Скажем, ответственна ли за многолетний системный кризис в стране только правящая элита? На уровне общественного мнения, в общественной риторике обычно «всех собак вешают» именно на нее. Справедливо ли это? Наверное, нет.

Почему? Хотя бы потому, что политическая элита ведь тоже является своего рода результатом, или жертвой, жертвой воспри-

нятых ею смыслов, идей, целей, стратегий. Последние она, как правило, перенимает, принимает, заимствует у интеллектуального сообщества. Таким образом, если в анализ причин удач или неудач общества включать только политическую, правящую и управленческую элиты, то за его границами остается тот отряд элиты, который с точки зрения выбора направления стратегии развития общества является самым главным – это «смыслотворящая» элита. В условиях культурного и идеологического плюрализма выработка представлений об общем интересе, гражданской ответственности и национальной идентичности становится чрезвычайно сложной и трудной. И не всегда интеллектуальная элита с этой задачей справляется. Особенно трудно достичь этих целей в условиях формирования нового государства, которое находится в состоянии перманентного системного кризиса. Да и очень сложным и многоступенчатым является процесс выработки смыслов и ценностей в обществе, перевод их, интериоризация в общественное и индивидуальное сознание. Эту работу выполняют многие люди и многие социальные институты.

Процесс заимствования идей у интеллектуалов политиками в последнее столетие, а особенно после формирования информационного общества, значительно усложнился. Если раньше в одном лице совмещался и интеллектуал, творец идей, и разработчик смыслов, создатель концепций, теорий и т.д. – вплоть до методических инструкций, то теперь обстановка изменилась. В наше время углубилась специализация, каждое из звеньев имеет узких специалистов, организованных в определенные институты. Существует множество кафедр, университетов, специализирующихся на разработке новых общественных идей, работают независимые аналитические центры, «фабрики мысли», при политических партиях создаются исследовательские структуры.

Часто авторы идей остаются безымянными. В этом процессе можно указать лишь на слои, причастные к выработке смыслов, идей, ценностей. Представители этих групп любят напоминать о своей причастности в случае удачных социальных проектов и делают все для того, чтобы остаться в тени в случае провалов. Правда, любой крупный социально-исторический проект переживает периоды восхваления и порицания в обществе. В период успехов проекта в общественном мнении у него много авторов. В периоды поражений причастные к нему группы и слои крайне скромны и молчаливы. Они делают вид или заявляют, что были

втянуты в процесс его разработки под давлением, а то и насильственно.

Но, как бы ни открещивались представители интеллигенции, прежде всего гуманитарной, от своей принадлежности к власти предержавших, как бы ни дистанцировались они на словах от власти, факты говорят о включенности, пусть и некоторой ее части, пусть и на некоторое время, в правящую элиту. Циркуляция между гуманитарной интеллигенцией и властью является, пожалуй, в обществе самой интенсивной. Для привлекательности этой социально-должностной коммуникации в украинском законодательстве даже введена норма, предусматривающая взаимозаменяемость научно-педагогического стажа и стажа госслужбы (то есть чиновничье-бюрократического).

Как бы там ни было, но за все годы независимости, по сути, никем не был предложен, в том числе и независимым интеллектуальным сообществом, ни один крупный проект будущего для общества, для страны. Не было даже пусть утопического, но проекта будущего со сверхцелью, проекта на десятилетия, проекта, способного увлечь, захватить миллионы людей. Некоторые публицисты пытаются связать преобладающие в обществе умонастроения с благополучием людей. «В годы более благополучные доминирует критика, в годы менее благополучные доминирует другая форма современной общественной мысли – утопия, – пишет К.Михайлов. – По крайней мере, она востребована в ситуации растерянности, в ситуации крушения существующего порядка» (6).

К сожалению, подобное объяснение никак не подходит для Украины. Во-первых, за период независимости у нас практически не было благополучных лет. Было некоторое экономическое улучшение, рост ВВП по сравнению с крайним падением 90-х гг., повлекшее небольшое повышение жизненного уровня в 2000-2005 гг. Но эти годы сопровождались глубокими политическими кризисами и политической нестабильностью (сначала кампания «Украина без Кучмы», крупные политические скандалы: один – связанный с убийством журналиста Г.Гонгадзе и пленками майора Н.Мельниченко, другой – с системой ПВО «Кольчуга», затем «оранжевые» события 2004 года). Так что эти годы тоже не назовешь благополучными для страны. Во-вторых, во все годы независимости среди населения преобладали недовольство, критика, разочарование, а украинская «смыслотворящая» элита ни одной крупной утопии будущего так и не предложила. Вместо этого была

целая серия мелких завиральных программ-обещаний отдельных политиков и политических партий, приуроченных, как правило, к выборам президента или парламента. Наиболее масштабными проектами будущего для украинской элиты стали идеи механического присоединения к чужому проекту – вступление в ЕС и в НАТО. Эти проекты как раз и выдвигались частью украинской элиты как утопия, поскольку ни экономических, ни социальных, ни правовых, ни культурных, ни геополитических предпосылок их реализации не существовало, да и сейчас не существует.

Даже воплощенная в законы и подзаконные акты концепция национальной безопасности выполняет сугубо формальную роль. Об этих документах вспоминают только тогда, когда какой-либо политической силе надо найти аргументы для оправдания своих действий во внутренней или во внешней политике. Однако и тогда обращение к правовым документам, регулирующим политику государства в сфере безопасности, носит лукавый характер – выбирают только те положения из них, которые подкрепляют позицию данной партии или коалиции. Так, например, поступали, когда надо было обосновать необходимость вступления Украины в НАТО. В таком случае цитировали только тот раздел пятой части ст. 8 Закона Украины «Об основах национальной безопасности Украины» (на смену этому закону в июле 2010 года принят другой – Закон Украины «Об основах внутренней и внешней политики»), которая оправдывала их позицию: «Основными направлениями государственной политики по вопросам национальной безопасности Украины является: ... обеспечение полноценного участия Украины в общеевропейской и региональных системах коллективной безопасности, обретение членства в Европейском Союзе и Организации Североатлантического договора...». И замалчивают вторую ее половину, где говорится: «... при сохранении добрососедских отношений и стратегического партнерства с Российской Федерацией, другими странами Содружества Независимых Государств, а также с другими государствами мира» (7).

Однако проекты вступления в ЕС и НАТО нельзя же назвать масштабными утопиями, которые бы увлекли народ. Как известно, более 60% населения Украины их отвергает. А между тем деконсолидированное, атомизированное, разуверившееся во всем украинское общество помимо всего прочего нуждается в содержательной утопии как мегапроекте своего развития. Ведь общество не приемлет существующие структуры и институты, оно грезит

картиной нового общественного устройства. Качественная, профессионально созданная утопия, как пишет В.Куренной, отрицающая существующие структуры социального бытия, служит руководством к действию, а ее «невинная фантазия может стать кувалдой, перелицовывающей мир» (8). Время бросило вызов украинской «смыслотворящей» элите выработать масштабную, привлекательную для общества утопию.

Отстаивая мысль о необходимости иметь для общества мобилизующую и консолидирующую утопию, мы хорошо осознаем, что она является всего лишь ограниченной частью ответа на исторический вызов. Тем более опасно сводить весь ответ на вызов только к утопии. Несомненно, что «смыслотворящая» элита должна разработать предложения для позитивной, реалистической стратегии развития общества. Однако и это звено ответа на вызов в украинском обществе оказалось нереализованным.

Украинская интеллектуальная элита, к сожалению, оторвана от реальной жизни. Ей присуща привычка строить абстрактные конструкции, не напрягая себя тем, чтобы проверить, насколько соответствуют выдвигаемые ею схемы действительности. Данное качество украинская элита органично переняла от российской элиты, из лона которой она вышла. Известный американский социальный философ Даниэл Белл заметил, что «при любых обстоятельствах интеллектуальное действие и политические поступки в российском, советском, а затем снова российском контексте безнадежно расходятся. «Интеллектуальное» не конвертируется в «политическое», как будто некий конвой бдительно сторожит границу и не дает им встретиться, пересечься» (9).

Следовательно, чтобы преодолеть этот недостаток, украинской интеллектуальной элите необходимо выработать и развить способность доведения своих идей до реальных социально-политических проектов, до стадии воплощения их в жизнь. Естественно, что сами «смыслотворцы» не обладают материальным ресурсом, чтобы создать соответствующие социальные институты, способные переводить теоретические постулаты до уровня практических рекомендаций.

В последние годы этот провал взялись заполнять украинские олигархи. Они начали обзаводиться исследовательскими и аналитическими организациями. Существуют Фонд Р.Ахметова «Эффективное управление», Фонд Л.Кучмы «Украина», Фонд В.Пинчука, Фонд Александра Фельдмана. Не следует сбрасывать со счетов и филиалы зарубежных фондов – Фонд Сороса, Фонд

Ф.Эберта, действующих в стране и реализующих свои цели через предоставление грантов на разработку учебников, монографий, исследовательских проектов, проведение конференций, семинаров, круглых столов.

В целом кадры этих социальных институтов образуют некую интеллектуальную среду, улавливающую объективные вызовы, порождающиеся текущими обстоятельствами, конкретной ситуацией, в которой находится страна, общество, государство. В них собираются люди, обладающие соответствующими знаниями, методами анализа, навыками, и здесь рождаются ответы на эти вызовы. Они приходят в них для того, чтобы продать свои идеи. Естественно, они догадываются, какой товар может быть хорошо продан, а что может остаться невостребованным. Иначе говоря, и поведение «смыслотворящей» элиты укладывается в рамки формулы «Кто платит, тот и заказывает музыку».

Украинская «смыслотворящая» элита в последние двадцать лет, как и соответствующие элиты других постсоветских стран, переживает этап институциональной трансформации, период, когда происходит смена модели отношений интеллектуальной элиты с обществом. Существуют две классические модели отношений интеллектуальной элиты и общества, которые образно называют конфуцианской и даосской (10). Конфуцианская модель строится таким образом, что интеллектуал берется на содержание обществом, а точнее, государством. Его материальное благополучие и социальный статус обеспечиваются государством. А интеллектуал по прямому заказу или «по умолчанию» служит государству, а через него и обществу. Степень лояльности интеллектуала государству имеет определенную свободу, «люфт». Границы этой свободы не допускают враждебного противостояния интеллектуала государству. Такая модель отношений зародилась еще в древние времена, широко практиковалась в средневековом и современном Китае, в Советском Союзе. В несколько модернизированном варианте эта модель действует в США и странах Западной Европы.

В даосской модели интеллектуал полностью лишен какой-либо поддержки со стороны государства. Он не имеет обязательств перед государством по отношению к содержанию своей интеллектуальной продукции, а государство не несет ответственности за его благосостояние, за положение в обществе. Продукция интеллектуала не может быть средством к его существованию, поскольку не имеет постоянного спроса, не может быть обменена на средства к жизни. Он находит другие способы зара-

ботка, поиска хлеба насущного. Далеко не всегда эти способы общественно престижны. Ему не чужды нищенство, содержанство, получение помощи от посторонних людей. Иногда он объединяется со своими собратьями: известны формы объединения интеллектуалов, например, даосские и дзен-буддистские монастыри. Жизненные ценности такого интеллектуала не совпадают с ценностями большинства, они маргинальны. По содержанию продукции, которую производят интеллектуалы, реализующие свой образ жизни по даосской модели, как правило, относятся к «смыслообразующей» элите. Ведь у них, кроме головы, ручки и бумаги, ничего нет. Даже на элементарные научные эксперименты у них нет средств. Они «специалисты по словам», как называл себя один из героев романа Кэндзабуро Оэ «Объяли меня воды до души моей», они творят смыслы (11).

Конечно, обе эти модели следует рассматривать как идеальные типы, которые не реализуются на практике в чистом виде. Однако они помогают уяснить особенности поведения интеллектуальной элиты, в том числе и «смыслотворящей».

Если говорить об украинской «смыслотворящей» элите, то она пережила шок от разрушения прежней модели отношений с государством. Особенно пострадали такие ее отряды, как ученые, писатели, художники, кинематографисты. Они не готовы были перейти не только на принципы даосской модели, но даже и на конфуцианские, но на рыночных принципах.

Включение «смыслотворящей» элиты в банальные рыночные отношения разрушает первозданность, чистоту и главное – независимость ее творчества. Тот же Д.Белл отмечает, что интеллектуал совершает «грехопадение», переходя в статус эксперта, который должен вести себя по правилам СМИ: «эксперт/интеллектуал не обязан быть мыслителем, но должен владеть языком, понятным современному мейнстриму. Он может коротко, насколько позволяет дорогое эфирное время, объяснить происходящее и встроить политические, экономические, культурные события в знакомый потребителю СМИ контекст» (12).

Недостаток комментаторства состоит в том, что институционально оно принадлежит «фабрикам мысли», которые превратились в центры по воспроизводству и распространению идеологических ценностей. Заказчики «фабрик мысли» оценивают их работу не по критериям методологической креативности, теоретической доказательности и надежности результатов, а по успешности распространения исповедуемой ими идеологии.

Как известно, в обществе любые действия имеют обратную связь. «Грехопадение» интеллектуалов до уровня комментаторов СМИ приводит к тому, что на «чистых» интеллектуалов в обществе падает спрос. А это значит, что происходит «сокращение», «сжатие», «вырождение» тех, кто способен производить новые идеи, кто способен создавать новые смыслы. Их место занимают другие «смыслотворцы», деятельность которых в подготовке содержательных и эффективных ответов на вызовы, стоящие перед обществом, представляется скорее имитацией. Например, в Украине, несмотря на множество конференций, круглых столов, практически не обсуждаются судьбоносные проблемы страны. Дискуссии, особенно проходящие на телевидении в формах ток-шоу, во-первых, только отвлекают внимание общества от важнейших проблем, по сути, являются средством переключения внимания людей на второстепенные и третьестепенные темы. Во-вторых, они превращаются в откровенный балаган, компрометирующий его участников в глазах общества – политических лидеров, членов правительства, депутатов, формируют у зрителей неприятие любых общественных обсуждений. В-третьих, навязывают зрителям самые примитивные взгляды, оправдывают аморализм и насилие. В результате, вместо того, чтобы включить все общество в выработку ответов на исторические вызовы, у нас происходит масштабная и долговременная пустая публичная болтовня.

Раньше интеллектуальная элита реагировала на кризисную ситуацию лозунгом: «Так жить нельзя!». Население с ним соглашалось и при подсказке интеллектуальной элиты крайним за состояние дел в стране определило тех, кто был тогда у власти. «Смыслотворцами» была дана установка, как надо действовать в условиях, когда «Иного не дано». Но через некоторое время стало ясно, что «И так жить нельзя!», что повседневная жизнь народа так и не налаживается. В обществе снова возрастало напряжение. Откликаясь на ситуацию, украинская элита вбросила в общество новые лозунги с новыми смыслами: «Свободу не остановить!», «Богатые поделятся с бедными!», «Бандитам – тюрьмы!», которые поддержала часть народа. Однако совсем скоро обнаружилось, что жизнь все равно не стала лучше, что богатые не делятся с бедными, а бандиты почему-то все еще на свободе. Сегодня элита формулирует новый лозунг: «Надо что-то делать!». Не понятно только что.

Такое состояние общественной коммуникации мы называем бессобытийной многособытийностью: в обществе все время идут дискуссии, обсуждаются проблемы, торжествует свобода слова,

регулярно проходят выборы, процветает демократия, но на самом деле ничего не происходит, все остается на прежнем месте.

Не выработав за годы независимости ответов на исторические вызовы, стоящие перед страной как формирующимся самостоятельным государством, «смыслотворящая» элита оказалась в еще более сложной ситуации в условиях мирового кризиса. Теперь ей надо искать ответы на этот удвоенный исторический вызов. Но в ее способность как поводыря верят все меньше, как внутри страны, так и вовне. Зарубежные эксперты уже рассматривают Украину как государство, постепенно переходящее в failed state, то есть в статус несостоявшегося государства. Претендентов на такой статус в мире уже много – Пакистан, Афганистан... А несколько суверенных территорий уже стали объектом изменения статуса, сдачи своего суверенитета в пользу другого субъекта международного права. Это Сомали, провинция Дарфур в Судане, борющаяся за свою самостоятельность, некоторые из Коморских островов. По отношению к Украине уже обсуждаются сценарии управляемой десоверенизации, то есть превращения ее в протекторат одного или нескольких крупных государств, или в управляемую международной организацией территорию. Пока наш суверенитет спасает только то, что мы слишком большая страна и мало какое государство в состоянии взвалить на себя еще и наши проблемы.

Причины неудач украинской правящей элиты во многом лежат в ее качествах. Назовем только наиболее характерные из них. Прежде всего, отметим отсутствие у нее такого качества, как ответственность. Она решает свои узкогрупповые, клановые проблемы в ущерб интересам народа, общества и государства. У нее совершенно отсутствует то качество, которое называют прометеевским комплексом – искреннее стремление добыть и подарить огонь (счастье) народу, искреннее стремление служить народу, укреплять и приумножать свое общество, а самой остаться в доброй памяти. Наличие такого комплекса делает ответственность для элиты не обузой, а честью. Современная украинская правящая элита на словах о служении народу говорит много. Но на деле ее поведение пронизано цинизмом, лукавством и обманом. Ее отрыв от масс стал гигантским.

Как следствие, массы охватило состояние опасного повсеместного и всестороннего отчуждения. В одном обществе образовалось два непересекающихся мира. Между ними практически нет диалога. Существование двух сегрегированных социальных общин в одном обществе представляет большую опасность. Вос-

производящееся неравенство может перерасти в противостояние и открытый конфликт.

Украинская элита воплощает в себе черты, характерные для нуворишей периода первоначального накопления капитала. Она формировалась на наших глазах из людей, которые обладали и обладают не просто напористостью, а нахрапистостью в достижении целей. (Главная цель для людей данного типа в период социального хаоса – награть как можно больше). В стабильное время в обществе нахрапистость, наглость и цинизм морально и юридически пресекаются, а поддерживаются трудолюбие, последовательность в достижении цели и прилежание. В конце концов, не входит в исключение в обществе и напористость. Но в период слома социальных норм, в том числе и моральных, в период господства аномии, лидируют нахрапистые. Они похожи на сумасшедших, о которых Л.Толстой в своем дневнике в июне 1910 года написал так: «Сумасшедшие всегда лучше, чем здоровые достигают своих целей. Происходит это от того, что для них нет никаких нравственных преград: ни стыда, ни правдивости, ни совести, ни даже страха» (13).

Еще одним качеством, характерным для правящей украинской элиты, является легковесность. Оно у всех на виду и не требует специального анализа для того, чтобы доказывать его наличие. Но, тем не менее, в общественном сознании данное качество элиты не зафиксировано как ее профессиональный порок, не обсуждается как угроза общественной безопасности. Особенно широко данное качество распространилось среди носителей государственной власти в период «оранжевого» правления. Легковесность, безудержный популизм проявлялись, прежде всего, в решениях государственных органов – от центральных до местных. Часто решения принимались в спешке, некомпетентно, без глубокого анализа, без обдумывания последствий. Многие такие поверхностные, малосодержательные, легкомысленные документы оказывались ошибочными, наносили экономический, социальный и моральный вред, создавали для страны риски и опасности. Позже приходилось их отменять либо тем же, кто их принимал, либо контролирующим органам. Даже в центральных органах власти пересмотр решений в тот период стал нормой. Чтобы убедиться в этом, достаточно зайти на сайт Президента Украины того времени и посмотреть, сколько указов либо было отменено, либо было принято в новой редакции.

Легковесность является не только качеством правящей и управленческой элит, но и интеллектуальной. В ее действиях легковесность вытекает из непрофессионализма, неопытности, диле-

танtrizма, демагогии, желания приукрасить свои возможности и результаты. Первые лица страны давали необоснованные посулы и надежды, любые инициированные ими общественные кампании они обещали закончить хэппи-эндом.

Слабостью современной украинской элиты как группы является невыработанность у нее собственного элитного мышления и элитного этоса. Эти качества у нее только формируются. Причины слабости современной украинской элиты, среди прочего, лежат в исторически затянувшемся процессе ее формирования. В предыдущие столетия удачливые выходцы из украинской территории впитывались в элитные круги других государств и растворялись в них. Теперь перед украинской элитой стоит задача осознать себя самостоятельным субъектом, выработать свой эффективный этос (достойный и результативный), внедрить механизм его накопления и передачи новым поколениям. Удастся ли ей это сделать? Ответить трудно, поскольку пока обнадеживающих тенденций не заметно. Ведь, во-первых, формирование полноценной элиты – процесс длительный. Пока что можно с уверенностью сказать о том, что у нас сформировалась демонстративно богатая тусовка, но не элита, ответственная за страну. Во-вторых, модель перетока наиболее талантливых выходцев из Украины в элиты других стран не исчезла. Изменилась только ее форма – теперь они вливаются не в элиту тех государств, которые являлись суверенами территории Украины, а в элиту всех стран мира. Как раньше, так и теперь для перспективной молодежи Украина не является привлекательным местом приложения сил и строительства личной карьеры. В-третьих, никто не дает гарантий, что у украинской элиты сложится позитивный этос, адекватный вызовам, стоящим перед страной. В-четвертых, сможет ли она одновременно и формироваться, и конкурировать с элитами других стран, которые имеют опыт и традиции длиной в несколько столетий. Не поздно ли мы начали?

Литература:

1. А. П. Чудинов. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург. – 2003. – С.24.
2. См. напр.: Интеллигенция и власть // Политические исследования. – 1992. – №3; Интеллигенция – миф или реальность? Полемика. – Литературная газета. – 2005. – №№48,49,50, – 2006. – №№2,3,5; С.А. Магарил. Исчерпана ли

- социальная роль интеллигенции? – Социологические исследования. – 2007. №1; Вехи 2009. Дискуссия. – Литературная газета. – 2009. – №№1–16.
3. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_vol/10.php
 4. Тойнби А. Постигание истории. Сборник. – М. – 1991.
 5. Михайло Дубинянський. Ксенофобія, якої нема // <http://www.pravda.com.ua/news/2009/3/26/92094.htm>)
 6. Константин Михайлов. Без утопий. Для современного человека кризисное состояние – норма. http://www.ng.ru/scenario/2008-11-25/9_utopia.html?mright=3
 7. Закон України «Про основи національної безпеки України» // <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=964-15>
 8. Виталий Куренной. Окончательная стерилизация утопии // <http://www.politjournal.ru/index.php?action=StoreFront&issue=215>
 9. Дэниел Белл. Рутинность «Вех» // <http://russ.ru/pole/Rutinnost-Veh>.
 10. См. С. Корнев. Выживание интеллектуала в эпоху массовой культуры // http://kornev.chat.ru/vyzh_int.htm
 11. Оэ К. Избранные произведения. Послесл. Т. Григорьевой. – М. -1999.
 12. Дэниел Белл. Рутинность «Вех». <http://russ.ru/pole/Rutinnost-Veh>.
 13. Лев Толстой. Полное собрание сочинений. Под общей редакцией В. Г. Чертова. – Т.58. – М. – Л. – 1934. – С.78.

7. РЕПУТАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ

Не меньшую роль, чем политическая элита, в обществе играют другие группы управленцев. Одной из самих массовых их групп в нашей стране являются государственные служащие. Согласно данным Госстата Украины, в 2010 году в государственном управлении было занято 1млн. 79 тыс. работников (1). Но, как свидетельствуют данные Главгосслужбы, собственно государственные служащие составляют 296 тысяч человек. Из них 78 тыс. человек относятся к руководящему составу, а 218 тыс. составляют специалисты. Кроме того, еще 101 тыс. должностных лиц трудится в органах местного самоуправления (2).

В конце 2010 года началась административная реформа, которая в первую очередь коснулась органов государственной власти. Прежде всего, было объявлено о сокращении числа госслужащих. В частности, министр юстиции А.Лавринович заявил, что в результате реформы число чиновников может сократиться на 30% (3).

В последние двадцать-двадцать пять лет престиж государственного служащего в общественном мнении постоянно менялся. В период так называемого застоя престиж государственной службы был достаточно высок. Это было связано с целым рядом причин. Во-первых, в условиях огосударствления подавляющей части общественных организаций государственный служащий имел большие возможности как для официального влияния на те или другие процессы, явления, события, так и, еще больше, для неофициального влияния. Полномочия и функции государственных служащих четко не определялись законом, что создавало условия для широкой практики злоупотреблений служебным положением со стороны государственных служащих. Во-вторых, государственная служба открывала широкие перспективы для служебной карьеры и это также привлекало многих специалистов, которые с удовольствием переходили на государственную службу. В-третьих, государственные служащие имели немало льгот, связанных с качественным медицинским обслуживанием, отдыхом, доступом к продовольственным и промышленным товарам в условиях их дефицита и т.п.

Во время горбачевской «перестройки» значительная часть принципов организации государственной службы стала предме-

том публичной критики. Средства массовой информации провели широкую кампанию по дискредитации публичного статуса государственного служащего. Работникам органов государственного управления независимо от их профессии, практического опыта, добросовестности огульно навешивался ярлык бюрократа, чинуши, бездушного столоначальника.

Сокрушительной критике были подвергнуты их различные льготы. Поскольку в условиях советской системы условия труда в партийных и государственных органах были похожими, то все эти льготы осуждались вместе. В сознание людей внедрялась мысль о том, что ни одна из категорий работающих не должна иметь никаких льгот. Вознаграждение за труд должно иметь лишь денежное выражение. Каждый работающий должен поощряться лишь заработной платой. В общественном сознании целеустремленно формировался негативный стереотип государственного служащего.

В целом это был элемент политики М.Горбачева, направленной на расшатывание существовавшего режима и его главной опоры — органов государственной власти. Выступлениями «главного прораба» перестройки был открыт «огонь по штабам». Этот почин был подхвачен прессой, радио и телевидением. Публицистика повела массивную атаку на государственных служащих. К этой кампании были подключены писатели, создавшие ряд художественных произведений, в которых развенчивались, высмеивались государственные служащие. Они представляли перед читателем и зрителем не иначе, как ограниченные номенклатурщики. Не отставали и кинематографисты. Популярными кинорежиссерами были созданы художественные фильмы, в которых государственные служащие были непременно негативными героями. Можно вспомнить, например, кинокомедию Эльдара Рязанова «Забывтая мелодия для флейты», фильм Карена Шахназарова «Город Зеро». Следует сказать, что в основном цель дискредитации государственной службы и государственных служащих была достигнута. Престиж государственной службы в последние годы существования СССР резко упал.

Для полноты картины следует добавить еще и то, что в то время, когда государственным служащим отменяли любые льготы, все больше возникало кооперативов, акционерных обществ, коммерческих банков, частных фирм, уровень зарплаты в которых в несколько раз превышал зарплату государственных служащих. В обществе создалась ситуация, когда престиж государственных служащих в общественном мнении упал до самого низкого уров-

ня и в то же время существенно снизился уровень их материального обеспечения. Начался массовый отток специалистов с государственной службы. На их место приходили случайные люди, с меньшим опытом и худшей профессиональной подготовкой.

После провозглашения независимости Украины вопросы трансформации институтов государства вышли на первый план. Кроме того, требовалось построить те социальные институты, которых раньше не было в структуре государственного управления, когда Украина была составной частью Советского Союза. Это, во-первых. Во-вторых, необходимо было создать собственную систему подготовки и переподготовки кадров государственных служащих. В-третьих, предстояло разработать новую философию и стратегию подготовки и переподготовки государственных служащих, отвечающую задачам нового, независимого государства. В-четвертых, необходимо было разрушить негативный стереотип государственного служащего в общественном сознании, создать образ мудрого государственного мужа, заботящегося о решении проблем всего общества, о будущем независимого государства. В-пятых, для государственных служащих необходимо было предусмотреть привлекательные материальные условия и надлежащую социальную защиту, что могло бы стать препятствием для оттока высококвалифицированных специалистов в коммерческие фирмы. Вопрос работы с кадрами в органах государственной власти приобрел характер приоритетной государственной задачи.

Эти задания налагались на реальную ситуацию, на конкретных людей, работавших в сфере государственного управления после провозглашения независимости Украины. Как показывают исследования украинских и зарубежных ученых, в начале 90-х годов подавляющая часть специалистов, занимавших высшие категории государственных служащих, были теми людьми, которые раньше работали в государственных органах старой власти (4). После провозглашения независимости Украины произошел массовый (конечно, это не означает – поголовный) переход прежней номенклатуры в статус новых госслужащих. Значительная часть старой номенклатуры оказалась достаточно политически гибкой и быстро приспособилась к новым обстоятельствам.

Успешно трансформировались к новым условиям директора больших предприятий, агрофирм, разнообразных снабженческих баз, универмагов, председатели колхозов. Больше всего пострадала в этот период кадровая партийная элита, поскольку была за-

прещена деятельность Компартии Украины. Другие группы номенклатуры в основном остались на своих местах. Многие из них перешли на работу в органы местного самоуправления, в аппарат парламента, в Администрацию Президента или в органы президентской властной вертикали, в аппарат Кабинета министров, министерств, госкомитетов и тому подобное.

Но в это же время в сферу государственного управления влилось большое количество новых людей. Особенно много новичков пришло в государственные органы власти в 1992-1993 гг. Главным образом это были сторонники национально-патриотических сил. У них было много энтузиазма и мало опыта работы в органах государственного управления. Поэтому ряды государственных служащих в Украине в первые годы независимости оказались достаточно пестрыми по своему составу и жизненному опыту. В них частично вошли новые люди, которые при старом режиме не имели никакого отношения к управлению, а также преимущественно те, кто и в советское время работал в органах власти.

Законодательная регуляция государственной службы как отдельного и самостоятельного общественного института в Украине началась только после провозглашения независимости. За относительно короткий период времени было принято несколько десятков правовых актов, которыми определены основные принципы государственной службы, сформулированы основы ее организации и управления, разработан порядок принятия на государственную службу, прохождения и продвижения по службе, закреплены права на социальную защиту и на соответствующие условия материального обеспечения государственных служащих. Ряд документов определяет вопрос формирования кадрового резерва, подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров. То есть можно сказать, что в Украине за достаточно короткое время в целом сложилась определенная система организации и управления государственной службой, опирающаяся на необходимый минимум нормативно-правовых актов.

Рассмотрим основные правовые документы, регулирующие государственную службу. В Конституции Украины деятельность органов государственной власти, государственной службы и должностных лиц регулируют несколько статей. Одни из них указывают на право граждан принимать участие в управлении государством, иметь доступ в государственные органы, другие указывают на функции органов государственной власти, вводят определенные ограничения их полномочий. Так, статья 38 Кон-

ституции Украины говорит о том, что «граждане имеют право принимать участие в управлении государственными делами». Граждане также имеют право «свободно избирать и быть избранными в органы государственной власти и органов государственного управления». Вторая часть этой статьи определяет равные возможности всех граждан в доступе к государственной власти: «Граждане пользуются равным правом доступа к государственной службе, а также к службе в органах местного самоуправления».

А вот часть вторая статьи 19 Конституции Украины выступает определенным ограничителем функций органов государственной власти, препятствием для злоупотреблений должностными лицами государственной властью. Данная статья предостерегает против самоуправства, самочинных действий государственных служащих, ввиду их места в системе государственного управления. Она указывает на то, что «органы государственной власти и местного самоуправления, их должностные лица обязаны действовать только на основании, в пределах полномочий и способом, которые предусмотрены Конституцией и законами Украины». В данном контексте важно обратить внимание на тот аспект статьи 19, что государственные служащие и служащие органов местного самоуправления поставлены в один ряд. В Законе «О местном самоуправлении в Украине» это положение развивается и в нем отмечается, что «на должностных лиц местного самоуправления распространяется действие Закона Украины «О государственной службе». Они приравниваются к соответствующим категориям должностей государственных служащих, если иное не предусмотрено законодательством Украины. Условия оплаты труда должностных лиц местного самоуправления определяются Кабинетом министров Украины.

Основным документом, регулирующим вопросы государственной службы, является Закон Украины «О государственной службе». Он принят Верховной Радой Украины в декабре 1993 года. Этот законодательный акт заложил методологические основы создания института органов государственной власти в украинском государстве. В нем изложены основные принципы и направления государственной политики в сфере государственной службы, определен правовой статус государственных служащих, очерчены основные обязанности и права государственных служащих, изложены условия прохождения государственной службы, определены основные этапы служебной карьеры, детально расписаны составляющие материального и социально-бытового обеспечения государственных

служащих. В этом законе впервые в Украине вводилась классификация должностей, устанавливались ранги государственных служащих. Разработчики закона при его подготовке учитывали не только отечественный опыт, но и практику работы государственных служб и государственных служащих во многих странах, в частности в Германии, Франции, Великобритании, США. Принятие этого закона стало важным событием в формировании современной государственной службы в Украине. Конечно, время показало и недостатки, пробелы в данном законе. Поэтому в 2011 году в рамках проведения административной реформы в парламент был внесен проект нового закона о государственной службе. К моменту написания данного материала законопроект прошел только первое чтение в Верховной Раде.

Итак, после провозглашения независимости в Украине были приложены немалые усилия для формирования системы государственной службы, поднятия ее авторитета. Но проблема репутации государственного служащего, имиджа государственной службы еще остается.

Государственная служба в обыденном сознании населения, общественном мнении отождествляется с властью. Считается, что от того, насколько добросовестно и квалифицированно работают государственные служащие, зависит благосостояние, уровень жизни рядовых граждан, порядок и безопасность в обществе. Поэтому поведение данной категории лиц всегда находится в поле зрения общественности. И когда дела в обществе идут плохо, то в первую очередь в этом обвиняют государственных служащих. Понятно, что в условиях социально-экономического кризиса, переживаемого нашим обществом, людям хочется найти объяснение, почему они так плохо живут, почему они всюду сталкиваются с неурядицами. Как это всегда бывает в сфере общественной психологии масс, для решения сложной проблемы предлагается крайне упрощенное решение. В нашем случае достаточно распространенным является объяснение, что общество переживает трудности в результате некомпетентности государственных служащих, их мошенничества, взяточничества. Однако одновременно в общественном мнении государственным служащим отдается надлежащая роль в государственном строительстве.

О таком противоречивом состоянии общественного мнения свидетельствуют и социологические исследования. Так, социологический мониторинг Института социологии НАН Украины

показал, что, по мнению респондентов, одной из наиболее влиятельных социальных групп в государственном строительстве являются работники госаппарата. Главную роль в жизни украинского общества в 2010 году играли лидеры политических партий – 36,5%. На втором месте была мафия (32%) с близкими к ней по показателю бизнесменами (32%). Работники государственного аппарата («чиновники») как группа, играющая значительную роль в жизни украинского общества, получили 24,5%. Следует заметить, что общественное мнение меняется не в пользу государственных служащих. Так, если в 1994 году считали, что наибольшую роль в государственном строительстве играют государственные служащие 29% респондентов, то сейчас – 24,5%.

Таким образом, несмотря на то, что все меньше людей отводит роль ведущей силы в государственном строительстве государственным служащим, все-таки население еще связывает с ними свои некоторые надежды.

Большой вред имиджу государственных служащих наносят громкие скандалы с высшими должностными лицами государства. За последние годы огласку приобрели дела, связанные с преступностью среди должностных лиц высоких рангов, которые представляли все ветви власти. Преступления со стороны госслужащих получают резонанс в СМИ, реальные факты обрастают слухами, сплетнями. В общественном мнении, в представлении рядового гражданина, недостаточно хорошо ориентирующегося в сложностях политической и экономической жизни, в принципах построения вертикали государственных институтов, формируется негативный образ не только всей власти, но и всех, кто там служит. Особенно от этого страдают работники среднего и низшего звена госаппарата.

Правда, общественное мнение достаточно верно отразило тенденцию, что чем к более высокой ступени власти принадлежит должностное лицо, тем чаще оно нарушает закон. По мнению опрошенных, именно те, кто требуют от других соблюдения законов, чаще всего их и нарушают. На вопрос «Как Вы считаете, кто сегодня в Украине чаще придерживается законов, а кто чаще их нарушает?» 45% опрошенных ответило, что рядовые граждане чаще придерживаются законов. А вот в том, что высокопоставленные чиновники министерств и ведомств являются законопослушными гражданами, уверены только 3% респондентов, представители законодательной власти – 4%, высокопоставленные чиновники Администрации Президента

–4%, рядовые чиновники (государственные служащие, с которыми непосредственно имеют дело рядовые граждане), –10%. Однако 65% респондентов уверены, что чаще нарушают закон высокопоставленные чиновники министерств и ведомств, 63% – представители законодательной власти (депутаты), 56% – высокопоставленные чиновники Администрации Президента, 49% – рядовые чиновники. Для подобного мнения у украинских граждан есть более чем достаточно оснований. Ведь именно в нашей стране человек, занимавший должность премьер-министра, одновременно был и одним из наибольших воров, что доказано зарубежным судом, наказание которого он отбывает до сих пор. Председатель Верховной Рады Автономной Республики Крым 90-х годов находится в розыске правоохранительными органами. Другой его коллега, который еще недавно занимал этот пост, находится под стражей, поскольку ему предъявлена масса обвинений в злоупотреблении служебным положением. Целой «грозди» министров, их заместителей, других высоких должностных лиц, работавших в период «оранжевой» власти, предъявлены обвинения в нарушениях закона, и они находятся под стражей. Некоторые их коллеги спасаются бегством за границы. А мало ли депутатов обвинялось и обвиняются в уголовных делах, отмывании «грязных» денег и т.п.? Не опровергнуты многие обвинения в адрес высоких должностных лиц государства (что обнародовано в СМИ) относительно незаконного открытия счетов в иностранных банках, торговли оружием, продажи иностранной компании контрольных пакетов акций государственных предприятий, махинации с газом, нефтью, электроэнергией и тому подобное.

Традиционно в нашей стране отношение населения к милиции, судам, прокуратуре является недоверчиво-настороженным, в лучшем случае – безразличным. Веками у простых людей накапливался опыт, что от представителей этих органов ничего хорошего не следуют ожидать. Они воспринимались и воспринимаются населением не как правоохранительные, а как карательные органы. И обществу нужно прожить длительный исторический период, приобрести убедительный социальный опыт, построенный на другой модели взаимоотношений населения и правоохранительных органов, чтобы сломать негативные стереотипы их восприятия, поднять уровень доверия к ним.

Сегодня же доверие граждан к государственным институтам, от которых прежде всего зависит состояние дел с соблюдением

прав человека, к сожалению, является крайне низким. На вопрос об уровне доверия населения к отдельным правоохранительным органам в 2010 году ответы распределились так: скорее доверяют и полностью доверяют милиции лишь 13% респондентов, прокуратуре—11%, судам—12%. Скорее не доверяют и полностью не доверяют милиции 59%, прокуратуре—56%, судам—59% респондентов.

Причина такого положения заключается в том, что повседневная практика не только подтверждает правильность будничных стереотипов, но и пополняется все новыми и новыми фактами коррупции, грубого нарушения прав человека, законности именно со стороны представителей этих учреждений и ведомств. Работники патрульно-постовой службы, участковые инспекторы, работники государственной автоинспекции, уголовного розыска совершают многочисленные противозаконные действия. Часть из них становится известной и по ним возбуждаются уголовные дела, в том числе относительно превышения служебных полномочий с применением насилия и унижения достоинства человека. Но многие случаи противозаконного поведения работников правоохранительных органов остаются безнаказанными. Поэтому представление населения о работе правоохранительных органов, отношения к ним граждан, общественный имидж милиции, судов, прокуратуры формируется как результирующая восприятия и оценки всех этих фактов. Кроме того, грубые нарушения закона теми, кому поручено его защищать, перечеркивают всю массивированную официальную риторику относительно демократизации общественной жизни, ориентации общества на европейские ценности, соблюдение прав человека.

Однако критическое мнение населения является характерным не только относительно представителей центральных институтов власти и правоохранительных органов. Люди чувствительно воспринимают нарушение своих прав и со стороны тех органов власти, с которыми они контактируют непосредственно. Конечно, граждане обращаются не только в органы государственной власти. Больше всего и чаще всего рядовым гражданам приходится общаться с руководителями учреждений, где они работают, с представителями жэков, местной администрации, советов. Так, на вопрос: «Обращались ли Вы за последние 12 месяцев в отмеченные учреждения или организации для решения Вашей личной проблемы и в какой мере

Вы довольны их решением?» в 2003 году 26,5% опрошенных ответили, что обращались в жэк, 23% – к руководителю учреждения, где работают, 10% – в милицию, 9,5% – в местную государственную администрацию, 8% – в советы, 8% – в профсоюзы, 5% – в суд. Во все другие учреждения обращались менее 5% опрошенных. Однако далеко не всегда граждане получали удовлетворительные ответы.

Особой разницы между этими организациями, которые представляют и власть, и работодателей, и общественные организации, по уровню внимания к обратившимся не наблюдается. В жэках получили помощь 11,5% респондентов, то есть менее половины тех, кто обращался. А вот удельный вес тех, кто обращался к руководителям своих учреждений и получил помощь, значительно выше, чем в случае обращения в жэки. Таких, кто получал помощь от руководителей своих учреждений, в 1,4 раза больше, чем тех, кто ее не получил. К сожалению, часть тех, кто обращался в суд, милицию, местную администрацию, советы, профсоюзы, и получили от них реальную помощь, меньше, чем тех, кто никакой помощи от них не получили.

Понятно, что преобладание негативных результатов в случаях обращения в учреждения местного уровня формирует у населения негативное отношение к их работе. Так, на вопрос: «В какой мере Вы удовлетворены работой органов местной власти?» в 2010 году положительно ответили лишь 18% респондентов, а негативно – 46%.

В повседневном общении с представителями государственных органов рядовые граждане нередко попадают в конфликтную ситуацию. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос: «Были ли у Вас в течение последнего месяца какие-либо конфликты, которые бы вывели Вас из душевного равновесия?». В 2010 году у 50% опрошенных не было никаких конфликтов. Больше всего конфликтов сейчас на улице, на транспорте – 13%, затем идут конфликты между супругами – 11%. Конфликты с чиновниками государственных учреждений возникали у 5% опрошенных. Данный показатель уменьшился на 3–4% по сравнению с предыдущими годами. Кстати, больше всего конфликтов с представителями государственных учреждений случались у людей среднего возраста (9%), а меньше всего – у молодежи в возрасте до 30 лет (4%). Женщины и мужчины в равной мере страдают от такого рода конфликтов. А вот жители сел конфликтуют с государственными служащими меньше всего – 4%

(по-видимому, из-за того, что там находится мало государственных учреждений), а больше всего – жители городов с населением свыше 250 тысяч (10%).

Нередко граждане попадают в ситуации, когда они ничего не могут сделать в отстаивании своих законных прав. В анкете социологического мониторинга предлагался перечень разнообразных ситуаций, которые случаются в повседневной жизни (перенести болезнь, потерять работу, пострадать от преступления, чувствовать свою беспомощность перед произволом власти и тому подобное), и респондентов просили отметить, в какой из приведенных ситуаций им пришлось хотя бы раз побывать в течение последних 12 месяцев. 16% респондентов ответило, что они чувствовали свою беспомощность перед произволом власти. Самоощущение беспомощности перед своеволием власти проявляется очень индивидуально и субъективно. Оно может проявиться у людей, у которых сформирован определенный уровень гражданского самоуважения, которые знают свои права и оценивают определенные действия власти как своеволие. В случае же, если таких личностных качеств не выработано, то человек просто не реагирует на соответствующие действия власти, считает их нормальными. Этот феномен порождает следующий парадокс: там, где выше гражданское самосознание людей, там более острая у них реакция на нарушение прав, там, где она более низкая, там может сложиться впечатление о меньшем количестве нарушений прав людей. Этот парадокс нуждается в дополнительном изучении, выяснении многих обстоятельств и факторов, которые его порождают. Но анализ ответов респондентов относительно случаев переживания ощущения беспомощности перед произволом власти зафиксировал такую тенденцию: в городах таких людей больше, чем в селах: в Киеве – 21%, в большом городе – 15%, в небольшом городе – 19% и в селе – 14% респондентов. Возможно, что в этом проявляется и уровень гражданского самоуважения опрошенных – он является выше в городах, чем в селах. Подобная тенденция прослеживается и среди респондентов разных образовательных групп – больше всего таких, кто чувствовал свою беспомощность перед своеволием власти, среди людей с высшим образованием (24%). Однако не надо сбрасывать со счетов и прямого проявления произвола чиновников, которое и находит отражение в ответах респондентов.

Недовольство населения бюрократизмом, невнимательностью должностных лиц, работающих в органах государственной власти,

стало причиной того, что Президент Украины вынужден был издать Указ «О мерах по обеспечению конституционных прав граждан на обращение». В нем, в частности, отмечается, что «в последнее время возросло количество обращений граждан к Президенту Украины, центральным и местным органам исполнительной власти, прежде всего, жалобы на отсутствие надлежащего реагирования на них со стороны должностных лиц, значительная часть этих обращений своевременно не рассматривается или вообще остается без рассмотрения, отдельные должностные лица формально и бездушно относятся к решению жизненно важных вопросов граждан, в частности и наименее социально защищенных, что вызывает их справедливое возмущение, недоверие к органам власти, компрометирует эти органы». С целью устранения отмеченных недостатков Указ Президента Украины требует от Кабинета министров, Администрации Президента, руководителей центральных и местных органов исполнительной власти «обеспечения создания необходимых условий, для реализации конституционных прав граждан на письменное обращение или личный прием и обязательное получение обоснованного ответа на него».

А какие же изменения происходят в этой сфере – улучшается ситуация или ухудшается? По мнению 35% опрошенных, например, в 2003 году защищенность от произвола власти, чиновников, значительно ухудшилась. В 2005 году, в период массового увольнения госслужащих, этот показатель упал до 10%, а затем снова поднялся в 2008 году до 17% и в 2010 году составлял 16%. Вместе с тем для 60–63% опрошенных в эти годы она оставалась неизменной, а для 2–4% – улучшилась. На востоке страны респонденты негативнее оценивают изменения (19%), чем на западе (16%) и юге (13%). Среди молодежи по этому вопросу меньше негативно настроенных (14%), чем среди тех, кто старше 55 лет (16%).

Отсутствие перемен к лучшему в системе отношений «чиновники–население» отражается и в ответах на вопрос «Как бы Вы могли охарактеризовать наше время?»: 26% опрошенных оценило наше время как время бюрократов, тогда как лишь 10% назвали его временами тружеников, 5% – профессионалов, 3% – талантов.

Как видим, у населения впечатление от контактов с представителями органов власти остается негативным. Причем в некоторых аспектах этой сферы развитие процессов оценивается как постоянно ухудшающееся. Очевидно, что такое состояние дел

является очень тревожным и нуждается в специальных мерах как для улучшения характера взаимоотношений между органами власти и гражданами, так и для формирования позитивного имиджа государственных органов и служащих в общественном сознании.

Вместе с тем в общественном сознании существует разное отношение к государственным служащим. Во-первых, существует представление о государственной службе как о привлекательной сфере деятельности, где личность может самореализоваться, проявить свои профессиональные и гражданские качества. Кроме того, в статусе государственного служащего людей привлекают льготы—доплата за ранг, выслугу лет, дополнительная выплата на отпуск и особенно возможность заработать пенсию государственного служащего. Эти аспекты образа государственного служащего привлекают людей, когда они как бы примеряют эту должность на себя. Но когда речь идет о государственных служащих как о партнерах по официальному общению, тогда оценка изменяется на противоположную. Их поведение оценивается, по большей части, как негативное, грубое, оскорбительное.

Следовательно, последующее совершенствование функционирования государственных органов нуждается в постоянном внимании ко всем сторонам их деятельности и особенно к той, которая касается работы с населением. Здесь необходимо больше внимания уделять умению работников общаться с посетителями, знанием социологии, социальной психологии, этики. С другой стороны, снижение эффективности работы государственных органов зависит от текучести кадров и недостаточно высокого престижа профессии государственного служащего, причины которых нуждаются в отдельном изучении. С этой целью необходимо провести комплекс социологических и социально-психологических исследований как среди государственных служащих, так и среди молодежи, населения в целом. Следует разработать систему мер, которые подняли бы престиж и репутацию государственного служащего. Нельзя допускать того, чтобы работники, от которых зависит социально-политическая и моральная атмосфера в обществе, успех деятельности государства, постоянно находились в роли «козлов отпущения».

Необходимо формировать и поддерживать в общественном мнении позитивный имидж госслужащего как человека, который внедряет в жизнь и защищает интересы государства. Для того, чтобы изменить в общественном сознании негативное пред-

ставление о госслужащем (как чиновника, бюрократа, ограниченного человека, мелкой личности) на позитивный образ, следует внедрить разнообразные меры в системе образовательных заведений – предусмотреть соответствующие темы в учебных дисциплинах, мероприятия по профориентации, внеурочные беседы, встречи с госслужащими. Нужно проводить долгосрочную работу относительно создания позитивного имиджа «государственных людей» через средства массовой информации, проводить конкурсы на лучшее освещение работы государственных органов и госслужащих. Но самое главное – надо развернуть по всей вертикали власти борьбу с коррупцией и безответственностью. И тогда в общественном сознании сформируется образ привлекательного, с элементами профессионального романтизма, масштабного, государственного мышления государственно служащего, ответственного за судьбу страны.

Литература:

1. Статистичний щорічник України за 2009 рік. – К.2010. – С.376.
2. http://www.guds.gov.ua/control/uk/publishext/article?art_id=277412&cat_id=35390&base_id=247084
3. Зеркало недели. Украина. – №5, 11 февраля 2011.
4. См.: Фесенко В.В. Политическая элита Украины: противоречия формирования и развития // Политические исследования. – 1995. – №6; О.Крыштановская. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. – 1995. – №1.

РАЗДЕЛ II.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА

1. ОБРАЗ ЖИЗНИ И СТИЛЬ ЖИЗНИ

В последние два десятилетия в жизни украинского социума происходят кардинальные изменения. Они имеют системный характер и ведут к качественным изменениям жизни как всего общества, так и его отдельных социальных групп и личности. Важнейшими детерминантами изменений сферы жизнедеятельности человека в эти годы были, во-первых, изменение общественного строя, переход от государственной формы собственности к частной, превращения в политической сфере общества – официальное признание правовой системой государства разнообразных идеологий и формирования многопартийной системы, формальное разделение ветвей власти и утверждение в обществе систематических выборов парламента и президента, упадок, разрушение старых социальных институтов, приспособление некоторых из них к новым условиям и формирование новых. Во-вторых, перемена способов жизнедеятельности людей вызвана причинами технологического характера – развитие средств коммуникации и новейших технологий ведут к ускорению ритма и темпов жизненных процессов, к росту общественной и пространственной мобильности населения. В-третьих, изменения стилей жизни разных групп населения обусловлены глобализационными процессами, которые в большей или меньшей степени затронули, втянули в свою орбиту Украину: распространение в разных странах одинаковых ценностей, унифицированных норм и образцов поведения. Анализ показал, что в этих условиях происходит плюрализация стилей жизни населения, все более заметными становятся отличия форм жизнедеятельности поколений.

Отдельные аспекты этих процессов уже стали предметом исследования отечественных социологов. Однако в них проблема освещалась преимущественно под углом зрения развертывания или определенных общественных процессов – экономических, политических, социокультурных, или изменений социальных институтов – собственности, государства, армии, семьи, образова-

ния и тому подобное, или трансформации социальной структуры. Малоисследованными остаются вопросы, связанные с жизнедеятельностью социальных субъектов как целостных образований – группы и личности. Этот аспект бытия может быть исследован через анализ способа и стиля жизни.

Изменение социально-экономического уклада общества привело к изменениям в системе общественных ценностей – политических, экономических, социальных, культурных, этических, что в свою очередь подтолкнуло к изменению типов социального поведения населения, к изменению стилей жизни. Эти процессы продолжают и сегодня. В обществе сосуществуют элементы разных социальных систем, действуют социальные ценности и установки, присущие разным социальным укладам. Демократизация общественной жизни, расширение свободы – вплоть до анархии и вседозволенности, сосуществование элементов разных социально-политических систем, а также проявление глобализационных факторов способствуют плюрализации и воссозданию многообразия стилей жизни.

Новые реалии украинского общества порождают как теоретические, так и практические вызовы. Ведь в корне изменилась матрица общественных отношений, формируется новый образ жизни, проявляются новые стили жизни.

В теоретическом плане в первую очередь следует размежевать понятия «образ жизни» и «стиль жизни», поскольку они оба отражают модель организации жизни личности. Только первая отражает те принципы организации жизни, которые являются безусловной предпосылкой социального бытия, выйти за которые личность никак не может. Они ей заданы, навязаны, предопределены. Правда, мы также были свидетелями и участниками изменения образов жизни целого общества, то есть такого периода, когда резко изменялись основные политические, экономические и социальные принципы, ранее выступавшие для нескольких поколений безусловной предпосылкой социального бытия. Процесс таких кардинальных общественных превращений, уплотненных во времени, нуждается в отдельных исследованиях. В данном контексте для нас важно отметить то, что произошло системное изменение принципов организации общественной жизни: состоялся переход от государственной формы собственности к частной, от планово-административной формы управления экономикой к рыночной. Изменяется общественная легитимация ценностных ориентиров – от однопартийной системы к

многопартийной, от коллективизма к индивидуализму. Особенно ощутимыми и болезненными для основной массы населения стали быстрые и резкие изменения в социальной сфере – потеря предыдущих социальных статусов и уровня жизни. Общество по историческим меркам мгновенно раскололось на кучку богачей и подавляющее большинство бедных людей. Именно эти изменения определили появление новых образов жизни – показной, демонстративный образ жизни олигархов и образ жизни бедных, людей, сосредоточенных на проблеме выживания. Эти полярные образы жизни теперь фиксируются не столько как результаты научных исследований, теоретического анализа, а как очевидная для любого данность.

Образ жизни мы рассматриваем как типичные формы жизнедеятельности социальных субъектов, обусловленные социальными институтами, социально-политическим и экономическим строем, культурой. Образ жизни – это категория, отображающая системные принципы организации жизни людей в обществе. Она включает принципы организации социально-экономической области жизни общества, идею смысла жизни, наивысшие общественные ценности. То есть, эта научная категория отображает совокупность тех социальных отношений, потенциал которых превышает возможность личности и малой группы контролировать их и управлять ими. Будучи творением людей, образ жизни в отношении к отдельному человеку, вступающему в жизнь, является объективным условием его существования, важнейшей детерминантой становления его как личности, детерминантой, которая задает предельные границы его общественного существования. Личность и группа могут лишь своеобразно усвоить, индивидуально адаптироваться, приспособиться к той логике, задающей эти социальные отношения, но заданный ими принцип модели общественного поведения они изменить не могут.

Категория стиль жизни отражает тот срез человеческой жизни, где личность или группа могут проявить свою автономность по отношению к общественному целому и принципам его существования. Это типичное поведение групп и категорий людей, в котором они обнаруживают свой свободный выбор. Стиль жизни – это и сторона организации жизни человека, в которой личность обнаруживает себя через свое мировоззрение, через свои идеалы, представления, вкусы и предпочтения, через самоутверждение. Через стили жизни личность демонстрирует разделяемую ею иерархию ценностей. Благодаря таким выборам и склонностям, вкусам, манерам человек на-

полняет смыслами свою жизнь, удовлетворяет потребности и реализует свои интересы в повседневной жизнедеятельности (1).

В методологическом плане важно выяснить, в каких пределах выбора можно говорить о стиле жизни, а в каких – об образе жизни, где между ними проходит граница, где проявляется свободный выбор личности, а где ее поведение задано обстоятельствами. Хотя и в самом стиле жизни важно различать проявление личностью собственной позиции и конформизм, своеволие и оптимально избранный для данных условий вариант жизнедеятельности, представляющий, желаемый стиль жизни и реальное поведение и т. д.

Стиль жизни может обуславливаться: а) традицией и привычкой; б) выбором одного из существующих типов поведения (адаптационный, конформистский выбор); в) желанием самореализации или самоутверждения через определенный тип поведения; г) комбинацией первых трех вариантов.

Для стилей жизни современных обществ характерной тенденцией является то, что жизненная стратегия теряет масштабность, целостность, моноцентричность. Жизненная стратегия личности сокращается, ее пространственно-временной масштаб превращается будто бы из стайерского в спринтерский. Она выстраивается под какой-то ограниченный во времени проект. После завершения последнего личность приступает к реализации нового жизненного проекта. И таким образом в течение, скажем, десятилетия личность может реализовать несколько проектов, достаточно существенно отличающихся один от другого, и каждый из которых вряд ли отвечает логике одного, целостного жизненного проекта. Нередко бывает и так, что один проект противоречит другому, хотя на временной оси они и стоят рядом, а их разъединяет отрезок времени, в течение которого осуществлялись эти проекты.

Кстати, и сама основа жизненной стратегии – образование, профессия, – становятся качественно другими. Раньше они были стабильными, устоявшимися. Личность приобретала их в начале жизненного пути и они были надежной основой для жизненной стратегии, ресурсом для ее развертывания. Теперь же невозможно получить такую гарантированную для всей жизненной стратегии основу. Для реализации намеченных планов личность должна непрерывно совершенствовать свое образование. Ей придется в течение жизни овладевать несколькими профессиями.

Даже семья перестала быть устойчивым институтом. Могут возразить, что и в прошедшие времена семьи распадались. Верно, распадались. Но такой ситуации, чтобы на 100 браков приходи-

лась половина разводов, еще не было. Сегодня мы имеем качественно новое состояние существования института семьи, который порождает новые стили жизни личности.

Возвращаясь к логико-гносеологической стороне категории стиль жизни, хотелось бы подчеркнуть, что она, будучи социологической категорией, заостряющей внимание на конкретных чертах поведения, деятельности, общения личности, остается обобщающей логической конструкцией. Хотя она и отображает личностные выборы, но все же нельзя гипостазировать ее индивидуализирующий аспект. В данную категорию включаются не просто индивидуальные варианты поведения (они всегда неповторимые, уникальные), а индивидуализируемые, но все же повторяющиеся не только в пределах жизнедеятельности отдельной личности, но и целой категории людей. Эти люди могут отличаться по всем другим параметрам, но в плане жизненных выборов в определенной социальной сфере они близки, подобны. Собственно, на этой основе и образуется категория стиля жизни. Без множества типичных повторяемых социальных практик, являющихся базисом теоретической категории, вряд ли можно говорить о стиле жизни как социологической категории.

Полноценное стилевое разнообразие проявляется при условиях высокого уровня жизни, высокого ее качества, демократического и толерантного общества. Отсутствие хотя бы одного из этих элементов затрудняет возможности выбора личности, а значит и ограничивает разнообразие стилей жизни, делает их настолько специфическими, что для их определения возникает потребность в других терминах. Такая проблема возникает при исследовании стилей жизни в нашей стране.

Крайне низкие жизненные ресурсы населения обуславливают специфический способ жизнедеятельности, который называют выживанием. В условиях дефицита жизненных ресурсов человек направляет, концентрирует имеющийся у него потенциал на удовлетворение непосредственных, базовых потребностей – в еде, одежде, содержании жилья и отказывается от всех других. Вся жизнедеятельность человека сосредоточивается вокруг того, чтобы воспроизвести себя физически и помочь это сделать своим близким, чтобы удовлетворить самые простые, самые необходимые социальные потребности. Ведь он не может, у него нет возможности удовлетворять другие потребности, прежде всего культурные, досуговые, креативные, познавательные, потребности в полноценной поддержке и воспроизводстве здоровья.

Человек организует в таких условиях свою жизнь как ожидание: в настоящий момент добиться лишь элементарного воспроизводства жизни, а после уже можно будет полнокровно развиваться. Выживание – это откладывание удовлетворения своих потребностей, важных поступков, действий на будущее. Жизнь в таких обстоятельствах будто бы консервируется, она упрощается, из многогранной превращается в плоскостную. Выживание как образ жизни в конечном счете может быть определено как организация жизни личности в условиях крайне ограниченных ресурсов, когда все формы ее активности направлены на самосохранение.

В зависимости от материального, образовательного, культурного, креативного, эмоционально-волевого ресурса люди, которые выживают, организуют свою активность по-разному, то есть, и в этих условиях они имеют, условно говоря, разные стили жизни. Это выглядит так, что в обществе сосуществуют разные уклады, разные стили жизни людей. Хотя если говорить строго, то в условиях выживания собственно о стиле жизни можно говорить лишь условно, поскольку у личности резко уменьшаются возможности выбора. В условиях бедности, нищеты в строгом понимании можно говорить не о стиле жизни, а об индивидуализированном приспособлении, о вариантах, типах адаптации к бедности. Такую диверсификацию жизни людей можно назвать стилями выживания или стилями адаптации.

По-видимому, нельзя назвать стилем жизни такой способ поведения, который называют адаптацией к социальной ситуации, находящейся в постоянном процессе изменений. В таком случае говорят о тактике или стратегии адаптивного поведения. Как соотносить стиль жизни и адаптивное поведение? Можно было бы ответить на этот вопрос таким образом, что адаптивное поведение – это специфический способ поведения, связанный с поиском наиболее благоприятных, эффективных, комфортных способов взаимоотношений личности с социальной средой. Специфичность этого поведения заключается прежде всего в том, что оно ограничено во времени. Как только налаживается приемлемый для личности способ взаимодействия со средой, этот тип поведения стабилизируется, становится повторяемым, а следовательно, становится стилем ее жизни.

Второй характеристикой адаптивного поведения является то, что оно как бы оставляет вне поля зрения систему норм и оценок личности. Последняя будто бы исключает это опосредствующее звено, которое стоит между внешними стимулами и поведением.

Человек действует вроде бы по классической бихевиористской схеме: S-R (стимул-реакция). В этой ситуации жизненно важным является выбор эффективного поведения, такого поведения, которое дает позитивный для личности результат. В бифуркационной среде «адаптирующиеся субъекты прежде всего поведенчески реагируют на смену среды. В то же время социальные установки, стереотипы, ценностные представления сохраняются такими же еще относительно долгое время» (2).

Таким образом, в условиях социальной адаптации некоторое время между поведенческими реакциями и ценностями, нормами личности существует определенный диссонанс.

Однако в условиях, когда сама социальная среда находится в процессе постоянной трансформации, устоявшихся изменений, «стабильной переходности», тогда процесс адаптивного поведения приобретает черту стиля жизни. Причем для этого стиля жизни характерной становится принципиально другая черта, чем у стилей жизни, разворачивающихся в стабильных общественных условиях. Так, для устойчивой ситуации характерной чертой, по которой определяется стиль жизни, является повторяемость выбора ориентаций, вкусов, форм поведения. А для стиля жизни в затяжном трансформационном процессе характерной является гибкость, маневрирование, подчиненность всех действий и поступков главному – элементарному физическому и упрощенному социокультурному выживанию. В условиях общественной нестабильности, постоянных, непредсказуемых изменений, в том числе и тех, которые происходят в результате решений власти, люди находятся в отомобилизованном состоянии и готовы к восприятию любой неожиданности. Об этом свидетельствуют ответы респондентов на утверждение: «В настоящий момент все так шатко, и кажется, что может произойти все, что угодно», которое было предложено в мониторинге Института социологии НАН Украины. В 2005 году 82%, в 2008 году 80%, в 2010 году 77% опрошенных соглашались с этим утверждением. И только 19%, 13% и 14% – нет. В соответствии с этим самоощущением у людей складывается и определенный стиль поведения. Больше всего не согласных с этим утверждением среди молодых – 22% (в то время, как среди людей старше 55 лет таких только 17%). Хотя в ответах этих возрастных групп и небольшая разница, но все же она характерна. Молодежь выросла в нестабильных социальных условиях и, понятно, что она более адаптирована к ним.

А вот в региональном разрезе отличия в ответах на этот вопрос значительно выразительнее. В 2005 году картина выглядела

следующим образом: если на западе страны с таким мнением соглашались лишь 54% респондентов, то на востоке – 84%, а на юге – 76%. И, наоборот, на западе были не согласны с этим утверждением 31%, а на востоке – 10%. В 2010 году три региона показали почти одинаковые ответы – 74–76%, соглашались с таким мнением. И только на юге согласных с таким мнением было больше – 85%. Иначе говоря, ощущение неустойчивости всего в обществе характерно для двух третей населения. Региональные различия среди несогласных в 2010 году также сократились: меньше всего несогласных с этим утверждением на юге – 10%, а больше всего на востоке – 17%.

Это говорит об определенных отличиях в установках, настроенности на события, происходящие в обществе, у разных региональных групп населения. К сожалению, сближение региональных групп по настроениям происходит вокруг согласия с тем, что все в обществе шатко.

Выживание формирует специфическую форму ментальной и эмоциональной реакции людей на такую неблагоприятную социальную ситуацию. Здесь не действует привычный механизм развертывания личностью своего социального поведения через соблюдение социальных норм и ориентаций на устоявшиеся социальные ценности. Ведь последние являются размытыми, нечеткими. Аномия, ощущение шаткости, зыбкости, подмены ранее непоколебимого, неопределенность, оборотничество, предательство, цинизм, отчужденность, господствующие в поведении многих современников и в общественной атмосфере, создают для личности проблему проектирования своего будущего. Она вынуждена полагаться на собственные ценностно-нормативные предпочтения, на социальную интуицию. Человеку трудно постичь смысл того, что происходит в обществе, того, что происходит с ним. Он чувствует, как всепроникающее желание жить, а не выживать. Это желание человека, который находится в состоянии болезненности, в кризисе. Его интересы направлены на то, чтобы войти в норму. Однако это желание существует не как определенный план, не как четкое представление о последовательности шагов выхода из ситуации, а как размытый позитивный образ, отдаленный на непонятную дистанцию.

Следует обратить внимание на специфическую бедность нашего населения. Это бедность высокообразованных, культурно развитых людей. Она отличается от бедности людей в развивающихся странах. У наших людей развиты духовные, культурные,

познавательные и другие личностные потребности. Такое сочетание – высокий уровень образованности и низкий жизненный уровень, бедность порождают специфические стили поведения людей. Здесь формируются стили выживания, которые принципиально отличаются от стилей поведения населения бедных стран с низким уровнем образования.

Состояние выживания присуще – и это очень важно – не только отдельным индивидам, но и обществу в целом. Наш социум как целостный организм переживает разностороннее проявление глубокого, долговременного кризиса. Для общества в целом стоит не менее актуальный, чем для отдельной личности, вопрос о выживании, самосохранении. Эта проблема уже смутно осознается обществом и сформулирована как проблема сохранения народа, который за 20 лет уменьшился более чем на 6 миллионов человек и угрожающая тенденция депопуляции которого еще не пошла на спад.

Близкой по смыслу к категории «стиль жизни» является категория «субкультура». Субкультуру рассматривают как такой социокультурный феномен, как такое целостное образование, объединяющее в себе определенную систему норм и ценностей, моделей поведения, стилей мышления и жизни определенных социальных групп. Ее важнейшим признаком является то, что этот феномен является составляющим элементом доминирующей культуры, что он разворачивается в рамках этой культуры, но имеет собственные характеристики, которые воспринимаются господствующей культурой либо как позитивные, либо как негативные. Кроме того, признаком субкультуры является то, что она охватывает меньшую часть носителей культуры данного общества.

Следовательно, по многим позициям субкультура и стиль жизни совпадают. Однако они не тождественны и имеют определенные различия.

Отличия субкультуры и стиля жизни проявляются в том, что понятие субкультуры более широкое, чем понятие стиля жизни. Во-первых, стиль жизни – это всегда элемент поведения, реализация цели, замысла, это осуществление выбора. А субкультура кроме этого еще вмещает в себя и такие элементы, которые могут оставаться лишь представлением, замыслом, мечтой, грезами. Во-вторых, субкультура является элементом (пусть нередко и негативным, таким, который противостоит или хотя бы не совпадает с доминирующими элементами) данной общей культуры, а стиль жизни в данном обществе, в данной культуре может основываться

на таких принципах, которые выходят за пределы этой культуры. Так, диалект как языковое поведение может быть рассмотрен как субкультура, а употребление другого языка в пределах языкового пространства доминирующего языка как языковой стиль.

Дополнительной характеристикой субкультуры является ее достаточно быстрая сменяемость, разветвленность, а следовательно, разнообразие. Субкультура разворачивается через определенную символику, проявляющуюся в формах поведения ее носителей, в способах свободного времяпровождения, организации быта, в одежде, вкусах и тому подобное. Для возникновения и существования субкультуры, как и для стилей жизни, благоприятной является такая общественная атмосфера, в которой утвердились принципы толерантности и плюрализма.

Субкультура — это часть общей культуры общества, которая заметно отличается или даже противостоит доминирующей культуре, но она теряет смысл в случае вынесения ее из этого целого. Субкультура отличается от доминирующей культуры в первую очередь формой проявления — языком, символикой, манерами.

Проанализированные категории образа жизни, стиля жизни и субкультуры являются обобщающими категориями, которые открывают теоретическую возможность для познания глубинных социальных тенденций.

Следовательно, сложилась общественная ситуация, которая заключается в принципиальном изменении образа и стилей жизни в обществе, ускоренной плюрализации образов жизни под воздействием разнообразных социальных факторов. В связи с этим возникла неотложная общественная потребность в исследовании новых стилей жизнедеятельности социальных групп и личностей, изучении новейших социально-поведенческих тенденций, основывающихся на новой системе ценностей, которая утверждается в разных сферах и в разных социальных группах общества.

Литература:

1. Бокко Роберт. Потребление и стиль жизни. Из книги: *Society & Social Science: a Reader*. Ed. by J.Anderson and M.Ricci. London, Open University, 1990. P.36-42. <http://www.socnet.narod.ru/library/authors/Ilyin/hrest/bokok.htm>
2. Готлиб А. С., Запорожец О. Н., Хасаев Г. Г. Социально-экономическая адаптация в постсоветской России: публичные и private практики. —Социологические исследования.—2004. —№8.

2. НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННЫХ СТИЛЕЙ ЖИЗНИ

Как уже отмечалось выше, к изучению стилей жизни можно применить два научных подхода: один заключается в том, что в центре внимания исследователя находятся стилевые особенности жизни представителей определенной социальной группы, а второй – в том, что фокусом исследования становятся определенные тенденции в организации жизнедеятельности людей, которые пронизывают разнообразные стили жизни.

Здесь мы избрали второй подход и будем рассматривать сквозные социальные стилевые тенденции, которые в разной мере реализуются в жизнепроявлениях личности и социальных групп, в частности такие, как плюрализация стилей жизни, ориентация на успех, консьюмеризация, гедонизация, информатизация, виртуализация, приватизация и публицизация жизни, пространственная и профессиональная мобилизация.

Плюрализация стилей жизни. Возможности личности в выборе форм жизненного поведения, разнообразных стилей самопроявления зависят от внутреннего мира (мировоззрение, ценностно-нормативная сфера, установки и т.п.), а также от уровня ее благосостояния и демократичности условий жизни, от широты ее включенности в публичный контекст, в повседневную жизнь своего общества, в мировые события. Чем выше уровень благосостояния, чем более демократично и толерантно общество, тем более благоприятные условия складываются в нем для развертывания многообразия стилей жизни, форм самоутверждения и самореализации личностей.

Плюрализация стилей жизни проявляется как процесс усложнения форм жизнедеятельности людей в обществе, увеличения разнообразия форм жизнепроявлений, все большего соответствия вариантов социального поведения людей их личностно-типологическим характеристикам. Увеличение многообразия проявлений человеческой жизни основывается как на изменениях общественного характера, так и на технологических инновациях. Диверсификацию стилей жизни стимулирует демократизация общественной жизни, ее либерализация, утверждение в обществе толерантности к сосуществованию разнообразных субкультур.

В постсоветских странах сложились дополнительные условия, которые способствуют плюрализации стилей жизни населения. Одним из таких условий является распад прежних ценностей: мировоззренческих, моральных, культурных. Для многих людей жизнь в этих условиях теряет смысл. Они не вписали себя в новую систему ценностных координат, не нашли для себя жизненный стержень. Такая ситуация также порождает маргинальный стиль жизни, который объективно направлен на психологическое и моральное самоуничтожение: примитивизм межличностных отношений, дразги, пьянство.

Кроме того, современные технологические изменения динамизируют изменения технических условий существования людей, а отсюда – повседневных жизненных отношений. Под воздействием информатизации общества происходят изменения характера, форм и способов человеческого общения, что увеличивает разнообразие стилей жизни. А ускорение темпов внедрения технологических инноваций приводит к ускорению частоты изменения стилей жизни. В этих условиях возрастает вероятность существования традиционных, современных и новейших стилей жизни личности. Кроме того, появляется еще и такой феномен как сокращение настоящего. Об этих явлениях Г.Люббе пишет так: «...в динамической цивилизации, с возрастанием количества инноваций в единицу времени, уменьшается хронологическое расстояние до того прошлого, которое во многих жизненных отношениях уже устарело, в котором мы не можем уже распознать привычной структуры сегодняшнего жизненного мира и которое поэтому представляется нам чужим и даже непонятым.

Сокращение настоящего, вызванное ростом инноваций, означает — одновременно с сокращением хронологического расстояния до ставшего чуждым прошлого — также и прогрессирующее уменьшение числа лет в будущем, по прошествии которых нам суждено попасть в жизненные отношения, существенно отличные от нынешних.

Короче говоря, сокращение настоящего — это процесс укорачивания протяженности временных интервалов, в которых мы можем рассчитывать на определенное постоянство наших жизненных отношений»(1).

Последствиями сокращения настоящего является то, что происходит плюрализация стилей жизни как диахронически, так и синхронно. В первом измерении сокращение настоящего проявляется так, что в течение жизни человек меняет несколько раз

стили жизни, причем из поколения в поколение это происходит с ускорением. В связи с высокой динамикой изменения жизненных стилей перед личностью обостряется вопрос сохранения самоидентичности во времени.

В результате действия этой тенденции все заметнее становятся отличия стилей жизни между поколениями. Однако каждое время, каждая эпоха, каждое «теперь» проявляет себя как сосуществование поколений – молодого, среднего и старшего. В связи с этим еще Ж.-П.Сартр обратил внимание на то, что «...так называемая эпоха представляет собой место встречи многих поколений, которые отличаются одно от другого разным будущим и прошлым, хотя и объединяются в противоречивом синтезе, ибо у них одно и то же настоящее»(2).

Но плюральность стилей жизни обогащается не только благодаря наличию в обществе в одно и то же время разных поколений с разной системой стилового разнообразия, но еще и тем, что каждое отдельное поколение является, в свою очередь, содержательно-временным континуумом. Как писал Е.Блох, не «все люди существуют в одном и том же Теперь (Now). В одном Теперь они объединены лишь внешним образом, благодаря тому обстоятельству, что их всех можно видеть сегодня (today). Но это не значит, что они живут в одно и то же время с другими» (3).

Следовательно, здесь мы имеем дело с неодновременностью одновременного. Особенно заметной неодновременность одновременного проявляется в нашем переходном обществе, которое переживает долговременный системный кризис. Большинство населения нашей страны попало в такие жизненные обстоятельства, когда его материальный ресурс не может обеспечить полноценного функционирования во всех сферах – в быту, образовании, охране здоровья, культуре, отдыхе и тому подобное. Люди воспроизводят лишь те аспекты жизни и в тех измерениях, которые обеспечивают им элементарное физическое и социокультурное выживание.

Упомянутые противоречивые социальные процессы в конечном счете разворачиваются так, что умножают стили жизни (или стили выживания), которые существуют в обществе одновременно, то есть происходит дальнейшая синхроническая плюрализация – каждое из сосуществующих поколений имеет множество специфических для него стилей жизни, а все общество характеризуется огромным разнообразием стилей жизни.

Стилевая плюрализация характеризует все сферы современного бытия украинского общества. Однако плюрализация сти-

лей жизни не является гарантией их содержательной наполненности, даже если идет речь о тех социальных группах, которые не затронула проблема выживания. Мы являемся свидетелями распространения в обществе примитивных стилей жизни, таких, которые являются результатом агрессивных рекламных атак, формой, удобной для утверждения банального потребительства (за которым стоят транснациональные компании, расширяющие свой рынок). Такие стили жизни не самостоятельны, они выступают как подражание определенным моделям поведения, образцам поступков. Модели создаются как виртуальные образы, как бренды. На модель ориентируются, ее манифестируют как референтный способ поведения. Он образуется не как результат личностной оригинальности – характера, особенностей внутреннего мира, ценностной системы, а как внешне привлекательный образ, которому бы хотела отвечать личность. Причем ее желания также, в принципе, не ее собственные, не результат ее внутренней духовной работы, а что-то навязанное ей извне через СМИ, рекламу. Таким образом, желание казаться кем-то, демонстрация набора определенных личностных качеств, показное проявление некоторых внутренних черт, которые подчинены определенному образцу, по существу, является не непосредственным индивидуальным поведением, а стилизованным поведением.

Конечно, можно возразить и сказать, что в современном обществе практически все виды поведения личности являются стилизованными, поскольку они в большей или меньшей мере детерминированы модой и, следовательно, такое поведение подвергает сомнению существование самого феномена стиля жизни, поскольку существует лишь стилизация.

В определенной мере это так, однако люди отличаются именно мерой стилизации своего поведения. Эта мера раскрывается через категории «быть» и «казаться». Стилизованным поведением можно назвать такое поведение личности, в котором преобладают мотивы, желания казаться кем-то, которое разворачивается под давлением некоторой внешней схемы, которой должно отвечать поведение. Аутентичное же поведение является таким, в котором личность раскрывает свои внутренние ценности, самореализуется на основе лично выработанных представлений о должном. Это такое поведение, которое она чувствует и переживает как внутреннюю свободу.

В современных условиях растут возможности для развертывания плюрализма грез, иллюзий, воспринимаемых личностью как

способ самоутверждения и самореализации. Однако это обманчивое состояние, в котором пребывает личность, рано или поздно заканчивается и происходит крах иллюзий, наступает разочарование. И единственное, чем она может гордиться, так это тем, что ее призраки были оригинальными, неповторимыми, что она была выше коллективных иллюзий. Это не только форма эскапизма, но также и определенная форма плюрализации жизни, однако жизни воображаемой, иллюзорной. Возможно, что здесь мы скорее имеем дело с определенной субкультурой, чем стилем жизни.

Следовательно, современные и объективные (благоприятные и неблагоприятные для личности), и субъективные (адекватные и неадекватные относительно восприятия действительности) общественные условия способствуют формированию новых стилей жизни, их приумножению.

Ориентация на жизненный успех – это направленность поведения социальных субъектов на достижение высокого результата на жизненном пути, завоевание вершин в карьерном росте, достижение высокого социального статуса, популярности, славы. Этим задачам подчиняются все другие личностные интенции, даже ценой отказа от надлежащего внимания к близким людям, детям и родителям, отказа от отдыха, отпусков, ценой интенсификации трудовых усилий, нередко игнорируя моральные нормы.

Ориентация на успех порождена изменением общественных ценностей, которые выступают ориентирами в человеческих стратегиях. Под их влиянием коррелируются требования к личностным качествам работника. Востребованными становятся такие черты, как направленность на успех, на карьеру, на самоутверждение, как амбициозность, честолюбие и тому подобное. Карьерная мобильность стала присущей трудовому поведению определенной части и наших работников, особенно молодых. Личности этого типа находятся в постоянном поиске для себя новых мест работы – более престижных, с высшим социальным статусом и большей зарплатой(4). Для них характерным является пребывание, по словам одного исследователя, в ситуации «постоянства неопределенности»(5).

Подобная «отмобилизованность», сориентированная на продвижение по профессиональной вертикали, не обязательно проявляется в слишком частой смене рабочих мест, что может вызывать подозрение у работодателей. Такие люди находятся в постоянном состоянии проверки собственной цены, зондажа ситуаций с целью выяснения, не слишком ли дешево они себя «продают»

на данном рабочем месте. Даже имея крепкие позиции на своей должности, такие люди рассылают по другим организациям свои автобиографии, резюме. Они уверены, что достаточно длительная задержка на одном рабочем месте негативно повлияет как на их репутацию, так и на возможность обогащения своих профессиональных и общекультурных знаний, навыков. Люди, сориентированные на карьеру, постоянно держат себя в форме готовности для перехода на более престижную работу. С этой целью они ведут предварительные переговоры с какими-то фирмами, учреждениями относительно возможного трудоустройства и рассматривают такое поведение, как приобретение опыта, как определенную личностную тренировку. Своим социальным поведением они провоцируют ситуации, в которых все внимание будет приковано именно к ним, создают обстановку, в которой можно себя выгодно проявить – например, выполнение сверхурочной работы без требования оплаты за нее, проявление разнообразных инициатив, которые пойдут на пользу организации. Но они способны ради ускорения продвижения по службе и на хорошо просчитанный шантаж, запуская слухи о том, что их куда-то приглашают на значительно более высокую должность, подавая заявление об освобождении и т.п. Люди, сориентированные на успех, на карьерное продвижение, не только готовы к освоению новых специальностей и профессий, но и к обретению нескольких дипломов. Однако ориентация на успех не ограничивается только карьерной мобильностью. Это явление значительно сложнее. Об этом пойдет речь в последующих параграфах.

Консюмеризация – это одна из центральных тенденций современного общества, а также сквозная линия жизненного поведения индивидов, смысл которой состоит в исповедовании такой иерархии ценностей, в которой самые высокие позиции занимает потребление. Причем ценности потребления становятся регулятором поведения личности не только в сфере потребления, но и во всех других сферах ее общественного бытия. Эти ценности выступают центральным, ведущим, организующим жизнь человека элементом.

Массовая распространенность ценностей потребления, ориентация общественного поведения, стиля жизни подавляющего большинства людей на потребление материальных благ дали основание назвать такое общество обществом потребления. Условиями его возникновения является значительное экономическое и техническое развитие, определенный уровень доходов населе-

ния, который открывает ему доступ к значительному количеству товаров, сокращению рабочего дня и увеличению свободного времени, индивидуализации потребления. Но главным условием общества потребления является рыночная, капиталистическая экономика, принципом жизни которой является получение прибыли. Необходимость увеличения прибыли организует всю общественную жизнь таким образом, чтобы как можно больше людей было заинтересовано в приобретении новых товаров. Стимулируются целые отрасли человеческой деятельности, направленные на формирование у человека определенных вкусов, предпочтений, желаний, ценностей, моделей поведения, интересов. Благодаря укоренению феномена моды, через массовое внедрение во все поры общества рекламы ориентация на потребление охватывает все социальные группы и прослойки. Возникает такое явление как конкуренция потребителей. Его основными чертами является то, что человек втягивается в потребительскую состязательность, в его шкале ценностей присутствует красная черта, напоминающая ему о том, что он не может потреблять меньше и хуже других (во всяком случае в тех видах потребления, которые находятся на виду у всех). Одновременно человек следит за тем, чтобы сбечь индивидуальность потребления, не допустить своего слияния с массой, толпой. Кроме того, стили потребления выступают формой демонстрации социального статуса личности, формой общественного самоутверждения. Но и этого мало. Внедряемый общественный механизм ускорения темпов изменения моды и тип потребления приобретает бессмысленный характер: через рекламу осуществляется безумное давление на личность, чтобы она отказывалась от вполне пригодных для пользования вещей и покупала новые. Кроме того, этот же механизм символического потребления навязывает такой абсурдный процесс, как брендовое потребление. Потребление полностью отрывается от смысла потребления, его, так сказать, онтологической основы. Потребляется не потребительское качество товара, услуги, а его символ, бренд фирмы. Товар одного качества имеет значительно отличную цену в зависимости от наличия на нем определенного модного, «раскрученного» через рекламу символа—бренда.

Все это требует от личности быть в состоянии готовности к новым расходам, а, следовательно, и к новым трудовым нагрузкам, к поиску дополнительных доходов, которые бы предоставляли ей возможность быть современной, модной, престижной. Таким образом, данный тип потребления становится способом закрепоще-

ния личности, делает человека придатком к моде, рекламе. Потребление теряет свой первоначальный смысл – быть средством воссоздания человеческих потенций для осуществления целей, присущих лишь человеческому существу. Оно превращается в потребление, то есть в потребление как самоцель.

Потребительство как ведущая тенденция общества искажает, унижает, деформирует другие проявления человеческого бытия, в конце концов примитивизирует самого человека. Ведь оно оттесняет на периферию и жизни общества, и жизни отдельной личности сугубо человеческие виды активности – духовное и физическое самоусовершенствование личности, ее интеллектуальное и художественное творчество, политическую и общественную деятельность и т.п. Оно подчиняет другие виды человеческой деятельности и навязывает им свои смыслы. Так, скажем, образование в контексте консьюмерного общества приобретает смысл не развития личности, а средства, которое открывает более широкие возможности потребления.

Вряд ли кто будет отрицать то, что культурно, социально развитый человек должен иметь и развитую, достойную, богатую, разнообразную сферу потребления. Но если все крутится в обществе вокруг потребления, то это явно свидетельствует об общественном недуге, о пороке, который примитивизирует человека. Повсеместное закрепление в сознании людей ценностей потребления становится важнейшим средством отвлечения народа от его действительных социальных интересов. Потребление отвлекает трудящихся от классовой, политической борьбы, приковывает их к конвейеру нескончаемых соблазнов, предлагаемых рынком. Мы уже не говорим об угрозе, которую несет потребительство как ведущий образ жизни общества для природы, окружающей среды, для ресурсов будущих поколений.

Для нашего общества, которое в значительной мере начало ориентироваться на западные ценности, но которое одновременно является бедным обществом, процессы консьюмеризации приобретают деформированный вид. Не имея соответствующего достатка, чтобы включиться в настоящую западную потребительскую конкуренцию с погоней за оригинальными брендами, с ориентацией на престижные центры моды и их продукцию, значительная часть наших граждан компенсирует все это вместе через секонд-хенд.

К сожалению, секонд-хенд стал повсеместным, а не только в сфере потребления промышленных товаров. Как это не досадно,

но у нас в стране широкое распространение приобрела индустрия подделок, производство контрафактных товаров, в том числе и продовольственных. Секондхендизация продовольственных товаров стала возможной благодаря резкому снижению контроля со стороны государства качества продовольственных товаров по сравнению с теми нормами, которые существовали в советское время. Теперь подавляющее большинство продовольственных товаров в Украине не имеют общегосударственного стандарта. Его заменили так называемые технические условия, которые разрабатывает практически каждый производитель продукции и утверждает их на местном уровне. Учитывая масштабную безответственность должностных лиц, их продажность, коррумпированность, такие «технические условия» успешно утверждаются на любую продукцию, то есть они открывают дорогу некачественным и даже вредным продовольственным продуктам, полуфабрикатам и т.п.

И все же даже в этих обстоятельствах, хотя бы теоретически, грубые нарушения технических условий правовой системой государства считались преступлением и можно было надеяться на то, что контролирующие органы, хотя бы в отдельных случаях, будут предотвращать преступления. Но после вступления Украины во Всемирную торговую организацию под видом сокращения бюрократических звеньев на пути от производителя к рынку было выдвинуто требование ликвидировать государственные органы, контролирующие качество товаров, в частности Госстандарт. В результате таких преобразований украинский рынок будет наполнен товарами самого низкого качества, в том числе и генетически модифицированными продуктами, поскольку у нас до настоящего времени нет закона, который бы регулировал доступ таких продуктов в страну.

Понятно, что благодаря наводнению рынка второсортными, некачественными товарами можно имитировать разнообразие стилей потребления, будто бы присущее большинству украинского населения. О богатых здесь речь не идет. Однако на самом деле это будет иллюстрацией очень специфической, украинской консьюмеризации, модель потребительства в бедной стране.

Гедонизация стилей жизни проявляется в желании субъекта превращать всю свою жизнь в удовольствие, направлять свою жизнедеятельность в сферу комфорта, развлечений, беззаботности. Идеал жизни гедониста заключается в уклонении от конфликтов, болей и страданий. Данная направленность стиля жизни пришла на смену ориентации общественного субъекта на труд (духовный,

интеллектуальный, физический), на созидание, на высокую цель, на заботу о других, на ответственность за других и за состояние, в котором находится общество. Гедонизация несовместима с таким явлением как гражданственность. Место гражданственности занимает либо социальная инфантильность, либо цинизм. Гедонист вычеркивает из сферы своего сознания тему социального несовершенства, социальной несправедливости, социального зла. Оправданием гедонизма является прямолинейный тезис о том, что идея общественного прогресса оказалась порочной, что мир не становится лучше. Хотя при этом игнорируется более глубокая и тонкая мировоззренческая позиция, выраженная еще братьями Стругацкими: во-первых, ты обязан мир делать лучше, хотя казалось бы это и невозможно; во-вторых, мир, согласно второму закону термодинамики, движется к хаосу и единственной силой, способной противостоять этому, является человек. Гедонизация стилей жизни проявляется в том, что ее носители опираются на моральные максимы такого пошиба: я никому ничего не должен; я не собираюсь приносить себя в жертву кому-либо и чему-либо, даже великому, святому; я имею право жить так, как хочу, думать и говорить, что хочу (6).

Хотя от общества индивиду никуда не деться. Внешнее проявление гедонизации как индивидуализации, «автаркизации» в действительности оборачивается еще большей зависимостью от социальных институтов. У.Бек говорит, что в современном обществе (или, по его словам, во Втором Модерне) жизненный акцент переносится из коллективов, групп на личность. Это создает видимость усиления процесса индивидуализации. Однако исследователь задает вопрос: «Что за этим кроется? На самом ли деле это индивидуализм? Действительно ли распространилась эпидемия индивидуализма, одержимость собственным, автаркичным «Я»?» Анализируя эту проблему, он приходит к выводу, что сегодня складывается общество собственной жизни. В отличие от предыдущих эпох, где личность находилась под давлением и контролем установившихся традиций, норм и ценностей, кажется, что современное общество дает полную свободу выбору личности. Однако в действительности ее собственная жизнь полностью зависит от институтов – «на место обязывающих традиций приходят институциональные распоряжения».

Он предлагает различать индивидуализацию, «институционализированный индивидуализм» Второго Модерна как тип системных общественных отношений от «атомизации», автар-

кичной личности, которая созидает свою жизнь в одиночестве. В современном обществе «одиночка не является «монадой» (Лейбниц), а как раз наоборот, все больше и больше зависимым от других людей и даже всемирных институтов. Идея «самостоятельного рыночного человека» является чистой идеологией и в конечном итоге приводит к потере смысла взаимных обязательств»(7).

Реализация удовольствия не обязательно приобретает пассивных, блаженных, успокоительных форм. Проявлением гедонизма в современных условиях являются и острые ощущения, которые могут достигаться, например, в экстремальных видах спорта: прыжки с парашютом, автогонки, дайвинг, альпинизм, спуск по горным рекам на байдарках и тому подобное. При такой психологической направленности личность также тяготеет к эгоцентризму. Во всяком случае ее жизненные выборы на пользу комфорта неминуемо противостоят альтруизму. Центр жизни личности при таком стилевом поведении перемещается из сфер трудовой деятельности, образования, творчества в сферу отдыха, потребления, развлечений, наслаждения. Гедонизация налагает свой отпечаток на все проявления стилевой деятельности личности.

В разные эпохи гедонисты приобретали специфический внешний вид, определенный тип публичного поведения. Когда-то их называли «денди». Они создавали моду в одежде, тщательным образом следили за собой, своим внешним видом. Сегодня их скорее назовут метросексуалами. Последние пришли на смену тем мужчинам, которые ценили риск, выносливость, ловкость. Первые термин «метросексуал» применил американский журналист Марк Симпсон. Его он описал, как молодого спортивного типа горожанина с нарциссическими чертами, который любит модно, красиво одеваться в соответствии с требованиями глянцевого журналов, который является знатоком самых модных брендов товаров и услуг, много времени посвящает посещению престижных магазинов, который уделяет много внимания своей внешности и является постоянным клиентом фитнес-центров, салонов красоты, массажных кабинетов. Поле его самоутверждения находится в сфере свободного времени (8).

Эти стили жизни отображают определенные периоды существования общества. И денди, и метросексуалы отображают стилевую гедонизацию, являющуюся понятной для своего времени и для определенного общества. Соответствующие стили являются

продуктами социальной среды, способной расшифровать такое поведение, декодировать знаки, которыми самоутверждают себя люди в этих стилях жизни.

Пространственная мобильность – это такая черта стилей жизни, которая связана с тем, что для личности местожительство уже не выступает ни эмоциональной, ни рациональной ценностью, удерживающей, привязывающей ее к определенному населенному пункту, региону, стране. Периодические, достаточно частые пространственно-географические перемещения на большие дистанции, изменение постоянного места жительства, которые человек осуществляет, воспринимаются им как элемент обыденности. Он находится в постоянном перемещении. Ежеминутно миллионы людей только в нашей стране едут в поездах, автомобилях, на теплоходах. В течение недели, месяца они находятся по много часов в таком движении. По данным мониторинга Института социологии НАН Украины, в 2008 году в течение последних 30 дней перед опросом 6% взрослого населения пользовались поездами, 11% междугородними автобусами, 23,5% пригородными автобусами, 12% электричками, 1% самолетами. Современные технологии предоставляют и новые способы транслокации – Интернет, телефон, факс, SMS и тому подобное. На этой основе формируются новейшие стили жизни, которые разворачиваются полилокально, охватывают внутритерриториальные общности. Примером пространственной мобилизации является стиль жизни фрилансеров (freelanser – свободный работник). Об этом стиле жизни человека в экономической сфере мы еще скажем ниже, а здесь лишь отметим, что его спецификой является то, что принципиально по-новому, во-первых, организуется физическое пространство, в котором осуществляются взаимоотношения между работником и работодателем, во-вторых, организуется рабочее время работником, в-третьих, обустраивается его рабочее место. В первую очередь такой стиль жизни приобретает все больший масштаб у работников творческих профессий – журналистов, публицистов, переводчиков, экспертов, экономистов, политологов, социологов, научных работников других специальностей, дизайнеров, программистов и тому подобное. Они могут проживать за тысячи километров от работодателей, быть жителями разных стран, договариваясь по Интернету об условиях работы и оплаты труда. Работник сам избирает для себя режим труда, рабочее место, начало и конец рабочего дня и тому подобное.

Пространственная мобильность подтачивает основы традиционной жизни людей, которая была организована на единстве территории и размещенной на ней человеческой общности. На этом же принципе организовано и современное государство. Семья, поселенческая община, этнос, государство – всем этим социальным институтам пространственная мобильность бросает вызов. Лишь 38% взрослого населения нашей страны в течение последнего года никуда не выезжало из своего населенного пункта. Все другие куда-то выезжали – кто один раз, кто несколько. Ездили в другой населенный пункт на работу, в командировку, за покупками, что-то везли на продажу, ездили в гости, на отдых и тому подобное. 4% опрошенных указали, что по различным причинам были за границей. Эти данные социологического мониторинга дополняет информация Госкомстата – в 2007 году более 17 млн. граждан Украины выезжали за границу и приблизительно столько же приезжало к нам иностранных граждан.

Жизнь людей, которые включены в масштабную пространственную мобильность, является сложной. И дело не только в трудностях путешествий, бытовой неустроенности. Их повседневность структурируется таким образом, что в ней уживаются сегменты нескольких культурных миров. Например, человек является выходцем из Украины, сформировался как личность на традициях украинской и русской культур, православия, а осел в Португалии, в окружении носителей португальской культуры и католических ценностей. Но при этом поддерживает тесные связи со своей родиной, со своими родственниками.

Глобальномобильная личность, как правило, имеет сложную идентичность, она одновременно разделяет ценности нескольких культур. Это явление называют глобализацией биографии (9). Последняя может образовываться под воздействием разных типов пространственной мобильности. Во-первых, таким типом является традиционная мобильность, когда человек покинул свою страну и переезжает на постоянное место жительства в другую страну, то есть становится мигрантом. Во-вторых, увеличивается число людей, которые являются полилокалами. Они могут и не менять гражданства, но на протяжении года длительное время живут в разных местах планеты, в разных странах, в разных культурах, общаются на разных языках.

Профессиональная мобильность – это траектория получения и смены профессий личностью в течение жизни, это такой социальный тип развертывания жизненного пути личности, когда

она неоднократно меняет профессию, специальность. Необходимость в изменении профессии вызывается в первую очередь не особенностями ее характера, а общественными условиями – изменениями технологий и отмиранием одних профессий и появлением новых, переструктурированием экономики, изменением спроса на определенные профессии, изменением общественных требований к квалификации работников и тому подобное. Современные обстоятельства выдвигают дополнительные требования к личности работника. В частности, современный работник должен иметь такое развитое личностное качество, которое называют флексибильностью, или гибкостью. Под гибкостью здесь понимается способность работника быстро адаптироваться к производственным условиям, к новым технологиям, к новым требованиям на рабочем месте.

Демократизация стилей жизни – это процесс обеспечения прав и свобод человека на всех уровнях общественной жизни, признание и реализация прав меньшинств, участие населения в формах непосредственной демократии – выборы, референдумы, общественные обсуждения и тому подобное.

В украинском обществе, переживающем затяжной социально-экономический кризис, для того, чтобы сгладить неприятное общее впечатление от положения дел в стране, политики нередко апеллируют к тому, что, мол, у нас произошли и углубляются процессы демократизации государства, всей жизни общества. Действительно, в стране созданы институты демократии, имеется Конституция, работает парламент, существует определенный уровень свободы слова и т.п.

Однако эти явления еще не являются доказательством того, что демократия проникла во все слои общества, во все его институты, а тем более доказательством того, что у нас демократизация пронизала стили жизни населения. В реальной жизни многие вещи, связанные с демократизацией, имеют формальный характер. Это чувствуют на себе рядовые граждане. «В какой мере Вы довольны или недовольны тем, как развивается демократия в нашей стране?» – на такой вопрос анкеты мониторинга Института социологии НАН Украины в 2008 году 58% респондентов ответили негативно. Граждане все больше понимают, что демократия не имеет ничего общего со вседозволенностью, хаосом, беззаконием. Лишь право, соблюдение закона на практике может обеспечить демократию.

Насколько правовой можно считать нашу страну? Насколько высоким является доверие населения к государственным институтам, к закону, к правоохранительным органам, к высшим должностным лицам государства? Насколько правоохранительные органы являются независимыми?

События, происходящие два десятилетия в стране, особенно в период нахождения при власти «оранжевых», вызывают огромное разочарование у граждан. Особенно сильно возмущают людей действия государственных органов, поведение должностных лиц с точки зрения соблюдения ими закона. Противостояние представителей разных ветвей власти, война указов, распоряжений, решений судов, трагикомические события, когда одновременно существует по несколько генпрокуроров, глав администрации одной и той же области подрывает доверие как к отдельным должностным лицам, так и к государственным органам. Упомянутые социальные факты убеждают граждан в том, что у нас в государстве закон не действует или действует избирательно. Такое положение вещей дает нам право отнести Украину к псевдоправовым странам и к странам с «имитационными демократиями». Что это именно так, убеждает и состояние общественного сознания, отношение населения к органам разных ветвей власти, к основам демократического уклада, а также уровень доверия граждан к основным государственным институтам.

Так, в 2008 году президенту В.Ющенко не доверяли 50% опрошенных, а полностью доверяли только 3,5%, и еще 20% преимущественно доверяли. В 2010 году президенту В.Януковичу не доверяли 33%, а полностью и преимущественно доверяли 31%.

Верховной Раде не доверяли в 2008 году 59%, а в 2010 году – 50% граждан, а доверяли только 12% и 13% соответственно. Не лучшая ситуация и с доверием к правительству. Полностью ему доверяли в эти годы лишь 2–3%, а не доверяли – 44%–54% граждан.

В стране сложилась достаточно широкая формальная демократия при слабости и признаках разложения государственных институтов и даже паралича в недавнем прошлом некоторых из них. Доверие к судам, прокуратуре, милиции у нас также крайне низкое. В 2010 году 59% граждан не доверяли милиции, а доверяли лишь 14%. По доверию к милиции мы стоим на последнем месте среди европейских стран. Об этом свидетельствует Европейское социальное исследование, в котором вместе еще с 23 странами принимает участие и Украина. Если взять наивысший уровень

доверия («полностью доверяю») за 10 баллов, а низший («отнюдь не доверяю») всего 0, то в Украине уровень доверия к милиции является немного больше 3.

Такая же грустная ситуация и с доверием к прокуратуре. Ей не доверяют 56% и доверяют 11% граждан. Судам не доверяют 57%, а доверяют 12%. И по уровню доверия населения судебно-правовой системе мы находимся также на последнем месте среди европейских государств. Хотя еще два года тому назад ниже нас были Словения, Чехия, Словакия и Польша.

Следовательно, «диктатуры закона» в Украине не вышло, как и «чистых рук», как и «бандитам – тюрьмы», как и отделения «бизнеса от власти». Люди убедились, что двойные стандарты относительно закона, то есть демократические, правовые лозунги на Майдане и реальное, повседневное правовое поведение властей – это разные, и даже очень разные, вещи. В реальной жизни 69% процентам опрошенных не хватает соблюдения действующих в стране законов, 53-м процентам – защиты от преступности, 49% – юридической помощи для защиты своих прав и интересов.

А с другой стороны – за последние (на период изучения) 12 месяцев 96% граждан не обращались относительно решения личных проблем в прокуратуру, 92% – к адвокату, столько же – в суд.

Разочарованность населения в практике функционирования власти, институтов демократии подталкивает их к выводу, что эти институты не нужны. Так, среди населения постепенно растет число тех, кто считает, что Украине не нужна основа основ современной демократии – многопартийность. Если в 1994 году на вопрос «Нужна ли, по Вашему мнению, Украине многопартийная система?» негативно отвечало 30% опрошенных, то в 2010 году таких было уже 46%. Одновременно сокращается количество тех, кто поддерживает многопартийность, – с 36% до 21%.

В обществе распространяются авторитаристские настроения. Растет доля тех, кто считает, что несколько сильных руководителей могут сделать для нашей страны больше, чем все законы и дискуссии. Если в 1994 году таких было 40%, то в 2010 году – уже 63,5%.

Тенденции манипуляции сознанием граждан через СМИ, политехнологии, спекуляции на доверии избирателей через обещания, которые никто не собирается выполнять, взрывают основы демократии. Такие явления обесценивают ростки демократии, делают ее формальной, что порождает специфические черты стилей жизни – отчужденность, скептицизм, цинизм.

Либерализация стилей жизни. В данном контексте мы употребляем понятие либерализации не в политическом и политологическом смысле, то есть как определенное политическое течение, как систему представлений о политических, экономических и духовных ценностях. Хотя этот термин, действительно, заимствуем из политики. Но он уже давно распространился за ее пределы. В повседневной жизни сложилось более широкое толкование термина «либерализация». Оно означает послабление ограничений для личности во всех сферах общественной жизни, снятие разнообразных границ, табу, запретов на определенные формы ее поведения, на доступ к определенным социокультурным группам, на контакты между группами, на переход представителей одной социальной группы в другую, на сближение дистанций в социальном общении, на послабление социального контроля над определенными видами публичного поведения. Либерализация в этом контексте означает отход от традиции. Скажем, послабление определенных норм, расширения их диапазона употребления, распространения терпимости к определенным видам поведения могут быть понятны как процесс либерализации при условии их сопоставления с установившимися в обществе или группе образцами. Такие послабления касаются разных сфер. Это утверждение в общественном мнении спокойного, доброжелательного отношения к межрелигиозным, межэтническим, межрасовым бракам, к праву личности быть верующим или атеистом, исповедовать ту или другую религию. Сюда же относится и более толерантное отношение людей в обществе в целом и в определенных социальных группах к проявлению человеком своих вкусов в проведении свободного времени, в хобби, в выборе произведений в сфере искусства, в переживании в спорте и тому подобное. Но особенно массово либерализация как характеристика стилей жизни проявляется в разнообразных повседневных, бытовых типах поведения, в потреблении.

Процесс либерализации стилей жизни несет в себе как позитивные, так и негативные тенденции. К позитивным аспектам либерализации можно отнести благоприятные условия для проявления разнообразных граней личности, возможности проявления ее инициатив, творческих способностей. А негативным аспектом либерализации является разрыв в преемственности поколений. Это угрожает целостности общества, его фрагментизации в плоскости возрастных когорт.

Одной из причин либерализации стилей жизни является урбанизация. Город расширяет поле формальных контактов личности, ее поведение анонимизируется, ослабляется социальный контроль. Город, особенно большой, более либерален, чем село, к поведению личности, к проявлениям ее вкусов.

Свою лепту в либерализацию стилей жизни вносит мировая миграция. Сегодня в стабильные и экономически благополучные страны прибывают многочисленные мигранты в поисках безопасности, заработка, счастливой доли. А с другой стороны, из стран, которые страдают от военных, религиозных, этнических конфликтов, от гражданских войн, от экономических кризисов, бедности, выезжают тысячи и тысячи людей. Мигранты несут свою культуру, привычки, традиции в страны прибытия, а возвращаясь домой, трудовые мигранты обогащают свои общества многими элементами культуры тех стран, где они работали. В результате этих процессов на бытовом уровне происходит интенсивный обмен культурными нормами, осуществляется взаимовлияние культур, а следовательно, разрушаются суеверия, предрассудки, формируется более толерантное отношение к новым для данного общества стилям жизни.

Информатизация жизни – рост насыщенности, интенсивности коммуникационных связей личности, их форм и способов и резкий рост разнообразной информации, которая направляется на человека в разных формах: индивидуальной, коллективной, массовой. Личность потребляет громадное количество информации из разнообразных источников: газет, журналов, книг, радио, телевидения, кино, Интернета, мобильной связи, рекламы и тому подобное. Развитие компьютерных и сетевых технологий сопровождается глубокими изменениями в стилях жизни личности. Глобальная телекоммуникационная система Интернет (с разнообразными возможностями письменной, звуковой и зрительной двусторонней и многосторонней связи), массовая мобильная связь, система других новейших средств, основанных на цифровых технологиях (разнообразные проигрыватели, плееры, диктофоны), внешняя реклама и тому подобное – являются такими преобразующими жизни людей факторами. Отметим, что по данным мониторинга Института социологии НАН Украины, в 2010 году Интернетом пользовались 21% взрослого населения страны, мобильным телефоном – 79%.

Информатизация изменяет стили жизни личности в сфере труда и отдыха, в сфере политики, общественной жизни и в бы-

товой сфере, в рабочее и вне рабочее время. Выше мы уже вспоминали новый стиль жизни человека в сфере труда, который зародился благодаря информационным технологиям – фрилансерский. Он означает появление нового технологического типа отношений между работодателем и наемным работником. В социально-экономическом плане в нем мало что изменяется – работодатель остается работодателем, а наемный работник наемным работником. Но в технологическом плане этот стиль жизни привлекает как работодателей, так и исполнителей. Для работника он является привлекательным, поскольку создает представление независимости, свободы. Человек сам планирует и реализует по собственному разумению работу в границах суток, недели и тому подобное. Она находится вне непосредственного и, как правило, достаточно жесткого контроля организации, трудового коллектива, вне действия морального и психологического влияния руководства и коллег. Кроме того, снимается ежедневная транспортная проблема, как добраться в свое учреждение. Кое-кого работа фрилансера устраивает в том плане, что дает возможность ухода за детьми или стариками, немощными, инвалидами.

Для работодателей такой стиль работы работника является привлекательным тем, что для него не нужно организовывать рабочее место – помещение, расходы на содержание помещения, мебель, оргтехника и т.п.

Так или иначе, но этот стиль поведения приобрел уже широкое распространение. За последние пять лет в Украине количество фрилансеров выросло в 30 раз (10). Хотя доля фрилансеров среди занятого населения пока еще небольшая, поскольку в нашей стране недостаточно развита сеть Интернет.

Поскольку этот стиль труда является еще новым, то его преимущества и недостатки еще не проявились в достаточной мере. Но уже сейчас можно сказать, что за фрилансерством нередко скрывается высокая эксплуатация работника. Ведь часто фрилансеры ради увеличения дохода работают на нескольких заказчиках, над несколькими проектами одновременно.

Новейшие средства коммуникации открывают новые способы общения и порождают новые стили жизни и в других сферах общественной жизни. Информационные технологии открывают не только самые широкие возможности доступа к информации, к разнообразной коммуникации, но и новые формы контроля за личностью. Последнее можно рассматривать как положительно

направленное средство, благоприятно влияющее на общественные отношения, в частности на комфорт и безопасность общностей, общества в целом. Так, операторы мобильной связи фиксируют весь круг связей абонентов за длительное время. В случае необходимости этим пользуются правоохранительные органы при выполнении следственных действий. Для контроля за лицами, находящимися под домашним арестом, используются специальные браслеты, круглосуточно контролирующие их место нахождения. Приобретает распространение вживление в тело человека микрочипов. Последние применяют для разнообразных утилитарных целей – как устройство, замещающее ключ замка квартиры, или как средство для включения персонального компьютера. Они могут использоваться для больных людей, инвалидов. Вообще, микрочипы, вживленные в тело человека, могут использоваться для сохранения и передачи личной конфиденциальной информации.

Однако это направление использования информационных технологий воспринимается во многих обществах неоднозначно. В таких технологиях видят угрозу тотального контроля со стороны государства или других институтов над личностью. Следовательно, элементы информационно наполненных стилей жизни могут иметь разную направленность с точки зрения их содержания и морально-психологических качеств. То есть, среди них можно найти и позитивные, и негативные, и нейтральные социальные явления.

К нейтральным информационным технологиям можно отнести флеш-моб. Его смысл заключается в том, что через Интернет или мобильную связь определенный круг людей (знакомых и незнакомых), как правило, от нескольких десятков до нескольких сот договаривается встретиться в определенное время и в определенном месте и осуществить какое-то показательное действие, по предварительно намеченному плану – например, зайти в супермаркет и по команде всем вместе сесть на пол, или в магазине несколько десятков людей одновременно высыпают на пол мелочь и начинают ее собирать. Впервые флеш-моб состоялся в Нью-Йорке в 2003 году, когда несколько сот людей зашли в мебельный магазин, подошли к дивану и сказали: «Вау, вот так диван!», а затем быстро разошлись. Подобные публичные, массовые акты не несут какой-то идеологической или политической нагрузки. Как правило, в них выполняются какие-то абсурдные, бессмысленные действия, но все поведение не является агрессивным, а наоборот – демонстрируется дружелюбие, толерантность. Его участники ничем не нарушают закон, общественный по-

рядок. Акция должна быть неожиданной и не повторяться. В таких массовых спектаклях соединяются современное информационное стилевое многообразие с карнавализацией жизни.

В последнее время отдельные акции мобберов приобретают определенные идеологические оттенки – например, несколько сот людей возлагает венки к срубленным елкам в городском парке в канун Нового года.

Примером негативного общения людей с помощью новейших информационных технологий может быть буллинг. Это явление зародилось в США в среде подростков. Буллинг – это послание через Интернет или мобильный телефон информации к определенной личности, цель которой унижить, оскорбить, запугать ее. Это определенная форма нанесения психологических обид или даже издевательств. Коварство такого поведения заключается в анонимности и безнаказанности. Кое-кто из участников считает такие действия забавными, кое-кто хочет таким способом отомстить, кое-кто считает, что именно так следует общаться с неудачниками (11). В целом эти формы поведения складываются в отдельные стили современной жизни.

Каждая из сквозных тенденций, пронизывающих стили жизни, не существует на практике, как что-то отдельное, изолированное. Эти явления являются сложными, многослойными. Например, мобильный телефон выступает не только средством связи, но выполняет и другие роли. Во-первых, он расширяет поле ситуаций взаимодействия, поскольку создает дополнительный канал общения, который практически всегда является открытым и готовым для общения, независимо от места нахождения человека. Во-вторых, увеличивает объем дистанционной коммуникации и сокращает удельный вес непосредственного общения личности. В-третьих, как отмечают исследователи, среди мотивов приобретения мобильного телефона, например, у девушек есть и такой, который включает надежду быть чаще объектом внимания со стороны друзей, парней (в любое время могут пригласить на встречу, на прогулку), а у парней – как предмет престижного потребления (12). Впрочем, элементом престижного потребления мобильный телефон может быть в любой половой, возрастной, территориальной группе.

Виртуализация – это одно из направлений информатизации стилей жизни личности, проявляющееся в замене реальных вещей образами на экранах. Виртуализация жизни заключается в том, что личность значительную часть своего суточного баланса

времени находится в контакте с экраном: компьютера, телевизора, киноэкрана, рекламного табло, экрана мобильного телефона, смартфона и тому подобное. Человек глубоко погружается в мир экранных образов, принимает логику их поведения, взаимодействует с этими образами по определенным правилам, которые характерны для виртуального пространства. Последний становится для личности второй реальностью – виртуальной реальностью.

Жизнь в виртуальном пространстве становится значимой и важной для человека. Она тесно вплетена в традиционную практику и проявляется во всех сферах жизни: в экономической сфере, в сферах потребления, общения, досуга. В каждой из них функционируют виртуальные аналоги воссоздания общества: политические акции в сети Интернет, потребление художественной продукции, игры и развлечения посредством компьютеров и тому подобное. Процесс замещения реального социального пространства виртуальным и является процессом виртуализации стилей жизни. Многие исследователи считают, что это означает изменение эпох в культуре, что на смену письменной культуре, которая основывается на письменном тексте, приходит экранная культура, в которой преобладают зрительные образы (13).

По нашему мнению, не следует переоценивать явление сокращения объема письменных текстов с появлением экранной культуры. Ведь и в самой экранной культуре значительная часть информации подается в виде письменного текста. Появились сотни интернет-журналов, существующих не в виде образов, а в виде текстов. Кроме того, возникло новое явление – собственные, авторские интернет-страницы, интернет-сайты, сетевые дневники. К этому следует добавить такое явление, как отзывы, рецензии на сетевые статьи, другие текстовые материалы.

Следовательно, письменный текст не исчезает, но способы его использования существенно изменяются. Во-первых, письменный текст в виртуальном пространстве может мгновенно тиражироваться, то есть быть представленным в сети Интернет, бегущей строчкой на экране телевизора, где количество его, если можно так высказаться, виртуальных копий есть практически бесконечным. Во-вторых, для письменного текста теперь не существует проблемы расстояния. Если текст представлен в мировой сети, то это означает, что он доступен в любой точке земного шара. В-третьих, скорость его распространения равняется от нескольких секунд до нескольких минут. В-четвертых, любой письменный текст может

стать публичным, проходя при этом внешний контроль: редактирование, отбор, цензуру.

С появлением экранного мира письменный текст существует в двух вариантах – на бумажных носителях и на электронных носителях, в том числе и в виде экранного текста. А это означает, что не текстовая культура заменяется образной, а то, что с появлением и распространением экранной культуры существенно растет объем информации в виде зрительных образов, что на смену времени существования доминирующей текстовой информации приходит время сосуществования текстовой и образной информации. Сегодня говорят о том, что органическим для виртуального пространства является образ, а не текст. Поэтому, мол, в виртуальном поле типичным является образный стиль мышления, а не абстрактно-логический. Мы считаем, что оснований для такого категорического вывода еще нет. Еще значительная часть участников виртуального пространства использует его как поле для развертывания абстрактно-логических процессов. Но то, что экран привлекает многих людей тем, что не требует усилий для восприятия образной информации, – также бесспорный факт. Кроме того, по силе влияния образный ряд является более действенным, чем текстовый, а следовательно, и его манипулятивные возможности относительно человеческого сознания являются значительно большими. Понятно, что эта, последняя характеристика, будет козырем в руках тех, кто ищет средства управления человеческими массами.

Экранная культура проникает во все сферы жизни – производственную, бытовую, рекреационную, духовно-культурную. Производственную сферу даже трудно представить сегодня без компьютера, без экрана. Технологическая, техническая, организационная, учетная и другая информация в производственных процессах стекается в компьютеры, там она обрабатывается и выводится на экран. Современный работник управляет и контролирует производственные процессы преимущественно через экран.

Кроме того, в отдельных отраслях экономики социальные отношения приобретают виртуальные формы. Например, широкое распространение приобрела киберкоммерция – экономические интеракции: банковско-финансовые операции, заказы товаров и услуг и т.п.

В рекреационной сфере экранное потребление сегодня занимает львиную долю. Это и просмотр телепередач, кинофильмов, слайдов, фотографий, чтение с экрана, электронные игры. Все

упомянутые виды экранного потребления приобрели широкое распространение.

Виртуальное поле привлекает людей. Особенно чувствительны к нему подростки и молодежь. Не имея достаточного жизненного опыта, они с удовольствием входят в виртуальный мир. Там они надеются найти для себя те знания, которые помогут им лучше разбираться в реальном мире. Причем их привлекает в первую очередь не теоретическое знание, а социальное знание как опыт, как определенный тренинг, который подсказывает, как надо себя вести в той или иной ситуации с позитивным или даже эффективным для себя результатом. В виртуальном пространстве подросткам и молодежи более комфортно, чем в реальной жизни, получать такую информацию. Ведь на экране никто тебя не оскорбит, не высмеет, что ты еще чего-то не знаешь, не умеешь. Об этих «недостатках» молодого человека, которыми их считает кое-кто из старших, никто не узнает. В виртуальном пространстве человеку легче преодолеть собственный страх.

Экран открывает громадные возможности для развлечений. Компьютерные игры сегодня конкурируют с художественной литературой, даже с такой, как приключения, детективы, фантастика. Появился тип людей, подчиняющих всю свою жизнь экранным играм. Их называют геймеры. У многих молодых людей, увлекающихся играми, формируется определенный тип психической зависимости от экрана компьютера. Особенно негативно влияют на психику агрессивные электронные игры. Считается, что подобные игры влияют на агрессивность поведения личности сильнее, чем телепередачи и кинофильмы. Возможно, это связано с тем, что при просмотре фильмов и телепередач человек является зрителем, то есть он воспринимает информацию более созерцательно, чем в случае компьютерной игры. Ведь здесь он выступает игроком, здесь он активно влияет на события на экране, он принимает решение и может повлиять на результат. В этом как раз и кроется опасность, поскольку, втянувшись в игру, личность незаметно для себя теряет грань между виртуальностью и реальностью, она полностью идентифицирует себя с героем игры. Игра для нее перестает быть игрой, а становится способом определенной модели поведения. В электронных играх присутствует эффект погружения. Множественные сеансы игры становятся средством обучения социальному поведению (14). Но такой точки зрения придерживаются не все исследователи. Кое-кто считает, что подобная позиция не учитывает способность человека все же отделять себя от героя. Ведь и при чте-

нии сказок нередко дети идентифицируют себя с их героями, но не считается, что сказки воспитывают жестокость. Например, ученые Института психологии РАН после пятимесячного исследования 9-16-летних детей, которые активно играли в компьютерные игры, не выявили у них никаких психических расстройств, а установили, что «геймеры» легче адаптируются среди своих одноклассников.

Недостаточное количество исследований по данной теме, отсутствие системных, обобщающих трудов приводит к тому, что практические институции также не могут занять определенной позиции относительно этой проблемы. Например, в штате Индиана в 2000 году был принят закон, согласно которому несовершеннолетние могут играть в компьютерные игры только с разрешения родителей. Но в 2001 году Верховный Суд США приостановил его действие, аргументируя свое решение тем, что еще нет научного подтверждения опасности компьютерных игр (15).

Приватизация жизни – эта структуризация и заполнение личностью своего жизненного пространства определенными формами жизнедеятельности, исходя из своих частных и личных интересов, представлений, предпочтений, вкусов. Частная жизнь демонстрирует определенную суверенность и свободу человека в осуществлении своей индивидуальной жизненной судьбы. Вместе с тем в стиле его частной жизни выкристаллизовывается мера ответственности в многоаспектных проявлениях: ответственность перед природой, обществом, историей, своей жизнью и жизнью других людей. Вместе с тем приватизация может привести к обесцениванию общественных интересов, разрастанию частных, причем преимущественно утилитарных интересов, эгоизации общественного поведения личности.

Современные технологии, особенно информационные, представляют серьезную угрозу частной жизни личности. Как мы показали выше, уже сегодня существуют технические возможности круглосуточной слежки за человеком. Не будем говорить о каких-то специальных устройствах для подслушивания, подсматривания за личностью, а лишь напомним о том, что практически все население страны пользуется мобильными телефонами, каждый контакт в котором фиксируется – или разговор, или СМС сообщение. Что касается Интернета, то эта сеть не только предоставляет разнообразные формы связи людей, что также фиксируются, но и дает возможность несанкционированного доступа ко всей информации, которая находится в компьютерах пользователей. Если хакеры проникают даже в такие инстанции

как Пентагон, то и говорить нечего о возможности проникновения в персональные компьютеры частных лиц. Новейшие технологии порождают условия и технические предпосылки для разнообразных преступлений, направленных против частной жизни личности. Уже многие люди пострадали от того, что преступники подделали их электронные карточки и сняли деньги с банковского счета, украли электронную карточку и воспользовались ею в магазине и т.п.

Публицизация жизни – перемещение элементов личностно-го мира из закрытого, частного, интимного режима в открытый для мира, общности, коллектива режим. Явление публичности неразрывно связано с увеличением негосударственных институтов и с усилением в обществе роли средств массовой информации. Публичность проявляется в увеличении открытости для других своего личностного мира, упрощение доступа к нему других.

По-видимому, наибольшее разрушение в последние двадцать лет испытали те социальные нормы, которые позиционируются в общественном и индивидуальном сознании как правила поведения в общественном месте, публичное поведение личности. Имеются в виду не какие-то писанные, формализованные определенной официальной институцией инструкции, предписания, а общепринятые нормы, которые бытуют в границах данной культуры.

Понятно, что эти нормы сложились в определенный период развития общества и отображали интересы отдельных групп, были способом регуляции повседневных отношений на бытовом уровне, формой реакции на типичные ситуации, складывающиеся в человеческом обществе определенного типа. Поэтому в каждом обществе формируются такие нормы, которые имеют долговременный характер, обеспечивают в наиболее обобщенном виде элементарные формы человеческих взаимоотношений, гарантируют воссоздание определенного культурно-цивилизационного уровня таких отношений. А имеются нормы, отображающие более конкретные общественные явления, которые уже отошли в прошлое, а нормы по инерции, по традиции еще существуют. Однако в реальной жизни все смешивается, переплетается и трудно отличить устаревшие, отжившие нормы от таких, которые обеспечивают определенную необходимость в формах человеческих отношений, поддерживают определенный уровень взаимоуважения и человеческого достоинства, создают удобство, комфортность

публичного общения. Скажем, людей раздражает, особенно лиц старшего возраста, когда в общественных местах молодежь ведет себя развязно, не уступает место в транспорте старшим, слушает громкую музыку или сами громко говорят по мобильному телефону, на виду у всех прихорашиваются, наводят макияж, публично обнимаются, целуются.

Очевидно, что вряд ли можно такую приватизацию публичной жизни, или публицизацию оправдать либерализацией общественных ценностей. Ведь выход за общепринятые нормы воспринимается как девиация, то есть отклонение. Но в обществе имеются группы, воспринимающие такое поведение уже как норму. И если таких людей набирается много, то в обществе зреет конфликт. Массовые нарушения норм поведения в общественных местах часто демонстрирует молодежь, что не воспринимается людьми старшего поколения. На этой почве возникают межпоколенческие конфликты. Степень их остроты зависит от многих факторов. Но в первую очередь степень напряжения зависит от типа общества. Традиционное общество жестко карает за отклонение от норм, от обычаев, передающихся из поколения в поколение. В современных обществах формируется такой тип взаимоотношений людей, в котором существует широкая автономия групповых норм, их сосуществование.

Публицизация как черта стиля поведения передает тенденцию современности на свертывание сферы приватности (и даже интимности) в жизни людей и переход многих элементов человеческой жизни из частной сферы в публичную. Подобные тенденции проявляются в обсуждениях в СМИ тем, которые еще до недавнего времени считались закрытыми для публичного обсуждения – интимная жизнь супругов, нетрадиционные ориентации в сексуальной сфере, вопрос человеческой гигиены – критические дни, прокладки, изжога, запор, перхоть, потение, храп и т.п. С этих тем снимается табу в межпоколенческих диалогах, они становятся предметом общего обсуждения всех возрастных групп семьи.

Для людей, занимающих ряд социальных статусов, вопрос публицизации частного в наши дни стоит вне дискуссии. Считается, что высший эшелон политиков, чиновников, членов их семей, а также звезды шоу-бизнеса должны быть публичными во всем, включая личную жизнь. На этой почве в последние годы разыгралось немало личных, семейных драм и даже трагедий. Вспомним скандалы, связанные с частной жизнью президента

США Р.Клинтона, президента Франции Н.Саркози, принцессы Дианы, мэра Нью-Йорка Эллиота Спитцера, премьер-министра Италии Берлускони и еще многих их друзей по несчастью.

Приватизация жизни в условиях демократизации и либерализации порождает парадоксальный эффект – приватизация разворачивается как публицизация жизни. Скажем, раньше определенные группы людей вели такие стили жизни, которые воспринимались в обществе как девиантные. В условиях жесткого социального контроля эти стили жизни скрывали. Теперь же представители подобных групп свои специфические стили жизни проявляют открыто, публично и даже демонстративно. Например, частная жизнь гомосексуалистов, которая раньше скрывалась, теперь публикуется.

Телевидение освоило формат передач, в которых обсуждаются проблемы частной жизни конкретных людей. Причем темы, выносимые для дискуссии в подобных передачах, раньше могли быть предметом обсуждения какой-либо малой группы – родственников, круга друзей или подруг, близких соседей, одногруппников, но ни в коем случае не «на миру». Например, в программах «Окна», «Окна-2» перед многочисленной аудиторией незнакомых людей дочь обсуждает на сцене свои сложные отношения с отцом, который после смерти матери начал встречаться с женщиной и собирается на ней жениться.

Такие проблемы теперь, во-первых, непосредственно обсуждаются в большой аудитории, которая насчитывает несколько десятков человек, во-вторых, эта аудитория увеличивается в миллионы раз, благодаря тому, что она разворачивается перед телекамерами и в нее включаются миллионы телезрителей. И сугубо частное, даже интимное, становится публичным.

Еще одним примером публицизации личностных проблем могут быть блоги в Интернете, в которых ведутся личные дневники. Блоговое поведение стало массовым, оно приобрело черты стиля жизни, в него втянуты десятки и даже сотни тысяч людей в Интернет-сети.

Театрализация, карнавализация общественной жизни. Для жизни постмодерного общества характерной чертой является проникновение во все его сферы элементов театрализации, зрелищности. Элементы развлекательности: лицедейство, игра, ирония, карнавал, шоу вторгаются в политику, в государственные дела, в бизнес. Современные средства коммуникации виртуализируют жизнь, стирают границы между жизнью и выдумкой, ста-

вят в один ряд реальность и фантазию. «Карнавализация жизни – это потеря отличий между реальностью и зрелищем», – отмечает Умберто Эко (16).

Мы живем в мире, где на одном канале телевидения идет прямой репортаж разрушения башен-близнецов в Нью-Йорке, а на соседнем – художественный фильм, в котором так же точно падают эти же самые башни, где на одном канале смотрим в прямом эфире вторжение американских войск в Ирак, а на другом – американский триллер с подобным же сюжетом. Мы наблюдаем на экране вперемешку показ драки в парламенте и трансляцию чемпионата мира по боксу, а катание на коньках членов правительства сменяется показом спортивных соревнований по гимнастике. Размываются грани между подлинностью и нарочитостью, между истинным и ложным, между фактом и артефактом, работой и развлечением, между жизнью и представлением. Это дало основание Ги Дебору назвать современный социум «обществом спектакля» (15).

Элементы игры, демонстративности проникают в бытовое поведение личности, придавая ему определенные стилевые признаки. Скажем, стали распространенными, особенно среди молодежи, татуировки. Развилась целая индустрия этого вида украшения тела, демонстрации определенных знаков. Вообще, через тело, его демонстрацию в разных порциях, скажем, через обнаженный пупок или поясницу в официальном костюме, в котором ездят в транспорте, ходят по улицам, сидят на рабочем месте, проявляется одновременный процесс карнавализации жизни, его либерализации и публицизации.

Смешивание игры с действительностью иногда провоцируется преднамеренно. Так, в Дании, в начале июня 2007 года было проведено телешоу, в котором якобы смертельно больная женщина выбирала, кому из больных почечной недостаточностью отдать свою почку. В это шоу была втянута огромная телеаудитория. В конце концов его организаторы сознались, что это был определенный розыгрыш, цель которого – привлечь внимание к людям, страдающим болезнями почек и годами ожидающим доноров.

За этими актами опасного общественного лицедейства просматриваются тенденции разрушения стержня социального организма, масштабной профанации общечеловеческих ценностей через высмеивание, пародизацию всего святого. Люди теряют ключевые ориентиры, обеспечивающие существование самого

общества как человеческого общества, то есть такого, в котором действуют нормы морали, модели культуры, правовые законы.

Со зрелищем современную жизнь объединяет еще одна черта – человек все больше становится созерцателем. Обыватель превращается в потребителя, зрителя, наблюдателя, теряя функции деятеля, творца, активиста.

Но было бы большим упрощением утверждать, что единственной тенденцией современной жизни является превращение населения в зрителей. Этот процесс значительно более сложный и противоречивый. В нем просматривается и противоположная тенденция, сущность которой заключается в том, что во многих проявлениях жизни, где раньше человек был пассивным, простым наблюдателем, теперь становится актером. Кстати, этому способствует и информатизация, в частности возможность включиться в общественную и политическую жизнь практически каждому человеку через Интернет.

Таким образом, мы рассмотрели ведущие новейшие тенденции, пронизывающие разнообразные стили жизни населения, наполняющие их своими оттенками, нюансами, чертами. Часть из них уже стала массовым явлением и модифицировала традиционные стили жизни, другая часть – еще только заявляет о себе, но уже стала явлением, которое зафиксировано общественным вниманием. Не все они органически укладываются в реалии жизни нашего общества: одни из них являются «чужестранцами», элементами другой культурно-цивилизационной системы, вторые, возможно бы и прижились в нашей жизни, но, к сожалению, она сегодня еще не только не совершенна, но и очень бедна, третьи, несмотря на все особенности украинской повседневности, органически влились в нее и стали неотъемлемыми составляющими. А все вместе эти тенденции существенно откорректировали наши традиционные стили жизни.

Литература:

1. Г. Люббе. В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем. – Вопросы философии. – 1994. – №4. С. 96.
2. Sartre J.-P. L'Idiot de la famille. Paris: Gallimard, 1972. Т. III. Р. 424. Цит. за: Франсуа Нудельман. Сартр – автор своего времени? – НЛО. – 2005. – №76.
3. Bloch E. Nonsynchronism and Dialectics // New German Critique. – 1977. – № 11. Р. 22. Цит. за: Гречко П.К. Интеллектуальный импорт, или О периферийном постмодернизме. – Общественные науки и современность. – 2000. – №2.

4. О типологизации личностей, склонных к восходящей карьерной мобильности, см., например: Докторов Б.З. Россия в Европейском социокультурном пространстве // Социологический журнал. -1994. —№ 3; Волкова Н.В. Типология карьерных стратегий молодых экономистов.— Социс. — №1. —2006.
5. Омельченко Е.Л. Стилевые стратегии занятости и их гендерные особенности. —Социологические исследования. —2002. —№11.
6. См. об этом: Кутловская Елена. Мозговая атака. Почему Кирилл Серебренников стал агрессивным. — Независимая газета. — 2007. -23 ноября; Кругов Григорий. Изба миропорядка. Лучшее средство против хаоса. — Независимая газета. Ex libris.—2007,—№43. —22 ноября; Кузьмин Дмитрий. Я понимаю любовь ... — «АПН — Нижний Новгород». — 2007. —27 ноября. <http://apn-nn.ru>
7. Бек У. Собственная жизнь в развязанном мире: индивидуализация, глобализация, политика.
http://www.soc.pu.ru/publications/pts/bek_3.shtml
8. www.invictory.inf; Вайнштейн Ольга. Дендизм эпохи массовой культуры. Метелица Катя. Не про секс в метро. —Независимая газета. —2005. —3 марта. http://www.russ.ru/docs/117079802?user_session=4f293ca2bd4320f51a3e46d9b3ad6e66;
9. Бек У. Собственная жизнь в развязанном мире: индивидуализация, глобализация политика. http://www.soc.pu.ru/publications/pts/bek_3.shtml
10. Украинский фриланс развивается ударными темпами. <http://korrespondent.net/business/369529>. —2008.— 8 февраля
11. Коммуникационная гадость. —Зеркало недели. — 2007. —19 мая.
12. Гладарев Б.С. Женщина, мужчина и мобильный телефон. —Социологические исследования.—2006. —№4
13. Киселева Т. Г. Экранная культура в меняющемся мире. <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2003/trud/tom3/posl2/Doc36.HTML>
14. П. И. Браславский, В. В. Колпачников, М. Б. Дрикер. Игровая виртуальная реальность — новое пространство приобретения личного опыта. —Известия Уральского государственного университета. —№ 35.—2005.—Гуманитарные науки. —Выпуск 9. —Культурология.
15. Опасны ли жестокие компьютерные игры? http://www.content-filtering.ru/catalog.asp?ob_no=542
16. Эко Умберто. «Карнавализация» нравов . —Либерасьон.—04 июля 2002. <http://www.inosmi.ru/translation/151675.html>
17. Дебор Г. Общество спектакля. — М. —2000.

3. ОРИЕНТАЦИЯ НА УСПЕХ КАК СТИЛЬ ЖИЗНИ

В традиционном обществе нормальной жизнью представлялась повседневная крестьянская работа в домашнем хозяйстве и на земельном наделе, результаты которой обеспечивали почти всю материальную потребность семьи, церковную десятину и милостыню для нуждающихся. А в самом труде реализовывалась и другая потребность, в частности моральная и эстетическая (в труде видели опору для души, в продукт, изделие вкладывали свое виденье красоты).

Модель существования средневекового простолюдина дал Фома Аквинский. В центре практической жизни человека стоит труд, который, по его мнению, имеет четыре цели: «Прежде всего и главным образом он должен дать пропитание; во-вторых, должен изгонять праздность, источник многих зол; в-третьих, должен укрощать похоть, умерщвляя плоть; в-четвертых, он позволяет творить милостыню»(1).

Любые намерения организовать труд таким образом, чтобы он давал больший продукт, чем необходимо для существования, предпринять шаг в сторону экономического прогресса, сурово осуждались. В то время считалось большим грехом, грехом гордыни, добывать себе в труде благ больше, чем необходимо для первичной потребности. Накопление, желание разбогатеть, даже собственным трудом, интенсифицируя его, осуждались. Пресекались любые проявления наживы. «Было естественно, что это безразличие и даже враждебность в отношении к экономическому росту отображались в сфере денежного хозяйства и оказывали сильное сопротивление развитию в той сфере духа наживы», – отмечает французский исследователь средних веков Ж. Ле Гофф (2).

Переход от феодального к капиталистическому образу жизни, к рыночным отношениям изменяют систему базовых человеческих ценностей. В современном обществе на первое место выдвигаются конкуренция, свобода, индивидуализм, приватность, осмотрительность, рассудительность, деньги, богатство, карьера, мобильность и т.п.

Изменение экономической и социальной структуры общества ведет к увеличению количества ступеней на лестнице профессиональной и бюрократической иерархии, что создает условия для состязательности за достижение высших статусов. В капитали-

стическом индустриальном обществе складывается такая система ценностей, в которой обществом поощряется успех, карьера, признание, слава. Формируются стили жизни, которые организуются вокруг движения личности ко все новым целям, к высшим достижениям в работе, в быту, в свободное время. Вектор изменений в жизни человека должен быть направлен только вверх, только на рост, на новые вершины.

А переход от индустриального к постиндустриальному обществу, где большинство трудящихся сосредоточиваются в сфере услуг, формирование консьюмеристского общества со второй половины XX века, в котором человек втягивается в гонку потребления товаров, создают дополнительную плоскость соревнования за успех – владение престижными автомобилями, бытовыми товарами, услугами в сфере отдыха, в сфере развлечений и т.п. Этому также способствуют повышение уровня образования населения, которое ведет к росту самооценки личности, желанию самореализации и самоутверждения, к возрастанию амбиций. В обобщенном виде эти интенции личности реализуются через феномен успеха, через выбор стиля жизни, ориентированного на успех, карьеру, достижение.

Понятие успеха имеет несколько аспектов. Во-первых, оно отображает результативность действий человека в социальной среде. Данный аспект феномена успеха отражает то, насколько целеустремленным был человек в достижении поставленной перед собой цели. Во-вторых, показывает, как в условиях конкурентной общественной среды воспринимается окружением, общественным мнением сознательная, настойчивая, последовательная реализация личностью своих способностей и талантов. В этом заключается главное отличие успеха от удачи, являющейся следствием случая, неожиданностью, которая не связана непосредственно с усилиями личности, с организацией ею соответствующим образом своей жизнедеятельности, с выбором и соблюдением определенного стиля жизни.

Ориентация на успех как стержень современных стилей жизни основывается на идеологии первенства. Последняя означает, что личность воспитывается в духе состязательности, активности, ориентации на первенство любой ценой и на практике, в повседневной жизни непременно проявляет это качество. Для нее нормой является то, что в любой сфере жизнедеятельности она включается в состязательность и стремится добиться первенства, – в профессиональной деятельности, в служебной должности, в социальных

статусах, в занятиях в свободное время и т.п. Это свойство личности проявляется как постоянное усовершенствование себя в определенной сфере деятельности (хотя это может быть и не проциальная, а девиантная и даже преступная с точки зрения общества деятельность), своих навыков, знаний. Эти качества должны обеспечить ей доминирование во всех видах самого проявления, помочь выполнять ролевые задачи лучше всех, иметь преимущества перед другими, быть членом социально престижной группы. В последние годы идеология первенства активно пропагандируется в нашем обществе через разнообразные телепередачи, художественные фильмы, компьютерные игры и т.п.

В-третьих, успехом можно назвать лишь такую человеческую активность в общественной среде, которая имеет и разделяет определенные коллективные представления о стандарте оценки успеха и воспринимает и признает результаты этой активности как достижения. Само признание средой, группой результатов усилий личности легитимизирует последние как успех. В современном буржуазном обществе обобщенными символами успеха признаются богатство, власть, популярность, узнаваемость.

Особенно распространенной формой успеха в информационном обществе является известность, узнаваемость. По общественной значимости они стали более приоритетными, чем слава. По словам З.Баумана, «в формировании иерархий влияния известность заменила славу, публичная известность вытеснила научные дипломы» (3). Происходит капитализация популярности. Известные, узнаваемые люди – это общественные символы, которые могут стать брендом фирмы, товара, услуги. Этого человека все или очень многие люди узнают, с ним можно связать все то, что продается, а следовательно, его имя, псевдоним, образ выступает сознательной или подсознательной причиной выбора товара, партии, организации. В современных условиях узнаваемость может быть как позитивной, так и негативной. В коммерческом плане это не суть важно. Главное, чтобы она была как можно более постоянной, что в технологическом плане равняется долговременному ресурсу влияния на публику.

Если слава была дорогой к индивидуальному бессмертию, то популярность является лишь «внезапным вариантом бессмертия» (4). Публичная узнаваемость, по мнению того же З.Баумана, является предметом потребления. «Как и любой предмет потребления в обществе потребителей, известность создана, чтобы приносить мгновенно получаемое и быстро иссякае-

мое удовлетворение, – отмечает исследователь.—Общество потребителей представляет собой цивилизацию запасных частей и одноразовых предметов, где искусство ремонта и поддержания сохранности излишни и почти забыты. Известность столь же доступна, сколь и мгновенна» (5).

Ориентация на успех связана с ориентацией личности на время. На успех сориентирована та личность, которая направлена в своей жизнедеятельности в будущее. Те же, кто ориентируется на прошлое, не связывают свою надежду с какими-то достижениями в образовании или профессии, в их жизненных планах нет желания делать карьеру, так же, как и мало надежд на то, что они разбогатеют. К этой категории людей принадлежат по большей части пожилые и хронически больные люди. Как правило, они не обладают социальным потенциалом и потому надеются на чью-то помощь – близких, государства или партии, общественной организации.

Достаточно распространенной в наше время является ориентация личности на настоящее время, на сегодня. Она хочет получить максимум преимуществ, удовольствий для себя сегодня, не ожидая завтрашнего дня. Она не выстраивает какую-то стратегию достижения успеха. Люди такого типа не планируют свою жизнь на далекую перспективу. Феномен успеха находится вне пределов их ментального дискурса. И если на их судьбу выпадает успех, то он выглядит как случайность, как везенье, удача. Кстати, в украинском обществе сегодня инструментальная, утилитарная ориентация на время и его долгосрочная организация личностью пока еще являются менее распространенными, чем спонтанность поведения во времени. На вопрос анкеты омнибуса Института социологии НАН Украины в 2007 году «Если Вам необходимо достичь поставленной цели, то как Вы обычно ведете себя?» 51% респондентов ответил: «Ничего не планирую, жизнь сама подскажет, как действовать». А тех, кто ответил: «Всегда разрабатываю план действий» было только 37%.

Насколько пропаганда идеологии успеха, карьеры, является социально полезной, какие общественные последствия она дает? Сторонники этой идеологии выставляют как позитив то, что люди, разделяющие ценность успеха, являются просоциальными, общественно активными, творческими. Хотя избыточная просоциальная активность ради успеха делает человека средством для достижения, в конце концов, внешней для него цели. Сколько сегодня мы видим таких, казались бы удачливых, а на поверку – несчастных офисных рабов?

Еще не так давно в нашем обществе слово «карьера» далеко не всегда ассоциировалось с чем-то моральным, позитивным. Продвижение человека по служебной ступени без корреляции с моральной нормой, без соотношения с общественными целями и интересами, статусный рост, который диктовался эгоистическими мотивами, осуждался общественным мнением, он был предметом иронии. Кстати, такую моральную позицию не следуют отождествлять только с советской ценностью. Скорее это ценность общечеловеческой культуры. «На самом деле слово «карьера» меня просто пугало, – говорит герой итальянского писателя Куликкья. – Я знал, что я сын рабочего и что мне надо шевелиться самому, но я не хотел делать карьеру, не хотел, чтобы меня распылила в порошок и закатала в вакуумную упаковку машина, настроенная на размер, который не был моим размером. Испугать меня было не трудно. Я боялся, что сам засажу себя в камеру-одиночку и потом выброшу ключ своими собственными руками, как это случается во сне» (6).

Стиль жизни, однобоко направленный только на успех, формирует искаженные человеческие ценности. Желание успеха любой ценой застигает смысл человеческой жизни. Проявлением таких деформированных ценностей является, например, феномен «чайлдфри», то есть сознательный отказ от детей. В этом явлении сходятся, соединяются ориентация на безоговорочный успех и крайний гедонизм и индивидуализм. Ведь дети, по мнению сторонников этого стиля жизни, в системе их мышления и ценностных координат, мешают как профессиональному росту, статусной карьере, так и собственному наслаждению жизнью здесь, сейчас и навсегда. Кроме того, ценности общества потребления побуждают экономить молодую семью из небогатой прослойки, которая пытается достичь уровня потребления если не богатых, то хотя бы средних слоев, в первую очередь, на детях. Супруги считают, что детей можно заводить лишь тогда, когда приблизятся к определенному стандарту потребления, который рекламируется. На практике это означает бездетность. К сожалению, явление «чайлдфри» в определенной мере героизируется избыточным вниманием к нему СМИ, оно становится модой и может навредить многим молодым людям, которые его действительную опасность могут понять слишком поздно.

Говоря только об успешных людях, мы вне поля зрения оставляем проблему тех, кто не добился успеха, проблему неудачников. Достичь вершины успеха могут только единицы, всем другим уготовано место среди середняков или среди неудачников, то есть

по-современному – среди «лузеров». Правда, кое-кто из авторов считает, что за этим английским заменителем слова «неудачник» стоит определенная философия. Слово «неудачник» существует в смысловом ряду отечественной культуры, в которой к бедному, выброшенному судьбой и обстоятельствами человеку, к больному, к тому, кто проиграл, проявлялось сочувствие, жалость. А «лузер» – это новое явление, оно порождено идеологией успеха, первенства. Здесь другие условия, другие правила жизненной игры: того, кто проиграл, презируют, подвергают остракизму, исключают из рядов «своих».

«Лузер» – это тот, кто не имеет предпосылки для успеха, кто находится в безнадежной ситуации, кто обречен всегда оставаться внизу, на дне. Такой статус может быть следствием как психологических, моральных, так и социальных, экономических причин. Среди неудачников много людей, имеющих сложный, неуравновешенный характер, кто применяет к себе сверхвысокие моральные требования или вынужден действовать под давлением требований ближайшего социального окружения.

Как показывает практика, люди, которые не смогли добиться успеха, занять первенство, тяжело воспринимают свою жизненную ситуацию, переживают разнообразные комплексы неполноценности, фобии. Немногие из них хотели бы вечно быть в роли «лузера». Они пытаются изменить представление о себе, они ищут выход своим нереализованным потребностям. И нередко выход из своей проблемы находят в так называемой силовой карьере. Они переходят от роли жертвы к роли насильника и воспринимают это как позитивный для себя поворот жизни. В определенных действиях, направленных против другой личности, они переживают чувство власти, радость обладателя и победителя. Как правило, в качестве своей жертвы они находят такого же пострадавшего, как и они сами.

Реакцией на дефицит первенства, успеха, престижа является попытка общества создать механизм плюрализации успеха. По мнению А.В.Прокофьева, в условиях дефицита успеха стоит задача «создать общественное пространство, где каждому будет максимально доступна ситуация переживания успеха и где успехи индивидов и групп прямо будут способствовать общему благу. С определенной долей метафоричности можно обозначить эту задачу как задачу по созданию «общества успешных индивидов» (7).

Такую общественную задачу по осознанному конструированию раздробленного, дифференцированного общественного

пространства с многообразием векторов возможных личных достижений упомянутый автор называет мероприятиями по плюрализации успеха (8). Подобное пространство с расширенными возможностями достижения успеха создается благодаря тому, что общество еще больше дифференцируется на профессиональные, статусные, культурные, образовательные, возрастные и тому подобные группы, каждая из которых открывает для личности направление для соревнования за первенство, за успех, создает определенную общественную беговую дорожку, на финише которой ее ожидает публичное признание. Однако усложнение социальной структуры общества порождает новую проблему в плоскости успеха. Ведь люди сравнивают себя, свои достижения не только на собственной профессиональной «беговой дорожке», но и на соседних, причем не только на профессиональном поле, но и на других социальных полях. Постоянное присутствие в общественном сознании социального сравнения значительно усложняет возможность удовлетворения амбиций, поскольку даже те, кто добился успеха на своей «дорожке», нередко бывают неудовлетворенными, посматривая на другую дорожку, на которой выдают более весомые, более привлекательные призы.

Составляющей успеха человека в обществе является престиж, уважение. Эти признаки существуют в определенной системе социокультурных ценностей, которые исторически сложились в данном обществе. Собственно, и успех как ценность в такой же мере зависит от системы социокультурных ценностей. То есть успех – это не абсолютная ценность, а лишь конкретное историческое явление. Понятно, что и его составляющие являются неотъемлемыми элементами этой системы. Но успех, как понятие ценностной системы, является более генерализованным, обобщенным понятием, которое отражает более-менее устоявшиеся явления в отличие, скажем, от престижа или уважения. Последние имеют достаточно динамичную природу. Об этом свидетельствуют изменения в общественном мнении последних двух десятилетий в украинском обществе.

Например, военнослужащий, который в советское время имел высокий престиж и уважение, сегодня имеет очень высокий престиж, по мнению лишь 4%, а высокий – 20% респондентов. Такая же трансформация произошла и с престижем профессии и художника, и агронома. А вот престиж руководителя банка существенно вырос. Сегодня 54% опрошенных считают, что престиж этой должности является очень высоким, а 35% – высоким. В обще-

ственном мнении наблюдается такой же стремительный рост престижа профессии адвоката, предпринимателя, коммерсанта и т.п.

Поэтому успех является феноменом зыбким, временным. Даже занимая одну и ту же должность, проявляя одинаковые усилия в своей деятельности, человек может обнаружить, что он уже не занимает ту позицию в шкале успеха, которая была у него еще несколько лет тому назад. Верным является и обратное утверждение – люди определенной профессии, которые были в тени общественного мнения несколько лет тому назад, внезапно становятся модными, престижными, успешными.

Но динамику изменений представлений об успехе в обществе нельзя свести к достаточно простому механизму изменения престижа профессий, хотя и его не следует отбрасывать. В действительности, со временем в обществе изменяются сами принципы достижения успеха. Мы являемся свидетелями того, что старшее и младшее поколения имеют разные принципы оценки успеха. Старшее поколение, которое было когортой тех, кто целью жизни ставил получение высшего образования, приобретения профессии, овладения знаниями, успехом считает уже сам факт приобретения человеком высокого образования, искусное владение специальностью. То есть, успех в их представлении неразрывно связан с приобретением знаний, с содержательной стороной деятельности, с высоким уровнем освоения профессии. А такие вещи, как должность, материальное вознаграждение за высокий профессионально-образовательный уровень в их сознании находятся на периферийной составляющей успеха. Для людей старшего поколения, например, успехом считается то, что человек получил высокое образование, достиг высоты в профессии, защитил диссертацию и стал ученым.

Представления современной молодежи об успехе имеют другую структуру. У молодого поколения признаком успеха считается уровень материального вознаграждения. Образование в этом случае рассматривается как условие достижения высокого материального состояния. А как самоценность, как поле для личностной самореализации, образование почти не рассматривается, или находится на периферии сознания. Для молодежи важнее первое. В пространстве подобной логики человек относится к образованию как к определенной инвестиции, которая должна немедленно дать прибыль (9). И даже если человек не имеет образования, но «раскрутился», приобрел определенную статусную позицию – высокую зарплату, квартиру, автомобиль,

отдых на дорогих курортах и тому подобное, – то именно это и считается успехом.

Путь к успеху также видится этими поколениями по-разному. Для старших дорогу к вершине успеха может обеспечить целенаправленность и систематичность усилий, прилежность, дисциплинированность личности. Любой человек, по мнению старших, который добросовестно придерживается в течение достаточно значительного времени просоциальных норм, добивается успеха. Успех для людей старшего поколения – это путь длительных усилий, в конце которого находится вознаграждение. У молодежи сформирована другая житейская логика. Считается, что не каждому гарантирован успех. Только неординарность поведения, везенье, счастливый случай могут привести к успеху. Для молодых – успех это не конечный результат на длинном пути, а сногшибательный рывок, крутой вираж судьбы. Поэтому в каждом жизненном проекте молодежь делает ставку на быстрый успех, на занятия, которые приносят быстрые деньги.

Определенным утешением для «лузеров» и середняков может быть сфера потребления, которая открывает перед ними шанс на специфическое самоутверждение, на достижение успеха через владение вещью, через потребление услуг и развлечений. Правда, это эрзац-успех, это мошенническая «кукла», в которой упакованы бездуховность, пустота, примитив. Но, не имея возможности добиться успеха в других сферах, человек радуется и этому. Тем более, что вся сфера современного потребления строится на спекуляции человеческими желаниями. Реклама обращается непосредственно к личности, играя на ее желании иметь высокий уровень самоуважения, достоинства, уверенности, – «ведь ты этого достойна!», «ты наилучший!», «мир принадлежит первым!»

Общество потребления порождает множество искусственных потребностей, назначение которых – привлечь внимание потенциального потребителя к товарам, услугам, сделать их желаемой целью и тем самым создать иллюзию, что их достижение повысит его статус, принесет удовлетворение и счастье. Сфера потребления привлекает людей тем, что она дает, как им кажется, шанс добиться определенного успеха и одновременно забыть о своей неудаче в другой сфере: через потребление вещей, через моду занять престижный статус в группе, соответствовать образцам, принятым в их социальной среде, в референтной группе.

Самоутверждение человека в сфере потребления формирует у него специфическую структуру средств достижения успеха.

Единственным средством достижения успеха здесь служат деньги, богатство. А их, как известно, никогда не хватает. Особенно остро их недостаток испытывает большинство людей в бедной стране. Поэтому для них в первую очередь успех отождествляется с богатством. Об этом свидетельствуют ответы респондентов в социологическом мониторинге Института социологии НАН Украины в 2003 году. На вопрос анкеты: «Что, по Вашему мнению, является сегодня самым главным признаком успеха человека в нашей стране?» больше всего респондентов – 47% – назвали богатство. На втором месте стоит карьера – 28%. А, например, мастерство считают признаком успеха лишь 16% респондентов, спокойную совесть – 16%, признание людей – 19%.

Дополнительной сферой, расширяющей пространство переживания успеха, может служить сфера деятельности институтов гражданского общества. «В определенном смысле гражданское общество, утверждая множественность не только деятельностей, но и критериев совершенства, создает (и это, несомненно, одна из его привлекательных сторон) систему таких иллюзий, позволяющих людям считать, что они достигли вершины, – писал Э.Геллнер, – ибо здесь есть множество независимых вершин, и каждый человек может думать, что вершина, вблизи которой он находится, является самой важной и значимой» (10).

И, возможно, что это действительно так. Во всяком случае те цели, которые реализует личность в сфере гражданского общества, являются более содержательно наполненными, они являются благороднее, а следовательно, и значительно более близкими к цели всестороннего развития человека, его духовного роста, чем те, которые предлагаются обществом потребления. Конечно, такое утверждение будет верным при условии, что групповой и даже общественный цинизм еще не развел остатки хотя бы этой гуманистической ценности и в обществе еще не слились воедино принципы консьюмеристского и гражданского общества, которые заключаются в искусственно выработанных условиях для удовлетворения определенных человеческих амбиций с помощью манипуляций иллюзиями. Но обратим внимание на то, что Э. Геллнер в этом контексте называет вершиной достижений, то есть успех, иллюзией. В таком случае вся форма плюрализации успеха выглядит как плюрализация человеческих грез.

Подчинение своей жизни достижению профессионального успеха, накоплению богатства, достижения популярности может натолкнуться на проблему более широких ценностей, а именно

смысложизненных. Почувствовав ограниченность и бедность таких ценностей, как карьера, деньги, роскошь, власть, человек начинает ставить «вечные» вопросы о смысле жизни. И тогда среди прочих перед человеком встает и вопрос: «А ради чего я приношу все эти жертвы – делаю не то, что мне хочется, общаюсь не с теми, с кем хотелось бы, отдыхаю не так, как желаю? Почему я каждый шаг должен соотносить с навязанными мне стандартами лишь для того, чтобы это способствовало моему успеху, моему карьерному взлету? Жизнь идет, а я не принадлежу себе, своему представлению о том, какой бы жизнью хотел жить. В этой суматохе, следовании внешним задачам ничего не остается моего, в конечном итоге и сам я все больше и больше становлюсь функцией какого-то демона». Человек устает от постоянной спешки, гонки, напряжения, ответственности, работы от зари до зари, стрессовых ситуаций, от того, что не успеет, не справится, не выполнит. Об этом очень удачно написал в одном из своих стихотворений Е.Евтушенко:

*Проклятье века – это спешка
И человек стирая пот
По жизни мчится, словно пешка,
Попав затравлено в цейтнот.
Поспешно пьют, поспешно любят
И опускается душа.
Поспешно бьют, поспешно губят,
А после каются, спеша.*

Поэт призывает людей, сориентированных на успех, на карьеру взвесить ту цену, которой они могут быть достигнуты, не забывать о наивысшей человеческой ценности, о неповторимости жизни, о ее смысле.

*Когда шагаешь к цели бойко
Как по ступени, по телам,
Остановись, забывший Бога, –
Ты по себе шагаешь сам!*

Формой негативной реакции на стиль жизни, направленной на успех, стало явление, которое называли дауншифтинг. Оно недавно появилось в развитых западных странах, но уже имеет проявления и в Украине, и в других постсоветских странах.

Иногда явление дауншифтинга считают реакцией на стиль жизни яппи. Для последних характерной была жесткая рациональность, рассудительность в организации своей жизни, полное ее подчинение карьерным достижениям, лидерская направлен-

ность. Поведение вне работы также нацелено на работу, на успех – машина, костюм, ресторан, в котором обедает, круг общения, – все это должно дополнять позитивный карьерный имидж. В жизни не должно быть места ничему, что не связано с карьерой, – отказ от развлечений, отдыха, от общения с родными и друзьями.

Но дауншифтинг – это реакция на более широкий круг явлений, чем субкультура яппи. По нашему мнению, дауншифтинг может быть рассмотрен как проявление определенной контркультуры, которая противостоит доминирующей в обществе культуре с рыночной ценностью успеха, достижений. Это реакция на разочарование человека в своей жизни, это рефлексия, осознание личностью своего смысложизненного кризиса и одна из форм выхода из него. На практике это означает сознательное резкое изменение жизненных ориентиров, образа и стиля жизни – отказ от карьеры, изнурительной спешки в повседневной жизни, интенсивной работы, демонстрации высокого статуса, ради простой житейской ценности: семейного общения, размеренной жизни, будничного комфорта, который заключается в гармонии внутренней потребности и внешнего поведения личности, заботы о здоровье, гармонии с природой. Это явление также включает и переоценку личностью стиля своего потребления, его смысла. Дауншифтинг предусматривает отказ от бессмысленного потребления вещей, когда последние рассматриваются не через их потребительские характеристики, а через бренд фирмы, престижность в обществе.

Дауншифтеры находят для себя менее изнурительную работу с меньшей ответственностью и более узким кругом служебных обязанностей. Наиболее решительные люди отказываются от высоких постов, статусов, положений и переходят в новую для них социальную среду, которая занимает более низкую ступень в общественной иерархии, переезжают подальше от больших городов, упрощают свой быт, теряют в доходах. Вообще, переезд, изменение места жительства являются характерной стратегией дауншифтинга. Иногда это приобретает форму определенного эпатажа, демонстрации от обратного: переезжают в какую-то экзотическую и отсталую страну, или в запущенные, вымирающие села, отказываются от электричества, газа, любой бытовой техники. Очевидно, что это будут временные дауншифтеры, которые и из этого поступка скачают для себя выгоду, поправят свой престиж, благодаря такой выходке.

Следует отметить, что подобная реакция на жизненный кризис получила название, которое родилось в среде, разделяющей

ценности рыночного и консьюмеристского общества, – дауншифтинг. Это английский термин, который означает «сдвиг вниз», то есть, уже в сам термин вложена негативная оценка явления. Существуют и другие термины для обозначения этого явления, в частности, «добровольная простота». Хотя явление дауншифтинга характерно для нового тысячелетия, все же нельзя сказать, что подобных течений, особенно среди молодежи, не было раньше. Дауншифтинг в чем-то подобный бунтарскому движению хиппи в 60–70-х гг. XX века. А единичные примеры того, как человек, говоря по-современному, покидал престижные места, светскую «тусовку» и куда-то отдалялся ради организации и реализации взлелеянного в мечтах им стиля жизни, были известны в истории с далекого прошлого. Можно вспомнить и римского императора Диоклетиана, который добровольно покинул свой трон и вел частную жизнь, выращивая овощи, и Льва Толстого, который покинул свой дом, надеясь таким образом освободиться от условностей помещичьей жизни. Существует также легенда о том, что будто бы русский царь Александр I не умер в 1825 году в Таганроге, а имитировал смерть и направился в странствие по стране в образе старца Федора Кузьмича. В наши дни примером такого резкого изменения стиля жизни может служить поступок русского миллионера Германа Стерлигова, который продал свое жилье в престижной московской Рублевке, построил дом в отдаленном хуторе Московской области, на границе со Смоленской, и переехал туда с женой и пятью детьми. Теперь он занимается овцеводством, продает экологически чистую баранину своим прежним коллегам-олигархам. То есть, во все времена среди людей жила мечта зажить такой жизнью, которая бы давала полную свободу, возможность заниматься тем, к чему тянется душа. Но обязанности перед другими, образ жизни общества ставят свои суровые и жесткие требования перед личностью. Поэтому лишь отдельным людям удавалось вырваться из поля влияния этих требований, перебороть общественные, моральные и психологические условия жизни. Можно уверенно сказать, что и дауншифтинг как стиль жизни будет явлением исключительным, втянет в свою орбиту единицы, просуществует лишь определенное время. Для украинского общества с низким уровнем жизни, для общества, в котором очень большими усилиями люди достигают самого скромного материального благополучия, вряд ли будет распространенным в ближайшие годы явление дауншифтинга. Кстати, одной из причин распространения дауншифтинга считают сытость, однообра-

зие, скучность жизни людей из среднего класса. Одной из форм преодоления такого состояния жизни и есть дауншифтинг. Для значительной части наших сограждан образ и стили жизни людей среднего класса пока еще остаются целью.

Однако в существовании дауншифтинга есть и другая причина. Его проявления в нашем обществе в первую очередь следует воспринимать как форму недовольства людей пропагандируемыми и распространяемыми сегодня в обществе ценностями и основанными на них стилями жизни. Да и сам феномен дауншифтинга различается в своей основе. В настоящий момент больше пишут и говорят о крайних случаях: о чудачестве, об эскапизме, о социальном аутизме, о схимничестве – когда очень богатому человеку надоедает бизнес и он отказывается от него в интересах простой и скромной жизни, или человек с высоким общественным статусом добровольно покидает должность и идет «в люди». Как правило, такие люди остаются на виду, о таких людях говорят в малом или большом общественном кругу, нередко это проявление своеобразного эпатажа, форма привлечения к себе общественного внимания. Поэтому следует различать временный дауншифтинг, который является показательным, нарочитым, демонстративным, и дауншифтинг как следствие кризиса смысла жизни, как осознанное и выстраданное изменение образа жизни, искренняя реакция на недовольство своим стилем бытия и результат стремления к такому адекватному состоянию души общественному поведению.

Во все времена в нашем обществе высоко ценились поступки, которые были связаны с отказом от богатства, от корыстолюбия и переходом к простому, основанному на собственном тяжелом труде, скромному стилю жизни. Православие предоставляет массу примеров того, как светские люди принимали схиму и шли в отшельники. Куда больше решительности и мужества нужно небогатому человеку, чтобы изменить стиль жизни, который направлен на такие привлекательные, модные и престижные сегодня в обществе ценности, как ошеломляющий успех, широкое публичное признание, молниеносная карьера, несметные богатства, высокий общественный статус, и начать жить такой жизнью, которая отвечает твоим устремлениям, стремлениям, мечте, всему тому, что дает тебе душевный покой. Такой результат возможен тогда, когда за этим сознательным поступком стоит высокая интеллектуальная, волевая и моральная развитость личности, ее социальная зрелость, самодостаточность, способность переступить комплекс неполноценности, подняться над конформизмом. Этот тип лич-

ности не боится того, что слухи, общественное мнение окрестят его «лузером». Он осознанно меняет свою жизненную стратегию и не считает это отступлением или поражением. Напротив, у него открываются новые горизонты личной свободы, освобождается энергия действия, он отвоевывает время у потраченных для бессмысленных, но принятых в его прежней группе пребывания гламурных занятий, для реализации своей заветной цели, для жизни по своим принципам. В этом заключается отличие «лузера» от «дауншифтера».

А пока еще в украинском обществе, по данным опроса Института социологии НАН Украины 2007 года, больше всего респондентов считает успешным человеком депутата, политического деятеля, представителя высшей государственной власти – 40,5%. Дальше идут бизнесмен, предприниматель – 40%, человек, счастливый в семейной жизни, – 37%, человек с высокими доходами – 34%, звезда телеэкрана – 19% и т.д. Ценность же саморазвития, самосовершенствования, таланта личности не соотносится с ценностью успеха. Известного писателя, актера, художника считают успешным человеком лишь 4,5% респондентов, известного ученого – 5%, высокообразованного человека – 9%. То есть, большая часть людей сориентирована на внешние ценности, хотя более трети опрошенных являются сторонниками семейных ценностей.

Кстати, данные этого исследования фиксируют, что в общественном мнении происходит противоречивый процесс изменения оценок престижа профессий, общественного признания определенных должностей, профессий. Так, 21% респондентов считает, что профессия ученого имеет очень высокий и 37% высокий престиж и уважение в обществе. Но успешным человеком известного ученого считают только 5% этих же опрошенных. То есть, в этих ответах нашли отпечаток инерционные представления о прежнем высоком престиже профессии ученого и сегодняшние реалии его общественного статуса.

Такие ответы объясняются еще и тем, что ориентация всех на успех, восприятие успеха как желаемой диспозиции личности в обществе неминуемо подталкивает человека к вопросу, почему его усилия, а также большинства коллег по коллективу и профессии не приводят к успеху. Ведь его труд, его деятельность являются не менее важными для общества, чем тех, кто добился успеха. Это вызывает у людей дискомфорт, зависть, неудовлетворенность. Размышления над этим вопросом заканчиваются, между прочим, и выводом, что общество, которое ориентирует всех на

успех, является несправедливым. В конечном итоге люди перестают воспринимать сам принцип построения общества с главной ориентацией на успех. Как нетрудно заметить, такая социально-психологическая позиция невосприятия успеха как ценности, существенно отличается от позиции дауншифтинга.

Кстати, большинство украинских граждан стоят на более реалистичной позиции и наиболее достижимыми для себя в наше время считают семейные ценности, круг надежных друзей, крепкое здоровье, возможность работать на себя, свою семью, а не на других. Иначе говоря, они разделяют базовые экзистенциальные ценности, а не ценности консьюмеристского, рыночного общества. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос: «Что именно из перечисленного Вы относите к уже достигнутому Вами жизненному успеху?», поставленный в упомянутом выше опросе (можно было давать ответы не более чем по трем позициям). 48% респондентов – это самая большая часть ответов на данный вопрос – добились в жизни того, что имеют дружную семью, 30% – круг надежных друзей, 17% – крепкое здоровье и 17% – возможность работать на себя, свою семью, а не на других.

В то же время лишь 4% респондентов считает своим успехом возможность хорошо отдохнуть, путешествовать, увидеть мир, 6% – свою профессиональную карьеру, 9% – достигнутый уровень материального благосостояния, 14% – возможность заниматься любимым делом. И еще 17% пока еще ничего не могут отнести к своему жизненному успеху. Эти ответы показывают, что основная масса населения, хотя и имеет ценностные иллюзии относительно достижения пропагандируемой в обществе ценности внешнего успеха, в реальной жизни имеют значительно более скромные достижения на этой ниве, а настоящий их успех сосредоточен в семье, кругу друзей и в собственном здоровье.

Явление дауншифтинга можно объяснить и в более широком контексте, чем личностная проблема и внутриличностные конфликты. Оно является определенной реакцией на растратный, транжирный образ жизни современного человечества. Это форма призыва к изменениям в отношениях человека с природой, современного поколения с будущими. Ведь такое хищническое отношение к лесам, воде, почве, к климату, которое мы наблюдаем сегодня, игнорирует интересы тех, кто идет за нами. Это эгоизм современников, который ограничивает возможности преемников, ухудшает условия жизни поколениям детей и внуков. В этом контексте дауншифтинг не столько связывается с карьерой, сколько

с масштабной проблемой смысла жизни человека, соответствия образа жизни и человеческих ценностей, места и значимости природы в обществе.

Поскольку эти вопросы стоят в широком контексте общечеловеческих ценностей, то тогда становится понятнее, почему явления дауншифтинга находят отзыв среди населения и бедной страны.

Следовательно, нельзя упрощать явление дауншифтинга и возводить его лишь к проблеме на личностном уровне. Да, действительно, кризисы личности известны во все века. В наши дни это не столько психологическое явление, сколько социальное. Не смотря на то, что якобы в современном рыночном демократическом обществе укрепляются условия плюрализации успеха, пока еще на практике, даже в благополучных обществах, а не только украинском, мы видим, что большинство людей принадлежит к неудачникам, или к тем, кого идеология успеха не волнует. Через явление дауншифтинга общество демонстрирует тупиковость этого пути развития человечества, его обедненность и примитивность.

Литература:

1. Фома Аквинский. Свод богословия. Цит. по Ж.Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада.–Екатеринбург.–2005.–С.271.
2. Ж.Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада. –Екатеринбург.–2005.–С.274.
3. Бауман Зигмунт. Индивидуализированное общество. –М. –2002.–С.163.
4. Бауман Зигмунт. Там же. –С.200.
5. Бауман Зигмунт. Там же. –С.310.
6. Куликкья Дж. Все равно тебе водить / Пер. с итал. М. Визеля. –СПб.–2003. С.76.
7. Прокофьев А.В. Плюрализация успеха: проблемы и парадоксы <http://www.mion.novsu.ac.ru/gev/projects/success/forum/P1>
8. Прокофьев А.В. Там же.
9. Зарубина Н.Н. Влияние денег на социальное конструирование времени: динамика нелинейности. –Социологические исследования. –2007. –№10.
10. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. –М.–1995. –С. 206.

4. СТИЛИ ПОТРЕБЛЕНИЯ

В каждую эпоху существует центральная сфера жизнедеятельности, признанная обществом ведущей в жизнедеятельности личности, которая в определенном смысле подчиняет, подстраивает под себя все другие сферы. Так, в средневековье, в феодальных обществах такой была религиозная, в новейшее время, в индустриальных обществах – это трудовая сфера деятельности. В современных развитых обществах ведущей стала сфера потребления. Данная особенность человеческого бытия в разные эпохи прослеживалась через разные показатели, в том числе и через структуру жизненного времени личности. Жизненное время личности можно структурировать, выделять в нем составные элементы, сегменты. Исторически временная структура личности существенно меняется. Скажем, у человека в средние века значительная часть времени в его суточном балансе шла на молитвы, посещение церкви. У современного человека (за исключением отдельных групп глубоко верующих людей) этот сегмент либо отсутствует, либо составляет совсем небольшой объем. Однако центральным сегментом в структуре времени жизни современного человека является сегмент, связанный с потреблением.

Уже стало проходным определение современных обществ как потребительских, пропитанных духом потребительства, с агрессивными формами маркетинга, примитивизирующими человека: глушится творческое начало человека, он превращается в раба своих наслаждений, в универсального потребителя (1). Потребление становится индустрией, мир превращается в большой магазин и его сравнивают с универмагом. Еще в 1900 году американец, президент огромной компании, владевшей универмагом, Редфорд Пек написал роман «Мир как универмаг». С этого времени подобные определения современному миру давали многие авторы (2).

Тотальное потребление, его логика, ценности проникают во все сферы человеческого бытия, влетают в другие сферы, формируют новые общественные явления и стили жизни. Так, появляется мода на хождение людей по магазинам, так называемый шопинг, который превращается в привычный способ проведения свободного времени. В этом типе поведения процесс

покупки товара, услуг превращается из вспомогательной функции в самоцель. Товар, услуга превращаются в предмет потребительского поклонения. Формируются и получают распространение специфические эмоциональные состояния людей, которые превращаются в их личностные черты, например, ониомания – страсть осуществлять покупки. Эта страсть, как и гедонистические идеалы наслаждения мелкими радостями бытового комфорта, культивируется в обществе через рекламу, СМИ, искусство. Потребление перебирает на себя много других социальных функций, модифицирует, искажает их. Наслаждения, удовольствия вытесняют высшие духовные ценности, развитие интеллектуальных и моральных качеств личности подменяется развитием потребительских навыков. Общественному мнению навязывается представление, что процесс потребления – это и есть вид творчества, а рыскание по магазинам и рынкам – достойное человека соревнование. Главным храмом его жизни становится супермаркет. Энергия, активность человека направляется на потребление. Ему подсовывается мысль, что лишь здесь можно самоутвердиться, самореализоваться, лишь через потребление можно добиться признания окружающих, продемонстрировать свою оригинальность и неповторимость. Например, согласно социологическому мониторингу Института социологии НАН Украины, в 2008 году в течение последних 7 дней перед опросом 28% респондентов посветили посещению непродуктовых магазинов и рынков.

Кое-кто из авторов диктат потребления рассматривает, как новую форму тоталитаризма. Ф. Бегбедер устами одного из своих героев говорит: «То, что творится, поистине страшно: это убийство идей, это запрет на перемены. Вы сидите лицом к лицу с типами, презирающими народные массы, стремящимися загнать их в рамки акта приобретения – бессмысленного, но заранее жестоко обусловленного <...> В идеале, при демократии следовало бы использовать потрясающую власть массмедиа для того, чтобы будить умственные способности, вместо того, чтобы давить на них. Но такого никогда не будет, ибо люди, обладающие этой властью, предпочитают не рисковать <...>, им нужно превратить вас в баранов; я не шучу, вот увидите, в один прекрасный день они отштампуют у вас на руке магнитный код <...> Они не хотят давать вам свободу выбора. Они хотят свести все ваши немотивированные действия к одному в высшей степени мотивированному – к акту покупки» (3).

В историческом плане общественный процесс потребления изменяется в своей сущности, в разные эпохи имеет разное качественное содержание. Блага, потребляемые человеком в различные времена, приобретают разную ценность. Ж.Бодрийяр предложил историческую классификацию ценностей, то есть классы ценностей, диахронически сменяющие друг друга. Он выстроил определенную трилогию: «начальную стадию, когда существовали повседневные, бытовые ценности; рыночная стадия, когда ценность выступает как средство обмена; структурная стадия, когда появляется ценность-символ» (4). В постмодерном обществе с его перепроизводством товаров потребление приобретает специфические формы. Оно становится не столько потреблением потребительской стоимости товара, сколько потреблением символов. Такой вид потребления называют символическим, престижным или демонстративным. За красивым названием «символическое потребление» скрывается более сложное и непривлекательное явление удовлетворения искусственно придуманных потребностей посредством потребления так называемых фиктивных товаров. «Что я называю фиктивным товаром? – задает вопрос П.Мостовой. – Так я называю товар, который предназначен для удовлетворения несуществующей потребности. Если быть совсем уже точным, то речь идет о той потребности, о наличии которой потребитель не подозревает к тому моменту, пока не прочитает рекламу этого товара» (5). По мнению этого же автора, только около 30% товаров удовлетворяют базовые ценности человека, а все другие удовлетворяют потребности, которых не существует (6).

Но коньюмеристское общество тем и отличается от предыдущих типов обществ, что в нем не товары и услуги производятся для удовлетворения потребностей человека, а производятся потребности человека, для удовлетворения которых создаются товары и услуги. В этом обществе доминирующей формой социальной самоидентификации человека становятся не принадлежность к профессии, не уровень образования, не этническая или религиозная принадлежность, а брендовое потребление товаров и услуг, определяющих социальный статус личности.

Еще одной чертой общества потребления является то, что в нем экономика и весь образ жизни построены так, что потребителя заставляют менять товары, которые у него уже есть, и которые не потеряли своей потребительской ценности, своей практической полезности, на новые товары. Скажем, вы имеете автомобиль в прекрасном техническом состоянии, не говоря уже о таких

вещах, как мобильный телефон, часы или одежда, но мода на такие марки, фасоны, модели уже прошла и, заботясь о своем престиже, вы вынуждены их менять. «Система скорее функционирует за счет эстетической дополнительной стоимости знака, чем за счет добавленной стоимости товара» (7). Здесь мы имеем дело с изнурительно-расточительным потребительством, бессмысленным сверхпотреблением. Экстенсивная модель потребления как принцип социального существования является угрожающим для человечества признаком. Оно (человечество) уже представляет критические границы хозяйственной емкости биосферы, ограниченность, конечность многих видов природного сырья. На рациональном уровне, на уровне осмысления проблемы угроза этого явления уже понятна для общества. Об этих угрозах, о пределах роста начали говорить еще со времени учреждения Римского клуба. Однако рациональное понимание входит в противоречие с основой основ капиталистического производства – ориентацией на как можно большую прибыль. А последняя предопределяет рыночную гонку, конкуренцию, рекламу, ориентирующую на все новые и новые виды потребления и так вплоть до абсурда. Но, как отмечают исследователи, «капитализм не знает «нормального»; его «нормальное состояние» – это производство избыточности (избыток производства); поэтому единственная возможность существовать для капитализма – это экспансия. Не случайно Жижек следом за Лаканом называет капитализм «царством истерического дискурса»: порочный круг желаний, чье поверхностное удовольствие только углубляет бездну недовольства, – вот то, что обуславливает истерию»(8).

Формой, облагораживающей потребительство и маскирующей его под вид творчества, выступает мода. В самом общем смысле различие между стилем жизни и модой заключается в том, что стиль жизни является следствием внутреннего выбора личности, а мода является внешним по происхождению по отношению к личности феноменом, настойчиво предлагаемым ей со стороны определенных социальных институтов. Мода является специфическим явлением, которое через систему социальной символики, закладываемой в вещах, типах и местах потребления, предоставляет возможность личности самоутверждаться, демонстрировать желаемый для нее социальный статус, в определенной мере выявлять свои вкусы (мода строится на стереотипах и поэтому, если вкусы личности заметно отклоняются от рамок стереотипа, то перед ней становится выбор – удовлетворять свои вкусы или

следовать моде), добиваться определенного влияния на людей, разделяющих такую же систему ценностей. Мода выступает и диверсифицирующим средством распределения людей по стилям жизни. Она распространяется не только на одежду, украшения, но и на автомобили, помещения, которыми пользуется человек, район проживания в населенном пункте, магазины, которые он посещает, где он проводит отпуск, к каким клубам принадлежит, услуги, которые и где он получает, и тому подобное. Здесь существует взаимозависимость между стилем и модой: стиль требует определенной моды, а мода требует определенного стиля. В этих условиях «потребление уже не является простым и чистым наслаждением благами, оно становится чем-то вынуждающим наслаждаться – смоделированной операцией, разнесенной по графам ранжированного набора предметов-знаков» (9).

Символическое потребление базируется на разветвленной системе брендов товаров и услуг. Бренд в обществе потребления – это сложное социальное явление, в котором одновременно присутствуют миф, сказка, мечта и ориентир. Он опирается не столько на материальную основу товара, а на представление о нем в обществе или определенных его группах. Причем эти представления не являются стихийными, случайными. Они предварительно проектируются, делаются привлекательными, технологизируются, они являются результатом целеустремленного, систематического влияния на сознание потребителей. Бренд является обещанием удовлетворить желаемые переживания, уже сформированные в сознании покупателя, клиента, потребителя. Посредством факта владения данным брендом, доступности к нему личность публично, социально самоутверждается, достигает признания, успеха. Сам стиль жизни уже во многом является не специфической формой поведения личности, особым способом организации ее жизнедеятельности, а формой доступа к определенным брендам. Самоутверждение личности происходит не при помощи ее качеств – таланта, способностей, навыков, мастерства, эрудированности, профессии и т.п., а при помощи наличия доступа и владения брендом.

Мораль, идеологию и знания в обществе потребления подменяет реклама. Она преследует человека круглосуточно. Прежде чем выйти на улицу, вы включаете телевизор, чтобы узнать, какая там погода, но вы несколько раз перед получением нужной информации должны выслушать рекламу. Перед новостями вы также насытитесь рекламой. В почтовом ящике еще с ночи вас тоже

заждалась реклама. На улице вас ожидают огромные билборды с рекламой, а чтоб вы, не дай бог, не проигнорировали информацию на уличном щите, перед станцией метро вам аж трое или четверо беспардонных людей втиснут в руку несколько разноцветных бумажек с рекламой. Реклама вас будет агрессивно преследовать в вагоне метро, в автобусе и трамвае. Не спрячетесь вы от нее и на сайтах Интернета, в магазине, в подземном переходе. Если вы захотите спрятаться от нее перед сном, просматривая телесериал, то знайте, без пятнадцатиминутной рекламы вам этого не удастся. Нас повсюду преследует рекламный жаргон, рекламные штампы, рекламные образы. Особенно трудно она переносится людьми в нищем обществе. Реклама не проявит к вам пощады (и не только реклама), на каждом шагу предлагая дорогие для вас вещи и услуги, и намекая, что ваш статус (а в действительности – бумажник) мог бы быть и посolidней.

Почти принудительное чтение рекламы, которое пришло на смену чтению художественной и профессиональной литературы, журналов и даже газет, стало приметой наших дней. Об этом свидетельствует тот факт, что сегодня получают домой журналы лишь 8% опрошенных, а газеты – 44%. Правда, можно возразить и сказать, что люди из-за материальных трудностей не могут выписывать периодику домой и поэтому они пользуются библиотеками. Но в библиотеку ходят в свободное время только 5% взрослого населения, да и прямые ответы респондентов о чтении художественной литературы говорят о сокращении этого вида деятельности. Так, 23% опрошенных вообще не читали газет в течение последних 7 дней. Будем считать, что люди отказались читать газеты в связи с примитивизацией их содержания (что произошла примитивизация – это правда). Все же 58% респондентов заявляют, что читают газеты. А вот художественную литературу читают только 26% опрошенных.

Тираж литературы, издаваемой в стране, сократился в несколько раз. И даже те книги, которые печатаются, представляют собой в основном примитивные детективы и сентиментальный кич. Конечно, и в этом грустном факте можно найти конъюнктурный позитив, и вместо того, чтобы честно признать, что именно задавленность личности жизненными проблемами оторвала ее от книжки, заявлять, что «книга перестала быть убежищем от репрессивного государства».

Вообще, снижение в годы независимости внимания людей к духовным ценностям под воздействием сокращения свободного

времени, суеты и спешки, необходимость все больше времени уделять поиску способов и средств для выживания, работать на нескольких работах, желание поддержания определенного статуса в сфере потребления – это приговор новому образу жизни.

О полноценном разнообразии стилей жизни в сфере потребления можно говорить только при условии достижения высокого уровня жизни людей. Именно наличие достаточного материального, инфраструктурного и организационного ресурса у общества и широких слоев населения, а также принятые и легитимизированные в культуре общества ценности богатства, денег, потребления и успеха являются необходимым условием существования общества потребления с его разнообразными стилями потребления. Для общества, население которого в течение многих лет находится в состоянии выживания, такая модель жизни невозможна. Но она все равно насаждается.

И поэтому сегодня в нашем обществе актуализируется проблема исследования стилей потребления, выявления их типов, главных векторов направленности, характеристик отличий и т.п. Это связано еще и с тем, что уровень образования населения в нашей стране достаточно высокий и сравним с уровнем образования населения развитых стран мира. Данная характеристика населения во многом определяет его ценностные ориентации, мотивации, запросы, ожидания, претензии, желания. Кроме того, поскольку потребительство как общественная ценность глубоко проникло во все слои украинского общества под воздействием средств массовой информации, моды, рекламы, то даже группы, существующие на уровне выживания, на уровне удовлетворения первичных потребностей, имеют установки на демонстративное потребление, на потребление тех товаров и услуг, которые реально для них недостижимы. Это, кстати, один из тех факторов, который формирует у широких слоев нашего населения эмоциональное состояние постоянной неудовлетворенности жизнью, немотивированной апатии, отчаяния.

Старт демонстративному потреблению дают богатые. Определенный стиль потребления (обычно же, под воздействием рекламы и моды) становится престижным и в него через цепочку общественного влияния втягиваются люди с меньшими, а затем и с намного меньшими возможностями. У последних, понятно, нет возможности доступа до всего круга существующих на данный момент престижных вещей. Бедные вынуждены конструировать такую структуру своего потребления, в которой одна-две вещи бу-

дут демонстративно-показными, а другие вещи и услуги, особенно те, которые можно скрыть, либо вообще игнорируются, либо потребляются на значительно более низком качественном и брендовом уровне. Но и такое поведение является для бедных людей изнурительным, рискованным и угрожающим для физического и психического здоровья. Демонстративное потребление нельзя квалифицировать, исходя из индивидуальных особенностей людей, включенных в него. Прежде всего, это характеристика образа жизни общества, его определенного периода существования (который, кстати, и не всегда означает развитие).

Особенно драматически разворачиваются процессы показного потребления в нашем обществе – ведь оно является обществом преимущественно бедных людей. Причем в зоне бедности находятся не только нетрудящиеся прослойки – безработные, пенсионеры, молодежь, но и те, кто работает. Среднемесячный доход на одного члена семьи в Украине, по данным нашего мониторинга, в 2010 году равнялся 1166 грн., или около 147 долларов США. Это означает, что в сутки на человека приходится менее пяти долларов. Страны с такими доходами населения считаются бедными. Для сравнения можно взять страны Западной Европы, где среднесуточная прибыль на одного человека достигает 100 долларов.

Стиль потребления личности в первую очередь зависит от ресурса, который она имеет, от ее платежеспособности. Ведь о стиле жизни человека вообще можно говорить лишь тогда, когда он имеет ресурс на выбор поведения. В случае бедности, лишений также можно говорить об индивидуализации приспособления к таким условиям, о вариантах адаптации к бедности, то есть не о стиле жизни, а о стиле выживания. Такое сочетание – высокий уровень образованности и высокий уровень бедности порождает специфические стили поведения людей. Стили выживания в нашей стране формируются отличными от стилей поведения бедных стран с низким уровнем образования населения, у нас создаются специфические общественные противоречия, конфликты, зоны напряженности.

В богатых, постмодерных обществах потребление как общественная функция в своем содержании теряет здравый смысл. Рыночные законы требуют постоянного расширения производства товаров и услуг. И если рынок перенасыщен ими, тогда включаются дополнительные средства для того, чтобы искусственно стимулировать спрос. Для этого включается в действие реклама, маркетинг, а также кредиты и рассрочка.

Украинское общество в целом еще бедное, чтобы на полную мощь почувствовать давление рынка, навязчивость логики общества потребления. Даже если кем-то и приняты его ценности, то реализовать их на полную силу основной массе населения не удастся из-за ограниченных покупательных возможностей. Возможно, именно поэтому украинские граждане более трезво оценивают новейшие явления консьюмеризации, вторгающиеся в нашу практику. В анкете омнибуса Института социологии НАН Украины в 2007 году стоял вопрос: «Как Вы считаете, насколько справедливым является такое утверждение? Люди чаще всего покупают более дорогие товары для того, чтобы продемонстрировать другим свою обеспеченность». Твердо убеждены, что такое утверждение является неверным, только 10% опрошенных, и еще 20% считают, что оно скорее не верно. А почти половина респондентов – 49% – заявляют, что оно верно и скорее верно. Причем молодежь настроена к процессу покупки товаров менее критично. 58% респондентов в возрасте до 30 лет сказали, что это утверждение верно и скорее верно, а доля людей в возрасте старше 55 лет, которые придерживаются такого мнения, составляет только 44%. Молодежь с детства впитывает ценности консьюмеризма.

Вирус потребительства охватывает все большие и большие массы. Для развертывания этой эпидемии в обществе создаются благоприятные условия. Приблизительно до 2005 года население Украины мало использовало банковские кредиты и рассрочки в магазинах. Подавляющее большинство населения не могло воспользоваться кредитами из-за своей бедности. По той же причине продавцы товаров и услуг не спешили предлагать рассрочки. Продавцы не были уверены в способности покупателей своевременно возмещать проценты по рассрочке.

Однако незначительное улучшение платежеспособности населения, а главное – изменение политики банков и магазинов в отношении кредитов и рассрочек для населения, привело к тому, что в 2006 – 2008 годах кредиты и рассрочки пережили определенный бум. Тысячи людей воспользовались этими услугами, которые предоставляли банки и магазины. Особенно широко они использовались для покупки товаров долгосрочного пользования – мебели, бытовых товаров. Большой размах в 2006 и 2007 годах получила покупка в кредит автомобилей. Тысячи людей брали кредиты в банках и приобретали новые автомобили. Особенно популярным это было среди молодежи. Также очень многие люди воспользовались банковскими кредитами для по-

купки или строительства квартир. По данным Нацбанка, в 2007 году граждане взяли кредитов в банках на сумму 155,5 млрд. грн., которая была больше по сравнению с предыдущим годом на 98% (10).

Однако этот кредитный бум в 2008 году пошел на убыль и к концу года обернулся проблемой как для заемщиков, так и для банков в связи с разразившимся финансовым кризисом. В начале года на фоне стремительной инфляции банкам стало невыгодно и рискованно выдавать кредиты. Банки либо вообще отказались выдавать кредиты, либо предлагали кредиты на крайне невыгодных условиях, под большие годовые ставки. А к концу года многие банки оказались на грани банкротства и начали требовать немедленного погашения кредитов. А многие кредиторы, в свою очередь, не могли рассчитаться с банками из-за того, что оказались без работы и без доходов.

Важным условием для потребления товаров долгосрочного употребления являются сбережения. Но в нашей стране людям сложно иметь сбережения по нескольким причинам. Во-первых, из-за бедности, низкой заработной платы, подавляющая часть которой расходуется на продукты питания и оплату коммунальных услуг. Кроме того, в предыдущие годы месяцами, а то и годами работающим не выплачивалась заработная плата, пенсионерам не выдавалась пенсия. Поэтому достаточно много семей ради того, чтобы прожить, вынуждены были брать деньги в долг, не оплачивали коммунальные услуги. Так, по данным нашего мониторинга за 2004 год, не имели долга лишь 48% опрошенных. А 28% имели коммунальные долги, 29% брали в долг время от времени, а еще 7% заявили, что они берут кредиты, одалживают большие суммы. Хотя ситуация с выплатой зарплат и улучшилась, однако долги населения остаются. Правда, они несколько изменили структуру. Летом в 2008 году все виды долгов украинских граждан составляли 424 млрд. грн., в том числе коммунальные – 7,7 млрд. грн. (11).

Во-вторых, даже те незначительные накопления, которые удается отдельным семьям сделать, граждане не размещают в банках, потому что не доверяют им. Травма, нанесенная вкладчикам Сбербанка СССР, когда в 1992 году в один миг были потеряны все вклады, не зажила до сих пор. По данным мониторинга за 2010 год, банкам доверяют лишь 10% опрошенных, а не доверяют – 67%.

Учитывая уровень жизни подавляющего большинства населения Украины, в нашем мониторинге выделено семь стилей

потребления в зависимости от материального состояния семьи: а) часто не имеют денег и еды, иногда попрошайничают (условно назовем его «нищенский»; б) не хватает продуктов питания, иногда голодают («голодный»); в) хватает только на продукты питания («бедный»); г) в целом хватает на проживание («скромный»); д) хватает на все необходимое, но нет возможности делать сбережения («благополучный»); е) хватает на все необходимое, делают сбережения («зажиточный»); ж) живут в полном достатке («богатый»). При этом мы осознаем, что самая богатая группа семей с громадными доходами в выборку нашего опроса не попала. Поэтому стили жизни этих немногих семей можно вывести за скобки анализа. Но сам по себе такой подход по выявлению стилей потребления, по нашему мнению, имеет право на жизнь. К такому же мнению приходят и другие исследователи. Например, Г.И.Осадчая отмечает, что «о стиле жизни во многом можно судить, анализируя имущественный статус человека» (12).

Выделенные группы по стилю потребления отличаются друг от друга размером дохода на одного члена семьи. По самооценкам респондентов, средний доход на члена семьи в последние 2–3 месяца перед опросом у «попрошак» равнялся 567 грн., у «голодных» – 568 грн., у «бедных» – 653 грн., у «скромных» – 943 грн., у «благополучных» – 1052 грн., у «зажиточных» – 1241 грн. и у «богатых» – 1444 грн. Эти данные, конечно, не могут рассматриваться как высоко достоверные. Бросается в глаза то, что разрыв в доходах на одного человека в семье между самыми бедными и самыми богатыми не достигает даже трехкратного размера. Хотя, по самым скромным оценкам, такой разрыв достигает по меньшей мере 15 раз. На определенную субъективность ответов влияют несколько факторов. Во-первых, это касается богатых, которые еще недавно стали таковыми и поэтому не желают «светиться». Во-вторых, при наличии в украинской экономике огромного теневого сектора, респонденты, как правило, на всякий случай указывают в ответах на вопрос анкеты не реальный доход, а официальный, тот, что значится у них в налоговых документах. В-третьих, сюда не попали, как уже отмечалось, люди с очень высокими доходами. Но это не снижает, а, напротив, повышает уровень достоверности нашего исследования по отношению к основной массе украинских граждан.

Кое-кто из исследователей обращает внимание на то, что характеризовать материальное состояние семьи только по текущим

доходам не совсем корректно. Дело в том, что семьи имеют определенную ресурсную обеспеченность, которая формировалась в предыдущие годы. В этот ресурс засчитывают автомобили, мебель, жилье, землю. На самом ли деле это так? Связаны ли стили потребления с определенным типом ресурсной базы? Воспользуемся для этого данными нашего мониторинга.

Как оказалось, в 2008 году два самых бедных стиля потребления, стили потребления «попрошак» и «голодных», присущи 4% населения. В составе самой бедной группы, то есть тех, кто часто не имеет денег и еды, больше всего людей, проживающих в общих квартирах («коммуналках») – 14%, в общежитиях – 7%, то есть среди них больше всего тех, кто не имеет ресурсной базы. У людей, ведущих более зажиточный стиль жизни, ресурсная база является значительно большей. Это проявляется в том, что жилье приватизировано у 82% «благополучных» и 82% «зажиточных», а у «попрошак» – только в 57%, у «голодных» – 66%. И наоборот, у 36% «попрошак» и у 28% «голодных» жилье не приватизировано. В то же время даже у «скромных» и «благополучных» жилье к этому времени не приватизировано только у 21% и 16% соответственно.

Определенным жизненным ресурсом, особенно для малообеспеченных групп населения, сегодня выступает садовый участок. Прилагательное «садовый» имеет несколько условный характер. Дело в том, что во многих семьях этот участок в первую очередь выполняет роль огорода, а не сада. На нем выращивают овощи, в основном картофель, лук, помидоры, огурцы, морковь. Эти продукты являются значительной подмогой для семей, особенно для бедных. Следует отметить, что этот ресурс, по самооценкам респондентов, имеют от 24% до 27% городских семей. В стилевых группах потребления их наличие такое: садовые участки имеют 15% «попрошак» и 37% «голодных».

У тех, кто ведет самые бедные стили жизни, не хватает многих вещей долговременного пользования. В частности 64% «голодных» заявили, что им не хватает хорошей мебели. Понятно, что люди из разных групп достатка по-разному понимают слово «хорошая мебель». Но вряд ли самые бедные вкладывают в это слово что-то недостижимое. У «бедных» с мебелью ситуация несколько лучше, чем у «голодных», но все же достаточно напряженная. 37% из них ответили, что им не хватает хорошей мебели.

Понятно, что у этих людей нет и денежного ресурса. На вопрос: «Хватает ли Вам сбережений, которые бы поддержали

Ваше благосостояние, хотя бы на протяжении года в случае тяжелой болезни, безработицы, имущественных убытков?» 100% «голодных» и 94% «попрошак» ответили, что не хватает.

Если продолжать анализировать самые скромные стили жизни, то окажется, что те, кто имеет малый достаток, вынуждены ограничивать себя во всех сферах потребления. У 79% «голодных» не хватает необходимой одежды. Только 38% из них имеют стиральную машину, а вот цветной телевизор имеют 62% из тех, кто ведет стиль жизни «голодных». Это также признак времени. Телевизор переместился в ряд самых необходимых вещей человека и стал даже более важным, чем стиральная машина.

Это показатели, так сказать, вещевых обстоятельств, в которых разворачивается соответствующий стиль жизни. Но с ними, к сожалению, коррелируют и другие характеристики жизни этих групп людей. Большинству из них не хватает знаний, как жить в современном обществе – 54% у «голодных» и 55% у «попрошак». В связи с этим возникает вполне логичный диалектический вопрос – что является причиной, а что следствием? Человек не может достойно справиться с жизнью потому, что ему не хватает знаний, как жить в современном обществе, или от того, что его так придавила бедность, что он не может освоить знания, необходимые для жизни в современном обществе?

Представители группы самых низших жизненных стилей ограничены в своих возможностях во многих сферах проявления человеческой жизнедеятельности. По различным причинам 86% носителям стиля «голодных» и 48% стиля «попрошак» не хватает возможности иметь дополнительный заработок. 79% «голодных» и 52% «попрошак» не могут полноценно провести свой досуг. Для сравнения отметим, что у «зажиточных» этот показатель равняется 26%, а у «благополучных» – 32%. Тем, кто ведет эти стили жизни, также не хватает возможности полноценно провести отпуск – для 93% «голодных» и 57% «попрошак». Среди «голодных» ни один из опрошенных не ответил положительно на этот вопрос, а среди «попрошак» – только 4%.

Люди, ведущие эти стили жизни, не имеют надлежащего ресурса и в сфере человеческих отношений, в сфере социального капитала. Почти треть «голодных» являются одинокими людьми, а среди «попрошак» одиночки составляют 44%. Их жизнь наполнена тревогами, страхами, негативными переживаниями. Они более, чем кто другой, боятся роста цен, невыплаты зарплаты, голо-

да и холода в квартире. Ни один из «голодных» не доволен своей жизнью, а среди «попрошак» только 17% сказали, что они скорее довольны своей жизнью.

Наиболее распространенными сегодня в обществе являются два стиля потребления – «хватает только на продукты питания» – 33% опрошенных; и «в целом хватает на проживание» – 40%, то есть «бедные» и «скромные». Еще 21% опрошенных ведут такой стиль потребления, при котором «хватает на все необходимое, но нет возможности делать сбережения» – «благополучные». То есть, эти три стиля потребления охватывают подавляющее большинство населения – 94%. Но они являются стилями потребления бедных людей, месячный уровень доходов которых колебался, по их самооценкам, в пределах от 650 до 1050 грн. в 2008 году. В долларовом эквиваленте на время опроса это равнялось 129 – 208 долларов, то есть от 4 до 7 долларов в день. К 2010 году эти показатели снизились на 20–25%.

Данные показатели объясняют многое, но не передают всю сложность жизни. Ведь при этом следует учитывать возрастающую инфляцию и колебания курса доллара, к которому достаточно крепко привязана украинская денежная единица. За 2007 год инфляция составила более 12%. А в 2008 году инфляция начала расти еще более стремительно и за первые полгода достигла почти 15%. Поэтому в таких условиях очень трудно оценивать реальный уровень жизни населения и отдельных его групп.

Соотношение стилей потребления заметно отличается в зависимости от места жительства их носителей. Особенно заметно отклоняется от средних показателей по стране Киев. Так, в столице удельный вес людей, которым хватает лишь на продукты питания, то есть тех, кто ведет по нашей классификации «бедный стиль» жизни, равняется 16%, в то время, как в больших городах – 31%, в небольших городах – 32%, в селах – 38%. А вот тех, кому «хватает на все необходимое, но нет возможности делать сбережения» («скромный стиль» жизни), в Киеве проживает 44%. Кстати, сегодня это самый массовый стиль жизни. Его ведут 38% жителей больших городов, 40% жителей небольших городов и 36% селян. Отличия в стилях потребления киевлян коррелируют с их значительно большими доходами по сравнению с нестоличными жителями. По самооценкам, у киевлян в 2008 году месячный доход на одного члена семьи составлял 1434 грн., а жителей села – 692 грн. (вспомним, что средний по стране – лишь 867 грн., а средний доход «богатых» равняется 1444 грн,

то есть почти столько, сколько средний доход на одного члена киевской семьи).

Эмпирическими показателями этих стилей потребления, как мы уже отмечали выше, выступает наличие у семьи ресурсной базы – жилья, сбережений, товаров долгосрочного потребления. Подавляющее большинство носителей «бедного», «скромного» и «благополучного» стилей потребления имеет такой важный ресурс, как жилье. Только 2–4% из них живут в общежитиях и коммунальных квартирах. Наиболее точными знаками, характерными для того или того стиля потребления, стали предметы долгосрочного пользования, появившиеся в продаже в последние годы, то есть технологически новые товары, и мебель. Например, стерео- и видеоаппаратура есть у 22% семей, которые ведут «бедный стиль» потребления – «хватает только на продукты питания», у 37% семей, которые ведут «скромный стиль» потребления, и у 53% семей, которые ведут «благополучный стиль» потребления. Такая же тенденция наблюдается и относительно наличия в семьях стиральных машин. Они есть у 71% семей, ведущих первый тип приведенных выше стилей потребления, у 83% семей, которые ведут второй тип стилей потребления, и у 87% семей с третьим типом стилей потребления. Еще одним новейшим показателем стилевого потребления является наличие у семьи компьютера. Они есть соответственно у 16%, 30% и 45% семей. Стиральные машины, кухонные комбайны, холодильники, телевизоры, компьютеры, фото- и видеокамеры, видео- и музыкальные центры и т.п. население покупает, как правило, в магазинах, как новые товары.

В последнее время в стране значительно выросло количество автомобилей. Если в 1994 году 20% опрошенных заявили, что у них имеется легковой автомобиль, то в 2008 году – 29%, а среди киевлян – 32%. Наличие автомобиля существенно изменяет стиль жизни как отдельного человека, так и семьи в целом. Легковые автомобили (об их качестве скажем немного ниже) стали доступными многим слоям населения. В том числе их количество стало значительно большим в тех группах населения, которые ведут даже «бедный и «скромный» стиль» потребления, не говоря уже о «благополучных». Так, в 2008 году заявили о наличии у них автомобиля 16% «бедных», 31% «скромных» и 42% «благополучных».

Стилево-показательным является наличие у семьи новой (т.е. красивой, добротной) мебели. Ее имеют 8% семей первого типа стиля потребления, 23% семей второго типа и 36% семей

третьего типа. Возможно, что ответы на этот вопрос наиболее точно передают ситуацию в стране с потреблением, поскольку в самом вопросе обращается внимание на качество товара (новая, красивая, добротная мебель). Если не вводить критерий качества, то в одну рубрику попадают качественные, престижные и некачественные, вторичные, те, которые были уже в употреблении, товары. Например, в нашем мониторинге в 2003 году стоял вопрос: «Товары какого производства на протяжении последних 12 месяцев потребляли Вы и Ваша семья?» 30% респондентов отметили, что они потребляют промышленные товары преимущественно отечественного производства, 14% – промышленные товары преимущественно зарубежного производства, а 22% – и те, и те. Эти ответы дают ясность лишь в одном аспекте – какого происхождения потребляемые товары, но мы ничего не знаем об их качестве.

Можно высказать предположение, что среди потребляемых зарубежных товаров имеется значительная доля не новых товаров. Ведь, как мы убедились выше, у большинства населения Украины материальные возможности для престижного потребления и потребления дорогих импортных товаров достаточно ограниченные. Многие вынуждены покупать дешевые, некачественные товары китайского, турецкого производства, товары «секонд хенд», особенно одежду и автомобили. О высоком спросе на такие товары свидетельствует хотя бы тот факт, что по инициативе правительства Верховная Рада Украины летом 2005 года приняла закон, который позволяет ввозить в страну автомобили не пятилетнего возраста, а на три года старше. Такой характер потребления формирует специфические стили потребления. Во-первых, это имитация стилей жизни средних классов развитых стран. То есть в этих стилях жизни вроде бы присутствуют элементы стилей жизни западных средних классов, но по качеству они существенно отличаются. Во-вторых, подобные стили – это разнообразие в бедности потребления, разнообразие стилей выживания.

Однако существуют такие виды потребления, которые технологически не делятся на качественные и некачественные. Особенно это характерно для товаров и услуг, которые основываются на информационных технологиях. Так, скажем, пользование мобильным телефоном или компьютером, цифровым фотоаппаратом вводят потребителя в практически однородное пространство потребления. Отличия услуг по цене будут за-

ключаться преимущественно в количестве функций, которые предоставляет тот или иной товар. Распространение товаров и услуг, основанных на информационных технологиях, вовлекает пользователей даже из бедных и отсталых стран в новые стили потребления. Хотя, понятно, что данный отдельный фрагмент стиля потребления, который попадает в систему стилей выживания, принципиально не меняет систему жизнедеятельности личности. Но не замечать экспансию новых стилевых элементов потребления также нельзя.

Для иллюстрации новых тенденций, видоизменяющих стили потребления и даже образ жизни населения Украины, рассмотрим распространение мобильной связи.

Если говорить об образе жизни населения Украины, то улучшение телефонной связи, по-видимому, является одним из немногих показателей, который отличает в лучшую сторону быт широких слоев населения в последние годы. Он проявляется в том, что значительно расширились услуги телефонной связи – увеличилось количество обычных телефонов и, особенно, мобильных. В 2008 году 63% респондентов ответили, что они пользовались обычным телефоном в последние тридцать дней. Высокий уровень телефонизации имеют жители городов. 71–74% из них пользовались этим видом связи в последний месяц. Сельские жители пока еще заметно меньше пользуются обычным телефоном. Таких, кто воспользовался обычным телефоном, среди них было 42%.

Революционные изменения в связь внес мобильный телефон. Он качественно изменил возможности для общения людей. Его наличие обеспечивает постоянную связь с любым абонентом, находящимся практически в любой точке планеты и в любое время. Данное обстоятельство формирует принципиально новый стиль жизни человека в содержательном, а не символическом плане (о чем пойдет речь ниже), значительно повышает эффективность его деятельности в разных сферах жизни, экономит время. Хотя одновременно увеличивает его зависимость от других людей, существенно интенсифицирует опосредствованное общение, расширяет круг общения и т.п. Все это ведет к увеличению его умственной и эмоциональной нагрузки.

Когда мобильный телефон только появился, он кроме прочих выполнял символическую, маркирующую функцию и в этом плане выступал как один из признаков, совокупность которых создавала новый стиль жизни личности. Когда мобильных теле-

фонов было мало и они были дорогими, то они одновременно со своими прямыми функциями, как приборы связи, выполняли манифестационную функцию, демонстрировали высокий социальный статус владельца, его принадлежность к высшим слоям общества.

В Украине количество абонентов мобильной связи на май 2008 года составляло 55 млн. 105 тыс., то есть больше, чем все население страны (13). Очевидно, что произошло полное насыщение населения данным видом связи. Количество абонентов сотовой связи в Украине в январе 2011 г. составило 53,688 млн человек (14), то есть незначительно уменьшилось. Теперь у многих людей имеется по несколько мобильных телефонов. Правда, есть еще и такие, кто их не имеет. Как раз этот факт и объясняет расхождение между статистикой абонентов мобильных телефонов и количеством людей, которые указали при соцопросе, что пользуются мобильной связью. Анализ ответов на вопрос анкеты мониторинга свидетельствует и о том, что «мобилка» сама по себе уже не выполняет демонстрационно-потребительской функции. Она уже превратилась в обычный прибор связи. Так, на вопрос анкеты: «Планируете ли Вы в ближайшее время стать абонентом мобильной связи?» только 5% опрошенных ответили, что у них нет такой возможности. Мы не знаем, какая причина данного явления – или нет материальных возможностей, или из-за технических возможностей человек не может стать абонентом мобильной связи (ведь территория страны еще не на сто процентов покрывается мобильной связью). Но если сопоставить средний доход семьи (2008 года) тех, кто имеет мобильный телефон, и тех, кто не имеет возможности стать абонентом мобильной связи, то оказывается, у первых доход на одного члена семьи равняется 951 грн., а у вторых лишь 611 грн. Это коррелирует и с другим показателем – с самооценкой благосостояния семьи. Среди респондентов, ведущих стиль жизни «попрошаек», таких, кто не имеет возможности стать абонентом мобильной связи, – 36%, а среди представителей «богатых» вообще нет таких, кто не имеет возможности купить мобильный телефон. Это свидетельствует о том, что люди не имеют возможности стать абонентами мобильной связи в первую очередь из-за своей бедности. Второй причиной являются технические возможности. У городских жителей имеется больше технических возможностей использовать и стационарный, и мобильный телефоны, а много сельских жи-

телей по техническим условиям (в селе нет проволочной телефонной связи или ограниченные возможности его установки). Поэтому городские жители теперь широко пользуются двумя видами телефонов – обычным и мобильным. Каждый из них выполняет свою функцию, которые часто не совпадают. В 2010 году количество тех, кто пользуется и обычным и мобильным телефонами, например, среди киевлян составляло 90% и 93% соответственно, а среди жителей сел только 40% и 74%. Признаком времени стало то, что среди сельских жителей значительно больше пользователей мобильных телефонов, чем стационарных, а в городах их почти поровну.

Как видим, мобильный телефон чрезвычайно стремительно вошел в быт значительной части населения и он уже не является «маркером», который дифференцирует стили жизни населения. Роль «мобилки» как символа достатка и общественной «продвинутой» переместилась из факта его наличия у владельца в его цену, «навороченность». Хотя пока для каждого двадцатого мобильный телефон еще недоступен и такая ситуация изолирует этих людей от возможности вести желаемый стиль общения и потребления. В основе данной дифференциации в первую очередь лежат имущественные, доходные отличия, уровень жизни семей.

Следовательно, данный анализ показывает, что в нашей стране тоже формируется общество потребления. Его признаками является то, что значительная часть общества восприняла, перешла на западные ценности потребления, ориентируется на них. Избыточность имеющихся товаров воспринимается людьми положительно, что можно объяснить, как реакцию на многолетний дефицит ширпотреба в советское время. В данном явлении основная масса населения еще не усматривает обратной стороны – бесконечность погони за все новыми и новыми образцами товаров и услуг, которые предлагает реклама, опасность сверхэксплуатации ради удовлетворения навязанных потребностей и т.п. В основном люди переживают дискомфорт от того, что у них не удовлетворены нормальные, здоровые потребности, особенно в вещах долгосрочного потребления, что эти вещи есть на прилавках, но людям не за что их купить. Эти особенности образа жизни украинского общества порождают и специфику его стилей потребления. Во-первых, это стили потребления бедного населения. Во-вторых, поскольку население не имеет достаточного ресурса для широкого выбора вариан-

тов потребления, то и стилевое разнообразие потребления является ограниченным. В-третьих, имеющиеся у нас стили потребления преимущественно имеют подражательный характер по отношению к западной моде, западным брендам товаров и услугам.

Литература:

1. См., например: Неклесса Александр. Мир Игры, или Четыре монолога о сценографии после современности. – Знамя. – 2004. – №11.
2. См., например: Legutko Ryszard. Society as a Department Store // Legutko Ryszard. Society as a Department Store: Critical Reflections on the Liberal State. L.: Lexington Books, 2002; Ж. Голенко. Мир–супермаркет, ты– продукт. В лучшем случае – покупатель. – Вопросы литературы. – 2007. – №2. Бьюмонт Мэтью. Мир как универсальный магазин: утопия и политика потребления в конце XIX века. – Новое литературное обозрение. – 2005. – №70; Уэльбек Мишель. Мир как супермаркет. – М. – 2003.
3. Бегбедер Ф. 99 франков. – М. – 2003. – С.104.
4. Бодрийяр Жан. Прозрачность зла. – М. – 2000. – С. 11.
5. Мостовой П. Есть ли будущее у общества потребления? <http://polit.ru/lectures/2005/12/01/mostovoi.html>
6. Там же
7. Бодрийяр Жан. Прозрачность зла. – М. – 2000. – С.27. <http://www.philosophy.ru/library/ baud/zlo.html>
8. Усманова Альмира. «Критические интеллектуалы» и культурная политика в эпоху глобализации. <http://www.gar.lt/kpge>
9. Бодрийяр Жан. Прозрачность зла. – М. – 2000. – С. 68-69.
10. Українці заборгували 424 мільярди. <http://pravda.com.ua/news/2008/6/27/78105.htm>
11. Там же.
12. Осадчая Г.И. Стиль жизни молодых горожан: трансформация и региональная дифференциация. – Социс. – 2002. – №10. – С.118. <http://media.mabila.ua/ru/news/analytics/2008/06/19/11340.html>
13. См. например, Неклесса Александр. Мир Игры, или Четыре монолога о сценографии после современности. – Знамя. – 2004. – №11.
14. <http://www.broadband.org.ua/content/view/2736/1/>

5. СТИЛЕВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ОТДЫХА

Стилевое разнообразие отдыха – это относительно новый в исторических рамках социальный феномен. Он так же нов, как и современное понимание отдыха.

Что такое отдых? На это нельзя ответить сразу, без уточняющих вопросов. Как правило, отдых определяется через свою противоположность – труд, работу или занятость. В юриспруденции отдых определяют как время, свободное от работы. То есть здесь понятие отдыха определяется только относительно тех лиц, которые имеют официальный статус работника. И оно не подходит для той категории людей, жизнь которых проходит вне сферы официальной занятости. Хотя и люди не занятые трудом нуждаются в такой форме жизнедеятельности, как отдых.

Понятие отдыха также зависит и от того, в каких интервалах времени мы рассматриваем труд, работу или занятость человека. Действительно, о чем идет речь? Об отдыхе в процессе выполнения какой-то конкретной работы, скажем, копание траншеи, обслуживание покупателей в магазине, управление самолетом, подготовка статьи или уборка квартиры? В таком случае отдых мы будем понимать как остановку через какой-то период времени с начала работы для пополнения физических сил, для психологической релаксации, как небольшой перерыв.

По-другому будет истолковано понятие отдыха в том случае, если мы будем иметь в виду полный трудовой день, а точнее – сутки. В этих временных границах отдых не сводится к сумме перерывов в работе, а включает отдельный отрезок суточного времени, когда человек не работает. Обычно такой отдых называют ежедневным.

Отличающимся от последнего будет понимание отдыха в том случае, когда будет идти речь об отдыхе в течение полной недели – в него войдут рабочие и выходные дни. И, конечно, абсолютно другое понимание отдыха в том случае, если речь будет идти о полном календарном году. В последнем случае в наше время под отдыхом в первую очередь будет пониматься годовой отпуск официально занятых лиц.

Углубляясь в анализ феномена отдыха, убеждаемся, что он имеет разный смысл для людей разных эпох, культур и религий и даже для людей одной эпохи, культуры и религии, но

которые принадлежат к разным социальным и социально-демографическим группам. По-разному выглядит отдых для школьника, студента, наемного работника, для неработающего пенсионера, для самозанятого, домохозяйки, безработного и работодателя. Особенно сложно определить, что можно отнести к явлению ежегодного отдыха неработающего пенсионера, домохозяйки, безработного, поскольку они не привязаны к годовому официальному трудовому циклу. Кстати, упомянутой выше категории официально незанятых людей отдых нужен во всех тех же временных циклах, что и занятым – на протяжении дня, недели, в праздничные дни и ежегодный длительный организованный отдых. В некоторых странах эту потребность начинает признавать и государство. Так, в 2006 году Конституционный Суд Российской Федерации признал необходимым государству компенсировать расходы на оплату стоимости проезда пенсионерам, которые являются получателями трудовой пенсии по старости и по инвалидности, и проживающим в районах Крайнего Севера и приравненных к нему местностям, к месту отдыха на территории Российской Федерации и назад.

Даже этих рассуждений пока достаточно для того, чтобы понять, что отдых – это сложное, многогранное социальное и культурно-историческое явление. Для разных эпох, обществ и культур оно наполняется разным смыслом и значением. Но является бесспорным то, что отдых – один из составных элементов такого социального явления, как стиль жизни личности. С одной стороны, специфика отдыха выступает как характерная черта стиля жизни, а с другой – стилевое разнообразие отдыха людей может быть предметом самостоятельного научного анализа. Здесь мы будем говорить только об отдыхе в наше время в условиях украинского общества и сосредоточим внимание на его стилевых отличиях.

Кроме сказанного следует обратить внимание еще и на то, что через свою сложность и многогранность феномен отдыха по-разному предстает в разных научных дисциплинах. В одной науке предметом изучения становится процесс возобновления физических и психических сил. В других сосредоточивают внимание на его личностно развивающих функциях, в третьих – на эмоционально-релаксационных и т.д. К тому же разные науки используют для его обозначения близкие, но все же разные понятия – свободное время, досуг, рекреация, празднование, потеха. В некоторых аспектах эти понятия налагаются друг на дру-

га. Однако каждое из них имеет свой собственный конкретный смысл.

Важнейшей характеристикой стиля жизни украинских граждан является то, что большая их часть на протяжении года не имеет отдыха как длительного отрезка времени, как специфического, медицински обоснованного, рекреационного способа поведения.

В отдых как специальную форму жизнедеятельности человека мы включаем отличающееся от повседневного поведение, связанное с возобновлением физиологических сил, с психоэмоциональной разгрузкой и релаксацией, свободным общением, познавательной деятельностью. Сюда входят оздоровительные процедуры, пребывание на воздухе, на природе, прогулки, экскурсии и туристические путешествия, посещения развлекательных заведений, общение с родственниками и друзьями и т.п.

Анализ нашего мониторинга 2008 года показывает, что значительная часть взрослого населения страны по различным причинам в годовом временном цикле не имеет отдыха, не имеет отпуска. Об этом заявили 38% опрошенных, отвечая на вопрос: «Как Вы отдыхали, провели большую часть своего отпуска, каникул, в прошлом году?» Большая часть тех, кто не имел отпуска, являются пенсионерами. 67% неработающих пенсионеров ответили, что они не имели отпуска. К сожалению, в нашей стране подавляющее большинство пенсионеров не имеют отдыха как качественно специфического отрезка годового времени, который организован как досуговая, познавательная и оздоровительная жизнедеятельность. Проще говоря, подавляющая часть украинских пенсионеров не имеют возможности провести отдых в санатории, доме отдыха, в курортном месте, в туристическом путешествии.

Но не только пенсионеры остаются вне организованного отдыха. Половина (ровно 50%) самозанятых, то есть тех, кто в основном имеет мелкий бизнес, также не имели отпуска. Немало таких людей и среди наемных работников – 38%.

Часть тех, кто отдыхал по путевке, курсовке, составляет только 4% опрошенных. 8% респондентов отдыхало в курортном месте без путевки. И еще 1% отдыхали за рубежом. Таким образом, около 13% опрошенных покидали свое место жительства с целью отдыха и оздоровления.

Эти данные конкретизируются данными омнибуса Института социологии НАН Украины, который был проведен в 2006 году. В частности ответы на вопрос: «Где Вы бывали на протяжении

последних 12 месяцев кроме населенного пункта, в котором постоянно проживает?» показали, что 0,4% опрошенных было на протяжении года за рубежом на отдыхе, в отпуске. Еще 1,3% респондентов были за рубежом в гостях и только один респондент отметил, что он был за рубежом на лечении. Эта дополнительная информация свидетельствует по меньшей мере о двух вещах. Во-первых, о том, что на отдыхе, на лечении за рубежом бывает незначительная часть наших граждан. Во-вторых, к тем слоям, значительное количество представителей которых бывают на отдыхе и лечении за рубежом, социологам пробиться значительно труднее, чем ко всем другим.

В этом же omnibus в анкете было речевое утверждение, относительно содержания которого респонденты должны были ответить согласием или не согласием. В частности, следовало выразить свое отношение к содержанию такого предложения: «У меня есть возможность отдохнуть за рубежом». 71% опрошенных ответили, что они вовсе не согласны, и еще 15%, что они скорее не согласны с ним. Согласных было 2%, а скорее согласных – 3%. Эта позиция анкеты несколько расширяет наши представления относительно отдыха украинских граждан. Она не фиксирует факт пребывания респондента за рубежом, а лишь уточняет его возможности. Ведь возможность может и не реализоваться по разным причинам. По нашему мнению, эти ответы более точно передают реальные намерения и возможности населения.

Ближе к категории граждан, которые организованно проводят отпуск, по содержанию проведения отдыха стоят те, кто ездил отдыхать к родственникам. Их удельный вес среди опрошенных составляет 10%. Потом идут те, кто отдыхал за городом, на даче. Таких – 7%. Конечно, отдых этих людей совмещается с уходом за огородом, садом. Для некоторых это, в сущности, способ пополнения домашнего хозяйства овощами и фруктами, то есть своего рода дополнительная работа. Но если даже и дачников включить в круг отдыхающих, то все равно выходит не густо – добавляются еще 17% опрошенных. То есть все вместе, кто имел отдых во время отпуска, кто отдыхал вне дома, составляют 30%.

Остальная часть населения не имела качественного отдыха. 25% респондентов никуда не ездили, провели отпуск дома, занимались домашними делами. Еще 5% опрошенных во время отпуска занимались дополнительной работой. А 35% респондентов заявили, что не имели отпуска.

Это данные социологического опроса 2008 года, когда по самооценкам респондентов был достигнут самый высокий среднедушевой доход на одного члена семьи – 172 доллара США в месяц. Для того, чтобы понять динамику изменений в сфере отдыха населения Украины, сопоставим приведенные данные с данными 1992 года. Их сопоставление показывает, что за 17 лет рекреационные качества стиля жизни населения существенно ухудшились. В 1992 году вне дома отдыхало 44% населения. В первую очередь за эти годы сократилось число людей, которые отдыхали по путевке, – с 12% до 4%, то есть в три раза. Это связано с развалом системы профсоюзных здравниц, разрушением социальных служб предприятий, которые имели собственные дома и базы отдыха, а также с обеднением населения. За эти годы заметно сократилось число тех, кто во время отпуска ездил отдыхать, гостевать к родственникам, знакомым – с 16% до 10%. Особенно тревожным фактом является то, что за этот период выросло более чем в три раза число тех, кто не имел отпуска, – с 11% до 38%.

Для полноты сравнения приведем также данные об отдыхе населения в других странах. К сожалению, они не в пользу Украины. Так, во Франции законом установлен оплачиваемый отпуск в течение 5 недель. А количество тех, кто проводит отпуска вне дома, равняется 69% (1).

Понятно, что такое положение вещей не вызывает восторга у населения. В нашем мониторинге у респондентов была возможность дать обобщенный ответ о наличии у них возможности полноценно проводить отпуск. И эта информация показывает, что, невзирая на разные представления об отдыхе, о способе проведения отпуска, 54% опрошенных отметили, что у них не хватает возможностей полноценно проводить отпуск. Обращает на себя внимание то, что больше тех, кому не хватает полноценного отпуска, находится среди молодежи и людей среднего возраста – по 58%. Однако и среди людей, которые старше 55 лет, также много людей, не имеющих возможности полноценно провести отпуск, – 45%. Больше всего тех, кто может полноценно отдохнуть, среди молодежи – 20%, а менее всего среди людей пожилого возраста – 13%. Правда, среди последних много тех, кто ответил, что их это не интересует. Таких набралось 28%. Данный факт можно объяснить тем, что значительная часть из них находится на пенсии и их, действительно, не интересует полноценный отпуск в типичном его понимании молодежью и людьми среднего возраста.

Среди образовательных групп своей оценкой возможности полноценного отдыха отличается группа с начальным и неполным средним образованием. Во-первых, среди представителей этой группы менее всего тех, кому не хватает полноценного отпуска, – 45%, в то время, как среди тех, кто принадлежит к лицам со средним общим образованием, таких 60%, а с высшим образованием – 58%. Кроме того, среди группы с начальным и неполным средним образованием больше всего тех, кого вопрос полноценного отдыха не интересует, – 28% (а у людей с высшим образованием таких только 5%).

Заметной является разница в оценке возможности проведения полноценного отдыха среди жителей разных типов населенных пунктов. Больше всего тех, у кого есть возможность полноценно проводить отпуск, проживают в Киеве. Таких, по данным нашего исследования, среди киевлян оказалось 24%. Доля довольных своей возможностью полноценно отдохнуть оказалась самой меньшей в селах – 11%. А вот неудовлетворенные этой стороной жизни в большом количестве проживают во всех типах поселений. В Киеве таких 48%, в больших городах – 54%, в небольших городах – 51%, а в селах – 57%.

Что касается демографических групп населения, то женщины имеют меньшую возможность в полноценном отдыхе, чем мужчины. Среди женщин больше, чем среди мужчин, тех, кто не имеет возможности полноценно проводить отпуск, – 55% и 52% соответственно. И среди женщин меньше, чем среди мужчин, тех, кому хватает полноценного отпуска, – 14% и 21%.

Какая главная причина лежит в основе такого рода стилевого разнообразия отдыха украинских граждан?

Самой весомой причиной, влияющей на выбор формы отдыха, является имущественное состояние семьи, уровень доходов на члена семьи, наличие текущих средств. Об этом свидетельствуют ответы респондентов на вопрос, который мы ставили в омнибусе Института социологии НАН Украины в 2006 году. На вопрос «Что из приведенного мешает Вам полноценно отдыхать и развлекаться?» 73% опрошенных ответили: «Дефицит собственных средств». Причем этот фактор является основным во всех возрастных группах. Наибольшее количество опрошенных его назвали в средней возрастной группе – 78%. Очевидно, что именно эта возрастная группа является ответственной за материальное состояние членов семьи как младшей возрастной группы, так и старшей. Поэтому людям среднего возраста

приходится жертвовать своим отпуском ради того, чтобы удовлетворить потребности младших и старших членов семьи. Но и среди молодежи также много тех, кто указал, что основным барьером, который мешает им полноценно отдыхать, является дефицит средств. Такой ответ дали 75% респондентов в возрасте до 30 лет. Однако далеко не все люди старшего возраста имеют возможность опираться на помощь младших, чтобы организовать себе полноценный отдых. На то, что они не имеют средств для полноценного отдыха, указали 64% людей старшего возраста.

Интересно, что больше всего на отсутствие средств, как причину невозможности проведения полноценного отдыха, указали киевляне – 75%, а менее всего – жители села – 71%. Это объясняется, возможно, тем, что киевляне, будучи наиболее обеспеченными, предъявляют и большие требования к качеству отдыха, к месту возможного проведения отпуска.

Второй причиной, которая мешает полноценно отдыхать, является недостаток свободного времени. На это указали 27% респондентов. Можно допустить, что недостаток времени характерен для тех людей, которые перегружены на работе. Мы проверили это предположение. На вопрос «В какой мере Вы обычно нагружены работой и повседневными обязательствами?» 13% опрошенных ответили, что они «перегружены сверх меры», еще 26% ответили, что они «немного перегружены». Все другие нагружены или в меру, или даже не загружены. В процессе анализа было выяснено, что именно две группы «перегруженных» респондентов и дали больше всего ответов, что их полноценному отдыху мешает занятость. Так ответили 43% тех, кто перегружен сверх меры и 39% тех, кто немного перегружен.

Перегрузка работой сегодня является распространенным явлением (2). В сфере труда состоялись существенные изменения, в том числе и изменения относительно длительности рабочего дня работников, контроля за соблюдением трудового законодательства. Практически на всех предприятиях и в учреждениях работники работают больше установленной восьмичасовой нормы. Они часто работают и в выходные дни. Используя то, что у работающих низкая заработная плата, работодатели, делая вид, что они входят в положение своих подчиненных, предлагают заработать дополнительно, поработать сверхурочно, в выходные. За этим кроется сверхэксплуатация работников, абсолютная бездеятельность профсоюзов, отсут-

ствие государственного контроля за соблюдением трудового законодательства. Однако трудовая перегрузка не всегда проявляется в такой привлекательной форме. Нередки случаи, когда работодатель ставит перед работником условие – или ты не идешь в отпуск, или увольняйся.

От перегрузки страдают также те, кто занимается частным предпринимательством и индивидуальной трудовой деятельностью. По сравнению с другой категорией работников именно среди них, а также среди военнослужащих, больше всего тех, кто заявил, что они немного перегружены и перегружены сверх меры. Среди частных предпринимателей перегруженные составляют 78%, среди «индивидуалов» – 53%, а среди военнослужащих – 57%.

От дефицита времени в равной мере страдает отдых молодежи и людей среднего возраста – по 34%. Проблема свободного времени в старшей возрастной группе не является такой актуальной, как в других. В этой группе лишь 13% сказали, что препятствием к полноценному отдыху является отсутствие свободного времени.

На отсутствие свободного времени, как барьер полноценного отдыха, жалуются люди с первой степенью высшего образования – 35%, с полным высшим образованием – 32%. В меньшей степени эту причину называют люди с начальным и неполным средним образованием – 18%.

Занятость мешает отдыхать каждому третьему киевлянину, в то время как это является причиной только для 24% жителей малых городов и 28% жителей больших городов и сел.

Следовательно, избыточная трудовая нагрузка, сверхурочная работа, работа по совместительству, дополнительная подработка, высокая занятость бытовыми делами деформируют образ жизни человека, в том числе и ограничивают его возможность реализовывать ежегодные отпуска.

На третьем месте среди факторов, негативно влияющих на полноценный отдых, стоит состояние здоровья. Такую причину назвали 17% опрошенных. Но, как и следовало ожидать, данный фактор является особенно значимым для людей старшего возраста. Если его назвали таким, который является препятствием полноценному отдыху только 2% молодых людей, то среди людей старшего возраста – 35%. Он также достаточно заметно отличается у мужчин и женщин. Состояние здоровья как фактор, препятствующий полноценному отдыху, оказался важным для 13% мужчин и 21% женщин.

Каждому десятому опрошенному мешает полноценно отдыхать качество услуг, предоставляемых соответствующими учреждениями.

Таким образом, важнейшей, главной причиной, мешающей людям полноценно проводить отпуск и развлекаться, является дефицит у них средств. Для большинства, а точнее для трех четвертей (78%) опрошенных, является справедливым утверждение: чем выше уровень благосостояния человека, тем более уютно и содержательно он проводит отпуск.

Чтобы проверить и конкретизировать данный вывод, обратимся к анализу отдыха групп, отличающихся уровнем достатка. Для этого воспользуемся разделением населения по самооценкам материального состояния семьи, которое было получено в мониторинге Института социологии НАН Украины за 2008 год. В нем есть два вопроса, которые определяют материальное состояние семьи. Первый вопрос предлагает респондентам в целом оценить материальное положение своей семьи, а второй – оценить материальное состояние семьи в последние 2–3 месяца. Каждый из этих вопросов использует разную шкалу оценивания. Для ответов по первому вопросу предлагалось четыре позиции – нищее, бедное, среднее и зажиточное материальное положение семьи, а по второму – семь позиций, в которых оценка дается через наличие пищи, средств существования, сбережений.

Рассмотрим ответы по первому варианту. Свое материальное положение в целом 4% опрошенных считают нищим, 39% – бедным, 56% – средним и 0,5% – зажиточным. 59% тех, кто характеризует свое материальное состояние как нищее, не имели отпуска, 24% из них провели отпуск дома, занимались домашними делами и 5% из их занимались во время отпуска дополнительной работой. Не лучшая ситуация с отпуском и у тех, кто считает себя бедным. Из них 48% не имели отпуска, 25% провели отпуск дома, занимались домашними делами и 5% из них также занимались во время отпуска дополнительной работой.

Более благоприятной в плане отдыха является ситуация у «средняков». Из них только 29% не имели отпуска. А провели отпуск дома, занимались домашними делами и занимались во время отпуска дополнительной работой практически столько же представителей данной группы, сколько и из группы нищих и бедных – 26% и 5% соответственно. В этой группе уже заметнее больше тех, кто отдыхал по путевке, – 4%, отдыхал в курортной местности – 10%, отдыхал за городом, на даче – 8%, ездил отдыхать, го-

стевать к родственникам – 13%. То есть в этой группе уже больше трети состава имели отпуск.

Наконец, в группе зажиточных обращает на себя внимание тот факт, что здесь больше, чем у «средняков», тех, кто вообще не имел отпуска. Таких в данной группе 44%, то есть на 15% больше, чем в предыдущей группе. Этот факт можно объяснить тем, что в группе зажиточных большую долю составляют люди, занимающиеся крупным и средним бизнесом. А данный вид деятельности нередко требует постоянного присутствия работника на рабочем месте, точнее – постоянно быть включенным в текущие дела. Поэтому ради успеха в бизнесе они жертвуют своим отпуском.

Самые разительные отличия в способе проведения отдыха демонстрируют те группы людей, которые относят себя к попрошайкам и бедным. Так, 59% попрошаек и 48% бедных вообще исключены из такой формы рекреационной жизнедеятельности, как ежегодный отдых. Это говорит о катастрофической ситуации, в которой находится значительная часть населения Украины, если учесть то, что к попрошайкам и бедным в 2006 году себя относили 45% опрошенных, а в 2010 году – 48,5%.

Об этом же свидетельствуют и ответы по второму варианту определения материального состояния семьи за последние 2–3 месяца. Ответы на данный вопрос показывают, что чем выше категория благосостояния семьи, тем больше в ней тех, кто отдыхал по путевке или в курортном месте. Вообще ни один из респондентов среди тех, кто определяет состояние своей семьи как «часто не имеем денег и пищи – иногда попрошайничаем», не отдыхал. Они или не имели отпуска (79%), или занимались во время отпуска дополнительной работой (7%), или провели отпуск дома, занимались домашними делами (21%). Среди тех, кому «не хватает продуктов питания, – иногда голодаем», лишь один респондент ответил, что он отдыхал по путевке, два – отдыхали за городом, один – ездил отдыхать, гостевать к родственникам. Немного лучше ситуация с отдыхом в группе, которая определяет свое материальное состояние как «хватает только на продукты питания». 2% из них отдыхали по путевке, 5% – в курортном месте, еще 5% – за городом, на даче и 9% ездили отдыхать, гостевать к родственникам, знакомым. Но все же и в этой группе очень много тех, кто не имел полноценного отпуска. Каждый четвертый из них провел отпуск дома, занимался домашними делами, 4% во время отпуска были заняты дополнительной работой, а 47% вообще не имели отпуска.

Среди тех, кому «хватает в целом на проживание», 30% отдыхали в разных формах, но 68% во время отпуска практически не отдыхали. Среди тех, кто определяет свое состояние как «хватает на все необходимое, но нам не до сбережений» – 25% отдыхали по путевке или в курортной местности, 2% – за рубежом, еще 9% – за городом и 13% ездили отдыхать к своим родственникам. Следовательно, в этой имущественной группе уже половина имела во время отпуска отдых.

Группа с достатком выше среднего, то есть та, которая себя позиционирует словами «хватает на все необходимое, делаем сбережения», имеет еще лучшие показатели по отдыху, чем предыдущая. В этой группе 4% отдыхали за рубежом, 7% – по путевке, 13% – в курортной местности, 7% – на даче, 14% – в гостях. Но в данной группе больше всего людей, которые во время отпуска занимались дополнительной работой, – 9%. Этот показатель нуждается в уточнении. Необходимо выяснить, что за дополнительная работа, которую указали респонденты. Среди членов данной группы четверть провели отпуск дома, а 20% – это те, кто не имел отпуска вообще.

О самой зажиточной группе, живущей в полном достатке, нельзя сказать что-то уверенно, поскольку в нее попало только 8 респондентов из всех опрошенных. Поэтому делать какие-то выводы относительно данной группы было бы некорректно.

Следовательно, анализ показывает, что качество отдыха во время отпуска четко коррелирует с уровнем материального состояния семьи.

Но было бы неправильно сводить все только к доходам семьи, к ее материальным возможностям. Важную роль играет состояние здоровья, особенно для людей старшего поколения. Факторами, которые детерминируют выбор лицом формы отдыха, являются также ее ценности, предпочтения, вкусы, а также влияние на ее сознание рекламы, моды. Например, даже имея определенные накопления, люди в зависимости от ценностной ориентации, личностных преимуществ, других черт характера выбирают разную форму поведения, которая или включает полноценный отдых, или его сокращенный вариант, или они вообще обходятся без отдыха. Указанные варианты поведения часто связаны с отношением к имеющимся доходам, а это в свою очередь связано с оценкой той социальной ситуации, в которой они находятся. Политическая, экономическая и финансовая нестабильность в стране приводит к тому, что многие люди не

столько стремятся накапливать свои средства, сколько, немного накопив, хотят их или вложить в какой-то бизнес, недвижимость, или использовать, чтобы не пропали. Наши современники имеют негативный опыт потерь накопленных средств. В годы независимости их сбережения пропадали не раз. Так было в начале 90-х гг., когда пропали их советские сбережения в сбербанках. Потом многие люди стали жертвой разных финансовых пирамид, которым они доверились и передали свои деньги на хранение, на строительство жилья и т.п. Вряд ли положительно повлияла на украинских вкладчиков и ситуация с повышением курса гривны по отношению к доллару в 2005 году. Не стимулировала к накоплению денежных средств и инфляция, которая стремительно пошла вверх, начиная с 2007 года, и «игры» Нацбанка Украины с курсом гривны по отношению к доллару в последующие годы.

Совокупность данных факторов сформировала у украинских граждан негативное отношение к накоплению средств через банки, особенно после того, как их вклады были заблокированы в 2008–2009 годах, а также после банкротства ряда банков. В 2010 году у значительной части населения – 67% – упало по сравнению даже с несколькими годами раньше доверие к банкам (доверяет только 10%). Кроме того, те из них, кто готов сдать деньги на хранение, не едины в том, в каких банках следует это делать. На вопрос: «Если бы у Вас неожиданно появилась большая сумма денег, где бы Вы захотели ее хранить?» 14% опрошенных высказались, что они бы хранили деньги в государственном украинском банке, 4% – в украинском коммерческом банке, 12% – в банке за рубежом. Это показатели, которые отражают точку зрения всех опрошенных. К тому же для многих ситуация с хранением денег является чисто гипотетической, поскольку у них нет возможности откладывать деньги впрок. Но даже среди тех респондентов, которые относят себя к среднему классу (то есть те, кто с большей достоверностью может иметь определенную сумму денег, которую можно было бы положить в банк), 47% не хотят держать свои сбережения в банке. А в целом 51% опрошенных заявили, что «никаким банкам я бы свои деньги не доверил (искал бы другой способ сбережения денег)».

Есть и другая причина, почему украинское население выступает в большей мере как потребитель, а не накопитель. На первый взгляд, такое поведение людей выглядит странным. Ведь для многих семей очень остро стоят вопросы, связанные

с приобретением жилья, покупкой дорогих бытовых товаров – автомобилей, мебели, дачных участков и т.п. Для того, чтобы реализовать эту потребность, необходимы достаточно большие накопления. Но для многих слоев населения, имеющих низкий уровень доходов, эта потребность является недостижимой.

Разрыв между уровнем доходов и стоимостью жилья таков, что время накопления необходимых средств выходит за рамки здравого смысла и достигает нескольких десятилетий, во многих случаях даже больше, чем человеческая жизнь. Например, для того, чтобы купить квартиру молодому доктору наук при его нынешней зарплате на должности заведующего кафедрой или ведущего научного сотрудника в 3–3,5 тыс. грн. в месяц и при средней цене квадратного метра жилой площади в Киеве на 1 июля 2008 года в 2700 долларов США на двухкомнатную квартиру в 50 квадратных метров, он должен накапливать деньги не менее трех десятилетий. К 2010 году цены на жилье немного упали, но снизились и доходы населения (вспомним, что совокупный доход на одного члена семьи в 2008 году был равен 172 долларам США, в 2010 году – 137).

Выход из данной ситуации можно было бы найти в благоприятных условиях предоставления гражданам кредитов на строительство жилья. Однако после начала финансово-экономического кризиса в 2008 году банки вообще прекратили выдавать долговременные крупные кредиты. С конца 2010 – начала 2011 года кредитование населения постепенно возобновляется. Но условия предоставления кредитов украинскими банками, в том числе и на строительство жилья, крайне невыгодные для получателей. Поэтому многие люди теряют надежду, просто не верят в перспективу приобретения собственного жилья в обозримом будущем и вынуждены пересматривать свои жизненные планы.

Второй причиной того, что люди не накапливают сбережений, является то, что многие отдают предпочтение долгосрочному накоплению денежных средств сегодняшним расходам денег на ремонт квартиры, приобретение мебели, автомобилей, компьютеров, стиральных машин, холодильников, телевизоров, других современных бытовых приборов.

На такие предметы накапливают средства в течение нескольких месяцев, причем не в банке, а наличностью дома, как правило, в долларах или евро. Правда, финансово-экономический кризис опустошил у многих людей даже эти запасы.

Однако даже в более благоприятное в экономическом отношении время такое направление расходования доходов становится конкурирующим с расходами на отдых. Почему люди отдают преимущества не отдыху, а покупке товаров длительного пользования? Это объясняется тем, что население пережило (а значительная часть переживает и сегодня) резкое падение уровня жизни в 90-е гг. В то десятилетие не было возможности, не хватало средств на приобретение таких товаров. Поэтому практически во всех слоях населения накопилась огромная потребность в замене бытовой техники, ремонте квартиры. К тому же за два десятилетия многие бытовые предметы не только изнашивались физически, но и устарели морально. Выбирая, чему следует отдать предпочтение – отдыху, ремонту жилья или покупкам товаров длительного пользования, пока еще большая часть людей, исходя из своих финансовых возможностей, отдает предпочтение последним. Можно с уверенностью сказать, что если бы тенденция к повышению жизненного уровня укрепилась, то заметно увеличилась бы часть населения, которая готова тратить деньги на путевки, на отдых, на оздоровление, на путешествия. Однако 2011 год демонстрирует противоположные тенденции.

Естественно, что нищета и бедность коррелируют не только с отсутствием отдыха, но и с плохим и очень плохим состоянием здоровья людей. 66% опрошенных, оценивающих свое здоровье как очень плохое, не имели отпуска. Правда, эти данные можно интерпретировать и таким образом, что, мол, у этих людей не было отпуска именно по той причине, что они больны. И поскольку у них плохое здоровье, то отпуск им противопоказан. Но и ответы на вопрос, поставленный по-другому, а именно: «у скольких респондентов, кто не имел отпуска, плохое состояния здоровья», показывают, что отсутствие отпуска коррелирует с плохим здоровьем. В данном случае в группу респондентов входят все, кто не имел отдыха, какая бы причина данный факт не обуславливала, – не имел отпуска, потому что работал, потому что не за что было его организовать (что типично для многих пенсионеров), потому что не позволяет здоровье. Так вот, в группе респондентов, кто не отдыхал, у 32% здоровье очень плохое и плохое, и только у 16% – отличное и хорошее. Для сравнения можно привести группу тех, кто отдыхал в курортном месте. Среди них очень плохое и плохое здоровье имеют 4%, а отличное и хорошее – 38%.

По стилю отдыха также заметно отличаются и возрастные группы. Так, среди тех, кто предпочитает отдыхать в курортном месте, больше всего молодых людей в возрасте до 30 лет – 16%. Тогда как из людей старшего возраста так проводят отпуск только 3%.

Наиболее активно включена в общественный трудовой процесс средняя возрастная группа – лица в возрасте от 30 до 55 лет. И, казалось бы, что именно они должны иметь наиболее качественный отпуск. Однако в действительности дела идут абсолютно по-другому. Среди данной возрастной группы больше двух третей (66%) не отдыхают: 29% из них провели свой отпуск дома, занимались домашними делами, 7% во время отпуска дополнительно работали, а 30% вовсе не имели отпуска.

Но наиболее некачественно, бессодержательно проводят отдых люди старшего поколения. Во-первых, у 55% тех, кто старше 55 лет, никакого отпуска вообще не было. Во-вторых, 21% из них ответили, что отпуск провели дома. А для людей пенсионного возраста, в сущности, это означает, что отпуска у них не было, поскольку они не меняли своей привычный образ жизни, свой распорядок, окружающую их повседневную обстановку. Для них отдых должен включать и лечение, оздоровительную процедуру, и эмоциональную разрядку, психологическую релаксацию.

Следовательно, проведенный анализ качества отдыха разных групп населения показывает, что в целом его можно оценить как неудовлетворительное. Главной причиной такого положения является бедность подавляющего большинства населения. Стилевые отличия социальных групп в проведении отпусков находятся в рамках некачественной формы отпусков. Респонденты достаточно четко представляют, что стили отдыха людей в первую очередь зависят от наличия средств для такого вида активности.

Не менее интересным является анализ стилового разнообразия отдыха населения не только в период гарантированного законом ежегодного отпуска, но и по стилю свободного времяпровождения в течение годового временного цикла на протяжении недели, суток, в рабочие, а также в выходные и праздничные дни. Свободное время здесь мы приравниваем к отдыху, поскольку оно не охватывает рабочее время и домашнюю работу.

В нашем мониторинге респондентам было предложено ответить, чем они занимались в свободное время хотя бы однажды на протяжении последних 7 дней (вместе с выходными).

Перечень занятий населения в свободное от основной и домашней работы время (в %)

<i>Вид занятий</i>	<i>%</i>
Утренняя гимнастика и физкультура	13,8
Бег, оздоровительная прогулка	5,5
Посещение плавательного бассейна, занятия в спортивном зале, на стадионе, спортплощадке	3,4
Отдых на природе	16,1
Экскурсионное путешествие	2,1
Посещение спортивных зрелищ (как зритель)	2,9
Посещение кинотеатров	3,4
Посещение театров, концертов, музеев, художественных выставок	3,6
Хождение в гости	38,3
Прием гостей	37,7
Посещение ресторанов, ночных клубов и т.п.	4,7
Написание писем	5,1
Труд по совместительству, дополнительная подработка	10,3
Общественная работа	5,1
Посещение библиотек	4,7
Чтение художественной литературы	25,9
Посещение курсов, кружков, студий	1,0
Художественное творчество (создание музыки, стихотворений, прозы, рисование, игра на музыкальных инструментах)	2,3
Прикладное творчество (рукоделие, вышивание, изготовление мелких изделий, резьба по дереву, чеканка и т.п.)	4,5
Прослушивание музыки (пластинки, диски, магнитозаписи и т.п.)	28,3

Посещение церкви (костела, синагоги, мечети, молитвенного дома)	17,6
Занятия с детьми (уроки, игра, прогулка)	27,6
Настольные игры (шахматы, шашки, карты, домино и т.п.)	8,0
Занятие с компьютером (поиск информации, игра, создание программ и т.п.)	18,5
Посещение непродовольственных магазинов и рынков	27,6
Просмотр телепередач	86,8
Прослушивание радиопередач	38,7
Чтение газет	57,7
Рыболовство, охота, сбор грибов и т.п.	5,3
Рационализаторство, конструирование	0,7
Изучение литературы по специальности	9,1
Просмотр видеомэгнофона, видеороликов	12,5
Посещение клубов, дискотек, вечеров отдыха	4,1
Коллекционирование, фотографирование, киносьемка	2,6
Участие в художественной самодеятельности	0,5
Просто отдых, ничего не делая	41,8
Другое	2,2

Ответы показали, что вкусы людей больше всего совпадают в таком виде свободного времяпровождения, как просмотр телепередач. На это указало 87% опрошенных. Дальше идет чтение газет – 58%, просто отдых, ничего не делая – 42%, прослушивание радиопередач – 39%, хождение в гости – 38%, прием гостей – 38%, прослушивание музыки (пластинки, диски, магнитозаписи и тому подобное) – 28%, чтение художественной литературы – 26%, занятие с компьютером (поиск информации, игры, создание программ и т.п.) – 18%, посещение церкви (костела, синагоги, мечети, молитвенного дома) – 18%, отдых на природе – 16%, утренняя гимнастика – 14%, просмотр видеомэгнофона, видеороликов – 12,5%, посещение ресторанов, ночных клубов – 5%. Это наиболее распространенные виды занятий людей в свободное время.

При анализе свободного времени населения исследователи используют разнообразную классификацию занятий. В основу ее берут так называемые досуговые потребности. Главным образом на этой основе выделяют 6 – 7 видов занятий в свободное время: информационные, развлекательные общения, физические, общественные, образовательные, покой (ничего не делать) (3). Также выделяют активный и пассивный отдых. Если воспользоваться такой классификацией, то информационными видами занятий в свободное время (просмотр телепередач, чтение газет, прослушивание радиопередач) охвачено от 87% до 39% населения. Далее по массовости идет просто отдых, покой – 42%. За ним следует общение (посещение знакомых и прием гостей, посещение ресторанов, ночных клубов). В этот вид занятий включено от 38% до 5% населения. Четвертыми в данном ряду стоят развлекательные занятия (прослушивание музыки, чтение художественной литературы, просмотр видеомэгагнитофона, видеороликов, посещение кинотеатров, театров, концертов, музеев, художественных выставок, посещение клубов, дискотек, вечеров отдыха. Сюда же поставим и занятия с компьютером, хорошо понимая условность отнесения работы на компьютере к развлечениям). Этими видами деятельности занято от 28% до 3% населения. Потом идут общественные занятия (посещение церкви, общественная работа), которые охватывают от 18% до 5% населения. Следующим видом являются физические занятия (утренняя гимнастика и физкультура, бег, оздоровительные прогулки, занятия в спортивном зале, отдых на природе, рыболовство, охота, сбор грибов). Ими занимаются от 16% до 3%. И, наконец, образовательные, развивающие занятия (посещение библиотеки, курсов, кружков, студий, рационализаторство, конструирование, коллекционирование, фотографирование, киносъемки, участие в художественной самодеятельности, прикладное и художественное творчество). Этот вид занятий является наименее массовым. В нем принимает участие от 5% до 1% населения.

Как видим, ежедневный отдых населения Украины сводится в первую очередь к пассивным видам. Активными видами отдыха занимается очень мало людей. Кроме того, среди большинства населения преобладают те виды отдыха, которые не нуждаются в определенных знаниях и навыках. Еще одной общей характерной чертой повседневного отдыха наших сограждан является то, что он преимущественно проходит дома.

Рассмотрим более конкретно повседневные стили отдыха. В первую очередь рассмотрим отличия в способах отдыха среди раз-

ных имущественных групп. Анализ показывает, что отдых самого бедного слоя, тех, кто не имеет денег на пищу, попрошайничает («попрошайки») является очень ограниченным по формам проявления. Он сводится лишь к просмотру телепередач (64%), чтению газет (57%), посещению знакомых (57%), прослушиванию радиопередач (43%), просто отдыху (43%), приему гостей (38%), посещению церкви (21%). За исключением хождения в гости и в церковь все другое свободное время эти люди проводят дома.

Немного больший диапазон форм отдыха у тех, кто определил свое материальное состояние как «не хватает на продукты питания – иногда голодаем» («голодных»). Среди них 83% смотрят телепередачи, 51% просто отдыхают, 40% слушают радио, 36% читают газеты, 26% принимают гостей, 19% ходят в гости, 19% ходят в церковь, 15% читают художественную литературу, 9% делают утреннюю гимнастику, 9% прослушивают музыку. «Голодные» так же, как и «попрошайки» практически все свободное время проводят дома.

Третьей имущественной группой являются те, кто определил свое материальное состояние как «хватает лишь на продукты питания» («бедные»). Это вторая по количеству группа населения. К ней отнесли себя 33% опрошенных. У них увеличивается круг занятий во время отдыха. 4% из них занимаются общественной работой, 4% – рыболовством, охотой, 5% играют в настольные игры, 6% просматривают видеомэгафон, 10% отдыхают на природе, 10% занимаются с компьютером, 12% делают утреннюю гимнастику, 21% читают художественную литературу, 22% прослушивают музыку, 32% бывают в гостях, 34% принимают гостей, 34% посещают церковь, 36% слушают радио, 39% просто отдыхают, 55% читают газеты, 90% смотрят телепередачи. Таким образом, представители этой группы имеют достаточно разнообразные формы отдыха, хотя количество участников во многих видах занятий слишком скромное. Обращает внимание на себя то, что представители данной группы проводят отдых в таких формах, которые не требуют каких-то значительных материальных ресурсов (оборудование, инвентарь, приборы, спецодежда) для их реализации. Хотя ряд занятий предусматривает наличие бытовой техники (компьютер, телевизор, видеомэгафон, проигрыватель, радио) и снаряжения (ружье, рыболовные снасти и т.п.).

Наибольшей на сегодня имущественной группой являются те, кто определяет себя как таких, кому «хватает в целом на про-

живание» («скромные»). Их в нашем опросе было 38%. Как же отдыхают они?

Члены этой группы занимаются активными видами отдыха – 5% ходили на рыбалку и охоту, 6% занимались бегом, 13% – утренней гимнастикой, 17% отдыхали на природе. Они достаточно широко общаются – 4% ходили в клубы, 5% – в рестораны, 38% принимали гостей, 41% были в гостях. Разнообразными являются и их развлекательные занятия: 3% ходили в кинотеатры, 3% – в театры, 14% просматривали видеомagneтофонные записи, 18% занимались с компьютером, 26% читали художественную литературу, 28% прослушивали музыку. Они принимают участие в общественных делах – 6% из их занимались общественной работой, 18% посещали церковь. В этой группе есть люди, которые в свободное время занимались самообразованием и саморазвитием – 5% посещали библиотеки, 8% играли в настольные игры, 5% занимались прикладным творчеством. Значительная часть из них в свободное время удовлетворяет информационные потребности: 88% смотрели телепередачи, 59% читали газеты, 41% слушали радио.

Имущественная группа, которой «хватает на все необходимое, но нет возможности делать сбережения» («благополучные»), составляет 21% опрошенных. Эти люди имеют уже достаточно средств, чтобы уделять себе внимание, и пытаются проводить свой повседневный отдых разнообразно. Они посещают плавательные бассейны (5%), занимаются оздоровительным бегом (7%), ходят на занятия в спортзалы (7%), делают утреннюю гимнастику (18%), отдыхают на природе (23%), ездят на экскурсии (3%), ходят на рыбалку (6%), посещают кинотеатры (6%) и театры (8%), ходят в клубы (7%). Они не игнорируют традиционного общения – 45% из их ходили в гости, 43% принимали гостей. А часть из них – 8% – может позволить себе посетить ресторан, ночной клуб. Развлекались они тем, что 34% читали художественную литературу, столько же занимались с компьютером, 40% прослушивали музыку. Среди них заметное количество тех, кто посещает библиотеки (9%) и занимается прикладным творчеством (6%). Они также активно смотрят телевидение (81%), читают газеты (63%) и слушают радио (37%).

Группа «зажиточных», то есть тех, кто самоопределился, как люди, у которых «хватает на все необходимое, делают сбережения», показывает еще лучшие качественные показатели свободного времяпровождения, чем предыдущая группа «благополучных». В ней еще больше тех, кто бегают (12%), посещает плавательный бассейн (13%), делает утреннюю гимнастику (20%), отдыхает на

природе (35%), ходит на рыбалку и занимается охотой (12%). Ее представители имеют средства, чтобы посещать рестораны, ночные клубы (10%). Среди них больше всего тех, кто занимается общественной работой (7%), рационализаторством (3%), коллекционированием (4%), прикладным (6%) и художественным творчеством (13%), работает с компьютером (30%).

То есть эта группа демонстрирует наличие у нее культурного и экономического капитала, поскольку культурный капитал проявляется в том, что люди понимают необходимость прикладывать усилия для того, чтобы следить за своим здоровьем, чтобы закаляться (гимнастика, бег, прогулка на природе, посещение спортивных залов), чтобы развивать свой культурный уровень (посещение библиотек, кинотеатров и театров, чтение художественной литературы, газет), а экономический капитал она проявляет в том, что может делать расходы на посещение бассейнов, на приобретение охотничьего и спортивного инвентаря, компьютеров.

Самая богатая группа составляет лишь 0,5% респондентов. Такое небольшое количество опрошенных не дает возможности корректно анализировать полученные данные, поскольку в гнездо двумерной таблицы попадает лишь по 1–3 человека.

Следовательно, у разных имущественных групп населения в проведении отдыха прослеживаются следующие тенденции. Во-первых, чем более зажиточная группа, тем разнообразнее проводят свободное время ее представители. Во-вторых, чем более зажиточная группа, тем больше ее представителей принимают участие в тех или иных видах занятий в свободное время.

Стилевая дифференциация жизни в сфере отдыха заметно проявляется у возрастных групп. Но данное утверждение нельзя абсолютизировать. Наш анализ показывает, что отличий в стиле отдыха возрастных групп много, но немало и таких форм отдыха, где возрастные признаки не влияют на отличия.

Сначала остановимся на тех видах занятий, где когортно-возрастные отличия являются значимыми. Это, во-первых, сфера, где проявляется физическая активность личности. Понятно, что здесь более активной является молодежь. Так, утреннюю гимнастику делают 18% людей в возрасте до 30 лет и 11% людей, старше 55 лет, а бегом занимаются соответственно 10% и 3%. Более чем в два раза среди молодежи больше тех, кто отдыхает на природе (23% и 10%). В кинотеатры в настоящее время ходит (по сравнению с советским временем) немного людей. Но среди тех, кто посещает кинотеатры, молодежи в девять раз больше, чем людей

старшего возраста, – 9% и 1%. Значительно больше молодых людей ходит в гости – 51% и 31%, в рестораны – 13% и 1%. Более присуще для молодежи, чем для людей почтенного возраста, художественное творчество – 5% и 1%. Работа на компьютере стала символом молодого поколения. Если этим занимается 38% молодых, то представителей старшего поколения – лишь 5%. Понятно и то, что в клубы ходит молодежь, а не пожилые – 14% и 0,2%.

Некоторые виды отдыха почти равномерно распределены среди возрастных групп. Так, увлекаются рыбной ловлей 5–6% людей любого возраста. Посещение театров является достаточно низким среди всех возрастных групп и равняется 3–4%. Художественную литературу читают во всех возрастных когортах – от 24% до 27%, художественным творчеством занимаются 4–5%, телевизионные передачи смотрят 85–88%, радио слушают 38–40%. И даже в таком виде, как пассивный отдых, покой всем возрастным группам присущ одинаковый показатель – 41–42%.

А в некоторых видах отдыха молодежь менее активна. Так, она меньше занимается общественной работой – только 3%, а люди среднего возраста – 6%, старшего – 5%. Молодежь меньше читает газеты – соответственно 45%, 59% и 64%. Не активна она и в религиозной жизни. В церкви ходит 10% молодых, 17% среднего возраста и 24% людей старшей возрастной группы.

Таким образом, можно сделать вывод, что отличия возрастных групп проявляются в тех видах отдыха, где задействована физическая сила, где имеет значение состояние здоровья, где проявляются специфические возрастные виды развлечений, а также в тех видах отдыха, которые предусматривают наличие у представителей этой группы новейших знаний и навыков (как, например, этого требует пользование компьютером, некоторыми приборами). Кроме того, заметны отличия в гражданской активности возрастных групп – здесь молодежь менее активна.

Повседневный отдых человека зависит не только от его субъективных качеств – намерений, целей, желаний, потребностей, интересов и т.п., но и от объективных условий, в которых разворачивается досуг – наличие спортивных заведений и сооружений, культурно-образовательных и развлекательных заведений, кружков, клубов, наличия сети Интернета и т.п. Заметно отличаются объективными условиями отдыха в нашей стране в первую очередь типы населенных пунктов – столица, большие города, небольшие города и села. Поэтому целесообразно было бы рассмотреть отличия в повседневном отдыхе жителей этих типов населенных пунктов.

В активных типах отдыха большее участие принимают киевляне. Так, утреннюю гимнастику делают 24% киевлян, 19% жителей больших городов, 12% жителей небольших городов и 9% селян. Подобная же тенденция наблюдается и в занятиях оздоровительным бегом. В Киеве бегают 12% жителей, в больших городах – 7%, в малых городах – 6%, в селах – 3%. Хотя в целом и немного, но значительно больше, чем в других населенных пунктах, в Киеве посещают плавательные бассейны: 8% в Киеве, 5% в больших городах, 4% в небольших городах, 1% в селах. Киевляне больше, чем жители других мест, любят бывать и на природе. Отдых на природе предпочитают 37% столичных жителей, 15% жителей больших городов, 17% небольших городов и 13% жителей сел. Если не брать такие виды отдыха, как посещение плавательных бассейнов, спортивных секций в спортзалах, то в других видах активного отдыха условия для киевлян и обитателей других типов населенных пунктов практически одинаковые. Очевидно, что здесь проявляют себя другие причины – культурные и образовательные особенности, традиции.

Развлекательные формы отдыха в большей мере зависят от наличия соответствующих условий. Известно, что в 90-е годы XX ст. в стране пришли в запустение кинотеатры, в большинстве сел перестали существовать клубы, библиотеки, кружки художественной самодеятельности, художественного и прикладного творчества – где организационно, а где и физически. В городах кинотеатры постепенно возрождаются, а в селах ничего пока не меняется. Поэтому соответственно в селах нет возможности ходить в кино. Если в Киеве кинотеатры посещали 15% жителей, в больших городах 4%, в небольших городах 3%, то в селах только 2% жителей. Возможно, ограничение в посещении кинотеатров сельские жители компенсировали просмотром телепередач. Ведь 87% из их смотрит телепередачи. Библиотеки посещали 9%, 6%, 4% и 3% жителей соответствующих типов населенных пунктов. Такая же тенденция наблюдается и относительно посещения жителями театров, ресторанов.

Населенные пункты отличаются и масштабами включенности жителей в развлекательные занятия. По нашему мнению, эти отличия связаны в первую очередь с тремя причинами. Во-первых, с материальными возможностями, во-вторых, с уровнем культуры жителей, развитостью их досуговых потребностей и, в-третьих, уровнем занятости, перегруженностью, а, следовательно, количеством свободного времени, времени для отдыха.

Действительно, материальные возможности распределены между жителями разных типов населенных пунктов неравномерно. Если взять средний доход на одного члена семьи, по самооценке респондентов, то у киевлян он равняется 1434 грн., у жителей больших городов 974 грн., у жителей малых городов 867 грн. и у селян – 692 грн. Понятно, что в условиях бедности люди экономят в первую очередь на развлечениях, на покупке книг, журналов, на приобретении товаров культурно-развлекательного назначения (по-видимому, только за исключением телевизоров). Доказать вторую причину сложнее, поскольку мы не имеем надежных инструментов измерения уровня развитости досуговых потребностей. А действие третьей причины можно аргументировать ответами на вопрос анкеты omnibus Института социологии НАН Украины 2006 года. На вопрос «В какой мере Вы обычно загружены работой и повседневными обязанностями?» ответили, что перегружены сверх меры и немного перегружены – 41% киевлян, 37% жителей больших городов, 34% жителей малых городов и 45% жителей села. Кстати, среди сельских жителей, по данным мониторинга 2008 года, менее всего тех, кто в свободное время просто отдыхал, ничего не делал – 37%. А среди киевлян так проводили время – 41%, среди жителей больших городов – 44% и среди жителей малых городов – 46%. Следовательно, наиболее загруженными являются жители села. Правда, на втором месте киевляне, но относительно развлекательных занятий, то они, как мы убедимся дальше, стоят на первом месте, то есть загруженность не мешает значительной части из них развлекаться. Возможно, что объяснение этому явлению может дать именно уровень развитости досуговых потребностей.

Но вернемся к конкретным данным, которые показывают отличия в развлекательных занятиях жителей разных населенных пунктов. Художественную литературу читают 52% киевлян, 32% жителей больших городов, 26% жителей малых городов и 17% селян. Больше всего слушают музыку также киевляне – 46%, в то время, как этим занимается 31% жителей больших городов, 28% жителей малых городов и 23% сельских жителей. Видеомэгафоны смотрят 24% киевлян, 15% жителей больших городов, 12% жителей малых городов и 8% жителей сел. Существенно отличаются киевляне от жителей других населенных пунктов и в таком виде свободного времяпровождения, как работа на компьютере. Этой деятельностью занимается 49% киевлян. В больших городах с компьютерами проводили

свободное время 23% жителей, в малых городах – 21% жителей, в селах – 8% жителей.

Следовательно, отличия в проведении отдыха жителей разных населенных пунктов обусловлены как наличием соответствующих заведений, сооружений, организаций, так и уровнем дохода на одного члена семьи.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что качество отдыха в отпуске в первую очередь зависит от нескольких факторов. Во-первых, от дохода семьи, во-вторых, от социального статуса личности, в-третьих, от развитой личностной культуры отдыха, уровня развития ее досуговых потребностей и способностей.

Можно констатировать, что в целом качество отдыха наших сограждан очень низкое. Ежегодным отпуском как формой отдыха по различным причинам не пользуются 70% граждан. Это одна из причин плохого состояния здоровья населения, а следовательно, и фактор, обуславливающий демографический кризис. Больше всего людей, которые полноценно не отдыхают, не имеют или не реализуют годового отпуска, среди пожилых и бедных людей, а также среди сельских жителей. В повседневном свободном времяпровождении населения преобладают пассивные виды отдыха. Активными видами отдыха занимается только узкий круг людей. Повседневный отдых большинства социальных групп проходит дома.

Литература:

1. http://www.ambafrance.ru/article.php3?id_article=252
2. Денисова Ю.С. Трудовая перегрузка работников – добрая воля или принуждение? – Социологические исследования. – 2004. – №5; Симагин Ю.А. Изменение трудовой составляющей образа жизни населения большого провинциального города в последней трети XX века. – Социологические исследования. – 2004. – №5.
3. Патрушев В. Д. Свободное время работающих горожан России и США (Сравнительный анализ). – Социологические исследования. – 2004. – № 12; Рощина Я.М. Дифференциация стилей жизни россиян. – Экономическая социология. – Т. 8. – № 4. – Сентябрь 2007. www.ecsoc.msses.ru).

6. Туризм как стиль жизни

Сегодня одним из самых распространенных видов отдыха является туризм. В связи с этим его анализу мы посвятили отдельный параграф. Какое место туризм занимает среди других форм отдыха? Как широко распространен внутренний и зарубежный туризм среди жителей Украины? Какие виды туризма они предпочитают? Какие социальные группы наиболее активно используют данный вид отдыха? Всегда ли туризм является формой отдыха?

Попытаемся дать ответы на эти и другие вопросы, связанные с туризмом.

Что такое туризм? Данный вид социального поведения очень часто отождествляют со странствиями. Издавна считалось, что путешественники, странники – люди необычные, поскольку они знали, как живут люди в других местах своей страны и за границей. Путешествовать любили знаменитые люди прошлого – Григорий Сковорода, Тарас Шевченко, Николай Миклухо-Маклай, Антон Чехов и другие. Правда, путешествия прошлого не являются аналогом нынешнего туризма. Ведь не всякого человека, перемещающегося в географическом пространстве, можно назвать туристом. Если придерживаться такой логики, то тогда одними из первых массовых туристов можно назвать татаро-монголов, а еще раньше венгров, или готов, которые сотнями тысяч перемещались бескрайними пространствами Евразии. А чем не туристы в таком случае те, кто странствовал «из варяг в греки», или чумаки, регулярно посещавшие Крым, или бурлаки, которые перемещались вдоль Волги?

Хотелось бы подчеркнуть, что путешественники были во все времена, однако это не является доказательством того, что существовал туризм. Ведь такие странствия в разные исторические эпохи имели разный смысл. Например, путешествие в средние века, по словам А.Я.Гуревича, «было прежде всего паломничеством к святым местам, стремлением удалиться от грешных мест в святые. Нравственное совершенствование приобретало форму топографического перемещения (уход в пустыню или монастырь из «мира»)»(1).

То есть можно сказать такую, может быть, неожиданную вещь: путешественники существовали издавна, а туризм возник только в XX веке.

Туризм как социальный феномен является широкомасштабным общественным явлением, возникшим в буржуазном обществе в период, когда сформировался так называемый средний класс, то есть социальная группа, которая по количеству занимает львиную долю в социальной структуре развитых государств. Условиями существования туризма как современного общественного феномена являются наличие у населения свободного времени, свободных средств, а также существования у представителей разных социальных групп сформированных установок на странствия, познание мира и другие формы поведения, реализуемые в процессе туров. Все это появляется лишь на соответствующем уровне развития общества, при определенном состоянии его экономики, промышленности, производительности труда.

Отдельно следует сказать, что в экономически развитых странах складывается специфическая социальная группа, являющаяся одной из самых активных групп туристов, – пенсионеры. Они имеют вдоволь свободного времени, достаточно средств и состояние их здоровья еще позволяет странствовать по миру.

Таким образом, основу туризма как социального явления составляет средний класс (бедные не имеют возможности для такого досуга, а богатых маловато, чтобы образовать базис для мировой туристической индустрии). Правда, говоря о среднем классе, следует подходить к этой категории людей из трезвых, объективистских позиций, а не исходя из какой-либо конъюнктуры, складывающейся в стране, – или политической, или экономической, или еще какой-то. Это касается и Украины. Поскольку у политиков и обслуживающих их исследователей феномен среднего класса является положительной ценностью, в определенной мере той целью, к которой они хотят привести большинство украинских граждан, то нередко они желаемое выдают за действительное. Вряд ли можно воспринимать информацию о среднем классе в Украине, которую получают в социологических опросах, как адекватную. Не следует путать социальный слой, имеющий средний для определенной страны достаток, со средним классом, как его понимают в развитых западных странах. Когда в нашей стране респонденты говорят о своем уровне жизни, то они сравнивают себя с социальным окружением. И в соответствии с этим градуируют материальное состояние своей семьи. При этом они, естественно, не занимаются теоретическими рефлексиями о своем месте в социальной структуре согласно одной из существующих схем деления общества на классы,

а соотносят себя с другими людьми, живущими рядом с ними, сравнивают свои доходы с их доходами. По данным мониторинга Института социологии НАН Украины, в 2010 году 51% опрошенных считали, что их семьи принадлежат к среднему классу[2]. Каков же средний уровень нашего «среднего класса» в денежном выражении? Эти люди назвали, что совокупный доход на одного члена их семьи равняется 1281 грн., или 161,5 доллара США. Иначе говоря, у членов нашего «среднего класса» на день на одного человека приходится около 5,4 дол. Понятно, что по мировым критериям эта группа относится к нищим. Но наши соотечественники очень нетребовательны к стандартам жизни. По их мнению, среднемесячный доход на одного человека у людей со средним доходом должен достигать 2516 грн., то есть 317 долларов (по 10 долларов на день), чтобы считать такую семью средней по достаткам. Но с такими показателями мы вряд ли вольемся в мировой туристический процесс. С такими доходами, находясь за рубежом, не то что место в гостинице невозможно получить, но даже нормально питаться.

Кстати, по данным нашего мониторинга, за границей отдыхали (а не просто ездили за границу) 1,2% респондентов. То есть это настолько малая цифра, что мы вообще не можем ее интерпретировать, поскольку заложенная ошибка нашего исследования равняется 2,6%. В то же время, согласно данным Госстата Украины, в 2009 году выезжали за границу 914 тысяч граждан-туристов, или 2,6% населения старше 18 лет (3). Такие расхождения могут быть пояснены тем, что из тех, кто ездил за границу, далеко и далеко не все были туристами. Об этом мы подробно поговорим в параграфе, посвященном трудовой миграции из Украины.

С другой стороны, следует обратить внимание на следующее явление. На вопрос мониторинга 2010 года «Хватает ли Вам возможности полноценно проводить отпуск?» 59% респондентов ответили, что не хватает. Туризм – это одна из форм реализации отпуска, а также расширения своего кругозора, удовлетворения интеллектуальных и познавательных потребностей, приобщения к культурным ценностям. У значительной части украинских граждан упомянутые потребности остаются неудовлетворенными. Бедность подавляющего большинства населения страны заставляет его переносить удовлетворение этих потребностей на будущее. Именно среди данного контингента населения находится резерв для развития индустрии украинского туризма.

Вернемся к туризму как социальному явлению под углом зрения его содержания, проявления через личность и его значимости для личности. (Пока оставим вне нашего внимания социальные и социологические проблемы туризма как сферы народного хозяйства). Исходя из подобной точки зрения, туризм – это разнообразная по формам человеческая активность, состоящая в физическом перемещении человека на большие расстояния, в освоении и подчинении им географического пространства. Современный человек, получив необходимое образование, имеет представление о мире, о других континентах и культурах. Но он получает, так сказать, теоретическое видение мира. Однако в нем остаются неудовлетворенными желания непосредственно-чувственного познания, личного пространственного освоения и подчинения окружающей среды – освоения новых территорий, типов ландшафта и климата, значимых культурных объектов. Туризм предоставляет условия для реализации этих желаний. Он является составным элементом поведения личности, и именно эта форма поведения дает возможность человеку раздвинуть границы ареала своего непосредственного территориального общения до масштабов нескольких континентов или всего земного шара.

Туризм – это и спортивное поведение, а следовательно, форма закалки и развития тела, самопознания и самоутверждения личности. Это ожидание приключений. Это способ познания, развития кругозора, совершенствования форм культурного потребления, а также специфический тип диалога культур, межцивилизационного взаимодействия. В конечном счете, это и форма межличностного общения, и способ рекреации (возобновление физических и психических сил; изменение вида деятельности). Туризм можно рассматривать еще и как аспект социализации личности. Следовательно, туризм выступает одним из средств расширения социального ареала жизни личности, его интеллектуального и эмоционального наполнения.

Туризм – это составляющая культуры мира. С одной стороны, туристы стремятся туда, где нет ксенофобии, тем более враждебности, терроризма относительно людей других культур, религий и языков. А с другой стороны, массовое туристическое паломничество в ту или другую страну формирует у ее жителей более толерантное, уважительное, дружеское отношение к людям других национальностей, развеивает негативные этнические и религиозные стереотипы.

Данная тема может рассматриваться как в отношении отдельной страны, так и относительно человечества в целом. В первом случае внимание сосредоточивается на особенностях культуры данного общества, его традициях в отношениях с другими культурами и народами. Во втором речь идет о главных мировых тенденциях в сфере взаимоотношений культур (проблемы так называемых конфликтов цивилизаций).

Успехи туризма в глобализирующемся мире в значительной мере зависят от того, насколько криминализировано общество, являющееся объектом туризма. Конечно, общества с высоким уровнем преступности имеют значительно меньше шансов, что их посетят иностранные туристы.

В последние годы развитие туризма все в большей мере зависит от такого явления, как международный терроризм. Известно, что террористический акт в США 11 сентября в 2001 году нанес значительный вред мировой туристической индустрии. Особенно вредят туристическому бизнесу чрезвычайные события, связанные с угрозой для жизни людей – захват заложников, нападения на туристические автобусы, гостиницы и тому подобное. Такое случалось в Турции, Египте, Индии, Индонезии, на Филиппинах и в других странах. Реакцией на такие события является сокращение потока туристов. Теряет туризм и от внутренних социальных волнений в принимающих странах. Миллионы туристов отказались от посещения Алжира, Египта, Ливии, других стран в первые месяцы 2011 года, когда эти страны охватили восстания. Резко сократилось число туристов и в Японию после землетрясения в марте этого же года.

Аспект безопасности туризма приобретает особое значение. Он проявляется как уровень тревожности потенциальных туристов относительно разнообразных культур, их традиций и обычаев, негативных этнических и религиозных стереотипов, предрассудков и тому подобное.

Большую роль туризм играет для будущего страны, ее позитивного утверждения в системе международных отношений. Он является тем видом деятельности, который при условии надлежащей организации формирует позитивный образ страны у граждан других государств, в том числе и у политиков, бизнесменов, ученых, художников, журналистов и представителей различных групп элит. Туризм – это полпред страны. Акция «Украина известная», которую несколько лет назад начали туристические фирмы нашей страны, может рассматри-

ваться как элемент кампании по созданию позитивного образа Украины.

Следовательно, только на первый взгляд кажется, что туризм – это какое-то однородное явление. В действительности же, о туризме можно говорить как о дифференцированном, разностороннем социальном феномене.

Соответственно тем функциям, которые реализуются через туризм, его разделяют на познавательный, историко-культурологический, спортивный (а тот – на лыжный, водный, горный, охотничий, рыболовный и спелеотуризм), а в последние годы уже выделяют оздоровительный, зеленый, военно-приключенческий, экстремальный. Выделяют также научный и религиозный туризм. Кроме того, различают такие разновидности, как внутренний и внешний, организованный и самостоятельный. Мы не будем углубляться в эту сторону дела.

В рамках нашего исследования важно рассмотреть туризм сквозь призму личности, ее индивидуальной системы ценностей, через ее развитие – социализацию, познавательную деятельность, самоутверждение, культурное потребление, рекреацию. Что означает туризм для личности? Почему он является для нее ценностью? Туризм – это освоение разных видов внешнего пространства – географического, культурного, социального, политического. Некоторые виды туризма делают акцент на овладении сразу несколькими видами пространства. Туризм – это форма реализации свободы личности. Повседневное бытие человека ограничено местом жительства, районом передвижения между рабочим местом, магазинами, заведениями обслуживания. А туризм – это вызов повседневному и обычному, рядовому и надоевшему. Он влечет в неизвестное, непознанное, невиданное.

Туризм – это современная форма потребления личностью культуры. Связывая туризм с современной культурой, очевидно, имеется достаточно аргументов для того, чтобы и сам туризм рассматривался как составной элемент массовой культуры. Туризм как социальное явление является очень динамичным и изменчивым. Он отражает духовную атмосферу общества, его ведущие идеалы и ценности, настроения. Данный социальный феномен чувствителен и к моде. Давайте вспомним эволюцию туризма в нашей стране на протяжении нескольких десятилетий – от туристических палаток с гитарой и песней, от покорения тундры и тайги, вершин Кавказа и Памира, сибирских рек миллионами людей в советское время до полетов не-

скольких десятков тысяч на пляжи в Египет, Алжир, Таиланд, на Канары.

Роль туризма изменялась вместе с изменениями всего контекста общественной жизни – в разные времена туризм связывали с разными общественными функциями (познания, романтического самоутверждения, активного отдыха, престижного поведения) или с определенными их комбинациями. Некоторые виды социального поведения людей со временем испытали дрейф от самостоятельных проявлений к разновидностям туризма. Например, религиозное паломничество в некоторых случаях трансформировалось от сугубо религиозного акта к своеобразному туризму или соединению того и другого. Скажем, посещение православными Киево-Печерской лавры, хадж мусульман в Мекку или турне хасидов в Умань.

В новый вид туризма превратилось посещение стран происхождения родителей. Через путешествия к этим странам следующие поколения мигрантов решают как свои познавательные задачи, так и проблемы, связанные с личностной самоидентификацией.

В контексте социальной жизни нашей страны важно выяснить намерения и мотивы туризма. Ведь в зависимости от того, какие проблемы стоят перед разными социальными слоями в обществе, феномен туризма может приобретать не только разные социальные оттенки, но и разные формы его искажения, имитации, приспособления под туризм. Например, по официальным данным, 282 тыс. иностранцев в 2009 году посетили нашу страну как туристы. Практика показывает, что среди этих людей было немало тех, кто прибыл в Украину из стран Азии и Африки только потому, что не смог получить туристическую визу в страны Западной Европы. То есть к этим показателям следует отнести критически.

Еще более критически стоит отнести к тому, сколько украинских граждан выехало за границу в качестве туристов. Как мы уже отметили выше, в 2009 году за пределы нашего государства в качестве туристов выехали 914 тысяч украинских граждан. Однако мы прекрасно знаем, что большинство из тех, кто выезжал из нашей страны по туристическим визам, не являются туристами. Это трудовые мигранты. Именно на основании туристических виз они выезжают из Украины с целью поиска работы в других странах (4).

Следовательно, распространенность туризма порождает явления квазитуризма. Под последним мы понимаем такие виды

человеческого поведения, через которые под видом туризма реализуются другие задачи: пересечение границы, получение определенных запрещенных в своей стране услуг и тому подобное. К квазитуризму относился наш родной, отечественный «челнок», или «экономический туризм». Сегодня он уже существенно потеснен крупными торговыми фирмами, а в 90-е годы прошлого столетия «челночный бизнес» был одной из важнейших сфер занятости населения. В советское время квазитуризм имел внутреннюю направленность – поездки в Москву, Киев и Санкт-Петербург за продовольственными и промышленными товарами. То есть квазитуризм возникает в тех общественных секторах, где социальные отношения деформируются, где нет правового, легального решения актуальных человеческих проблем. Сегодня квазитуризм прикрывает нелегальную трудовую и другие виды нелегальной миграции. Квазитуризм – это явление, существующее не только в постсоветских или бедных странах третьего мира. Оно имеет разные формы проявления и в богатых государствах. Например, поездки в другие страны женщин ради аборт, если на родине они запрещены, получение услуг, которые в своей стране являются значительно более дорогими, – например, поездки на пластические операции в Украину.

Литература:

1. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. – С.86.
2. Українське суспільство 1992-2010. Соціологічний моніторинг. За ред. д.е.н. В.Ворони, д.с.н. М.Шульги. – К. – 2010. – 636 с.
3. <http://www.ukrstat.gov.ua/>
4. <http://www.ukrstat.gov.ua/>

РАЗДЕЛ III.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ УКРАИНСКОМУ ОБЩЕСТВУ

1. ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ

В первую очередь остановимся на рассмотрении теоретического аспекта феномена вызова времени. Термин «вызов времени» в настоящий момент часто употребляется как журналистами, публицистами, политиками, так и учеными. Первые данный термин используют как метафору, а вторые – как научное понятие. Впрочем, провести четкую грань, в каком случае и в каком смысле оно употребляется, довольно трудно. От вольности и легкости употребления этого термина теряется его строгость как научной категории.

«Вызов времени» как научное понятие имеет свой предмет отражения, свое пространство бытия, свои пределы применения. Данное понятие углубляет, рационализирует метафору, делает ее значение более строгим, и соответственно – ее эвристический потенциал более мощным. Понятие не противостоит метафоре, а развивает ее.

Еще одной чертой данного понятия, выходящей из масштабности отражаемого феномена, является его междисциплинарный характер. Оно одновременно и понятие исторической науки, и философии, и социологии, и политологии, и экономики. Из-за такого статуса оно нуждается в комплексной разработке и дальнейшем углубленном анализе. К сожалению, на сегодня данное понятие исследовано недостаточно. Главным образом, оно было предметом рефлексии методологии истории, а также частично и философии. Гораздо меньше вызову времени как теоретической категории уделялось внимания в социологии, политологии, экономике, других социогуманитарных дисциплинах. Поэтому в данном контексте мы будем рассматривать эту категорию как междисциплинарную, применяемую во многих гуманитарных дисциплинах. Этим шагом мы откликаемся на призыв, сделанный несколько десятилетий тому назад известным историком Ф.Броделем: «не устанавливайте между историком и ученым-обществоведом тех барьеров

и отличий, которые были оправданы в прошлом. Все науки о человеке, включая историю, взаимосвязаны. Они говорят, или по крайней мере могут говорить, одним языком» (1).

Как правило, понятие вызова выступало синонимом понятия проблемы. «Вызов времени» действительно является проблемой, но не всякой проблемой, а только той, которая соразмерна по масштабу обществу или его крупным элементам в определенной фазе социальной темпоральности. Она является пространственно-временным объектом, существующим в пределах «большого времени и пространства», как однажды высказался Э.Гидденс (2). Соразмерность масштабов социального времени и социального пространства образуется благодаря возникновению социальной ситуации. Ведь ситуация создается не просто одними обстоятельствами, а именно нашими представлениями о них. Ситуация является единством, комплексом, который образуется восприятием обстоятельств субъектом, формируется его представлением о пространственных и временных пределах, в которых вместе действуют факторы, ставящие перед ним (субъектом) проблему. Субъект представляет, воспринимает и понимает эти факторы как внешнее влияние, которому он должен дать осмысленный и организованный ответ. Внешние сигналы проходят через внутреннее состояние субъекта (если это общество, то через его культуру, общественное сознание, духовную атмосферу) и формируют его реакцию-ответ.

Вызовы времени – это вопросы к обществу как субъекту, это сигналы о том, что на изменившиеся условия жизни ему необходимо менять формы и способы поведения.

Значение, которое вкладывается в данном понятии в термин «вызов», требует некоторого объяснения. «Вызов» имеет несколько смысловых оттенков. Во-первых, вызов можно понимать как сигнал с легкой императивностью – призыв, оклик, приглашение. Это характерно для ситуации повседневного, ординарного поведения. Во-вторых, как сигнал с высшей степенью императивности: в будничной ситуации – телефонный звонок, в более широком пространстве отношений – требование, например, вызов в военкомат, в суд, в еще более широком пространстве социальных отношений – как настойчивый сигнал с нарастающей ультимативностью – требование оплатить долг, отчитаться за невыполненные обязательства.

Но термин «вызов» имеет смысловые отличия не только по оси нарастания императивности сигнала, но и по линии повышения эмоциональности, провокативности, задиристости – требование вступить в спор, в бескомпромиссную дискуссию, выйти

на дуэль, определиться с ответом (а не отойти в сторону, не проигнорировать).

Конечно, явление «вызов-и-ответ» принципиально различается в доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную эпоху. Отличия основываются на уровне развития технологии, на историческом уровне состояния производительных сил человека. В доиндустриальную эпоху главные вызовы обществу бросала природа – изменение климата, окружающей среды, естественного ареала жизни общества. На этой фазе развития человечества вызовы шли от природы, а ответы давало человеческое содружество, определенная цивилизация. В этот период была выражена явная, очевидная асимметрия – гигантская сила природы и беззащитный перед ней человек. Но даже в таких условиях, как подчеркивал А.Тойнби, у социального субъекта был выбор. По крайней мере, социальный субъект мог, во-первых, менять место своего пребывания, географическое пространство жизнедеятельности, мигрируя в более благоприятные естественные условия, во-вторых, изменять свой образ жизни, например, превращаясь из охотников в пастухов, или из собирателей в земледельцев, в-третьих, первое и второе вместе, и, наконец, в-четвертых, мог ничего не менять, просто не заметить или уклониться, проигнорировать брошенный ему вызов, что приводило к катастрофе, вымиранию такой цивилизации (3).

Далеко не всякий ответ на вызов был эффективным. В разной мере желаемый результат, а иногда даже и полный успех приносил тот ответ, который строился не на комфортном приспособлении к природно-климатическим условиям, а тот, который приводил к мобилизации творческого, волевого, организационного потенциала человеческого сообщества. «Традиционное мнение, согласно которому благоприятные климатические и географические условия, безусловно, содействуют общественному развитию, оказывается неверным, – считал А.Тойнби. – Наоборот, исторические примеры показывают, что очень хорошие условия, как правило, поощряют возвращение к природе, прекращению всякого роста» (4).

Человеческая история доказывает, что «правильными» были те ответы, которые вели к аккумуляции общественно-человеческой силы и направляли ее на подчинение природы интересам социума. Социальный прогресс основывается не на приспособлении человека к обстоятельствам, а на разумно организованном, творческом их (обстоятельств) подчинении обществом в свою пользу. В таком случае и вызовы времени следует рассматривать не как беду, напасть,

несчастье, а как стимул к росту, развитию. Исследователи считают, что в доиндустриальную эпоху можно выделить два основных стимула роста: стимулы естественной среды и стимулы человеческого окружения, а стимул естественной среды конкретизируется в стимуле «бесплодной земли» и стимуле «новой земли»(5).

Но ответы на вызовы времени в доиндустриальную эпоху качественно отличаются от ответов индустриальной эпохи. Большой ошибкой было бы переносить логику ответов последней на первую. Ведь механизм осмысления вызова общественным субъектом в доиндустриальную эпоху был «вмонтирован» в принципиально другую форму общественного сознания, другой тип мировоззрения, другую картину мира. Этот механизм процесса ответа на вызов, логика его развертывания требуют отдельного анализа. Здесь лишь отметим, что уверенно утверждать можно только то, что процесс поиска ответа в доиндустриальную эпоху не включал сознательного, рационального выбора социальным субъектом возможных вариантов ответа на вызовы, что ответ «аргументировался» соответствующим набором «доказательств», органичных для того времени, – «знаки богов», «расположение звезд», «полет птицы» и тому подобное.

В индустриальную эпоху многократно возрастает мощь человеческого общества в его способности влиять на природу, окружающий мир. Непосредственная угроза существованию человеческого общества со стороны природы отодвигается на задний план. Между природой и человеком вырастает крупная, технически развитая промышленность. Последняя является основой экономики, на ее базе формируются новая социальная и политическая структура общества: значительно сокращается часть занятых в сельском хозяйстве и растет количество работающих в промышленности, происходит массовая урбанизация, население концентрируется в городах. Соотношение между рабочим и свободным временем становится все больше в пользу последнего. В эту эпоху укрепляются нации-государства, утверждаются демократические ценности – политические права, выборность, права человека. Растет уровень потребления населения.

Происходит образовательная революция, бурно развивается наука, особенно разрастаются знания о природе. На этой почве развивается, совершенствуется и накапливается техника, в первую очередь военная, средства влияния человека на природу и самого себя. Понятие «вызов времени» образуется, формируется в такой духовной атмосфере, в таком мировоззрении, которое допу-

скает способность человека изменить мир, подчинить его своей воле. В этих обстоятельствах на «вызов времени» можно выбрать «ответ» из нескольких вариантов. Человек этой исторической эпохи, по мнению К.Ясперса, «уверенный в своей силе, исследует окружающий его мир и изменяет его по определенному плану». Но, как отмечал академик М.Моисеев, «стремление к господству на основе представления о безграничной неисчерпаемости природных ресурсов привело человечество на грань катастрофы»(7).

Риски и опасности, исторические вызовы идут теперь не столько от природы, сколько от самого общества, от характера его уклада – войны, социально-экономические кризисы, демографическая угроза, а также от накопления такого количества и такой мощности оружия, которое может уничтожить человечество – ядерная угроза, и негативного влияния человеческой деятельности на экосистему, на климат Земли в целом. Антропогенное влияние на природу приобретает такие масштабы, что теперь уже человек угрожает существованию природы «в ее естественном» состоянии. В полную меру проявилась всеобъемлющая проблема пределов производственного роста, ограниченности ресурсов: минеральных, энергетических, воды и т.п., хрупкости природной среды.

Вызовы в этих условиях становятся в прямом смысле глобальными, то есть перед всем человечеством, а не перед отдельной его цивилизацией, как это было в доиндустриальную эпоху.

На эти вызовы человечество предложило несколько принципиальных идей-ответов. Во-первых, было подвергнуто критике линейное, упрощенное понимание прогресса и предложена идея устойчивого развития человечества. Во-вторых, отброшено представление об историческом автоматизме, о непоколебимости продвижения человечества по восходящей траектории и стала понятной растущая ответственность самого исторического субъекта за сознательный выбор вариантов будущего, направлений развития обществ и человечества в целом.

В последние десятилетия начался переход человечества к постиндустриальной эпохе. Ее контуры еще только вырисовываются. И те характеристики, которыми ее в настоящий момент наделяют, можно считать предварительными. Сегодня говорят, что постиндустриальная эпоха будет основываться на наукоемких отраслях народного хозяйства, на высокоразвитой системе образования, которая будет пополнять общество высококвалифицированными специалистами, способными к творческой работе, к постоянному процессу обучения, на информационных технологиях, пронизы-

вающих все общество. Действительно, эта характеристика очень «привязана» к сегодняшнему дню. Ввиду высоких темпов развития современных технологий, уже через одно-два десятилетия, очевидно, эта характеристика будет выглядеть анахронизмом. По нашему мнению, сущностная характеристика новой эпохи сместится из технологической составляющей в организационную и ценностную. Трудно говорить о каких-то конкретных ценностях, а тем более о системах, комплексах этих ценностей, однако понятно, что они будут включать у себя представление о социальной справедливости, экологической безопасности, о рациональности (возможно в новой форме), а также ориентации на образы желаемого будущего (а не будут детерминированы только прошлым). А в организационном плане – это будут общепланетарные решения, касающиеся всего человечества.

Вызов времени – это зафиксированные, рефлексивно воспринятые, осознанные социальным субъектом принципиальные, качественные изменения в общественной жизни, требующие концентрированных, целеустремленных усилий для того, чтобы направить развитие общественных процессов и событий в желаемом для него направлении. Здесь слово «вызов» по значению близко к слову «требование», а не «приглашение» (в англ. challenge and call/ summons). Следовательно, понятие вызова времени непосредственно связано с понятием цели общественного развития. Внешние обстоятельства тогда становятся для социального субъекта вызовом времени, когда он определил для себя, хотя бы в общих чертах, проект будущего.

Конечно же, время не является самостоятельным субъектом, существующим отдельно от общества. Как точно заметил французский историк Поль Лакомб: «Время – ничто само по себе; объективно, оно всего лишь наша идея» (8). В разных культурах и цивилизациях время воспринималось и рассматривалось принципиально по-разному. В первичных обществах и даже в Древнем Китае время воспринималось как циклическое явление, которое повторяет свою поступь по кругу. Но уже иудаизм и христианство начали рассматривать время как линейную величину, имеющую прогрессивный или регрессивный вектор.

Невзирая на близость категории «вызов истории» и «вызов времени» все же они не всегда являются тождественными. Категория «вызов истории» имеет традицию применения относительно крупных общественно-исторических единиц в масштабах времени их жизни – цивилизаций, культур, обществ, этносов и т.п.

Скажем, А. Тойнби насчитал 21 цивилизацию и рассматривал их как основные структурные элементы мировой истории, относительно которых и возникали вызовы.

«Вызовы времени» – это вопрос к внешним обстоятельствам, ситуациям, к отдельным обществам, к социальным институтам, к социальным группам и т.п. То есть категория «вызовы времени» является более гибкой, конкретизированной и применяется к меньшим социальным объектам, чем те, которые покрываются категорией «вызов истории». Вызов времени всегда является четко направленным к социальному субъекту – то ли к обществу в целом, то ли к его определенной группе, то ли к определенному социальному институту.

Как было замечено, вызовы могут быть направлены, относительно не только к традиционным историческим субъектам, которые можно исследовать через события, но и к определенным диахроническим структурам, требующим для своего понимания новых понятий и категорий. Задачи поиска ритма жизни и развития разнообразных исторических объектов привели историков к расширению методологических подходов. Так, Ф. Бродель обратил внимание на то, что необходимо ввести понятие исторической продолжительности, то есть применить временную масштабность. Благодаря этому можно выделять для анализа определенные экономические или социальные структуры, процессы, имеющие свои характерные масштабы пространства и времени, свои циклы, сверхциклы, приливы и отливы (9).

Однако в данном контексте мы рассматриваем категорию «вызов истории» и «вызов времени» как синонимы. Понятно, что это разделение очень условное. Ведь «вызов времени» – это всегда «вызов истории». Но сугубо в научно-технологическом, исследовательском плане мы видим смысл выделения, существования и употребления обоих этих понятий.

Поэтому вызов времени – это момент, когда социальный субъект заметил и осознал наступающий или уже развернувшийся, идущий процесс разрушения структуры социальности, выяснил для себя неизбежность перерыва непрерывности развития системы или ее отдельных элементов в рамках данной модели, данной логики существования и убедился в необходимости поиска выхода из структурного кризиса.

Вызовы могут быть как внешними (стимулы, необходимые для генезиса цивилизации в доиндустриальную эпоху; кризисное состояние экологии в индустриальную эпоху и т.п.), то есть таки-

ми, которые поступают извне общественной системы, так и внутренними, то есть такими, которые идут изнутри системы. Внешний вызов времени можно интерпретировать как такой, что имеет ударение на слове «время» – то есть вызов обществу бросает время. А внутренний – как вызов, который общество или его часть бросает времени, в котором оно живет, представлениям, нормам, которые уже стали общепринятыми в мире. Как это ни парадоксально звучит, но внутренним вызовом времени может стать и менталитет народа. Это трудно и больно осознать исследователю, являющемуся частью народа. Но ответ на данный внутренний вызов может сформироваться лишь в самом обществе, в самих носителях данного менталитета. Для этого необходимо иметь мужество, в том числе коллективное мужество общества; способность основной массы людей увидеть свои недостатки, возвыситься над ними, сделать предметом собственной иронии; обладать способностью противостоять так называемым патриотам, которые слепо молятся на все, что связано с народом – на хорошее и плохое. Скажем, многие характеристики традиционного украинского менталитета как устойчивые моральные и психологические черты сознания народа уже не отвечают времени – молчаливое согласие с местом, которое занимает страна с ее мощным человеческим потенциалом в мировом сообществе; безразличное и даже преступное отношение общества к окружающей природной среде, самолюбование традиционными типичными недостатками сограждан, укорененными в культуру, менталитет, этелехия народа: индивидуализм-атомизм, эскапизм – «моя хата с краю», наивная надежда на простое решение сложных вопросов, патернализм, желание перевести свою проблему на кого-то; завышенные ожидания от государства и вместе с тем отчужденность от него; измена, предательство как распространенные черты, особенно среди элиты и т.п. Этот внутренний вызов, вызов менталитета, идущий изнутри общественного субъекта, своим содержанием словно бы «задирает» внешнее окружение, как будто провоцирует своими проявлениями сегодняшнее время.

Вызовы времени можно интерпретировать как вопросы к обществу, к его социальным группам, к массам и элите. Но этот сигнал, этот посыл к обществу не может быть воспринят сразу всеми его членами. Механизм восприятия вызова сложен и многоэтажен. Первыми, кто улавливает вызов, кто оформляет, воплощает его в определенную форму, являются мыслители. Последние в разные исторические эпохи назывались по-разному – жрецы, волхвы,

вещуны, философы, ученые, интеллигенты, интеллектуалы, эксперты и т.д. Но все они выполняли в сущности одну функцию – интерпретацию исторической ситуации, формулировку ее сути и формулировку предложений по выходу из нее, то есть готовили ответ. Хотя не следует преувеличивать роль данной интеллектуальной группы в истории. Окончательное решение о характере ответа вызовам времени принимают, как правило, не мыслители, а правители, властители – вожди, монархи, политические и государственные лидеры, парламенты, правительства.

Конечно, процесс развития социальной системы имеет объективный характер. И то, что мы называем вызовом времени, далеко не всегда становится осознанным, а тем более – своевременно осознанным феноменом. Социальная структура, социальные институты, а также устоявшиеся представления, мировоззрение, картина мира современников могут выступать серьезными препятствиями для разрешения кризиса в развитии общества.

В этом контексте следует обратить внимание еще на один аспект научного понятия, которое мы анализируем. Речь идет о таком аспекте феномена вызова времени, как своевременность. Категории вызова времени и вызова истории иногда отождествляют с категорией общественной проблемы. Действительно, и вызов истории, и вызов времени являются общественными проблемами. Но специфика обоих анализируемых понятий заключается именно в том, что они, так сказать, актуализированы. Их ключевой составляющей является время, его определенный отрезок. Когда пользуются понятием общественной проблемы, то, как правило, отвлекаются от характеристики времени. Внимание сосредоточивается на содержании, а темпоральная сторона явления, этапы решения проблемы остаются за скобками. Категория вызова акцентирует внимание на своевременности ответа, на наиболее благоприятном и эффективном для этого временном отрезке. Если время будет упущено, то и ответ будет неэффективным, неадекватным. Категории «вызов времени» и «вызов истории» отражают не просто реакцию на вызов, а качество взаимодействия социального субъекта с социальным временем. Субъект может дать ответ на вызов времени или своевременно, или выиграв время, или потеряв его.

Консервирование статус кво, непонимание необходимости реализации назревших изменений можно рассматривать, как отсутствие ответа на вызов времени. Следовательно, у социального субъекта должны быть сформированные умения, готовность сво-

евременно воспринять сигнал, оценить ситуацию. Адекватный ответ на вызов времени будет в том случае, если он опирается на осмысленную, профессионально разработанную концепцию желаемого будущего. Если вместо такого квалифицированного проекта существуют лишь многочисленные размытые «национальные идеи», «дорожные карты», «доктрины», «прорывы» и т.п., то это означает, что общество не способно дать адекватный ответ на вызов времени. Отсутствие ответа или неадекватный ответ на вызов времени превращает проблему в кризис, иногда в длительный системный кризис, который продолжает оставаться вызовом времени. Однако кризис имеет альтернативу или позитивного выхода из ситуации, которая сложилась, или катастрофы.

Вовремя данный адекватный ответ вовсе не является страховкой от новых проблем. Можно не сомневаться в том, что перед общественным субъектом рано или поздно возникнут новые вызовы. Еще Гегель в «Лекции по истории философии» сформулировал правило иронии истории, сущность которого заключается в том, что никакой замысел исторического субъекта не воплощается в жизнь в том первичном виде, как он задумывался. Этот термин потом широко использовали К.Маркс и Ф.Энгельс. Например, в письме к В.Засулич Ф.Энгельс писал: «Люди, хвалявшиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, – что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией, которой избежали немногие исторические деятели» (10). В XX веке категория иронии истории была центральной в концепции американского теолога Р.Нибура, который ставил под сомнение способность человека с его иррациональной свободой воли противостоять в историческом процессе богу (11).

Очевидно, что трезвый позитивный взгляд на описанный феномен показывает, что человек не может предусмотреть всех возможных детерминант, факторов, влияющих на развертывание реального общественного процесса, но это не должно быть причиной отказа от любого аргументированного, научно обоснованного проектирования обществом своего будущего. Ведь человек способен своевременно замечать непредсказуемые последствия своих решений и корректировать их. «Поток действий непрерывно производит последствия, которые являются неумышленными, и эти непредсказуемые последствия могут также формировать новые условия действия с помощью обратной связи», – отмечает

Э.Гидденс (12). А современный немецкий социолог У.Бек, говоря о «нерасчитываемости побочных последствий» принятия общественных решений, акцентирует внимание на том, что «имплицитное обращение с ожидаемыми последствиями приобретает все большую важность» (13).

Диалектику противоречивой процессуальности крупномасштабного исторического бытия А.Тойнби воспроизвел в категории «вызов-и-ответ». Он показал неразрывность процесса вызов-и-ответ и сформулировал правило динамики развертывания вызова истории: вызов, на который общество дает адекватный ответ, в будущем порождает новый вызов – в этом заключается динамика общественного процесса. Вызов, на который общество дало неадекватный ответ, провоцирует новый, в основном опять же неадекватный ответ и так вплоть до надлома, до катастрофы.

Процесс ответа общества на вызов истории А.Тойнби конкретизировал через введение в систему объяснения социальных субъектов. По его мнению, субъектом, который берет на себя роль разработчика адекватного ответа на вызовы истории, является «творческое меньшинство» или элита. Для этого у нее есть соответствующий статус и способности. Однако она не всегда способна находить успешные ответы на вызовы. Привыкнув к своему комфортному состоянию, «творческое меньшинство» превращается в замкнутую касту, вырождается. Всю свою активность оно направляет на борьбу за самосохранение, раскалывается и сосредоточивается на борьбе за власть, таким образом, оставляя общество без ответов на вызовы времени (14).

Если применить эти тойнбианские категории к украинскому обществу, то получится неутешительная картина. Так, по данным Института социологии НАН Украины, 61% опрошенных заявляют, что им не хватает руководителей, способных руководить государством. К тому же, в украинском обществе существует большая прослойка пролетариата как в марксистском, так и в тойнбианском понимании, который обнаруживает высокий уровень неудовлетворенности своей жизнью, чувство разочарования – 72%, недовольства – 51%, растерянности – 39%, страха – 28%.

Каждый этап развития общества формирует определенное отношение индивидов, группы к социальному времени. В настоящий момент украинские граждане живут в рамках короткого времени, они преимущественно живут в координатах настоящей

го времени. Для них проблематичным и кризисным является как прошедшее, так и будущее время.

Значительная часть людей живет в состоянии социальной неуверенности, тревожности. У 63% респондентов не хватает уверенности в том, что ситуация в стране будет улучшаться, 72% опрошенных не хватает порядка в обществе, 69% не хватает соблюдения действующих в стране законов.

Такое положение вещей не дает человеку самоопределиться, наметить для себя жизненную перспективу, а следовательно, на своем уровне дать ответ на обращенный к нему вызов времени. 64% респондентов заявили, что им не хватает уверенности в собственном будущем. В таком состоянии неопределенности люди уклоняются от ответственности за состояние дел в обществе, а следовательно, способствуют тому, что нерешенные вызовы все множатся и множатся.

Сложившаяся в обществе и государстве в течение последних 20 лет ситуация неопределенности относительно многих вызовов времени нуждается в разработке нескольких проектов в соответствии с логикой «вызов-и-ответ». Их подготовку следует поручить, по нашему мнению, временным научным коллективам. Временным не в том смысле, что собрались и быстро разбежались, а в том, что это не специально созданный государственный институт, не специальное подразделение, выполняющее традиционную научную плановую тему. Это должна быть группа, которая состояла бы из представителей разных общественных дисциплин, которые бы комплексно исследовали определенную крупномасштабную проблему-вызов. Такого рода творческие научные объединения на Западе получили название «Think tanks» – фабрики мысли. Они должны состоять из независимых научных работников, а не из научных работников, которые по служебной принадлежности подчинены правительственным организациям или институтам. Понятно, что они должны работать не на одном лишь энтузиазме, а на государственном заказе, на государственном финансировании. Хотя средства могут им предоставлять и частные фонды. Но, как известно, фонды отражают интересы только отдельных сегментов общества, и они заинтересованы в разработке проектов, которые полезны им. В то время как государство дает заказ от имени всего общества, во имя его интересов (во всяком случае, так должно быть). По нашему мнению, следует поощрять создание двух или трех групп для разработки одной проблемы. Результаты их работы будут передаваться властным органам, которые, в свою очередь, будут отбирать из этих разработок

наиболее «прорывные» идеи, наиболее оптимальные решения конкретных общественно значимых проблем.

Первым проектом в рамках фабрики мысли можно было бы сделать проект инвентаризации стратегических проблем на уровне «вызов-и-ответ» Задачей такого проекта был бы отбор наиболее актуальных, острых и даже угрожающих обществу проблем, и построение определенной их иерархии, очередности реализации.

Литература:

1. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. –М. –2000 (переиздание 1963). –С.128.
2. Гидденс Энтони. Что завтра: фундаментализм или солидарность.–Отечественные записки. –2003, –№1.
3. Тойнби А. Постигание истории. Сборник.–М–1991. –С.106–119.
4. Тойнби А. Постигание истории. Сборник. –М.–1991. –С.120.
5. Тойнби А. Постигание истории. Сборник. –М.–1991. –С.120.
6. Ясперс К. Духовная ситуация времени // К.Ясперс. Смысл и назначение истории. –М. -1991. – С.307.
7. Н.Н.Моисеев. С мыслями о будущем России. <http://www.yabloko.ru/Union/ММУА/Moiseev/moiseev.html>
8. «Revue de Synthese historique», № 1, 1900, р. 32. Цит. по: Ф.Бродель. История и общественные науки. Историческая длительность //Философия и методология истории. -М. –2000 (переиздание 1963). С. 115–142.
9. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. –М. –2000 (переиздание 1963).
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. –Т.36. –С.363.
11. Niebuhr Reinhold. The Irony of American History. –NY. –1952.
12. Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. –Новосибирск. –1996. –С.62.
13. Бек У. Общество риска. На пути к другому модернизму. –М. -2000. –С.265.
14. Тойнби А. Постигание истории. Сборник. –М.–1991.

2. СОЦИАЛЬНЫЙ АРЕАЛ ЖИЗНИ ЛИЧНОСТИ

2.1. Вызовы глобализации

Конкретизируя проблему вызовов времени по отношению к украинскому обществу, остановимся на феномене глобализации, являющемся для нашего общества одним из главных и мощнейших вызовов. Тема глобализации активно обсуждается в кругах ученых и политиков, теоретиков и практиков. Ее злободневность не нуждается в каких-то аргументах, поскольку глобализация так или иначе вовлекает все континенты и страны, социальные и возрастные группы, каждого отдельного человека.

Понятие глобализации имеет сотни определений. Поэтому мы не будем здесь проводить их специальный анализ, а отметим лишь три главные модели, которые по-разному определяют сущность данного явления, и отметим самые характерные проявления глобализации.

Во-первых, глобализацию рассматривают в контексте естественно-исторического развития человечества, как его новый качественный этап. Некоторые авторы считают, что в настоящее время идет вторая волна глобализации, которая основывается на новых технологиях. Первая же волна проходила в конце XIX – в начале XX века [1]. Нынешний этап обусловлен объективными причинами, его качество определяется новыми научными достижениями, быстрым внедрением их в практику и формированием соответствующих общественных связей. Поэтому развертывание этого процесса представляет собой не проявление эгоистичных интересов определенных социальных групп, организаций или государств, а закономерное движение человечества к новым формам общежития. При этом исследователи глобализации обращают внимание, в первую очередь, на ее объединительный, интеграционный характер, на переход человечества от отдельных, локальных объединений к сообществу нового уровня и нового качества, к «единому миру». Они считают, что технологическое и социальное развитие человечества в последние десятилетия XX века наглядно демонстрирует правильность теории ноосферы В.Вернадского, конкретизирует его идею единства человечества.

Во-вторых, в глобализации видят определенные сдвиги в системе международных, межгосударственных отношений. Призна-

ками нового этапа международных отношений является нарушение двухполярности мира, разрушение мировой социалистической системы, распад Советского Союза, Югославии, Чехословакии, объединение Германии, расширение НАТО и Европейского Союза и беспепелляционные попытки со стороны США добиться всестороннего доминирования в мире, закрепив структуры однополярного мира. Впрочем, несомненным является тот факт, что после распада СССР, экономического и социального упадка постсоветских стран, мировым лидером стали США. Такая объективная позиция сверхгосударства предопределяет еще больший рост гегемонистских устремлений его господствующих политических групп, перебирание на себя определенных функций, в частности отставание в практике международных отношений интересов стран «золотого миллиарда», особенно по отношению к распоряжению ресурсами всей Земли.

Глобализация означает существенный отрыв развитых западных стран от остального мира в технологиях, доходах, образовании, уровне жизни. Такой отрыв в то же время означает установление и закрепление политического, экономического, социального, образовательного, культурного, информационного неравенства между странами «периферии» и «центра», а также распространение по всему миру западных либеральных ценностей и американского образа жизни. Впрочем, монополярный мир остается таким же сложным, как и прежний биполярный. Возможно, его структура стала другой. Сегодня мир делят на Север и Юг, «золотой миллиард» и остальное человечество, «центр» и «периферию», постсовременный и современный мир, мир порядка и мир хаоса. Человечество остается противоречивой системой, в которой одни элементы противостоят другим, оно существует как «расколота цивилизация» [2].

Роль единоличного гегемона, которую США пытаются закрепить за собой, нуждается в системах оправдательной аргументации. Для этого разработаны разнообразные схемы, претендующие на роль научных концепций. Это и образ справедливой, демократической мировой империи, которая имеет миссию «преодоления мирового зла», «борьбы с мировым терроризмом», «ликвидации оси зла» и тому подобное.

Кроме милитаристско-силовых моделей аргументации своей гегемонии, США прибегают и к организационным моделям. Так, Найелл Фергюсон предлагает доказательства от обратного. Он ставит вопрос, что будет в случае потери Соединенными Штата-

ми роли доминирующего в мире государства, и прибегает к историческим аналогиям, в частности к истории империи Карла Великого, пытаясь доказать, что и сегодня в результате разрушения подобного гипергосударства мир ожидают суровые испытания, «темные века», еще более опасные, чем в прошлом. Н.Фергюсон подвергает сомнению многополярные модели мира, считая, что с отходом США от политики глобальной гегемонии мир станет не многополярным, а аполярным. «Будьте осторожнее в своих пожеланиях. Многополюсность не станет альтернативой однополюсности. На смену последней придет аполяренность – глобальный вакуум власти. И от этого, не слишком и нового, глобального беспорядка выигрывают силы, намного опаснее, чем большие государства, которые конкурируют между собой» [3]. Ведь мир теперь населен в 20 раз плотнее, чем в IX веке, а следовательно, и конфликты между осколками однополярного мира будут более частыми.

В-третьих, глобализация объясняется как сочетание первой и второй моделей, то есть как объективный процесс развития человечества, на данном этапе которого одна из мощнейших стран претендует на мировое господство и, пользуясь своей сверхмощью, навязывает остальным свою волю, свое видение порядка во всем мире. Культурно многообразный и социально разнокачественный мир находится в состоянии развертывания сложных и противоречивых процессов, свидетельствующих о том, что господство одного государства над ним вряд ли возможно.

Одним из самых характерных проявлений глобализации является формирование всеобъемлющей системы экономических отношений. Объединение капиталов, интеграция и разрастание организаций формируют новых субъектов экономических отношений. Транснациональные компании, мировые концерны, «большая восьмерка», Международный валютный фонд, Всемирный банк, Давосский форум, учитывая новые условия и новые возможности, разрабатывают и внедряют новые формы поведения экономических субъектов. Теперь мощь больших ТНК превосходит силу многих государств. Это дает им возможность проводить собственную политику в международном сообществе. Их поведение мало чем напоминает поведение больших капиталистических объединений не только далекого прошлого, но даже и тех транснациональных компаний, которые были четверть века назад. «Средством принуждения теперь является не угроза вторжения, а угроза невторжения инвесторов или же угроза их ухо-

да. Хуже нашествия мультинациональных компаний может быть лишь одно: отсутствие такого нашествия», – отмечает У.Бек [4]. «Потенциал давления, которым обладает данная форма господства, – продолжает У.Бек, – совершенствует логику экономических действий и экономической власти: всегда и везде чего-то не делать, не инвестировать, не будучи при этом обязанным публично обосновывать свое поведение – вот основной рычаг власти субъектов мировой экономики» [5].

Невзирая на возросшую мощь транснациональных объединений, свое влияние и свои расходы они распределяют в мировом пространстве неравномерно. В результате действия этих сверхмощных финансово-экономических гигантов образовался «золотой миллиард», который все более отрывается от остального человечества по уровню развития технологий, образования, науки, условий, уровня и качества жизни. По оценкам экспертов Всемирного банка, «золотому миллиарду» противостоят в мире миллиарды людей, вынужденных жить только на один доллар в сутки; а еще два миллиарда имеют по два доллара на день [6].

После распада Советского Союза мир столкнулся с масштабным явлением социальной деградации, когда постсоветское пространство постепенно перешло с позиции «второго мира» на позиции «третьего мира». В частности, и Украина ярко проявляет на протяжении двух последних десятилетий признаки регресса страны в мирное время. Результатом этих процессов стала невиданная в истории стремительная имущественная дифференциация: на одном полюсе сосредоточилось несколько десятков сверхбогатых семей, а на противоположном – вся другая обедневшая часть общества.

В политической области глобализация проявляется в послаблении функций государства, частичной потере его суверенитета в определенных сферах жизни общества. Государство все более предстает не как закрытая, автономная система, а как подсистема общемировой системы. А вот мировая политика, по словам У.Бека, напротив «стала мировой внутренней политикой, которая лишает национальную политику границ и основ» [7].

Знаковой характеристикой глобализации является активный ввод новых технологических парадигм в отрасли коммуникаций – связь, масс-медиа, транспорт. Новые технологии предоставили возможность объединить человечество дополнительными миллиардами контактов во всех сферах его жизни – экономической, политической, социальной, культурной, бытовой. Это сделало мир

тесно взаимосвязанным, информированным, во многих аспектах очень прозрачным. Так прочно переплетенным контактами человечество еще никогда в истории не было.

Поэтому чертой глобального общества является не только коммуникация и информатизация, но и обратная сторона этих тенденций – ускорение темпов общественных процессов, расширение масштабов и рост плотности контактов социальных субъектов во всех сферах жизни, усиление их взаимозависимости. Глобализация проявляется через всестороннюю взаимозависимость человечества и каждого человека. Мир становится не только взаимозависимым, но и взаимоуязвимым. Объединение человечества финансовыми, технологическими, энергетическими, информационными, транспортными сетями, наличие сверхмощных средств, веществ, объектов, способных вызывать эффект, который повлияет на сотни тысяч и миллионы людей, создает ситуации все более масштабных рисков. Так, бомбардировка Югославии странами НАТО, разрушение мостов на Дунае нанесло европейским странам немалые убытки, в частности украинскому торговому флоту, а финансовые кризисы в 1998 и 2008 годов потрясли весь мир, включая Украину.

В современной жизни всё и все настолько взаимозависимы и взаимосвязаны, что достаточно случиться небольшому сбою в отдельном участке общественной сети связей, как парализуется огромное общественное пространство, которое может охватывать миллионы людей. В этом все больше убеждаются граждане постсоветских стран, переживая системные кризисы. Кризис сказывается не только в системе общественно-экономических отношений, но и в инженерно-технологических системах. Ведь в них два десятка лет не вкладывалось ни одной копейки не только на инновации, но и на ремонт и поддержку в рабочем состоянии. Повсеместной является изношенность технологического оборудования, трубопроводов, энергосистем и т.п. Это приводит к явлению, которое можно назвать, по аналогии с литературным образом, восстанием машин.

Авария на одной из электроподстанций Москвы в мае 2005 года создала угрозу не только нормальному ритму жизнедеятельности города, но и жизни сотен тысяч людей. Землетрясение и последующее цунами в Японии в марте 2011 года привели к тому, что из-за непоставок комплектующих деталей из этой пострадавшей страны были закрыты некоторые предприятия в США. Не менее уязвимыми являются десятки технических и

технологических систем в нашей стране, которые поддерживают движение транспорта, газо- и нефтепроводы, системы телекоммуникаций, городские коммунальные системы.

Рост темпов вырубки лесов, выбросы в атмосферу огромных объемов газов, содержащих вредные и ядовитые вещества, накопление промышленного и бытового мусора – все это увеличивает риски природных катаклизмов, распространения болезней и эпидемий. Все опаснее становятся ураганы, наводнения и засухи, усиливается парниковый эффект. Реальной становится угроза антропогенного изменения климата. Все больший смысл для личности приобретает парадигма выживания человечества в земной окружающей среде (принцип коэволюции, отказ от технологического императива в интересах экологического; принцип экстернальности – учет последствий деятельности по всей причинно-следственной цепочке). В этих условиях возрастает ответственность каждого человека перед всем человечеством за свое поведение. По мнению Вацлава Гавела, «люди сегодня знают, что их может спасти только новый тип глобальной ответственности» [8]. Возможно, автор приведенного мнения несколько преувеличил уровень осознания людьми своей ответственности, однако это утверждение можно рассматривать как моральный императив, который стоит перед человечеством, если оно хочет выжить.

Описывая риски современного общества, не следует забывать о насыщенности мира ядерным оружием. К этому факту человечество за десятилетия гонки вооружений постепенно привыкло. Первая, непосредственная, эмоционально острая реакция на него уже прошла. Стихли массовые протесты против пребывания иностранных войск с ядерным оружием на территории других стран, выступления против испытаний атомных и водородных бомб, против наращивания этих видов вооружений. Все акции пацифизма остались в XX веке. Однако, невзирая на притупление эмоций и изменение настроений у так называемой мировой общественности, и даже учитывая тот факт, что Украина избавилась от атомных боеголовок, а ее территория стала свободной от них, следует осознавать, что ядерное оружие от этого в мире не исчезло и составляет для человечества такую же опасность, как и 25 и 50 лет тому назад.

К сожалению, угрозы человечеству нарастают с каждым десятилетием. Сегодня уже нельзя не отметить такие глобальные угрозы, которые проходят и через Украину, как пиратство, терроризм, наркоторговля, торговля людьми.

Еще одной угрозой для человечества, во всяком случае для стран, которые активно вовлечены в глобализационные процессы, является все большее разрушение фундаментальных моральных ценностей, основ морали, опираясь на которые человечество выжило в истории и достигло современного цивилизационного уровня.

Мы не претендуем здесь на то, чтобы перечислить все черты современного этапа глобализации. Для нас было важно показать объективный характер его как социально-исторического процесса, который имеет как позитивную, так и негативную стороны. Не менее важно указать на его целостность, универсальность и системность влияния на весь мир.

Поэтому развитие нынешних универсальных процессов стало предметом изучения многих социогуманитарных наук – философии, политологии, теории международных отношений, других дисциплин. В последние десятилетия выдвинут ряд интересных идей и концепций, направленных на создание объяснительных моделей глобальных изменений. Они строятся на нескольких парадигмах относительно основ современного мира. Это концепция конца истории Ф.Фукуямы, теория столкновения цивилизаций С.Хантингтона, доктрина нового мирового порядка Дж.Буша-старшего, американоцентристские концепции Э.Бжезинского и Г.Киссинджера.

Отдельное направление исследований основал И.Валлерстайн, который представил свое видение целостности мира и предложил универсальную мир-системную концепцию развития человеческого общества. Современные глобальные изменения рассматриваются также через модели информационного и постиндустриального общества.

Не стоит в стороне от изучения глобализационных проблем и социологи. В этом контексте они переосмысливают основной объект своих исследований – общество. Если раньше общество понимали как самостоятельный социальный организм, функционирующий в рамках государства, то теперь, в условиях глобализации, отдельный социальный организм в рамках государства не является самодостаточным. Он является лишь элементом более масштабной системы, а именно всего человечества. Это подталкивает социологов к пересмотру толкования понятия «общество». Так, например, М.Арчер считает, что единицей анализа для социолога теперь становится не отдельное общество, а человечество как целое.

В связи с этим очень важно осмыслить координаты, место, роль, позицию Украины в глобализационных процессах. Наше общество, хотим мы того или нет, уже втянуто в эти универсальные изменения. В Украине разворачиваются два типа глобализационных процессов: а) как проявление мир-системных явлений и б) как проявление глобализационных явлений, которые вызревают внутри страны, общества, государства.

Эти два типа процессов налагаются на противоположные, связанные с системным кризисом общества, тенденции модернизации, аграризации, архаизации. Если глобализацию отождествляют с информационным обществом, в котором существует самый широкий доступ к любой информации и знаниям, происходит автоматизация и роботизация всех отраслей производства и управления, то у нас в последние два десятилетия утеряны многие параметры даже индустриального общества – осложнился доступ населения к прессе, к литературе, сократилась сеть библиотек, практически не пополняются их фонды, ухудшилась транспортная инфраструктура, особенно в сельской местности, выросли угрозы разрушения инженерной инфраструктуры как государства в целом, так и отдельных отраслей, а также отдельных населенных пунктов, социальных и промышленных объектов.

Украина не имеет богатых сырьевых природных ресурсов, которые могли бы стать средством выживания для страны в период затяжного социально-экономического кризиса. Самый главный ее ресурс на сегодня – человеческий капитал (образовательный, культурный, социальный). Однако и он быстро тает. Уже проявились процессы снижения качества образования, даже элементы дебилизации общества (тысячи детей не посещают школы, через СМИ распространяются аморальность, насилие, растет численность наркоманов, ВИЧ-инфицированных). Происходит распыление человеческого капитала (из-за невостребованности образовательного ресурса личности, снижения качества преподавания в школах и вузах). Расточается информационный ресурс, теряется живое знание, вымывается интеллектуальный потенциал нации. Мы имеем в виду как «утечку мозгов» за границу, так и «внутреннюю миграцию», то есть переход носителей живого знания в другие общественные сферы, которые не нуждаются в такой квалификации – бизнес, торговля, строительство, вспомогательные работы и тому подобное. А наукоемкие производства не только не развиваются, но даже оказались на грани исчезновения.

Вследствие этого глобальные процессы разворачиваются в стране крайне противоречиво, порождая причудливые социальные явления, наподобие толкача «кравчучки» с мобилкой. Впрочем на фоне достаточно активной разработки проблем глобальных изменений на макроуровне – на уровне мировой системы, географических регионов, стран, отдельных сфер жизни (экономика, международные отношения, экология, коммуникации, культура и тому подобное), малоисследованными остаются аспекты, связанные с осмыслением места и роли личности в водвороте этих всеохватывающих изменений. С одной стороны, новые международные условия жизни, новые технологии открывают широкие возможности для самореализации личности, а с другого – по возможностям доступа к этим технологиям мир делится на две неравные части: страны «золотого миллиарда» и бедные страны. Впрочем, мощные глобализационные изменения в мире затрагивают практически всех людей, каждую личность, независимо от страны ее проживания. Однако насколько неравномерно распределяются глобализационные влияния на личность в зависимости от страны ее проживания, от ее места во внутристрановой социальной структуре, от возможности ее доступа к современным технологиям, к информационным сетям и тому подобное, – это все вопросы, которые нуждаются в тщательном изучении.

Особый интерес представляет исследование личности, находящейся в условиях «уплотнения пространства и времени», в условиях новой глобальной социальной среды. Сейчас очень важно проанализировать влияние глобальных изменений на личность, ее жизненный мир, ее ценности, установки, нормы поведения. Центральной темой осуществляемого в данном параграфе научного анализа является формирование социального ареала жизни личности в период глобализации, изменения, которые в нем происходят, направления, в которых разворачивается данный процесс. Для нас было важно осмыслить, что происходит с личностью в условиях глобализации разных сфер ее жизни. Какие факторы влияют на переформирование ареала жизни личности, как происходят эти преобразования? Какие новые возможности для самопроявления личности, ее гражданских устремлений в политической сфере предоставляют современные информационные технологии? Как влияет глобализация на культурную среду личности, на бытие человека в поле конкуренции разных культур? Важно исследовать, как изменя-

ется социальный ареал жизни индивида, когда он одновременно живет в двух мирах, где реальная картина отношений сосуществует с виртуальной. Актуализировалась тема «информация и личность». На человека ежесекундно обрушивается лавина разного рода сообщений. Как не потерять себя, свою идентичность, свое видение мира в этой перенасыщенной информацией реальности? Какие типы идентичности сохраняет личность, какие из них разрушаются? Что представляет собой феномен «экранной культуры», как он влияет на личностное поведение? Как соотносятся в социальном ареале жизни личности рациональные и иррациональные составляющие?

Чтобы ответить на эти вопросы, исследователь должен выбрать для себя такую методологию исследования, которая бы позволила максимально адекватно отразить указанные процессы и явления. С уважением относясь к новейшим методологическим парадигмам, которые предложены нашими современниками, внимательно штудировав их и анализируя, мы хотели бы четко заявить о своих исследовательских принципах: познаваемость мира, и социального в частности, признание прогресса в историческом развитии общества и возможности сознательного управления общественными процессами (не отрицая того, что вместе с тем в обществе действуют и непознанные нами социальные процессы, оказывающие существенное влияние на ход событий, не отрицая роли самоорганизационных процессов в обществе). Хотя сегодня достаточно модными (именно модными, а не такими, что доказали свои эвристические и практически-творческие возможности) являются постмодернистские подходы, которые отбрасывают любое теоретическое моделирование, обобщение, поиск парадигм, повторяемостей, закономерностей, отождествляя плюрализм с эклектикой и релятивизмом [9]. Мы в известной мере разделяем ту оценку современных постмодернистов, которую им дал Виктор Пелевин: «... современные философы – это подобие международной банды цыган-конокрадов, которые при любой возможности с гиканьем угоняют в темноту последние остатки простоты и здравого смысла» [10]. Хотя мы далеки от того, что интеллектуальные течения в общественной мысли возникают как выдумки оторванных от жизни научных работников. Современная жизнь действительно спутала высокое и низкое, благородное и плебейское... Но эти полярности по-разному соединяются – одни смешиваются, продуцируя что-то общее, другие сосуществуют, образуют конгломерат. Это и есть

современная жизнь. Постмодернизм привлек внимание к этим особенностям современного человеческого бытия. В этом его заслуга. Но вред от постмодернизма заключается в том, что он становится апологетом этой какофонии, а не пытается познать ее причины и последствия.

Литература:

1. Салман А. – Независимая газета. Сценарии. – 2001. – 11 апреля.
2. Иноземцев В. Л. О мировом порядке XXI века / В. Л. Иноземцев, С. А. Караганов // Россия в глобальной политике. – 2005. – № 1. – С. 8–26.
3. Фергюсон Н. Мир без гегемона // Свободная мысль-XXI. – 2005. – № 1. – С. 18.
4. Бек У. Космополитическая глобализация // <http://timursim.livejournal.com/24171.html>
5. Там же.
6. Бельке П. На грани хаоса // Internationale Politik. – 2003. – № 4. – С. 69–79.
7. «Суверенное государство все больше делегирует свои функции международным объединениям, наднациональным организациям». Бек У. Космополитическая глобализация // Internationale Politik .
http://www.globalisation.ru/live/article.asp?rubric_id=1304&id=4470
8. Havel V. A Call for Sacrifice // Foreign Affairs. 1994. № 73(2). – P. 45.
9. См.: Столович Л. Плюрализм в философии и философия плюрализма. – Таллинн. – 2005.
10. Пелевин В. Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда: Избранные произведения. – М., 2003. – С. 270.

2.2. Социальное пространство и социальный ареал

В современных условиях особый интерес представляет проблема изменений общественного поведения личности в контексте новой глобальной среды, в ситуации «уплотнения пространства и времени».

Действительно, социальная среда личности даже на уровне повседневности приобретает глобальный масштаб. В традиционном мире событие ограничивалось преимущественно областью общины, резонанс гасился околицей общины, за которой началась пропасть, где обрывались нити социальных связей. Лишь исключительные события приобретали масштаб, соотносимый с масштабом всей страны, или даже выходили на уровень международного пространства. Сегодня же любое событие в мире становится непосредственно интегрированным в мировой процесс. Его последствия не ограничиваются пространственным локусом жизни, а вплетаются в сеть мировых связей и отношений [1].

Личность непосредственно включена в универсальные взаимосвязи – как потребитель бытовых товаров, как пользователь разнообразной информацией, как гражданин, как работник, как реципиент продуктов искусства. Даже ее семейно-бытовая сфера становится глобальной – родители живут на одном континенте, дети – на втором, сваты – на третьем. А для современной украинской семьи нет ничего удивительного в том, что дети с бабушкой находятся дома, мать – на заработках за границей на Западе, отец – на заработках на Востоке. Иначе говоря, пространство повседневной жизни личности вбирает в себя множество границ, которые еще до недавнего времени были непреодолимыми. Новое положение личности в мировом социальном пространстве, новая ситуация ее жизни еще недостаточно осмыслены, слабо отрефлексированы и до сих пор не вполне адекватно воспринимаются самими участниками глобальных изменений.

Следовательно, в центр исследовательского внимания попадает новое пространство жизни личности, а также особенности ее жизненного поведения в новом социальном пространстве. В этих условиях категория социального пространства приобретает новый смысл и нуждается в тщательном изучении. Однако в социологии она является еще мало исследованной, хотя нельзя сказать, что «социальное пространство» как категория в социо-

логии – сплошная целина. «Пространством не занимались – за одним важным исключением – классики социологии. Пространством, за редкими, хоть и важными исключениями, мало интересуются современные теоретики», – отмечает Александр Филиппов [2].

Поэтому актуальным становится рассмотрение социального пространства не как абстрактной категории, а как сферы развертывания поведения, образа и стилей жизни личности. С этой целью мы предлагаем ввести понятие, конкретизирующее категорию социального пространства. Таким понятием может быть «социальный ареал жизни личности».

Чем отличается понятие социального ареала от понятия социального пространства? Понятие пространства применяется как наиболее обобщающая категория. Поэтому оно и привлекло внимание в первую очередь философов. «Пространство» вместе со «временем» в разных философских системах принадлежат к самым сложным категориям, которые определяют как границы бытия, так и его самую глубинную сущность.

Впрочем, во многих случаях категория «социальное пространство» воспринимается сугубо как наглядно-созерцательная. Так, даже в физическом пространстве города локализуются отдельно богатые и бедные районы, престижные и непрестижные магазины, роскошные и обветшалые дома и т.п. В физическом пространстве зданий, где размещаются определенные заведения, учреждения достаточно четко различаются этажи или зоны, которые занимает руководство, и которые – рядовые работники. В символическом смысле пространственно-социальные понятия воспринимаются «геометрически». Так, когда мы говорим о «социальной лестнице» или о «социальных ступенях», то в воображении размещаем иерархически определенные социальные группы и слои, или когда мы говорим о «социальной дистанции», то рисуем в воображении близкие или далекие расстояния между социальными субъектами.

Что касается понятия «ареал», то оно возникло в естественных науках и означает зону распространности чего-либо (определенных видов животных, растений) на некоторой территории. В этом понятии пространство связывается с определенным объектом его наполнения – животными, птицами, насекомыми и т.п. Благодаря объекту, имеющему рубежи своего распространения, пространство приобретает границы, определенность и становится ареалом.

Большая конкретность и определенность понятия «ареал», по сравнению с «пространством», сделали его привлекательным для использования и в социогуманитарных науках. Так, уже установившимся в этих науках является понятие культурного, языкового, религиозного ареала.

Под социальным ареалом мы понимаем очерченное социальное пространство, в котором личность находится постоянно или регулярно, непосредственно или опосредствованно. Это та часть социального пространства, которая обеспечивает всестороннее воссоздание жизнедеятельности личности: это «ойкумена личности». Социальный ареал – это пространственная организация социального бытия личности. Он является «вмонтированным» в социальное пространство; это, собственно, социокультурно заполненное пространство.

Посредством категории «социальное пространство» можно рассматривать социальный уклад общества, социальный порядок в разных его сферах, фрагментах – например, социальное пространство больших социальных групп, социальное пространство города. А понятие социального ареала открывает новые познавательные возможности через персоноцентрический подход. Социальный ареал жизни личности – это часть социального пространства, которая имеет субъектоцентрический характер. Ареал – это зона непосредственной включенности личности в определенный фрагмент социального пространства.

В чем заключается смысл персоноцентричности социального ареала жизни? Дело в том, что социальное пространство может рассматриваться как самостоятельный предмет исследования, и тогда абстрагируются от того, какие субъекты наполняют это пространство. В этом случае на первый план выходят проблемы структуры пространства: верх – низ, иерархическая подчиненность элементов и горизонтальные связки, центр – периферия, столица–провинция, границы пространства, зоны, дистанции между объектами пространства, обустроенное/необустроенное пространство и т.п., а также проблемы его наполненности, плотности связей в нем.

В случае же, когда мы исследуем социальный ареал жизни личности, то единственным его центром является личность, поскольку ареал – это привязанное к данному конкретному человеку пространство, точнее, это индивидуализируемое им социальное пространство, это та часть пространства, которая организована именно этой личностью, упорядоченная ею по своим представ-

лениям, склонностям и вкусам (даже хаотически, без определенного плана).

Социальный ареал жизни личности – это социально освоенные ею точки социального пространства, это порядок присвоенных точек, а следовательно, зона доступного и известного для нее социального бытия. Это контуры, конфигурация, архитектура бытия личности в социальном пространстве. Это социальная ниша данной личности в социальной среде.

Ареал – это часть пространства, которая освоена личностью и поэтому приобрела для нее форму, очерченную социальными границами. Эта часть пространства построена по принципу моноцентризма в отличие от социального пространства, которое может быть и моноцентричным, и полицентричным.

Освоение социального пространства личностью не имеет ничего общего с поведением первопроходцев, покоряющих никем не заселенную территорию. Такое наивно-романтическое представление является очень далеким от прозы социальной практики. Во-первых, сегодня личность уже вряд ли найдет неосвоенные территории. Во-вторых, и это главное, речь идет об освоении социального пространства, а не географического. Поэтому и пространство это, хоть и не исключает географического пространства, поскольку любые социальные действия и процессы разворачиваются в физическом пространстве, но имеет совсем другую природу и качество. Социальный ареал – это всегда уже освоенное, разделенное и структурированное на разных уровнях в социальном плане пространство. Здесь наличествуют экономические, социальные, политические, культурные, духовные и другие сферы. Для их освоения личность должна иметь соответствующие ресурсы: экономические, финансовые, правовые, образовательные, культурные и т.п. И только при наличии таких ресурсов, которые выступают для личности как необходимые условия жизни, она может проявлять свою волю, интересы, мотивы.

Исходя из границ своего социального ареала существования, личность воспринимает и ощущает социальные дистанции. В жизненном ареале личности граница имеет несколько другую смысловую нагрузку, чем граница в социальном пространстве. Если в последнем граница означает самые отдаленные точки от центра, то в социальном ареале жизни личности граница не является показателем внутреннего расстояния. Для личности все точки ареала ее жизни являются одинаково отдаленными. Поэтому в ареале жизни личности граница является знаком, внешней

линией, выполняющей роль барьера, который не пропускает ее в ареалы жизни других. Но эта роль границы ослабляется или даже утрачивается в тех зонах жизни личности, которые связаны с областью культуры и духовной сферы. Здесь сказывается не только непреодоленность границ, но и их относительность. «При всех своих ограждающих и преграждающих возможностях они (границы. – Н.Ш.) в той или иной степени проницаемы и подвижны. Иными словами, их нельзя не замечать, но не менее нереалистично переоценивать их роль» [3]. А если говорить об эмоционально-чувственной сфере жизни личности, то можно привести массу примеров, когда ради объекта своего увлечения, своей любви личность разрушает любые чужие границы и изменяет собственные.

В социальном пространстве граница выполняет двойную функцию – охранительно-оборонную относительно внешних влияний и защитную относительно внутреннего распада социального целого. Например, А.Тойнби характеризует назначение границ империи таким образом: «...Граница империи... фактически имеет двойное назначение. Она служит не только для того, чтобы перегораживать путь соседям, но и для того, чтобы не выпускать своих жителей за пределы страны...» [4]. Так же и в ареале жизни личности граница во многих случаях выступает преградой для других, кто угрожает жизненной автономии личности, а с другой стороны, она структурирует и организует жизнь личности на определенной части социального пространства, делает его собственным, своим.

Социальный ареал представляет собой присвоенное личностью пространство, в котором разворачивается ее социальная деятельность, зону ее повседневного бытия. Это система ее установившихся, повторяемых, иерархизованных социальных связей (экономических, социальных, политических, культурных, духовных; официальных и неофициальных, формальных и неформальных; обыденных и особенных, праздничных, сакральных, чрезвычайных). Социальные связи личности образуют упорядоченную конструкцию, в центре которой находится она сама. В социальных координатах ареал жизни личности представляет определенный слой, массив социального пространства, сконструированный по замыслу личности, в соответствии с ее логикой и представлениями, в соответствии с ее интеллектуальными, культурными, духовными, а также финансово-имущественными и правовыми ресурсами.

Однако социальный ареал личности не является каким-то автономным оазисом, не пересекающимся с социальными ареалами других личностей. На эту сторону дела обращают внимание П.Бергер и Т.Лукман, когда отмечают, что пространственная структура повседневной жизни имеет социальное измерение, «благодаря тому факту, что зона моих манипуляций пересекается с зоной манипуляций других людей» [5]. То есть ареал жизни личности является частью социально структурированного пространства. Из этого следует, что для того, чтобы сохранить свой социальный ареал, личность должна прилагать усилия, соревноваться и бороться. «Каждый субъект пытается максимально распространить свою субъективность, свое «я», власть на максимальную территорию и встречает на своем пути такую же попытку со стороны других субъектов, – отмечает А.Ахиезер. – Это не обязательно превращается в кровопролитие, но противостояние присутствует всегда» [6].

Действительно, удержание в прежних границах или расширение жизненного ареала личностью не обязательно должно реализовываться через направление своей активности против других людей. Социокультурное освоение личностью пространства и превращение его в свой ареал является значительно более сложным социальным актом, чем вульгарный захват территории или насильственная колонизация. Ведь даже физическая доступность определенной зоны социального пространства для личности не означает того, что она социально овладела ею. Присвоение какого-то объема социального пространства личностью может быть материальным и символическим. Скажем, можно зайти в художественный музей, но, не имея соответствующего образовательного и культурного капитала, его содержание не усвоишь. В данном случае для расширения собственного ареала жизни личность должна направить свои усилия не на других, а на себя, на повышение своего образовательно-художественного уровня.

Жизненный ареал личности объединяет и освоенное во внешней среде, и духовно освоенное пространство, то есть ее внутренний мир, жизненный мир, духовный мир. Каждый человек отличается своим внутренним духовным ареалом – у одного он развитый, а у другого – неразвитый, у одного – большой, обширный, а у другого – узкий, ограниченный.

Внутренний мир, субъективная сфера личности выступает существенной детерминантой ее социального ареала жизни. Соб-

ственная логика развития этого континуума имеет инерционный характер и предстает как важный фактор, корректирующий общественное поведение личности. Например, после распада СССР изменилась социальная среда жизни личности, изменились ее статусы, а следовательно, изменилось ее место в социальном пространстве и трансформировался ее жизненный ареал. Однако осознать свое новое место многим людям отнюдь не просто, поскольку еще не устоялись новые социальные отношения, прочно не утвердилась иерархия новых социальных статусов, еще жестко не закрепился новый социальный порядок, а главное – еще действует, остается активной сформированная в предыдущий период картина мира личности. Следовательно, социальный ареал жизни личности очерчивает не только объективно имеющиеся на данное время социальные отношения, но и ранее сформированные у нее социокультурные идентичности, которые не всегда соответствуют ее актуальным социальным отношениям. Таким образом, в данных общественных обстоятельствах в социальной жизни личности дают о себе знать, по меньшей мере, две нематериальные реальности: мир ее виртуальной жизни и субъективный мир ее жизни. Первый, мир виртуальной жизни, расширяет ее ареал, перенося в пространство интернета, видеоклипов, кино, игр – т.е. грез, иллюзий, утопий. Второй, мир ранее сложившихся представлений, с одной стороны, реагируя на актуальную действительность, неадекватно ее отражает, а с другой – дает личности возможность укрыться от новой действительности в комфортный для нее мир воспоминаний.

Социальный ареал жизни личности – это освоенные индивидом точки социального пространства, зона доступного для нее социального бытия. Человек включает в свой ареал лишь те фрагменты социального пространства, содержание которых он способен освоить (учитывая его социальный статус, доход, образовательную, профессиональную и другие виды социальной компетентности). Индивидуальный социально-культурный потенциал и определяет контуры, конфигурацию, архитектуру бытия личности в социальном пространстве, то есть ее социальный ареал жизни.

Освоенный объем социального пространства, масштабы ареала жизни личности отвечают ее потенциалу, или капиталу – интеллектуальному, образовательному, культурному, имущественному, статусному и тому подобное. А во многих обществах масштаб ареала жизни личности зависит еще и от ее расовых, эт-

нических, культурных, религиозных, языковых характеристик. Масштабы и контуры ареала жизни личности зависят от ее разносторонней социальной активности. Иначе ее способность организовать, управлять своим ареалом жизни и контролировать его теряется, масштабы ареала жизни сужаются, что может привести к жизненной катастрофе.

Конфигурация социального ареала жизни личности в современном обществе постоянно изменяется. В традиционных обществах на протяжении жизни личности ее жизненный ареал тоже изменялся. Но характер изменений в основных контурах был предполагаемым, типичным. Эти контуры изменялись главным образом соответственно возрасту личности и возрастным социальным ролям. У современного человека ареал жизни отличается тем, что он является непрогнозируемым, формируется в условиях, которые предоставляют личности множество выборов, влияющих на его (ареала) контуры, абрисы, а потому он является чрезвычайно индивидуализированным.

Глобализационные тенденции ведут к нивелировке роли социальных скреп (мировоззрений, идеологий, религий и даже морали), освобождению личности из-под жесткого влияния и контроля больших социальных групп (этноса, социального класса, конфессиональной группы и т.п.). В постсоветском пространстве автономизация личности возрастает и в результате эффекта руинизации – развала большого общественного целого (государства СССР, советского общества, связанных с ними ценностей), а также разрушения авторитетов – как исторических фигур, так и социальных институтов, событий. А это, в свою очередь, приводит к демонтажу многих форм социально-культурной иерархии. В результате таких процессов автономизация личности приобретает характер атомизации личности в обществе. К сожалению, в нашей стране атомизация личности достигла больших масштабов. Уровень недоверия людей к органам власти, к общественным институтам, к другим людям, за исключением родных и близких, вырос невероятно.

Мгновенный развал системы социальных и моральных ценностей, вызванный кумулятивным ударом по ним средств массовой информации, привел общество к состоянию глубокой аномии. Только одно это событие способно дезорганизовать систему общественной жизнедеятельности, деформировать весь комплекс социальных и социально-психологических связей личности. Но социальная ткань разорвана и по другим параметрам –

экономическим (кардинальное изменение форм собственности, остановка целых отраслей народного хозяйства, распад трудовых коллективов), социальным (упадок образовательной, медицинской, пенсионной систем), культурным (резкое сокращение финансирования этой сферы, упадок библиотек, клубов, театров, кинотеатров; засилье в обществе массовой культуры). Все это вместе воспроизводит и усиливает атомизацию общества, предопределяет сужение социального ареала жизни человека, его обеднение и примитивизацию.

В условиях стабильного общества изменение социального ареала жизни личности происходит путем выхода за существующие границы в те области социального пространства, где личность еще не бывала, которые она лишь начинает осваивать, ставить под свой контроль, подчинять логике собственной жизни, своим жизненным целям, реконструируя их таким образом, чтобы они органически вписались в общепринятый порядок жизни, его темп, стиль и манеру.

Структура одной части ареала жизни личности является в большей или меньшей мере социально заданной. Сюда личность помимо собственной воли включена, «вписана», «погружена». А другая часть жизненного ареала является в большей степени реализацией замыслов, вкусов, ценностных ориентаций самой личности. Но как бы ни влияли внешние, общественные обстоятельства на контуры социального пространства личности, все же субъектом его упорядочения является она сама. То есть существуют определенные социальные границы, за которые она выйти не может. Однако внутри этих границ открывается пространство для выявления воли личности, для выявления ее «Я», для самоутверждения и самореализации.

Личность входит, вмешивается в организацию общественно-го пространства со своей логикой поведения, своими целями и намерениями. На стыке организации пространства обществом и человеком с его желанием реализовать свои намерения, то есть образовать свой социальный порядок в пространстве, возникает проблемная ситуация: как преодолеть противоречие между этими системами (общественной и личностной), как согласовать логику их поведения. Можно предположить два возможных способа решения этой ситуации. Первый – личность полностью подстраивается под логику разных уровней организации пространства общественной системы. В таком случае она теряет возможность реализации собственных планов и задач, или, по край-

ней мере, возможность их реализации существенно сужается. Второй – она игнорирует организацию пространства обществом и внедряет свою логику. В этом случае человек рискует попасть в категорию нарушителей не только установившегося образа и стиля жизни других людей, но и закона. В действительности, в реальной жизни таких крайних вариантов поведения почти не существует. На практике индивид должен частично подчиняться логике организации общественного пространства, заданной извне, а частично имеет возможность реализовывать свои планы, организуя пространство по своим представлениям и вкусам. Даже в таких крайне формализованных организациях, как армия или тюрьма, где порядок жизни жестко контролируется, можно хотя бы частично, хотя бы через определенные символы, стиль поведения организовать свое социальное пространство согласно своим представлениям. Таким образом, в каждом отдельном случае можно говорить лишь о степени свободы самореализации личности в ее ареале жизни.

Следует заметить, что социальное пространство общества включает много разнокачественных сфер, в которые человек может входить лишь на определенных условиях или ему априори туда вход запрещен. В любом обществе есть «запрещенные», «неуютные», «нежелательные», «позорные» и т.п. территории. Например, еще несколько десятилетий тому назад в Южно-Африканской Республике чернокожим гражданам запрещалось оставлять без разрешения резервации, вступать в профсоюзы, бастовать, учиться в тех же заведениях, ходить в те же театры и рестораны, что и белые, ездить с белыми в одном транспорте. В этом проявлялась жесткая социально-пространственная структурированность общества. Для личности это означало, что определенные сектора социального пространства не могут стать элементами ее ареала жизни.

Но и в самом социальном ареале жизни личности имеются особенные зоны. В первую очередь это касается символической сферы. В ней существуют запретные зоны, которые личность не должна посещать, но вместе с тем эти зоны относятся к ее социальному ареалу. Освоение этой части пространства происходит путем непосредственного невхода в нее, путем признания табу. В данном случае освоение этой территории человеком происходит не в реальности, а в сфере его сознания. Он включает эту зону в сферу своей жизни. Присутствие личности в этой зоне ареала является условным, но эта часть

является неотъемлемой составляющей ее социального ареала жизни.

Социальный ареал конкретизирует социальное пространство. Когда мы говорим об ареале, то обязательным условием этого явления есть наличие в данной части пространства личности, субъекта. Это, во-первых. А во-вторых, ареал – определенная, очерченная часть пространства и определенность этой части пространства осуществляется благодаря конкретному человеку. В-третьих, включенность его в конкретный сегмент пространства означает то, что он проявил активность, действия. В-четвертых, исходя из первого, второго и третьего, можно сделать вывод, что наличие в пространстве личности, которая самоактуализируется, не только определяет и конкретизирует этот сегмент пространства, но и внутренне структурирует и оформляет его.

Структура социального ареала жизни личности в значительной мере детерминируется структурой того социального пространства, частью которого является данный ареал. Структура социального пространства обусловлена социальными детерминантами и проявляется через логику организации разных уровней социальной системы, через институциональный порядок общества. Структуру социального пространства можно представить в виде сфер, которые взаимно пересекаются – семья, образовательно-воспитательная сфера, трудовая сфера, сфера потребления, досуга, повседневно-бытовая сфера (соседские отношения, друзья и т.п.).

П.Бергер и Н.Лукман считают, что социальное пространство, его структуру, порядок в реалиях повседневной жизни можно выразить через континуум типизаций, которые отражают нарастание степени анонимности социальных связей человека. «На одном полюсе континуума находятся те другие, с которыми я часто и интенсивно взаимодействую в ситуациях «лицо-к-лицу». Это, так сказать «мой круг» . На другом полюсе континуума – крайне анонимные абстракции, которые по самой своей природе никогда не могут стать доступными взаимодействию «лицо-к-лицу» [7]. Для нашего исследования предложенная П.Бергером и Н.Лукманом схема является очень продуктивной, поскольку она построена не по логике структуры социального пространства общества, а по логике социальных связей личности. Поэтому она может быть применена для объяснения структуры ареала жизни личности.

Подобную, но более конкретную структуру социального пространства личности, то есть, по нашей терминологии, структуру социального ареала жизни личности, предлагает В.Хол. Он делит пространство по критерию «межперсональной дистанции» на четыре зоны действия: «интимную», «личную», «общественную» и «гражданскую». Соотношение их в ареале жизни личности зависит от социально-исторического типа общества и цивилизационно-культурных традиций [8].

Следовательно, ареал жизни личности пронизывает разные зоны социального пространства. Она осваивает их, подчиняет логике своего поведения, целям, замыслам и планам. Благодаря этому ее ареал жизни приобретает новое качество, которое задается индивидуальностью человека.

В социальном ареале жизни происходят события, в которые вовлечена личность. В отличие от пространства, выступающего как таковое, где уже произошли, происходят сейчас или будут происходить в будущем события, в которых будет принимать участие личность, ареал – это часть пространства, уже освоенная человеком, в которой он уже реализовал и продолжает реализовывать себя в определенных формах.

Ареал жизни личности одновременно является и элементом, плоскостью социального пространства общества. Социальное пространство существует вне индивида и до него, так же, как и общество в целом. Поэтому, создавая свой ареал жизни, человек выходит как из своей логики, целей и намерений, так и из имеющейся организации общественного пространства.

Здесь мы подходим еще к одной теме, имеющей важное значение для понимания понятия «социальный ареал жизни личности». Это наложение ареалов жизни личностей. В общественной жизни люди находятся в постоянных контактах, связях, коммуникациях. Социальные группы реализуют свою жизнедеятельность в границах одного социального пространства. Поэтому у многих индивидов из одного социального класса, из одной группы жизненные ареалы совпадают в главных, жизненно значимых зонах. Но индивидуальность каждого человека настолько уникальна, что их жизненные ареалы не могут совпадать полностью. Даже в особенных, замкнутых, жестко регламентированных организациях, где условия пребывания четко требуют пребывания в определенное время в определенной зоне пространства (в армии, исправительных учреждениях и т.п.), полной идентичности ареалов жизни личностей нет.

Следовательно, социальный ареал жизни личности – это социальный порядок разворачивания ее жизнедеятельности в социальном пространстве, очерченном социальными границами. Он определяется ее социальным статусом. Последний определяет меру социального пространства, которую она занимает в обществе. Чем выше социальный статус имеет личность, тем больший объем социального пространства ей принадлежит, тем большим является ее жизненный ареал.

Литература:

1. См.: Гениева Е. Глобальное и локальное. Мир и библиотеки после 11 сентября. // Вестник Европы. -2002. -№5. <http://magazines.russ.ru/vestnik/2002/5/geniev.html>.
2. Филиппов А.Ф. Элементарная социология пространства // Социологический журнал. –1995. -№1. – С 45.
3. Сыродеева Ася. Мир малого. Опыт описания локальности. – М., 1998. –107 с.
4. Тойнби А.Дж. Постижение истории. –М. –1989. –С.543–544.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. –М., –1995. –С.48–49.
6. Ахиезер А. Пространство в России. Круглый стол. 17 апреля 2002 года // Отечественные записки. –2002. –№6. –С.126.
7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.–1995.– С.59.
8. См.: Хаггетт П. География: синтез современных знаний.–М., –1979. – С.25.

2.3. Изменения социального ареала жизни личности под воздействием глобализации

Какие особенности социального ареала жизни личности проявляются в условиях глобальных изменений?

По нашему мнению, следует обратить внимание на существенную интенсификацию социального взаимодействия агентов практик. В один и тот же отрезок физического времени происходит все больше социальных контактов, реализуется все больше форм социального взаимодействия. Это ведет к достаточно частым изменениям контуров социальных границ и размеров социального ареала жизни личности. Типичной характеристикой социального ареала становится гибкая геометрия, его мягкая, достаточно размытая конфигурация.

Но самые общие изменения заключаются в том, что происходит сжатие пространства и времени в социальном мире. Изменяются традиционные значения территории и расстояния, социальной дистанции личности. Снижается роль географического места жительства. Причиной таких изменений является наличие технологических возможностей подчинения отдельной личностью любых дистанций, по сути, управление ею расстояниями. Теперь она осваивает пространство не только путем собственного перемещения в физическом, географическом пространстве, но и путем перемещения, приближения точек социального и физического пространства к себе, благодаря современным информационным технологиям. Ведь для того, чтобы провести семинар по определенной теме, научным работникам, живущим в разных концах света, сейчас нет необходимости брать командировку и лететь в определенную страну, город. Для этого можно использовать мировую информационную сеть и провести Интернет-семинар.

Сжатие пространства, благодаря качественно новым способам освоения расстояний, формирует новые черты жизнедеятельности человека, формирует качественно новый тип ареала жизни. Его характерным признаком является то, что практически весь земной шар становится физическим ареалом жизни личности. Понятно, что для большинства наших современников физическое перемещение по всему земному пространству не является повседневной практикой. Однако, во-первых, современные информационные технологии не нуждаются в перемещении

личности в географическом пространстве для решения многих практических задач. Для этого достаточно виртуального контакта с необходимым ей объектом. А во-вторых, количество людей, ежесуточно физически перемещающихся на большие расстояния, с каждым годом растет. Ежегодное количество пассажиров всех видов транспорта по всему миру достигает нескольких десятков миллиардов. А это означает, что масштабы жизненного ареала личности в социально-пространственном плане существенно возрастают.

Принципиальное отличие между традиционным типом жизни и новейшим хорошо прослеживается через сравнение способов и скоростей преодоления расстояний между географическими точками. Хотя сама процедура сравнения является достаточно сложным научным инструментом и поэтому составляет исследовательскую проблему. Ведь представляя ситуации из жизни прошлых веков или десятилетий на будничном уровне, мы не можем их адекватно воспроизвести в своем сознании, не можем во всей полноте и, главное, в качественной специфике передать эмоционально-чувственное состояние людей того времени. Например, когда мы говорим о том, что в Средневековье или в XVII–XVIII столетиях люди странствовали, переезжали из одной страны в другую, то заостряем внимание лишь на том, что они перемещались в географическом пространстве. Однако психологически путешествие в XVII и в XXI веке – это абсолютно разные по характеру восприятия жизненные события. Даже сам акт перемещения в пространстве, которое считалась 300 лет тому назад серьезным путешествием, сегодня вообще путешествием не считается. Ежедневные поездки на работу за 60-70 километров в XXI столетии для личности – это рутинный факт, элемент повседневности, а в XVII столетии – это чрезвычайное событие. В последнем случае даже переезд на 40-50 километров, не говоря уже о сотнях километров, мог закончиться трагически – ограблением разбойниками, нападением хищных зверей, травмированием от природных явлений. В те времена транспортные средства путешественников были такими несовершенными, что для передвижения в них на большие расстояния от человека требовались сильная воля, большой опыт, физическая выносливость, решительность и смелость. Даже путешествие А.П.Чехова в Сибирь и на Сахалин, которое состоялось немногим более ста лет тому назад, было большим физическим испытанием и чрезвычайным событием в его жизни. Достаточно прочитать чеховские письма

и подорожные заметки, чтобы убедиться в этом. Готовясь к путешествию на Сахалин, в письме от 15 апреля 1890 года он писал: «У меня такое чувство, как будто я собираюсь на войну. В случае утонутия или чего-нибудь вроде, имейте в виду, что все, что я имею и могу иметь в будущем, принадлежит сестре; она заплатит мои долги» [1]. Наш современник далеко не всегда имеет полное представление, каким было путешествие еще сто лет тому назад. Ехать нужно было тяжелыми, не мощеными, разбитыми, размытыми дождями или заметенными снегом дорогами, в жестких, тряских телегах, почти не защищенных от солнца и ветра. «К вечеру лужи и дорога начинают мерзнуть, а ночью совсем мороз, хоть доху надевай. Бррр! Тряско, потому что грязь обращается в кочки. Выворачивает душу... – вспоминает писатель. – К рассвету страшно утомляешься от холода, тряски и колокольчиков; страстно хочется тепла и постели. Пока меняют лошадей, прикурнешь где-нибудь в уголке и тотчас же засыпаешь, а через минуту возница уже дергает за рукав и говорит: «Вставай, приятель, пора!» [2].

И дело не только в комфорте или дискомфорте путешествия, не только в скорости преодоления расстояний. В действительности здесь речь идет о принципиально разных способах жизнедеятельности личности, для которых характерны разные картины мира, типы мировосприятия и мироощущения. Это совсем разные человеческие универсумы жизни с качественно отличными системами ценностей и ориентаций, мотивациями, логикой поведения.

Даже на уровне трех поколений в живой передаче человеческого опыта четко прослеживаются эти изменения образов жизни. Приведу яркий пример эмоционального восприятия пространства пожилыми людьми, которых еще застало наше поколение. В «Дневнике» А.П.Довженко пишет от имени старого человека: «Раньше и мир большой был. Такой большой. Было едешь в Кременчуг, а там же еще степи на Бессарабию. Большой был мир. Полон тайн. И полон красоты. Выедешь было в степь, а степь широка!» [3]. Понятно, что для человека, который преодолевает сотни километров с чумаками, громадная масштабность степи будет не сравнима с восприятием этой же степи человеком, который летает самолетом.

Новым признаком постсовременности является становление детерриторизированной жизнедеятельности личности. Детерриторизацию можно определить как размягчение прежнего принципа организации социальной жизни личности и группы посредством неразрывной связи их с территорией. В прошлом личность

была крепко привязана к территории. Считается, что оседлость по сравнению с кочевничеством означала новый шаг в исторической поступи человечества на пути к цивилизации. Оседлость укреплялась вплоть до периода капитализма, когда обезземеленные крестьяне начали новый тип социальной миграции, связанный с поисками работы за пределами места своего проживания. Теперь же, в современных условиях глобализации, автономия личности по отношению к территории становится еще большей, приобретает новое качество.

В результате размывания и даже потери традиционных смыслов дистанции для личности возникает и новое соотношение центра и периферии. Значительно расширяется функция центра. Кстати, историко-культурная специфика каждого общества придает определенный оттенок конструкции социального пространства. Так, для нашей страны центр традиционно связывается с административной властью, с первым административным столом – престолом. Местоположение престола есть столица. А в англоязычных и франкоязычных странах столица – это место концентрации капитала (а следовательно, это – capital). Однако в условиях глобализации и власть, и капитал распределяются в физическом пространстве более равномерно, хотя в социальном пространстве этого не происходит. Эти перемены порождают новые противоречия, скажем, между Севером и Югом.

Тенденция детерриторизации жизнедеятельности личности проявляется в разнообразных формах. Для жизни человека постиндустриального общества характерна непривязанность к определенному географическому и социальному месту. В детстве он живет в одном городе, учиться едет в другой, на работу устраивается в третьем, женится в четвертом и т.д. Пространственная и социально-статусная мобильность личности расширяет ареал ее жизни. Человек находится в состоянии постоянного освоения все новых зон географического и социального пространства и включает их в свой ареал жизни. Вместе с тем некоторые зоны ареала он теряет. Одни теряет в общественной конкуренции, из других выходит добровольно или в результате естественного течения жизни, изменяя возрастные роли и переходя из одной социально-пространственной зоны жизни в другую. А вот субъективный мир личности расширяется постоянно через приобретение все нового и нового опыта, который остается в ее жизненном мире.

Такая высокая динамика жизни личности формирует эффект нарушения привычности. В каждом следующем локусе пребывания личность заново осваивает новые зоны жизни – как бытовые, так и рабочие, общественные, досуговые.

Но эти глобализационные тенденции в нашей стране наталкиваются на процессы упадка коммуникационных, транспортных связей, дистрофичный уровень развития современных информационных технологий. Возьмем, например, организацию общественного транспорта как средства преодоления физических расстояний в стране. Система транспортных соединений в каждой стране имеет свои особенности. Так, в Украине традиционно транспортная сеть имеет более-менее развитую вертикаль и хуже выстроенную горизонталь соединения. То есть у нас транспортные потоки организуются от села к райцентру и от райцентра к областному центру. А системы соединения между селами и райцентрами почти нет.

Информационные коммуникации социального пространства у нас развиты еще хуже, чем транспортные. Здесь также имеем организацию информационных потоков через центр и слабые горизонтальные связи. Можно, например, находясь в Краснодаре, через Интернет получить информацию о наличии свободных мест в гостиницах Мюнхена и ничего не узнать о ситуации с местами в гостиницах соседнего Антрацита. Все это создает фрагментизацию пространства страны и осложняет наладку жизни личности в ее собственном ареале.

Явление детерриторизации связано и с тем, что такой признак государственности, как суверенитет, начинает менять свои традиционные проявления, терять свой статус в отношении территории. Это создает принципиально новые условия для формирования жизненного ареала личности. Сегодня национально-государственный фактор как детерминанта территории, на которой находится человек, вне сомнения, сохраняется, однако он перестает быть единственно определяющим. Дело в том, что, как отмечает Г.А.Белов, глобализация меняет именно место государства во внутринациональных и мировых процессах, выявляет неадекватность государствоцентрической модели мировой политики. Суверенитет государства «съеживается», приобретает ритуальные черты[4]. Возможно, относительно состояния суверенитета государств в мире на сегодняшний день это сказано слишком резко. Однако тенденции подмечены метко.

Детерриторизация приводит к усиленной диаспоризации обществ, которые раньше были моноэтническими. Феномен диаспоризации сложен. Его видимой частью является наличие в обществе иноэтнических общин, их особый стиль жизни, который охватывает не просто отдельные семьи, а целые кварталы городов. Именно лицо городов приобретает новые черты. В его архитектуре становятся заметными сооружения, характерные для других культур и религий.

Механическое сочетание в границах одного города, одного общества разных культур называют явлением гибридизации культур. Появляются разнообразные глобальные и локальные «социокультурные гибриды», часто состоящие из несовместимых частей и являющиеся крайне нестабильными и противоречивыми. О глобализации образно говорят, как о «макдональдизации» и «кокаколизации». К этим определениям следовало бы добавить и «альфайедизацию». Мы имеем в виду явление, автором которого стал мультимиллионер Мохамед аль-Файед. Он купил старинный шотландский замок Херротс. Однако этот замок не отвечал его художественным вкусам, которые были сформированы на традициях арабской культуры. Вот он и перекрасил его на свой восточный вкус в... розовый цвет. Теперь пейзаж Шотландии вокруг замка Херротса является примером социокультурной гибридизации, миксации культур (5).

Сейчас диаспоризуется вся Европа. Немалый вклад в этот процесс делают и наши граждане. Вспомним, что мы являемся демографическим донором Центральной и Западной Европы – там находится по меньшей мере 3,5–4, а по другим данным – до 7 млн. наших трудовых мигрантов. Немало из них не вернутся домой и примут участие в углублении процесса европейской диаспоризации.

Явление диаспоризации не обошло и нашу страну. Украинское общество традиционно было многоэтническим. Однако в последние полтора десятилетия в его этнической структуре происходят значительные изменения. С одной стороны, наше общество почти полностью теряет отдельные этнические группы, которые выезжают из нашей страны (как, например, евреи, количество которых между переписями населения 1989 и 2001 г. сократилось с 486 тыс. до 103 тыс., или немцы, греки, чехи, словаки), а с другой стороны, пополняется этническими и расовыми группами, которые раньше не проживали в Украине (пуштуны, дари, вьетнамцы, китайцы, сомалийцы, нигерийцы и другие)

или проживали, но количество их в последние годы существенно растет (армяне, азербайджанцы, грузины). Появляются и другие признаки диаспоризации: многорасовые рынки, магазины, вузы и другие людные места, вырастают архитектурные сооружения, характерные для других культур. Так, в киевском архитектурном пейзаже к христианским церквям добавляются еще и мусульманские мечети, китайские и японские рестораны, шотландские пабы.

Следовательно, в современных обществах происходят противоречивые социокультурные процессы. С одной стороны, становится обыденным сосуществование в обществе многих культур, религий, языков, образов и стилей жизни. Такое сосуществование провоцирует, стимулирует их взаимодействие, результатом которого является определенная конвергенция ценностей и стилей жизни. Но с другой стороны, наблюдается и усиление такого явления, как диаспоризация. Термин «диаспоризация» употребляется в двух смыслах. В первом – более свободном – имеют в виду наличие разных этнических групп в обществе. Во втором – более строгом – понимают наличие этнических групп, которые ведут свой особенный образ жизни, сохраняя проявления своей этнокультурной идентичности в разных сферах общественной жизни. Собственно, термин «диаспоризация» появился как реакция на явление замыкания этнических групп иммигрантов в себе. В отличие от предыдущих десятилетий, когда, например, в западноевропейских странах достаточно последовательно проводилась государственная политика ассимиляции иммигрантов, во всяком случае, государство и общество достаточно твердо требовали от прибывших изучения государственного языка и обучения на нем детей (удовлетворение культурных и религиозных потребностей считалось сугубо их частным делом), а сейчас, с одной стороны, к иммигрантам общество их пребывания проявляет значительно большую толерантность, уважение к их культурам, языкам и религиям, а с другой – группы иммигрантов с большим достоинством и последовательностью сохраняют свою этнокультурную идентичность в новой социальной среде. Эти процессы являются неоднозначными, противоречивыми. Как известно, канцлер Германии Ангела Меркель в конце 2010 года заявила, что концепция мультикультурализма в ее стране полностью провалилась (6). Через несколько месяцев, в начале 2011 года, премьер Великобритании Дэвид Кэмерон сделал аналогичный вывод, заявив, что попытка создать в Британии мультикультурное общество провалилась (7).

В связи с этим хотелось бы привлечь внимание к близости и отличию явлений диаспоризации и мультикультурализма и терминов, которые их отражают. По нашему мнению, более широким понятием является «мультикультурализм». Понятие мультикультурализма отражает факт наличия в обществе разных этнических, культурных, языковых и религиозных групп и не указывает на характер, качество их взаимодействия с государством и между собой. Понятие диаспоризации также фиксирует факт наличия этнических или религиозных групп, которые являются выходцами из других стран, но при этом подчеркивается то, что они проявляют признаки высокой самоорганизации, твердого желания сохранять свою групповую и индивидуальную идентичность.

Явление мультикультурализма, бесспорно, можно назвать одним из признаков глобализации. А понятие, которое его отображает, сосредоточивает внимание на факте сосуществования и взаимопризнания разных культур в одном обществе, их толерантного отношения друг к другу. Мультикультурализм как теоретическая и политико-правовая концепция предусматривает признаки равенства всех культур, их равноправного диалога.

Следовательно, явления мультикультурализма и диаспоризации – это признаки нового состояния обществ, структура которых усложнена наличием разных культурных групп, характер взаимодействия между которыми в разных обществах может быть принципиально отличным. Кроме того, эти явления указывают на новый тип социальной среды, на качественно новый тип социального ареала жизни личности в условиях глобальных изменений, в частности на его этническо-культурно-языково-религиозное разнобразие. Последнее становится не исключением, а скорее всего правилом. А это означает необходимость коррекции процесса социализации личности в направлении воспитания у нее черт толерантного общежития с людьми других рас и культур. Без наличия таких качеств у населения в современных поликультурных обществах возникает серьезная проблема поиска форм сосуществования общин и выживания государства как целого. Ведь «война цивилизаций», которую пророчил в начале 90-х годов прошлого века Самуэль Хантингтон, периодически напоминает о себе не только в межгосударственном противостоянии, но и в виде внутриобщественных конфликтов даже в тех странах, которые провозглашаются образцами демократии. Одни из них приобретают максимальную политическую остроту, как это было во Франции в период обсуждения и принятия законопроекта о религиозной

символике. Другие выливаются в открытые формы противостояния, как это было осенью в 2004 году в Нидерландах, когда представитель марокканской диаспоры убил кинорежиссера Тео ван Гога. После этого преступного акта произошли встречные шаги насилия – поджоги мечетей и школ по всей стране. И наконец, нельзя не вспомнить о бурных событиях осени 2005 года, когда взорвались арабские диаспоры по всей Франции. Даже в благополучной Бельгии в течение многих месяцев 2010 и 2011 годов продолжается правительственный кризис, вызванный противоречиями между двумя общинами страны – франкоязычной Валлонией и нидерландоязычной Фландрией.

Впрочем, ареалы жизни, в которых происходит социализация личности, в постмодерную эпоху во многих странах становятся мультикультурными, а следовательно, формируют личность нового типа, которая органически соединяет в своем внутреннем мире элементы, ценности, ориентации разных культур, религий и даже языков. Если говорить о перспективах, то, по нашему мнению, диаспоризация обречена приобрести черты мультикультурности. Правда, судя по ситуации в Украине с поиском достойного статуса русскому языку в правовом пространстве страны, соответствующего его масштабу распространенности и роли в общественной жизни, процесс утверждения мультикультурализма может затянуться надолго.

Интенсификация миграционных процессов, рост их масштабов порождают новые социальные явления, возникающие на грани культур и цивилизаций. Миграционные потоки предопределяются разнообразными причинами и социальными событиями. Так, распад СССР подтолкнул такой вид миграции, как возвращение отдельных этнических групп – немцев, поляков, греков, евреев, крымских татар – на землю своих предков. Данный процесс, в свою очередь, породил ряд социальных, социально-культурных и социально-психологических явлений, которым даже трудно дать название. На уровне личности эти явления имеют противоречивый характер, вызывают сложные психологические и моральные состояния. Жизнь, прожитая в стране, где родился и сформировался человек, определяет его стойкую внутриличностную структуру. Последующий переезд в другую страну, которая, возможно, была целью, мечтой с детства, встреча с новой социальной средой, незнакомым бытом, привычками, социокультурным контекстом создают массу трудностей, которые не все люди могут успешно преодолеть. Над личностью висит груз (а нередко светится при-

ятный огонек воспоминаний) той жизни, которая теперь осталась в другой стране. Эмоциональное состояние, настроение и противоречивость идентификации людей, оказавшихся в подобной ситуации, хорошо передал Евгений Евтушенко:

*Здесь, бульварами Тель-Авива,
эмигрировав полусчастливо,
бродит с палочкой пенсионера
призрак маленького СССРа.
Их в почти позабытое время
называли когда-то: «евреи»,
ну а здесь — вдалеке от России —
сразу «русскими» их окрестили [8].*

Таким образом, сегодня жизненный путь личности во многих случаях имеет пространственное измерение в прямом значении этого словосочетания. Ее биография вмещает в себе разные города и села, разные страны и даже континенты. Вместе с тем социальная среда, в которой она живет теперь, богата на людей, проживших часть своей жизни совсем в других городах и странах, в других культурах и традициях. Такая вселенская миксация является основой образования явления, называемого глобальным порубежьем [9].

На уровне личности оно проявляется как жизнь в разных культурах и странах, как жизнь среди выходцев из разных стран и культур. Человек постоянно сталкивается с носителями других культур. Частота таких встреч становится практически такой же, как и встречи с людьми своей культуры. Подобное общение является не исключением, а скорее всего нормой, элементом повседневности. Для личности – жителя глобального порубежья – по-новому встает проблема сохранения и воспроизводства, поддержания своей идентичности: она должна научиться сохранять тождественность в разных точках мира, в разнообразных типах социокультурной среды и уметь при этом полноценно жить в собственной культуре рядом с людьми других культур.

Михаил Ильин, чтобы раскрыть специфику личности глобального порубежья, сравнивает ее с «всечеловеком» – фигурой, щедро описанной в российской философии. «Пресловутый «всечеловек» с его небывалой пластичностью – это скорее «недочеловек», утрачивающий свою идентичность под давлением иной среды. Настоящий всечеловек открыт миру,

говорит на всех языках, но при этом не только остается сам собой, но становится привлекателен и важен для других. И жить он может не в отдельно взятой деревне, не в отдельном граде, не в границах одного государства, а во всеобщем глобальном пограничье» [10].

Следовательно, сохранение своей идентичности личностью глобального порубежья является значительно более сложным процессом, чем это было во времена модерна, поскольку в наши дни сохранение своей личностной идентичности происходит не в среде людей с подобной социокультурной идентичностью, не через непринятие других типов идентичности и даже борьбу с ними, а при условии уважения других идентичностей и, вместе с тем, без перехода на их культурные коды. Этот образ жизни не является чем-то искусственным, навязанным личности извне, а является имманентным, органическим для нее. Масштаб ее жизнедеятельности определяется не ограниченными формулами отдельных культурных зон, а на основе планетарных смыслов. В этом, собственно, и заключается новое качество.

Как мы уже отметили, сжимается не только пространство, но и время, в котором живет личность. Благодаря ускорению общения, которое обеспечивается новыми транспортными средствами и коммуникациями, в единицу времени человек успевае сделать намного больше, чем в индустриальном обществе. У него происходит значительно больше социальных контактов. Растет интенсификация социального взаимодействия агентов практик. Тотальное распространение средств коммуникации, обмена информацией, появление все новых их видов, перекрывающих друг друга, персонализация средств информации и т.п., – все это насыщает новым содержанием время личности, делает его более плотным.

Снимаются проблемы часовых поясов. Человек живет одновременно во всех поясах, поскольку имеет возможность принимать информацию в реальном времени из любой точки планеты. Причем это касается как персонально направленной информации, так и предназначенной для массового потребления.

Следует заметить, что в теоретическом плане «время» является такой же сложной категорией, как и «пространство». Физическое время не тождественно социальному времени. Последнее является социально-культурным продуктом. Даже на уровне художественного осмысления чувствуется разнокачественность социального времени. Так, русская писательница Л.Улицкая в романе «Путешествие в седьмую сторону света»

устами своей героини провозглашает, что времен много и они разные: «время горячее, время холодное, историческое, метаисторическое, личное, абстрактное, акцентированное, обратное и еще много других» [11].

Академически строго к этой проблеме подошли выдающиеся социологи П.Сорокин и Р.Мертон. Еще в 1937 году они пришли к выводу, что социальное время, в отличие от времени в астрономии, наделено качествами, а не только количеством; эти качества производны от верований и обычаев групп, они также служат выявлению ритмов, пульсаций обществ, в которых обнаружены [12].

Ф.Бродель выделял и описал три типа времени. Первый – неподвижное время. Оно разворачивается на уровне системы «общество – природа». Второй – циклическое (социальные и экономические процессы, исторические периоды). Третий – событийный (политические, международные, дипломатические процессы). Они налагаются друг на друга, пересекаются, взаимовлияют (13). Понятно, что на уровне личности психологически воспринимается событийное время, а другие типы воспринимаются через него. Поэтому и изменения в характере хода и качества времени человек чувствует и воспринимает на событийном уровне. Они проявляются в отношении ко времени, в ценности времени, что отражается прежде всего в бытовом поведении, в операциях с такими единицами времени, как месяц, сутки, час, минута. Для людей с образом жизни, который структурируется во времени по таким природным суточным циклам, как восход и закат солнца, не имеют значения такие временные отрезки, как час, минута, а тем более секунда. Существенно будет отличаться явление одновременности в случае, если информация преодолевает сотню километров за двое суток, и в случае восприятия информации из любого места Земли практически в момент события.

В условиях глобализации происходит сжатие только настоящего времени. К будущему времени относятся с учетом сжатия настоящего времени и экстраполируют это качество на будущее. Но прошедшее время уже неподвластно людям (правда, попытки переписывать историю на свою пользу были присущи людям во все времена; не является исключением и наше время). Прошлое сжато по-другому, чем настоящее: в нем спрессованы все события, а кроме того, «отжаты», вытеснены те промежутки времени, которые ничем значимым для субъекта, созерцающего прошлое из настоящего, не наполнены.

Норвежский антрополог Томас Эриксен, исследуя время в эпоху информационных технологий, делает вывод о тирании момента. Он так и назвал свою книгу – «Тирания момента». В ней он выделяет два типа времени – быстрое и медленное. Такое разделение времени произошло в период его уплотнения. Хотя и сейчас эти типы существуют параллельно, однако глобализация стимулирует быстрое время и делает дефицитом медленное [14].

Как видим, современные тенденции уплотнения времени, являющиеся следствием новейших технологий, имеют противоречивый характер. Они проявляются далеко не во всех сферах, а тем более не являются одинаково представленными во всех странах мира. Скажем, в Украине на эти глобалистические тенденции наслаиваются процессы, которые сопровождают новейшую украинскую историю, – затяжной системный кризис, упадок технологий, демодернизация, падение жизненного уровня населения. В депрессивных зонах нашего общества время тянется даже медленнее, чем двадцать лет тому назад. Оно течет, словно в средневековье, в тех селах, которые оказались отрезанными от большого мира, куда не ходят автобусы, где отключают свет и не работают радио и телевидение.

Социальная среда личности приобретает новое качество в условиях высокой насыщенности информацией. Сейчас человек круглосуточно находится под давлением информации. Утром он просыпается под звуки радио или телевизора, за завтраком листает газеты, по пути на работу его сопровождает реклама. На работе он опять же попадает под влияние разных видов информации – служебной, неофициальной, коллег по работе и т.п. В свободное время на человека наваливается не меньше информации, чем в рабочее.

Информация поступает в звуковой, знаковой, визуальной формах. Разного рода информация накладывается одна на другую – на телеэкране, например, показывают не только определенный сюжет, но и параллельно «бегущей строкой» подают еще несколько сообщений. В Интернете, на экране компьютера освещаются сразу несколько информационных сюжетов – основной, сообщение о других информационных темах, реклама, адреса сайтов и тому подобное.

Причем эта информация является не просто фоном повседневной жизни человека, то есть относительно нейтральным компонентом. Информация, насыщающая современную социальную среду личности, является активной и даже агрессивной. Она давит, задевает человека, привлекает внимание индивида. Объекты и каналы

рекламы соревнуются за его внимание именно к ним. В условиях глобальной информатизации ареал жизни личности – это не только та часть социального пространства, которую осваивает человек, но и формирующий человека сегмент социального пространства.

Отдельной проблемой в рамках обсуждаемой темы является реальное и виртуальное освоение личностью той части социального пространства, которую составляет ее социальный ареал жизни. Именно рост, расширение виртуального аспекта социального ареала жизни личности является самым характерным признаком глобализации. Хотя появляются все новые возможности для освоения личностью физического, географического, межгосударственного пространства, однако принципиально новым типом расширения социального ареала ее жизни и формирования абсолютно новых стилей жизни является активное и разнообразное вовлечение в виртуальную реальность. Последняя имеет мощный потенциал влияния на повседневность – и в экономической, и в социальной, и в духовно-культурной сферах.

Виртуальное пространство жизни помогает личности абстрагироваться от всех условий, мешающих основному виду ее коммуникации и деятельности, той цели, ради которой и был инициирован данный социальный контакт. Так, контакты через Интернет оставляют вне рамок общения такие детерминанты реальных взаимоотношений, как принадлежность субъекта к определенной культуре с ее ценностями и этикетом, к определенной цивилизации с ее верованиями и предрассудками.

Для нового качества социального ареала жизни личности характерен высокий уровень инноваций. Человек способен адекватно отвечать на вызовы глобализирующегося социального времени только при условии его высокой образованности и социально-психологической мобильности. Возрастает роль индивидуальности личности. Этому способствуют тенденции демассификации и дестандартизации экономической и социальной жизни. Они, с одной стороны, удовлетворяют развитые индивидуальные потребности человека, а с другой – создают условия для последующего развития индивидуальности. Но эти тенденции являются ведущими лишь в странах-лидерах глобализации, да и там не для всех общественных слоев. Упомянутые процессы делают возможным расширение ареалов жизни, поскольку благодаря этому личность осваивает новые зоны социального пространства.

Новый социальный ареал жизни личности по-новому конструирует соотношение частной и публичной жизни человека.

Все заметнее пробивается тенденция, направленная на размывание границ между ними.

Изменяется характер социального контроля над жизнью личности, а также контроля личности над обществом. С одной стороны, современные информационные технологии предоставляют возможность индивиду расширить ареал, в котором он может непосредственно влиять на институты власти всех уровней, а с другой – эти самые технологии предоставляют возможность власти, государству вводить тотальный контроль над его поведением во всех сферах жизни. Сегодня личность стоит перед угрозой полного контроля государства над ареалом ее жизни. Благодаря возможностям современных информационных технологий, путем введения разнообразных кодов, идентифицирующих личность, возникает техническая возможность определять границы ареала жизни каждой личности практически во всех сферах общества. А, как известно, возможности рано или поздно переходят в действительность. Обычно это происходит тогда, когда появляется потребность в этом определенном социального субъекта с соответствующими материальными и правовыми ресурсами.

Еще одним признаком современного ареала жизни личности является тенденция ценностно-нормативной интеграции, которая имеет несколько форм проявления. Во-первых, взаимопроникновение ценностей и норм разных социальных и культурных групп и субгрупп внутри общества. Во-вторых, достаточно широкий процесс ознакомления человека с культурами, а следовательно, с нормами и ценностями других народов, заимствование и интериоризация их в собственное поведение. Особенно активно идет процесс распространения тех образцов культуры, которые пропагандируются странами – мировыми лидерами. Продолжается мощное наступление стандартизированных образцов массовой культуры, особенно американской, что порождает конкуренцию в социальном ареале жизни личности глобальной и национальной культур.

Глобализация «расшатывает» всю традиционную систему формирования личности и ее жизнедеятельности. Во-первых, изменяется тип рациональности, на котором основывается ее жизнь, во-вторых, в процессе социализации возрастает роль факторов, которые находятся за пределами национально-культурной среды. В-третьих, происходит «размывание» традиционных идентитетов человека.

Говоря о типе рациональности, мы имеем в виду расшифрованное или не расшифрованное человеком представление о смысле жизни и основах жизни личности, что неявно присутствует в социокультурных структурах и текстах. От видения целей жизни личностью зависит видение высшей цели освоения ею социального пространства и присвоения жизненного времени. В средневековье в культуре существовала определенная модель освоения времени человеком. В этой модели социально-временной континуум простирался в бесконечность, поскольку цель человеческой жизни усматривалась в служении Богу. Сейчас организация жизни личности, проживание выделенного ей жизненного времени предстает в более кратковременной перспективе. Смысл жизни перемещается в посюстороннее пространство. Акцент в организации жизни индивида делается на земных целях – в лучшем случае на целях служения Родине, народу, но чаще – на гедонистических, утилитарных ценностях.

Происходит переход к «постсовременному» типу жизнедеятельности. Его спецификой является то, что жизнь строится на принципах постмодерна: время жизни личности распадается на отрезки, в каждом из которых реализуется отдельный жизненный проект. После осуществления одного проекта начинается новый. Жизнь в постмодернистской парадигме – это реализация кратковременных проектов, причем не только последовательно осуществляемых, но и параллельных, и не обязательно с одной логикой и одними принципами развертывания и построения (это касается и моральных принципов). Нередко эти проекты противоречат друг другу, резко изменяют траекторию жизненного пути, а человек в них теряется, как безликий и бездушный субъект, управляемый извне. Жизненными ценностями становятся гибкость, пластичность, способность приспосабливаться к новым условиям, рациональная целеустремленность.

Осмысление жизни как целого в этих условиях становится для личности лишним и даже вредным, поскольку вносит душевный дискомфорт, который снижает конкурентоспособность и препятствует выполнению проекта. Смыслы видятся лишь в целесообразности данного, актуального на сегодня проекта. А жизнь выглядит как реализация суммы однопорядковых проектов. Так удобно. Ведь быть линией легче, чем точкой. Такое положение вещей уже никого не шокирует.

Но остается открытым вопрос о целостности личности, о ее ядре, о возможности быть самим собой, о саморефлексии, само-

восприятию, в частности и о моральной саморефлексии. В конце концов на повестку дня выдвигается вопрос: возможен ли сам феномен личности в постсовременную эпоху?

Таким образом, изменения социального ареала жизни личности в условиях глобализации приобретают универсальный и системный характер, они ведут к формированию качественно нового социального пространства человека, которое структурируется на новых, еще мало понятных принципах организации социальной темпоральности.

Литература:

1. Чехов А.П. Собрание сочинений: В 12-ти т. – М., – 1985. – т.11 – С.400.
2. Чехов А.П. Собрание сочинений в 12-ти т., – М., – 1985. – т.12 – С.199.
3. Довженко О. Твори в 5-ти т. – К., – 1966. – С.211.
4. Белов Г.А. Глобализация. Модернизация. Россия. Круглый стол // Политические исследования. – 2003. -№2. – С.18.
5. Григорьева Л. Кошелек или жизнь. – Литературная газета. – 2004. – №5. – 4 февраля.
6. Меркель заявила о провале мультикультурализма. http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/10/101016_merkel_multiculturalism_failed.shtml
7. Великобритания: провал мультикультурализма. – Независимая газета. – 2011. – 07 февраля.
8. Евтушенко Е. Израильская Россия // Егупец. – К. – С.58.
9. Ильин М. Мир хоритик. <http://antropotok.archipelag.ru/text/a261.htm>
10. Там же.
11. Улицкая Л. Путешествие в седьмую сторону света // Новый мир. – 2000. – №8. – С.148.
12. Сорокин П.А., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. – 2004. – №6. – С. 98.
13. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: в 3 ч. Ч. 1: Роль среды. – М. – 2002. – С. 20 – 21.
14. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность. – М. – 2000. – С. 119.
15. Еріксен Т.Г. Тиранія моменту. Швидкий і повільний час в інформаційну добу. – Львів. – 2004.

3. МИГРАЦИЯ КАК ВЫЗОВ УКРАИНСКОМУ ОБЩЕСТВУ

Одним из самых серьезных вызовов для украинского общества является потеря населения. Под воздействием ряда факторов население Украины стремительно сокращается. С 52 млн. человек в 1992 году оно сократилось до 45,8 млн. на начало 2011 года. Если эти тенденции сохранятся, то, по прогнозным оценкам, к 2050 году в стране может остаться только 25 млн. человек.

В данном параграфе рассмотрим одну из причин сокращения населения – внешнюю миграцию.

Мы являемся свидетелями того, как вслед за капиталом, который давно перешел государственные границы и шагает миром в поисках выгодных мест применения, поднялись, активизировались в преодолении пространства и обедневшие массы трудящихся, которые в современных условиях достаточно легко преодолевают тысячи километров пространства и государственные границы с надеждой найти работу и заработать на сносную жизнь. В эти процессы втянуты десятки миллионов людей со многих стран мира. Вектор массовых перемещений четко прослеживается – из бедных стран в богатые, с Юга на Север.

Украина тоже оказалась втянутой в мировой миграционный процесс. За годы независимости она превратилась в страну-донора рабочей силы. Во внешнем обмене населением с другими странами у нее сложилось отрицательное миграционное сальдо. Хотя в течение нескольких последних лет официальная статистика фиксирует незначительное положительное сальдо во внешней миграции – в среднем около 15 тыс. человек в год. Однако этот факт не должен вводить в заблуждение. Во-первых, здесь речь идет только о тех, кто прибывает на постоянное место жительства. Во-вторых, количество прибывающих на постоянное место жительства в Украину несопоставимо с количеством выезжающих нелегально в качестве трудовых мигрантов из страны. Сколько трудовых мигрантов вернется в страну, а сколько останется за рубежом, никто достоверно сказать не может.

Рассмотрим вопросы внешних миграционных потоков в Украине подробнее.

Конец 80-х годов XX века ознаменовался ростом иммиграции населения в Украину. В общественном мнении преобладали оптимистично-высокомерные настроения, что, мол, Украина та-

кая богатая и развитая республика, куда люди из других стран всегда будут стремиться въехать и поселиться. Предполагалось, что, во-первых, в страну будут пытаться вернуться выходцы из Украины, проживающие в союзных республиках и за пределами СССР, во-вторых, сюда мечтают попасть жители других республик Союза, в-третьих, стоит лишь ослабить миграционные правила, сделать страну открытой для въезда, как сюда тысячами, десятками тысяч поедут из дальнего зарубежья представители украинской диаспоры.

Некоторые предположения действительно подтвердились. В конце 80-х – в начале 90-х годов в Украину ежегодно прибывало на сотню тысяч людей больше, чем выбывало. Иммигрантами были те, кто возвращался на родину из бывших союзных республик, военнослужащие из Германии и стран Центральной Европы, где они служили, а также те, кто там работал или учился. Так, в 1991 году в Украину прибыло 491 тыс., 1992 – 538 тыс., 1993 – 341 тыс. иммигрантов. В целом за эти три года в Украину переехали 1 млн. 370 тыс. человек, а выбыли 880 тыс. За счет миграции население страны выросло почти на полмиллиона человек. Но уже с середины 1994 года картина начала меняться на противоположную. С этого времени ежегодно к нам прибывало людей меньше, чем выбывало. Сальдо внешней миграции за 1991–2005 годы составляет минус 1 млн. 300 тыс. человек. С 2005 года ситуация несколько выровнялась и внешнее миграционное сальдо стало положительным. За 2005–2010 годы в Украину въехало на 66 тысяч человек больше, чем выехало. Но в целом за двадцать лет независимости Украина потеряла, только по официальным данным, более 1 млн. 200 тысяч человек. Следует отметить, что здесь идет речь о тех людях, которые прибыли и выбыли на постоянное местожительство (а не о временных трудовых мигрантах, о которых следует говорить отдельно). Обобщенно причину потерь населения через миграцию можно объяснить резким падением уровня жизни, хотя, конечно, нельзя этот многогранный общественный процесс свести только к одной причине.

Содержание внешних миграционных процессов трудно понять, если их рассматривать лишь как простые перемещения человеческих масс в межстрановом пространстве. Дело в том, что подобные перемещения имеют разные качественные оттенки в зависимости от того, между какими частями света они осуществляются, а еще точнее – между какими структурными элемента-

ми геокультурной структуры мира и в каком направлении они происходят. Каждый раз, когда по миру прокатываются гигантские миграционные волны, они имеют свои конкретные причины, проявляются в определенных направлениях движения, в неповторимой специфике. Кочевые племена часто меняли ареалы проживания и перемешивали оседлые народы, колонизаторы завоевывали континенты и смешивали расы, вывозили аборигенов из завоеванных стран в метрополии. Войны, особенно мировые, также поднимали громадные миграционные волны.

Сегодня мировые миграционные процессы подталкиваются социально-экономическим и имущественным неравенством стран и континентов. И. Валлерстайн ввел в научное обращение понятия геокультурной системы. Он разделил современный мир, вступивший в глобализационные процессы, на четыре части и расположил их в иерархическом порядке. К первой части он отнес цивилизационное ядро – страны «золотого миллиарда», ко второй – периферийные страны, к третьей – полупериферийные, к четвертой – страны- «изгои» [1].

В условиях глобализации формируются такие социокультурные, коммуникационные и социально-психологические условия, когда неравенство в уровне жизни в упомянутых выше типах стран провоцирует рядовых граждан решать эту проблему не в границах своего государства, а индивидуально, самостоятельно – путем миграции в богатые страны. Если сказать конкретнее об условиях, способствующих нынешним миграциям, то идет речь о таких явлениях, которые приобрели значительное распространение в современном мире: социокультурные – ослабление культурной идентичности, территориальной привязанности и резидентства личности; коммуникационные – глобально-тотальный характер информации, в частности новостей, их мгновенный характер распространения, возможность быстрого перемещения человека в любую точку мира, доступность общения всех со всеми (Интернет, мобильная связь, факс и т.п.); социально-психологические – распространенная индифферентность и частичный рост толерантности в некоторых слоях принимающих обществ к носителям других культур, языков, религий. (Правда, в последние годы мы являемся свидетелями всплеск ксенофобии практически во всех принимающих мигрантов странах).

Сегодня четко прослеживается направленность мировых миграционных потоков от периферии к ядру. Их масштабность вдох-

новила З.Баумана на такой вывод: «Кажется, что большая историческая эпоха, которая началась из триумфа оседлых племен над кочевыми, теперь приходит к концу.. Глобализация может быть определена разными способами, но «реванш кочевников» – один из самых удачных, если не наилучший» [2]. Одной из предпосылок «расползания» населения из Украины является то, что много поколений людей жило в социальном пространстве, которое было построено по принципу жесткого прикрепления к месту жительства. В таких условиях у людей не было вариантов решения своих проблем посредством внешней миграции. Когда же появилась возможность свободного выезда из государства, немало людей попробовали воспользоваться этим правом как новинкой, которой у них никогда не было, но о которой слышали, что она есть у других. Здесь срабатывает и социально-психологический механизм желания подчинять географическое пространство. Данный механизм особенно ярко проявлял себя в истории – в освоении Сибири и колонизации Америки. И там, и там новые незнакомые бескрайние просторы осваивали вольные люди – казаки и свободные переселенцы, а не крепостные, которые были жестко привязаны к своему местожительству.

Но все же основная причина новой волны миграции из Украины заключается в социально-экономических условиях. Последняя волна миграции (ее называют четвертой волной) была детерминирована внутренними факторами, в отличие от второй и третьей, когда миграция из Украины была побочным следствием международных конфликтов и войн. Но во всех названных случаях, если процессы перемещения рассматривать под углом зрения проблем личности, их следствием было существенное изменение социального ареала жизни личности.

Попытки решения проблемы преодоления неравенства путем миграции порождают новые проблемы. В частности, в странах-реципиентах в последние годы растет бытовая расовая, этническая и религиозная нетерпимость, появляются политические партии и общественные движения, исповедующие ксенофобию. В богатых обществах ухудшается характер взаимоотношений между гражданами и мигрантами. Раньше в этих странах действовала такая модель адаптации мигрантов, которая предусматривала их интеграцию в культуру общества-реципиента. А теперь в них все более утверждается мультикультурная модель с доминированием явления диаспоризации: мигранты не только сохраняют и воспроизводят свою культуру, язык и религию, но объединяются

в большие общины, которые не проявляют интереса к культуре, языку, традициям народа – основателя государства проживания. Общины мигрантов стремятся воспроизвести в своей среде социокультурные модели поведения и общения тех обществ, откуда они прибыли. возрастание уровня «диаспоризации» обществ порождает целый ряд политико-правовых, экономических, социальных, культурных, языковых, религиозных проблем.

Конечно, мигранты не представляют однородную массу. Они существенно различаются образовательным уровнем и профессиональной подготовкой, мотивами проживания, планами на будущее и т.п. Например, отдельной группой среди современных мигрантов стоят так называемые «мигрирующие элиты». В эту группу входят те, кто глобально образован, «могут работать везде, прямо связаны с глобальным уровнем, лишены представительства и подотчетности любому конкретному демосу. Они содействуют глобальным интеграции и управлению, помогают решать соответствующие проблемы»[3]. Мигрирующая элита разделяется на несколько подгрупп. Во всяком случае можно выделить тех, кто проживал в развитых, богатых странах, и тех, кто является выходцем из развивающихся стран или из новых постсоветских государств. Представители этих подгрупп различаются по мотивам входа в «мигрирующие элиты». Если для представителей богатых стран основным мотивом является поиск более высоких доходов и возможностей для самореализации, то для второй группы самым первым мотивом является желание выжить, выскочить из тех крайне неблагоприятных социально-экономических условий, в которых они проживали. Среди этих людей есть много выходцев из Украины.

В рядах мигрирующей элиты выходцы из Украины составляют лишь небольшую долю. Причиной этого является то, что, во-первых, среди украинских граждан традиционно слабо распространено знание мировых языков, что, конечно, сдерживает их полноценную конкуренцию за должности в международных организациях. Во-вторых, характер их профессиональных знаний не в полной мере стыкуется с профессиональными знаниями выпускников западных вузов, которые доминируют в международных организациях. В-третьих, негативный имидж руководителей государства и страны в целом влияет на имидж всех украинцев.

Социальная поляризация населения в Украине обуславливает различия ареалов жизни отдельных личностей. Одни группы имеют огромные богатства, а следовательно, ресурс для вхождения в мировые процессы – культурные, образовательные, рекреа-

ционные. Другие вынужденно включаются в мировые процессы как нелегальные мигранты, как нелегальные работники, не имеющие никакой социальной защиты, жестко эксплуатируются зарубежными работодателями. Через этот канал украинские граждане вливаются в мировой андерграунд, в социальные низы.

Включение в мировые миграционные процессы украинских граждан актуализирует исследование их миграции не только через призму поиска причин этого явления внутри украинского общества, но и одновременно в контексте общемировых миграционных процессов.

Какие миграционные процессы происходят в Украине сегодня? Можно отметить, что практически всех типов – внешние и внутренние, эмиграция и иммиграция, временная трудовая и этническая миграция, на законных основаниях и нелегальная миграция... Однако самыми характерными типами миграции в последние годы стала внешняя миграция: трудовая нелегальная эмиграция, нелегальная транзитная миграция, классическая эмиграция – выезд на постоянное местожительство за границу. То есть в совокупности преобладают такие типы внешней миграции, которые негативно влияют на состояние украинского общества. Так, трудовая миграция негативно проявляется в том, что высасывает из страны наиболее конкурентоспособную часть рабочей силы – образованных, сильных, молодых, целеустремленных. Побочным негативным последствием является то, что она ослабляет и даже разрушает семью – родители оставляют на длительное время детей, разлучаются супруги, без присмотра остаются пожилые. Кроме того, практически вся трудовая миграция украинских граждан имеет нелегальный характер. А это втягивает людей в сферу криминала, они становятся и жертвами, и субъектами разнообразных преступлений.

Второй массовой тип миграции в нашей стране является нелегальная миграция в Украину. Ее носителями являются выходцы из стран Азии и Африки, которые, реализуя свою цель – попасть в страны Европейского Союза, прокладывают маршрут через Украину. В данном контексте нет необходимости объяснять, какой вред наносит нелегальная миграция украинскому обществу и государству. Третьим типом распространенной у нас миграции является этническая эмиграция. За годы независимости из страны выехало около 400 тыс. евреев, несколько десятков тысяч немцев, греков, словаков, чехов, поляков и представителей других этносов. Конечно, этот процесс также негативно

отразился на социально-демографическом и интеллектуально-профессиональном ресурсе страны.

Остановимся детальнее на рассмотрении явления временной трудовой миграции, которая имеет среди других видов миграции самый широкий размах. Ее масштабы определяются только приблизительно: оценочно называют количество трудовых мигрантов, находящихся за рубежом, от 5 до 7 млн. Сложные социальные условия жизни украинских граждан вынуждают их искать пути выживания, и одним из вариантов выхода из нелегкой жизненной ситуации является трудовая миграция. Мониторинг Института социологии НАН Украины из года в год подтверждает, что миграционные намерения имеют очень широкое распространение среди украинских граждан, но особенно – среди молодежи. Так, на вопрос «Хотели бы Вы выехать из населенного пункта, где Вы живете?» в 2010 году положительно ответили 20% опрошенных, а среди респондентов в возрасте до 30 лет желающих выехать из своего населенного пункта оказалось в полтора раза больше – 34% [4].

На первом месте среди причин, предопределяющих выезд человека из своего населенного пункта, стоит желание найти новое место работы – 20%. Среди молодежи до 30 лет этот показатель достигает 39%. Это можно объяснить тем, что уровень безработицы среди молодежи значительно выше, чем среди других групп работоспособного населения. Большой проблемой для молодежи является устройство на первое рабочее место. Даже при наличии рабочих мест на предприятиях и в учреждениях людей, которые не имеют трудового опыта, профессиональных навыков, не спешат брать на работу.

Как видим, идея переезда из своего населенного пункта в другое место у человека провоцируется жизненным дискомфортом, неустроенностью его жизни. Часто мысли о выезде являются психологической реакцией на безвыходное положение, на потерю жизненной перспективы. Человек рассуждает так: здесь, у себя дома уже нет никаких шансов на то, чтобы найти рабочее место с приличной зарплатой, а где-то там, возможно, имеются неплохие рабочие места. Он слышал, что кто-то поехал в другой город, кто-то – за границу, и неплохо устроились. Человека охватывают мысли, сомнения, переживания, хотя и полная уверенность в необходимости переезда еще не вызрела. Очевидно, что именно данная категория респондентов на вопрос: «Если бы Вы надумали выехать из вашего населенного пункта, то – куда», ответили: «Еще

не знаю куда». Так ответил каждый пятый из опрошенных, а среди молодых респондентов в возрасте до 30 лет почти каждый третий.

Но среди собирающихся покинуть свой населенный пункт немало и таких, кто уже четко определился, куда поедет. Скажем, 11% опрошенных намерены переезжать в пределах Украины. Внутри Украины люди меняют место жительства по различным причинам – дети забирают к себе престарелых родителей, кто-то возвращается из города в село, кто-то создал семью и т.п. Но есть и немало переездов по социально-экономическим причинам. Больше всего таких внутренних потенциальных мигрантов в небольших городах – 13% (в Киеве таких только 9%). Это объясняется тем, что именно в небольших городах наивысший уровень безработицы, поскольку в них больше всего неработающих предприятий. Малые города составляют самую большую часть среди депрессивных населенных пунктов и являются, в свою очередь, основными единицами таких депрессивных регионов, как Донбасс или западные области. Люди из этих регионов согласны работать в Украине при условии приличного заработка, даже если такие рабочие места находятся в других областях. Об этом свидетельствует и то, что многие приезжают из разных уголков страны в Киев, где средняя заработная плата в полтора раза выше, а до кризиса была в два раза выше, чем по Украине.

Но поскольку рабочих мест в стране не хватает, да и средняя заработная плата сегодня не дает возможности сводить концы с концами, то большая часть тех, кто хочет выехать из своего населенного пункта, собираются за границу – либо в ближнее, либо в дальнее зарубежье. В Россию собираются выехать 8% опрошенных, за бывшую советскую границу – 8%, в том числе 13% молодые.

У многих людей формируются определенные фантазии, романтические представления, мысли о том, что если бы они жили в одной из развитых стран, то достигли бы значительно большего в жизни, имели бы значительно более высокий жизненный уровень и социальный статус, чем в Украине. Насколько распространены такие представления, можно судить из ответов на вопрос «Как Вы думаете, если бы Вы жили в одной из западных стран, Вы бы...» Так, в среднем 44% считают, что они бы достигли большего в жизни, чем в своей стране, а среди молодых респондентов в возрасте до 30-ти лет такой ответ дали 58%. Это свидетельствует о крайне негативном для украинского общества явлении – молодежь пессимистически относится к возможности социального самоутверждения и самореализации у себя на родине.

Следует сказать, что определенные иллюзии относительно самореализации в других странах имеют не только наши граждане. И в других странах, в частности и в тех, которые называют развитыми, немало граждан, желающих поискать место работы за пределами своего государства. Особенно много таких среди безработных. Например, согласно исследованию Оффенбахского Marplan-Institut, проведенному в 2003 году, каждый третий немец мечтает поехать за границу и сразу найти там работу [5].

Конечно, сравнивать по формальным признакам людей из Украины и из Германии, желающих работать за границей, некорректно. Ведь условия жизни в этих двух странах разные, и поэтому социальные факторы, определяющие миграционные намерения, также существенно отличаются. Кроме того, если речь идет о переезде немецких граждан в страны ЕС, то они, в отличие от украинцев, попадают в благоприятные условия, поскольку там имеют право на получение помощи по безработице в том же размере, что и на родине. Общей чертой у потенциальных мигрантов из Украины и из Германии, является то, что трудовая миграция сегодня стало будничным явлением практически во всех странах мира (во всяком случае в тех, где не существует правовых запретов на выезд). Вообще, признаком нашего времени является то, что практически во всех странах мира – богатых и бедных – к переезду в другие страны относятся значительно спокойнее, более прозаично, чем несколько десятилетий тому назад. Исследователи обращают внимание на формирование такого явления, как деградация значения местности для личности (З.Бауман). Это явление, обусловленное многими причинами и связанное с развертыванием глобализационных процессов, в Украине усиливается еще и тем фактом, что отдельные граждане и общество в целом переживают идентификационный кризис. По данным нашего мониторинга, гражданами Украины себя считают лишь 51% опрошенных, остальные выбрали для себя другую идентичность: житель села, района или города – 27%, гражданин бывшего СССР – 7%, житель региона – 7%.

Размывание идентичности можно объяснить наряду с прочим и тем, что люди, пережившие распад одного государства и образование нового, в личностном плане преодолевают существенные морально-психологические кризисы, в результате которых у них растет уровень прагматизма и даже цинизма за счет потери веры в высокие общественные ценности. Обратной стороной феномена деградации значения местности, места

проживания, ослабления значимости для личности института гражданства является уровень пространственной мобильности личности. Как мы уже отмечали выше, уровень пространственной мобильности населения во всем мире сейчас значительно вырос. Хотя мобильность по качеству и значимости для личности может быть двух разных видов. Поэтому их важно различать. Мобильность курортников, находящих для себя желаемое место на противоположной стороне земного шара, подвижность путешественника или туриста, удовлетворяющих свои познавательные интересы, странствуя за тысячи километров от дома, перемещение из континента на континент бизнесмена, который улаживает дела своего бизнеса, – все это имеет совсем другое содержание, чем замаскированный под туризм приезд человека в чужую страну с целью трудоустройства, ради решения проблем выживания для себя и для своей семьи.

Следовательно, миграция наших граждан в другие страны, даже если она имеет временный характер, является противоречивым и сложным социальным процессом. С одной стороны, действительно, украинцы приносят благо экономике других стран, они заполняют непрестижные ниши в структуре рабочих мест этих государств, с другой – следует сказать откровенно, что им рады далеко не все граждане тех стран, куда они прибывают.

Действительно, большинство развитых государств переживает демографический кризис и объективно нуждается в привлечении иммигрантов в свою экономику. Понятно, что граждане Украины являются более желаемыми гостями в европейских и североамериканских странах, чем выходцы из Азии или Африки, поскольку украинцы ближе по менталитету, культуре, вере.

Поэтому некоторые из этих стран даже разрабатывают программы привлечения мигрантов из стран СНГ, как это сделала, например, Франция.

И все же во многих странах к трудовым мигрантам, а к нелегальным и подавно, относятся негативно. Причем не только в богатом дальнем зарубежье, но и у наших ближайших соседей – например, в России. Кое-кто из российских авторов видит в неконтролируемой миграции в Российскую Федерацию средство разрушения российского государства. Так, в «Литературной газете» Наталья Айрапетова пишет о том, что «миграционные проблемы лишь повод для расшатывания ситуации любой ценой и окончательного уничтожения России как государства», что рос-

сийской «независимости явно угрожает «независимая миграция», причем любой умный шаг власти относительно сохранения российской государственности немедленно встречается топотом ног, только ног уже «демократических», что «...миграционная война ... давно ведется против России» [6].

Возможно, автор имел в виду не собственно украинских трудовых мигрантов, но вопрос трудовой миграции между Украиной и Россией остается еще далеко не урегулированным. Еще больше критических материалов относительно наших нелегалов публикуется в печати Польши, Чехии, Словакии, Венгрии. И никуда нам не деться от того факта, что граждане соседних государств, а еще больше представители их властных структур не в восторге от наличия в стране украинских нелегалов.

Украинские эмигранты и трудовые мигранты вывозят за границу наши внутренние социокультурные особенности – этнические, культурные, языковые, религиозные и, к сожалению, нередко криминальные. Вместе с нашими гражданами перемещается масса нерешенных в украинском обществе проблем. Скажем, в украинском обществе все еще продолжают интеграционные социокультурные процессы, до сих пор не сформирована устойчивая общеукраинская идентичность, люди еще достаточно четко осознают себя как «східняки» или «західняки», православные или греко-католики, украиноязычные или русскоязычные, и эти отличия пересекают вместе с ними границы. Они воспроизводятся и в новой социокультурной среде, хотя и в модифицированном виде.

Культура, которую несут с собой украинцы в другие страны, воспринимается там преимущественно не как враждебная, но все же как чужая им. И не следует себя в этом плане успокаивать. Достаточно посмотреть на ситуацию в самой Украине, где относятся к культурам, которые ввозят иммигранты, более или менее спокойно, но без восторга. Все это создает специфические проблемы новой волны украинской миграции за границей, которые нуждаются в исследовании и осмыслении. Но, по сути, такая работа еще не начиналась. Данное направление исследований имеет важное значение не только с познавательной точки зрения, но и в практическом плане. Дело в том, что процессы, происходящие в среде наших трудовых мигрантов, новой волны эмигрантов крепко связаны с внутриукраинскими общественно-политическими процессами. Как внешние миграционные процессы выплескивают наружу наши внутренние проблемы, так и процессы в среде украинских внешних мигрантов влияют на ход наших внутренних процессов,

обостряют их. Вспомним, например, как в 2004 году актуализировался вопрос участия в президентских выборах в Украине временных трудовых мигрантов.

Следовательно, миграционные процессы, разворачивающиеся в Украине, вместе с демографическими процессами несут в себе серьезные риски и угрозы для будущего общества. Прежде всего – это угроза потери наиболее активной части украинских граждан. Однако ни украинская элита, ни общество в целом еще не почувствовали всю остроту и опасность депопуляции населения, не сделали попытки сконцентрировать интеллектуальные усилия для обсуждения миграционных и демографических угроз и выработки решений по их преодолению. До сих пор нет четких представлений о том, каким образом можно остановить депопуляцию населения, какие нужны источники хотя бы простого воспроизводства населения. Не проанализирован с достаточной теоретической глубиной вопрос пополнения населения за счет иммиграции, в частности, вопрос о возможности привлечения путем льготных поощрений выходцев из других континентов. Эту тему нельзя относить к разряду экзотических, как считают некоторые политики. Ведь миграционный потенциал славянского населения стран СНГ, на который можно было бы рассчитывать Украине, уже исчерпал себя. В целом интенсивность миграционных процессов между странами СНГ в начале нового века снизилась по сравнению с началом 90-х годов прошлого века в несколько раз. Если экономика Украины будет расти, то еще можно рассчитывать на определенный прилив молодых иммигрантов из представителей титульных наций стран СНГ. Но этот резерв недостаточно большой. Поэтому вопрос привлечения в страну мигрантов из Азии и Африки уже сегодня становится практически-политическим.

Правда, в Украине проблемам миграции, особенно трудовой, в последнее время стали уделять больше внимания, чем в предыдущие годы. Если раньше о миграции говорили главным образом эксперты, специалисты по демографии, то в последние несколько лет эта тема неоднократно рассматривалась в парламенте, на заседаниях правительства, не говоря уже о публикациях и дискуссиях по этой теме в СМИ.

Однако и дальше вне поля зрения остается то, что трудовая миграция содержит латентные долговременные социальные угрозы. В частности, сегодняшних трудовых мигрантов в нашем обществе и общественное мнение, и власть воспринимают, как граждан Украины, которые временно выехали из страны с целью

найти место работы и улучшить свое материальное состояние. Впрочем, немало из этих людей даже сами не представляли, что их временный выезд станет многолетним, а для многих обернется эмиграцией. А что все происходит именно так, подтверждает практика трудовой миграции многих стран мира. Это означает, что значительная часть из тех 5–7 миллионов трудовых мигрантов, которые находятся сейчас за пределами Украины, станет эмигрантами, а следовательно, именно на это количество жителей уменьшится население Украины. Однако данный факт получит юридическое оформление лишь в течение длительного времени, когда эти люди официально поднимут вопрос о выходе из украинского гражданства и приобретении иностранного, а их отпрыски будут уже рождаться как граждане других стран. То есть на протяжении многих лет фактические, реальные потери нашей страной значительного количества населения, наиболее квалифицированной, активной и конкурентоспособной части рабочей силы, будут оставаться скрытыми, официальный статистический учет будет считать этих «мертвых душ» живыми. Чтобы ослабить действие очерченных процессов (поскольку избежать их не удастся), необходима развернутая долгосрочная государственная программа мероприятий, направленных на оптимизацию демографических и миграционных процессов в стране. (Хотелось бы отметить – демографических и миграционных, поскольку лишь в совокупности, комплексно можно решать эти проблемы). Без этого в украинском обществе начнут реализовываться масштабные риски, о наличии которых свидетельствуют наши многолетние мониторинговые наблюдения.

Литература:

1. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб. – 2001. – С.40, 59, 403.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. –М. –2002. – С.43.
3. Мартинелли А. Рынки, правительства и глобальное управление. –Социологические исследования. –2003. –№1. – С.43.
4. Українське суспільство 1992-2010. Соціологічний моніторинг. / За ред. д.е.н. В.Ворони, д.с.н. М.Шульги. – К.:– 2010. – 636 с.
5. Винкель Р. Поиск работы: Шансы за границей // Sueddeutsche Zeitung. 2004. – 17 августа. – <http://www.inosmi.ru/translation/212114.html>.
6. См.: Литературная газета. –2003. –11 июня.

4. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МАРГИНАЛИЗАЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

В данном параграфе мы рассмотрим еще один вызов, стоящий перед украинским обществом, – вызов формирования новых идентичностей его населения, которые были бы адекватны его новой социальной структуре и структуре новых социальных статусов населения. Формирование новых идентичностей идет через сложный процесс политической, идеологической и социокультурной маргинализации.

Маргинальность мы рассматриваем как определенное социальное и духовное состояние личности или социальной группы, а маргинализацию – как социальный и психологический процесс, ведущий к этому состоянию.

В последние годы термины «маргинализация» и «маргинал» стали применяться достаточно вольно и в настоящий момент они имеют слишком широкий диапазон употребления. Если проанализировать публикации, в которых используется понятие маргинала, то из них выплывает, что почти все в общественной жизни можно определить как маргинальное. Отталкиваясь от классического понятия маргинала, предложенного Р.Парком, как позиции личности, находящейся между двумя типами культуры, современные исследователи применяют его к характеристике практически любого переходного состояния от одной позиции в социальном пространстве к другой. Например, русский ученый В.М.Розин отождествляет явление неукорененности с маргинальностью и считает, что в 19 веке в России маргиналами были люди, принадлежавшие к образованному обществу, поскольку они были оторванными от своего социального условия и культурной почвы. Декабристы, по мнению того же автора, также принадлежали к маргиналам, поскольку хотя они и показали образец гражданственности, однако не были ни с дворянством, ни с народом. Маргиналами являются интеллигенты, поскольку они живут не в реальном мире, а в мире книг, идей, мечтаний. А о советском периоде уже и говорить нечего – здесь многие крестьяне стали рабочими, жители сел – городскими жителями, традиционно-патриархальный образ жизни изменился на социалистический и т.п. (1). Иначе говоря, при таком подходе практически любые социальные изменения, переживаемые

группой и личностью, рассматриваются через призму явления маргинализации.

Не излагая детального анализа, отметим, что мы различаем, по крайней мере, три типа явлений, к которым применяется понятие маргинальности.

Это понятие, во-первых, применяется к общественному субъекту, находящемуся в состоянии изменения своего социального статуса (сужение возможностей доступа к социальным ресурсам – образованию, культурным ценностям, медицине, снижение уровня доходов и т.п.). Во-вторых, к социальным субъектам с изменившейся социокультурной средой (языковой, культурной, этнической, религиозной и т.п.). В-третьих, к социальным субъектам, оказавшимся в условиях нового социально-экономического строя. Выделенные типы маргинальности условны, поскольку в реальной жизни могут существовать их определенные комбинации. Скажем, изменение языковой и религиозной среды может произойти не только в результате пространственных перемещений личности, то есть миграции, но и в результате социально-политических превращений, когда в государстве кардинально меняется языковая и религиозная политика.

Мы также различаем маргинализацию в устойчивом обществе и в переходном обществе. Первая проявляется как пребывание личности или группы между двумя социальными идентичностями или за пределами общественно одобряемого социального пространства. Маргинализация в переходном обществе разворачивается как широкомасштабный, всеобъемлющий процесс потери социальными субъектами своей идентичности и перехода в состояние неопределенной, размытой идентичности, в состояние приобретения и потери временной, ситуативной идентичности. Маргинализация такого типа наступает тогда, когда в обществе происходят качественные изменения на социетальном уровне, когда изменяется система собственности и собственников, система социальной стратификации, разрушается один тип социальной структуры и формируется новый, когда происходит изменение социально-статусного каркаса общества, образуется новая конфигурация социальных отношений, складываются новые принципы взаимоотношений между социальными группами, вырастает новая система социальных институтов. Именно такие изменения происходят в украинском обществе в последние двадцать лет.

Трансформации постсоветских стран происходят по качественно специфическим моделям, существенно влияющим на процессы самоидентификации личности.

На социетальном уровне в этих странах происходили трансформации, которые включали: 1) изменение социально-политического строя; 2) распад государства – а) сопровождающийся военными конфликтами; б) протекающий мирно; 3) потерю населением своего гражданства; 4) построение новой государственности. Самой сложной моделью трансформации является такая, которая включает все упомянутые процессы на социетальном уровне. Конечно, она является и самой трудной по своим неблагоприятным воздействиям на человеческую жизнь, на возможность сохранения личностью своей идентичности.

Если придерживаться этой схемы, то ряд стран пережили только изменение социально-политического строя – Польша, Венгрия, Румыния, Болгария. Вторая группа стран возникла в результате распада ранее существовавшей страны без сопровождения его военными конфликтами. Это – Чехия, Словакия, Словения, Латвия, Литва, Эстония, Беларусь, Украина, Казахстан, Туркменистан. Отдельно в этом ряде стран стоит объединение Германии, поскольку одна страна, которая была признана ООН (ГДР), вошла в состав другой страны (ФРГ), которая также была признана ООН.

Третью группу составляют государства, образовавшиеся в результате распада ранее существовавшей страны, в которую они входили как ее часть, но их становление сопровождалось военными конфликтами. К этой группе стран относятся Сербия, Хорватия, Босния и Герцеговина, Молдова, Грузия, Азербайджан, Армения, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, Россия и Македония.

Самые благоприятные условия для формирования новой самоидентичности личности сложились в тех странах, в которых состоялась смена только социально-политического уклада – население этих государств не теряло своего гражданства, то есть оно оставалось в контексте истории своего общества, в отличие от других, которым нужно было начинать свою жизнь в новом государстве, формировать новую социетальную самоидентичность. Кроме того, в странах, втянутых в военные конфликты, самоидентификация личности происходила еще и с помощью механизма разделения на «свой» и «враг».

В условиях транзитного состояния общества трудно определить, какие субъекты находятся в маргинальном состоянии, а какие в нормативно устоявшемся, то есть в таком, которое противостоит маргинальному. Ведь в этом состоянии, с одной стороны – еще, а с другой – уже не существуют четкие границы общностей, социальных групп, их норм и ценностей, образцов поведения, стилей жизни. Скажем, в сегодняшнем украинском обществе потеряна групповая идентичность такой большой социальной группы, как колхозное крестьянство, а вместе с ним и групповая идентичность «колхозники», уже нет той социальной общности, которая идентифицировалась как советский народ. Однако на уровне индивидуальных сознаний еще существует идентичность и колхозника, и советского человека.

В связи с этим практически все общество в определенном смысле предстает как маргинализированное. Очень трудно указать, какая общественная прослойка, какая группа не является маргинализированной, и в каком смысле они не являются маргиналами, в каких формах проявляется их межстатусное или пограничное состояние.

Мир для большинства людей потерял свою прежнюю структурированность и предстал размытым. Лишь отдельные его фрагменты имеют структуру, а большая часть социального пространства для рядового украинца является нечеткой – то ли в тумане, то ли в тени, а, возможно, для кого-то кажется такой из-за слез отчаяния.

Как известно, изменение картины мира личности происходит по нескольким моделям: а) внутренне-эволюционной; б) внешне-разрушительной, деструктивной. Для эволюционной модели изменения картины мира личности характерным является механизм постепенных изменений, а следовательно, синхронной с изменениями, адекватной адаптации личности к новым обстоятельствам. Окружающий социальный мир представляется ею относительно устоявшимся, в ее восприятии он изменяется постепенно, естественно, органично с закономерностями данной общественной системы.

Для второй модели показательным является то, что окружающий социальный мир изменяется неожиданно, быстрыми темпами. Деструкции подвергаются главные элементы структуры старой картины мира – представления о социальных институтах, социальных отношениях и связях, социальных нормах и ценностях. Новая картина мира предстает нечеткой, непонятной, пу-

гающей. Человек не способен воспринять такие радикальные системные изменения и не может сразу адаптироваться к ним. Там, где у людей возникает проблема с адаптацией к новым условиям, наступает процесс маргинализации.

Маргинализация – это состояние кризиса адаптации, или состояние дезадаптированности. Адаптация – это приспособление. (При этом имеют в виду искреннее приспособление, а не мнимое, действительную попытку личности усвоить новый стиль и образ жизни, а не лишь его форму, внешнюю сторону). Если в приспособлении к изменениям достигается результат, то человек усваивает новую систему социальных связей, интериоризирует их, психологически воспринимает. Если же процесс приспособления оказывается неудачным (причиной этого может быть и сам субъект, который не хочет менять свои взгляды на жизнь, ценности, мировоззрение и т.п.), то тогда это явление проявляется как маргинализация, как неудачная адаптация. Маргинал – это состояние неприспособленности, неадаптированности. (Следует обратить внимание на то, что явление адаптации имеет временные ограничения. Адаптация может продолжаться несколько недель, месяцев, в конечном итоге – год-два. Когда же речь идет о неприспособленности к социальной ситуации в течение нескольких лет, или двадцати лет, как это происходит в Украине, то в этом случае вряд ли целесообразно использовать понятие адаптации. Это уже явление другого рода).

Причиной того, что у людей не складывается успешно, не проходит органично процесс адаптации к новым социальным условиям, является то, что со стороны общества (посредством идеологически господствующей элиты, через СМИ) гражданам предлагается не добровольный набор новых ценностей, а идет навязывание определенных ценностей, при помощи которых, по замыслу идеологов, личность должна адаптироваться к этим новым условиям. Однако личность потому и является личностью, что она имеет свои фундаментальные ценности, которые нельзя так просто заменить по желанию политиков или вождей. Даже тотальное давление СМИ на общественное сознание, которые преподносят старую систему ценностей лишь как негативную, не способно изменить мировоззренческую позицию, систему ценностей и социальных норм у многих людей. Особенно сложно изменить ценности, укорененные в глубинных пластах культуры. Причем речь идет не об одной социальной группе, например, старшей возрастной, а о людях, которые принадлежат к разным

социальным группам, имеют разные социальные статусы, но придерживаются традиционной системы ценностей.

Если, например, сотни и сотни лет в культуре базовой ценностью была социальная справедливость, то отбросить ее даже массивной волонтаристской атакой невозможно. И как бы кто ни убеждал, что на первом месте должна быть, например, такая ценность, как священное право частной собственности или права человека, последние не смогут конкурировать в этом обществе со справедливостью. Если так случится, то это уже будет другое общество, с другой культурой, с людьми другого социально-культурного типа.

Становление независимой Украины поставило перед ее жителями проблему макросоциетальной самоидентификации. Исходя из этих условий личность должна была:

В-первых, определиться в отношении прежнего государства – СССР и УССР.

Во-вторых, ей надо было определить свою позицию по отношению к новому государству, а значит и выбрать для себя гражданство.

В-третьих, ей надо было уяснить для себя, что является для нее Родиной.

В-четвертых, учитывая то, что в Украине в советский период каждый третий брак был этнически смешанным, она должна была определиться со своей этнической идентичностью.

В-пятых, учитывая близость украинского и русского языков, а также несовпадение у многих людей этнического происхождения и родного языка, она должна была сделать выбор в отношении родного языка.

В-шестых, она должна была прояснить для себя, к какой культуре принадлежит.

В-седьмых, ей надо было определить свое отношение к религии, и в случае религиозности определиться не только с конфессией, но и в случае с православной верой – с выбором церкви.

В-восьмых, рано или поздно перед личностью вставал вопрос о видении отечественной истории как идентифицирующем факторе.

В-девятых, каждый человек стоял перед выбором для себя внешнеполитической ориентации.

С точки зрения жизнеспособности общества как социального целого, перспектив его мирного и устойчивого развития приоритетным в первые месяцы после провозглашения независимости стал вопрос о выборе гражданства. Понимая это, правящая элита предложила обществу и каждому его представителю наиболее

мягкий вариант получения гражданства – гражданином Украины мог стать любой человек, который постоянно проживал на ее территории на момент провозглашения независимости. Такой правовой вариант получения гражданства был демократичным и привлекательным. Однако это был всего лишь политико-правовой акт, формальная процедура. А перед личностью вставала своя внутренняя проблема выбора гражданской идентичности, а из него вытекала цепочка новых вопросов, на которые личность должна была ответить себе, чтобы получить хотя бы минимум внутренне-го согласия, морального и психологического комфорта.

Для людей, живущих в устойчивых государствах с длительной историей, гражданская идентичность формируется на этапе ее социализации, а следовательно, воспринимается личностью как естественный процесс, о котором она мало что помнит. Она начинает осознавать свою принадлежность к данному гражданству так же, как и свою принадлежность к полу – как к чему-то само собой разумеющемуся. Ее гражданская идентичность присутствует в структуре сознания. Личность может прожить всю жизнь, особо не вспоминая о своей гражданской идентичности. Обострение этой проблемы начинается тогда, когда гражданская идентичность предстает как проблема. Такая ситуация возникает в том случае, когда человек по своей воле решил переехать из одного государства в другое, либо его насильственно высылают из государства, либо когда исчезает то государство, в котором он социализировался, сформировался как личность.

В новой ситуации у личности проблематизируются ее многие идентитеты. Прежде всего, встает вопрос о лояльности к государству, к гражданскому сообществу, в котором она сформировалась. Мы не будем здесь рассматривать все случаи изменения гражданской идентичности личности и остановимся только на той ситуации, которая возникает в случае распада государства, а вместе с ним и его формального гражданства.

Вначале рассмотрим, что такое социальная идентичность личности. При этом отметим, что данное понятие мы рассматриваем в одном ряду с индивидуальной идентичностью. Если последнее отражает, прежде всего, психологические и социально-психологические феномены, связанные с отождествлением индивида с самим собой и противопоставлением миру и другим, то первое отражает общность с частью мира и с частью других. Социальная идентичность – это представление личности о своей принадлежности к группе, к общности «своих», к «нашим»,

к тем, которые в ее сознании предстают, как «мы». Эта положительная сторона осознанности принадлежности к общности одновременно предполагает и отрицательную ее сторону – как невхождение личности в другие общности. Исходя из такого понимания идентичности, гражданскую идентичность мы рассматриваем как осознание личностью своей принадлежности к обществу граждан соответствующего государства. Таково первое приближение к определению гражданской идентичности.

Понятие гражданства в первую очередь отражает связь личности с государством, которая фиксируется как правовой статус личности. Однако последний автоматически не перерастает в ее гражданскую идентичность. Формирование гражданской идентичности является сложным, растянутым во времени социальным, социально-психологическим, индивидуально-психологическим и нравственным процессом. О его некоторой результативности можно говорить в том случае, когда произошла интериоризация политико-правового статуса личности в ее эмоциональное состояние. В связи с этим возникает вопрос, на каком уровне развитости находится групповая гражданская идентичность, насколько граждане лояльны к данному государству, насколько они связывают себя с ним, насколько позитивно эмоционально насыщенной является связь личности с ее статусом. Эти вопросы встают перед исследователем как в условиях стабильной общественной обстановки, так и в периоды реформирования, трансформаций, революций. Но в случае кардинальных изменений в обществе процесс формирования гражданской идентичности существенно усложняется, поскольку добавляется, по крайней мере, еще один этап – этап разрушения старой идентичности.

Для всех взрослых граждан СССР, живших в 1991 году, наверно, одним из самых значимых для них исторических событий стал распад государства. Он означал для личности новую государственно-пространственную, ценностно-символическую ситуацию. Человек, никуда не переезжая, в одночасье оказался в новом государстве с новым названием, с новыми границами, с новой государственной символикой – гербом, флагом, гимном. Естественно, что люди по-разному переживали это событие. Сегодня в угоду политической конъюнктуре многие рассказывают о том, что они никогда не чувствовали себя советскими гражданами, советскими людьми. Некоторые услужливые журналисты подготовили для них оправдательно-обосновывающую схему: мол, отождествлять себя с советским гражданством могли только «совки». А все развитые, критически мыслящие, передовые и прогрессивные, ко-

нечно же, не считали себя советскими гражданами и у них не была сформирована соответствующая гражданская идентичность. Если согласиться с такими утверждениями, тогда и сама проблема формирования новых гражданских идентичностей существенно упрощается – можно сразу начинать анализ с процесса ее становления. Кстати, во многих научных работах этап разрушения советской гражданской идентичности вообще не упоминается. На самом же деле проблема реформирования гражданской идентичности личности значительно и значительно сложнее, чем ее изображают, особенно журналисты и публицисты в новых государствах.

Кстати, хотелось бы обратить внимание таких притких авторов, осознанно или неосознанно рассматривающих выход личности из старой идентичности чуть ли не как отказ от старой шляпы – взял, выкинул и одел новую, – что в таком случае и новая идентичность, о которой они так суетливо хлопочут, будет также легко сброшена. Циничное отношение к прежней символике формирует такое же безнравственное отношение и к новой.

Для ученого дискуссия по этой модели – пустая, безрезультатная и тупиковая. Аргументированно говорить о разнообразии гражданской идентичности к моменту распада Советского Союза можно, лишь опираясь не на единичные факты, которых можно подобрать сколько угодно много, как в поддержку упомянутой версии, так и для ее развенчания, а на квалифицированные социологические исследования, являющиеся репрезентативными либо для страны в целом, либо для отдельных союзных республик. Конечно, значительно более содержательными и привлекательными для добросовестного исследователя являются республиканские опросы, так как характер гражданской самоидентификации в разных республиках в конце 80-х – начале 90-х гг. XX столетия сильно отличался. При этом мы помним то предостережение, которое высказал Ю.А.Левада: «...Феномен социальной самоидентификации значительно сложнее принадлежности к определенным группам... Сами по себе декларации исследуемых субъектов не могут служить достаточным основанием для заключения о характере или о векторе их отнесения к соответствующим группам или типам: значение и значимость «признаний» нуждаются в разносторонней проверке «делами», т.е. показателями реального поведения»(2).

Результаты подобных исследований показывают, что в середине 80-х гг. – в период стабильного этапа жизни общества – большинство граждан СССР идентифицировало себя как советский человек. В процессе горбачовской перестройки, когда были под-

вергнуты критике важнейшие идеологические, политические, исторические и культурные ценности, господствовавшие до этого в обществе, стали проявляться симптомы идентификационного кризиса. Так, в эмпирическом исследовании, которое было проведено в 1989 – 1990 гг. Институтом философии АН Украины под руководством Б.В.Попова, уже зафиксировано меньше половины респондентов, которые отождествляли себя с советским человеком – 42,5%. Однако этот тип самоидентификация был еще самым большим среди всех вариантов самоидентификации. Представителями своего народа (т.е. этническая идентичность) себя считали 34% опрошенных, жителями данной местности (т.е. региональная идентичность) – 31%, человеком XX столетия (т.е. наднациональная идентичность) – 15%, человеком мира (т.е. космополитическая идентичность) – 12%, человек европейской культуры (т.е. культурная идентичность) – 7%, человек восточной культуры (тоже культурная идентичность) – 2%, не думал об этом – 6%, не ответили – 5%. Эти ответы указывают на то, что значительная часть людей испытывала затруднения при необходимости идентифицировать себя с государством. Они указывают на то, что к окончанию перестройки уже развился идентификационный кризис в пространстве отношений личности и государства (3).

Со середины 80-х гг. шел медленный, эмоционально болезненный процесс изменения гражданской идентичности. Изменения происходили под влиянием СМИ, в которых появилась масса новых материалов, разоблачающих не только ошибки, но и обличающих в преступлениях советскую власть, особенно в 30-е годы. Не в меньшей мере влияли на состояние гражданской идентичности этнические конфликты, происходившие в открытой форме почти во всех союзных республиках. Но если эти факторы воздействовали на личность хотя и массировано, плотно, но все же оставляли какое-то время на хотя бы частичную для нее адаптацию, то мгновенный распад Советского Союза оказал на многих людей шокирующее воздействие. Особенно потрясла потеря советского гражданства тех, кто не был представителем титульного этноса. Перед ними встала труднейшая задача выбора гражданства. И если субъективно они склонялись к тому или иному гражданству, то реалии повседневности заставляли вносить в свои предпочтения существенные коррективы. Если не принимать гражданства того государства, на территории которого ты оказался, то, следовательно, надо было выезжать из страны. Но куда, на какие средства, где получить кров, где найти работу себе и членам

семьи, если и другие бывшие советские республики переживали развал производства, инфляцию, дефицит самых необходимых товаров в магазинах? Эти вопросы вставали перед миллионами людей, поскольку практически ни одно из вновь образовавшихся государств не признавало двойного гражданства. В Украине также в 1991 – 1994 гг. имела популярность идея двойного гражданства, особенно среди жителей тех регионов, в которых проживало значительное число русских – в Крыму и в Донбассе.

Со времени проведения указанного исследования прошло 20 лет. Бывшая страна, в которой выросло большинство населения Украины, распалась, исчезла с карты мира, отошла в историю. Со стороны нового государства много сделано и делается, чтобы вытеснить из общественного бытования социальные, культурные, духовные ценности, господствовавшие в советском обществе. И, действительно, многие из них опредметились в знаки прошлого, отошли на периферию общественного сознания. Однако этот процесс проходит крайне сложно и противоречиво. Особенно драматично он разворачивается на уровне личностного сознания, на уровне личностной самоидентификации. С одной стороны, идет процесс размывания старой идентичности, то есть идет размывание четкости относительно собственной позиции в системе социальных координат, а с другой – актуализируются пределы, границы другой идентичности, которая раньше находилась на периферии общественного сознания, пребывала в состоянии «сна».

С провозглашением Украины независимым государством встал вопрос формирования новой макроидентичности, связанной с осознанием принадлежности к новому социальному организму. Формирование новой социально-гражданской идентичности – это крайне сложная проблема, которая для многих людей проходит достаточно трудно и противоречиво. В мониторинговом исследовании Института социологии НАН Украины «Украинское общество» для изучения данной проблемы был поставлен вопрос, ответы на который позволяли частично ее пояснить. Он был сформулирован так: «Кем Вы себя считаете в первую очередь?». Вопрос предусматривал такие ответы: «Жителем села, района или города, в котором Вы живете», «Жителем региона (области или нескольких областей), где Вы живете», «Гражданином Украины», «Гражданином бывшего Советского Союза», «Гражданином Европы», «Гражданином мира».

Благодаря ответам можно было зафиксировать характер самоидентификации респондентов в социально-гражданском про-

странстве. Эти группы самоидентификации мы назвали гражданскими, или социетально-гражданскими, поскольку они образуются на основе самоидентификации личности в координатах общества в целом и на основе своих представлений о своей связи со страной (гражданственность).

В ответах на эти вопросы, во-первых, фиксировалась масштабность той социальной общности, с которой себя соотносит респондент. Во-вторых, это давало возможность рассмотреть, произошло ли у респондентов изменение старой идентичности на новую. В-третьих, если у них произошло формирование новой идентичности, то по какому вектору.

Ответы на эти вопросы в 2010 году распределились так. К жителям района или города себя относят 27% опрошенных, к жителям региона – 7%, к гражданам Украины – 51%, к гражданам бывшего СССР – 7%, к гражданам Европы – 1%, к гражданам мира – 3%.

Следовательно, больше всего респондентов себя отождествляют с гражданами Украины. Это говорит о том, что постепенно закрепляется самоидентификация населения как граждан Украины, как людей, кто в первую очередь отождествляет себя со своей страной. Однако процесс отождествления себя с новым социальным организмом является сложным и противоречивым, потому и численность данной группы составляет пока еще немногим более половины респондентов. Рост числа представителей данной группы идет медленно. В 2000 году их было 41%. В среднем группа выростала за год на один процент. Это свидетельствует о том, что процесс поиска личностью самоидентичности на социетальном уровне еще продолжается и далек от завершения. Подтверждение этому мы приведем ниже, когда будем рассматривать, как проходит процесс самоидентификации в разных социокультурных группах – имущественных, возрастных, образовательных, этнических, языковых, региональных и т.п.

Вторую большую группу респондентов по типу самоидентификации составляют те, кто относит себя к жителям города или района, то есть это те, кто идентифицирует себя с населением малой родины. Они составляют почти треть населения Украины – 27%. По нашему мнению, так себя идентифицируют в первую очередь те люди, которые сознательно или подсознательно избегают четкого самоопределения на социетальном уровне. Возможно, что они не хотят сознаться себе в том, что на эмоциональном уровне им дорога ценность, нормы и ориентиры старой социе-

тальной самоидентификации, поскольку рационально понимают, что той реалии уже нет и ее не вернешь, но и новая действительность их не привлекает. Поэтому они избирают для себя наименее политизированный и идеологизированный идентификационный ориентир, группу, которая достаточно четко воспринимается обыденным сознанием, не вызывает никаких сомнений в том, что личность принадлежит именно ей, не нуждается в каких-то дополнительных объяснениях относительно включенности в этот человеческий массив.

С населением Советского Союза еще идентифицирует себя 7% респондентов. Очень важно попытаться объяснить, почему эти люди, вопреки реальности, отождествляют себя с социальной общностью, которая уже не существует двадцать лет, найти причину такого поведения достаточно большой части общества.

Интерес представляют и два последних варианта самоидентификации – определение себя, как гражданина мира, и, как европейца. По количеству респондентов, которые отнесли себя к этим группам, они небольшие. Они выглядят в чем-то романтично и загадочно, с элементами то ли вызова, то ли эпатажа. Поэтому важно найти те причины, которые обуславливают именно такой самоидентификационный выбор. Возможно, это возрастные особенности, возможно, культурно-образовательные, а, возможно, индивидуально-личностные.

Далее конкретизируем признаки каждой из самоидентификационных групп через другие их социальные и социально-психологические характеристики.

Прежде всего, сопоставим эти группы с их удовлетворенностью своим положением в обществе. У нас есть возможность рассмотреть, как респонденты отвечали на эти вопросы в 2001-м и в 2010 году. Сначала остановимся на данных 2001 года. Если рассмотреть уровень удовлетворенности своим положением в обществе по каждой из групп, то оказывается, что среди удовлетворенных было больше всего тех, кто идентифицировал себя с населением Европы – 12%. А менее всего удовлетворенных респондентов из группы, которая отождествляет себя с населением СССР – всего 6%. Все другие по уровню позитивной удовлетворенности своим положением в обществе находятся в промежутке между этими крайними группами. Обращает на себя внимание то, что в целом среди всех групп уровень позитивной удовлетворенности своим положением в обществе очень низкий – средняя величина удовлетворенных равняется 8%.

В 2010 году ситуация изменилась. В целом уменьшилось количество людей, неудовлетворенных своим положением в обществе, увеличилось число удовлетворенных и тех, кто затрудняется ответить. Теперь больше всего удовлетворенных своим положением в обществе оказалось среди тех, кто считает себя жителем региона – 30%.

А как выглядят респонденты, которые не удовлетворены своим положением в обществе? Больше всего в 2001 году было неудовлетворенных среди тех, кто отождествляет себя с советским населением – 75%. Возможно, что именно недовольство своим положением в новом обществе и являлось одной из причин того, что люди отождествляли себя с населением Советского Союза, вспоминая свое более благополучное прошлое. На втором месте среди неудовлетворенных находились те, кто считал себя европейцем (72%). В этой группе («европейцев») наблюдалось резкое разделение оценок своего положения в обществе – здесь больше всего удовлетворенных и почти больше всего неудовлетворенных. Возможно, это связано с тем, что среди них меньше всего тех, кто не определился с оценкой своего положения в обществе. А это в свою очередь связано с возрастными особенностями – среди них много людей (45%) в возрасте до 30 лет. А, как известно, молодежь более категорична в суждениях. Поэтому данная группа и выглядит такой поляризованной в оценках.

В 2010 году самыми неудовлетворенными своим положением в обществе были респонденты, отождествившие себя с европейцами (56%) и с советскими людьми (50%). А группой, которая была наиболее поляризованной в оценках своего положения в обществе, оказались те, кто самоидентифицирует себя жителем региона. У них 49% неудовлетворенных своим положением и 30% – удовлетворенных. Возможно, что именно неудовлетворенность жизнью удерживает большую часть из них от самоидентификации с гражданами Украины, но они уже потеряли и свою предыдущую социальную идентичность, потому находят выход в самоидентификации с локальной общностью.

Определенную ясность в характеристики идентификационных групп вносят ответы на вопрос относительно социально-политической ориентации респондентов. На вопрос «Одни политическая силы хотят, чтобы Украина выбрала путь к социализму, другие – капитализму. Как Вы лично относитесь к этим силам?» ответы разделились так. Наиболее однозначно определились респонденты, которые относят себя к советскому населению. 48%

из них ответили, что поддерживают социализм. К ним примыкает группа «жители села, района или города» – 24%. В других группах такой концентрации на одном из вариантов ответа не наблюдается. У них ответы респондентов раздробились между такими вариантами: «поддерживаю сторонников капитализма», «поддерживаю и тех, и тех, лишь бы не конфликтовали», «не поддерживаю никого». Лишь в нескольких из этих вариантов концентрация ответов является достаточно высокой, на которые следует обратить внимание. Это 34% из группы «население региона» и 24% респондентов из группы «жители села, района или города», которые ответили «поддерживаю тех и других, лишь бы не конфликтовали», а также 26% граждан Украины, которые заявили, что не поддерживают никого.

Заметными являются отличия по самоопределению. По-разному определяются в социетально-гражданских группах представители разных этносов. Особенно заметны отличия между респондентами по национальному признаку в идентификационной группе, отождествляющей себя с населением Украины, и с идентификационной группой, которая отождествляет себя с населением Советского Союза. В первой группе («граждане Украины») – украинцы составляют 55%, русские – 31%, представители другой национальности – 25%. Здесь мы сталкиваемся с той проблемой, что представителям нетитульного этноса труднее сформировать новую идентичность, которая основывается на отождествлении себя с населением новой страны. А противоположная ей тенденция – людям нетитульного этноса труднее потерять свою самоидентификацию с населением государства, в котором была размытой этнической самоидентичность – прослеживается в идентификационной группе «население Советского Союза». В этой идентификационной группе существуют еще большие отличия в удельном весе в ней этнической группы. Так, лишь 5% украинцев отнесли себя к группе «Советского Союза», в то время, как с этой группой отождествили себя 19% русских и 11% людей другой национальности. Это свидетельствует о дискомфорте представителей иноэтничных групп, прежде всего русских. Неудовлетворенность вырастает из того факта, что 52% русских родились и живут в Украине. Кроме того, следует учесть еще один факт. Проведенный ВЦИОМ в августе 1991 года опрос по программе «Русские в республиках» показал, что большинство русских Украины были эмоционально привязаны к ней, не считали себя

в ней чужими. На вопрос «Вы согласны или нет с тем, что «я не ощущаю себя чужим на земле этой республики»? подавляющее большинство этой группы респондентов ответило положительно. По регионам это выглядело так: в Крыму – 90%, на востоке 89%, в центре и на юге – по 86%, на Буковине – 72% и на Галичине – 68% (4). А после двадцати лет проживания в новом государстве они нередко могут услышать в свой адрес, что они «пятая колонна», «чужинці» и т.п. Поэтому данный факт должен быть в центре внимания государства, политических партий, если они стремятся к консолидации украинского общества.

Фактором, влияющим на выбор социетально-гражданской идентификационной группы личностью, является ее родной язык. Наиболее показательно он проявился в группе тех, кто относит себя к жителям Украины и у тех, кто идентифицирует себя с гражданами бывшего Советского Союза. Так, 58% респондентов, у кого родной язык украинский, отождествляют себя с гражданами Украины, однако в этой группе находится только 40% тех, у кого родной язык русский. А вот в группу тех, кто относит себя к гражданам бывшего Советского Союза, входит 4% всего массива респондентов с родным украинским языком, и 13% – с родным русским. Следовательно, языковой фактор проявляет себя таким образом, что те респонденты, у кого родным является украинский язык, тяготеют к идентификационной группе «жители Украины», а те, у кого родным языком русский – к идентификационной группе «граждане бывшего Советского Союза», поскольку по всем другим идентификационным группам такого разрыва между языковыми группами не наблюдается.

На выбор идентификационной группы существенно влияет возраст респондентов. Самой большой идентификационной группой является группа «граждане Украины», которая включает 62% респондентов в возрасте до 30 лет. Это объяснимо, поскольку молодые люди, по сути, прожили всю свою сознательную жизнь в самостоятельном украинском государстве. В группу «граждане Украины» отнесли себя 51% респондентов среднего возраста и 44% людей старше 55 лет. Привлекает внимание также и идентификационная группа «граждане бывшего Советского Союза». В ней сосредоточилось 11% респондентов в возрасте старше 55 лет, 7% людей старшего возраста и только 1% респондентов в возрасте до 30 лет. По остальным идентификационным группам опрошенные всех возрастных групп распределены приблизительно равномерно.

Нельзя не обратить внимание на особенности социетально-гражданской идентификации на уровне регионов страны. Большие отличия между регионами наблюдаются в идентификационных группах «граждане Украины», «жители села, района или города» и «гражданами бывшего Советского Союза». С идентификационной группой «граждане Украины» себя идентифицирует 61% респондентов из западного региона Украины и только 42% из восточного. Заметными являются отличия по регионам среди тех, кто идентифицирует себя, как «жители села, района или города». На юге таких 33%, а на западе – 24%. А с группой «граждане бывшего Советского Союза» отождествляют себя 2% жителей западного региона, 5% центра, 7% юга и 12% востока.

В условиях, когда старые ценности и нормы перестали действовать, а новые еще не утвердились, общество погружается в состояние аномии. Биографии многих людей среднего и старшего возраста разломались на две части – на прошлое, которое было понятным, поскольку было с детства знакомым, и на жизнь в новом обществе – неустойчивую, неопределенную, без уверенности в будущем. В мониторинге Института социологии НАН Украины респондентам было предложено такое суждение: «Люди высказывают разные мнения о жизни (как своей личной, так и жизни общества). Согласны ли Вы с таким высказыванием: «Сейчас все так шатко, и кажется, что может произойти все, что угодно». С этим суждением в 2010 году были согласны 77% опрошенных, а не согласны только 13%. Причем, различия в ответах между людьми разных возрастных групп являются крайне незначительными. Так ответили 75% молодежи и 79% людей старше 55 лет.

В этом же мониторинге стоял вопрос: «Чего из перечисленного Вам не хватает?» 64% респондентов ответили, что им не хватает уверенности в собственном будущем. А по возрастным группам этот ответ выглядел так: не хватает уверенности в собственном будущем у 58% респондентов в возрасте до 30 лет, 64% людей среднего возраста и 67% опрошенных старше 55 лет.

Следовательно, время, которое мы переживаем, население эмоционально воспринимает преимущественно негативно. Личность окончательно запуталась в понимании самой себя, в понимании того, кто она есть, в понимании общества, в котором она живет. Многие люди среднего и старшего возраста потеряли ряд социальных статусов, ради которых они делали жизненную карьеру. Часть их идентичности, как писал Ю.Хабермас, «расплылась», «рассеялась», «разрушилась» (5). Картина мира у

них деформировалась, фокус видения общества сбился, контуры структуры окружающего социального мира расплылись и стали нечеткими. В первые годы после распада прежней страны кардинальные изменения всего строя жизни глубоко травмировали людей. Одни оказались в социально-шоковом, социально-парализованном состоянии, другие в социально-амбулаторном, а кое-кто, особенно молодежь, просто не знала, что она находится в социально не привитом состоянии и все социальные болячки сказываются на ней. Надежда на шоковую терапию и быстрое выздоровление общества не исполнилась. Болезнь затянулась на двадцать лет и конца ей пока не видно.

В результате большинство людей находится в социально-травмированном состоянии. Личность одолевают социальные фобии потерять работу, оказаться в нищете, потерять квартиру, заболеть, стать жертвой преступности. Она потеряла доверие практически ко всем социальным институтам. Ее комфортное пространство, пространство доверия в социуме сузилось до круга семьи и близких друзей, поскольку она не доверяет практически ни одному государственному и общественному институту. Так, по данным социологического мониторинга Института социологии НАН Украины, в 2010 году доверяли прокуратуре 11%, судам 12%, милиции 13%, профсоюзам 16%, СМИ 31%, армии 34% и только себе и своей семье – 95% опрошенных.

Нарушилась связь личности с обществом. Большинство людей негативно или, в лучшем случае, нейтрально воспринимают государство и общество, в котором они живут. Так, по данным нашего опроса, только около 3% опрошенных чувствуют ежедневную заботу о них со стороны государства, а 63% респондентов считают, что государство отвернулось от их. В восприятии государства практически нет различий между украинцами и русскими, украиноязычными и русскоязычными гражданами. В отношении государства к личности заметны различия между жителями разных регионов и представителями различных образовательных групп. Так, разница между южным и западным регионами страны достигает 10% – на юге считают, что государство, в сущности, отвернулось от них 68% опрошенных, а на западе – 58%. Практически такое же соотношение по данному вопросу у людей с неполным средним образованием и с высшим образованием – 67% и 58% соответственно.

Принятию украинской гражданской идентичности мешают низкий престиж в общественном мнении украинского государства, органов его власти, крайне низкий престиж страны в между-

народных отношениях, в развитии ее промышленности, сельского хозяйства, из-за отсталости ее технологий, бедности населения, тяжелой экологической обстановки и т.п.

Самоидентифицировать себя как гражданина страны в психологическом плане означает признать страну своим родным домом. Как раз этого в Украине сейчас и нет. Многие люди теряют здесь ощущение своего дома. Происходит отчуждение гражданина от государства и даже отчуждение обывателя от своей страны, родины. Выражением последнего в определенном смысле является широко распространенное высказывание «в этой стране». Очень часто мы сталкиваемся с тем, что не только рядовые граждане, но и политики, журналисты изобличают какие-то социальные пороки при помощи выражения «в этой стране». Оно имеет два оттенка, и оба негативных. Во-первых, через данный языковой штамп субъект выражает свою отстраненную позицию по отношению к государству. Тот, кто использует это выражение, волей-неволей манифестирует свою субъективную дистанцированность от данного государства: он уже оценил и сопоставил «это» государство с другими и, судя по всему, оценил негативно. Он заявляет свою свободу по отношению к обязанностям к «этому» государству, определенный разрыв отношений с ним. Он находится как бы в маргинальном состоянии. От этого государства он практически уже отчуждился, но еще не идентифицирует себя с каким-то другим государством. Во-вторых, этим выражением человек демонстрирует отстраненность не только от государства, но и от всего, что в нем есть. Он ведь говорит о стране. Тем самым он противопоставляет себя ее культуре, ее истории, обществу. Подобная позиция часто вызывает раздражение уже не столько у власть имущих, сколько у людей, любящих свою Родину. Большинство из них тоже не любят «это государство», но они для себя отделяют «их» государство и свою Родину. А вот за Родину им обидно. Они болезненно переживают такое положение дел в стране, им за это стыдно и больно. Так же, как им обидно, что «манифестанту» не обидно за Родину, что он вне ее.

Отчуждение гражданина от государства проявляется и в отношении к официально формируемому символическому пространству. Важным показателем интегрированности личности в общество, в социальную среду является ее отношение к государственным праздникам, государственной символике. Правда, отношение к государственным праздникам отражает гражданственность человека далеко не в чистом виде. Многие воспринимают праздник не

через содержание манифестируемых им ценностей, а сугубо прагматически, утилитарно – как возможность дополнительного отдыха, как повод для общения, как дополнительное свободное время.

В Украине теперь отмечается 9 праздников, которые являются выходными днями, – Новый год, Рождество, Международный женский день, Пасха, Первое мая, День Победы, Троица, День Конституции, День независимости. Новыми относительно советского времени являются христианские праздники, а полностью новыми являются День Конституции и День независимости. Есть еще и другие праздники – профессиональные, возрастные, международные и тому подобные, но они не имеют глубокой укорененности в общественном сознании и отмечаются или отдельными группами населения (День медицинского работника, День металлурга, День строителя, День милиции, День работников пожарной охраны, День землеустроителя, День науки и т.п.) или только официальными кругами, общественными организациями (Международный день музеев, Международный день театра, Международный день прав человека, Международный день семьи и т.п.). Многие профессиональные праздники зародились еще в советское время и воспринимаются соответствующими группами как свои, остаются востребованными. Кроме того, несмотря на попытки разрушить, скомпрометировать и вытеснить из общественного сознания, признанными остаются День Советской армии (в новой интерпретации – День Защитника Отечества) и Международный женский день.

На вопрос «Как Вы воспринимаете новые праздники украинского государства» ответы распределились так: «Как свои» – 43% опрошенных; «Они для меня чужие» – 9%; «Мне все равно» – 46%. Таким образом, больше всего среди опрошенных тех, кто оценочно-индифферентно относится к государственным праздникам. Достаточно большая доля тех, кто воспринимает государственные праздники, как свои. Правда, здесь следует заметить, что отношение к праздникам как к выходным дням воспринимается в нашем обществе традиционно положительно. Поэтому интересно рассмотреть, как дифференцируются респонденты в отношении к праздникам в зависимости от принадлежности к определенной социокультурной, возрастной и территориальной группам.

Заметно отличаются в отношении к праздникам этнические группы. Украинцы значительно более позитивно настроены на государственные праздники, чем русские. Среди первых 47% тех, кто воспринимает эти праздники, как свои, а среди вторых – только

30%. Однако, как видим, и среди украинцев таких, которые считают эти праздники своими, менее половины. Кроме того, 54% русских и 43% украинцев относятся к государственным праздникам индифферентно («мне все равно»). Чужими для себя государственные праздники считают 8% украинцев и 12% русских.

Есть отличия в восприятии новых праздников и между языковыми группами. Украиноязычных значительно больше среди тех, кто воспринимает новые праздники, как свои. 53% украиноязычных респондентов воспринимают новые праздники, как свои, а русскоязычных – лишь 33%. А вот безразличное отношение к этим праздникам проявляют 38% украиноязычных и 55% русскоязычных.

То есть процессы самоидентификации в разных этнических и языковых группах в пространстве новых официальных символов проходят не одинаково.

А как население относится к существующим ныне в Украине конкретным праздникам? Не все праздники отмечаются населением поголовно. Некоторые, действительно, отмечаются почти всеми, а некоторые избирательно.

Почти все возрастные, образовательные и региональные группы празднуют Пасху и Новый год – 93%. Конечно, большинство населения отмечает свой день рождения и дни рождения членов своей семьи – 86 – 84%. По популярности к ним примыкает Рождество – 84%. Все эти праздники имеют давнюю традицию, отмечались и в советское и досоветское время. За ними идут по количеству приверженцев советские праздники – Международный женский день (75%), День Победы (56%), День Защитника Отечества (45%), Первое мая (34%). Из числа советских праздников заметно уменьшилось количество празднующих его граждан только у праздника Великой Октябрьской социалистической революции – 11%. Иначе говоря, символическое пространство советского периода является еще достаточно прочным в общественном сознании украинского общества. Об этом свидетельствует то, что некоторые советские праздники отмечает почти столько же молодежи, сколько и людей среднего и старшего возраста. Так, Международный женский день празднует 79% молодежи до 30 лет, 78% людей среднего возраста, 66% людей старше 55 лет, День Защитника Отечества – 46% молодежи, 49% людей средних лет и 37% пожилых, а День Победы – 46% молодежи, 56% людей среднего возраста и 63% людей старше 55 лет.

Новые праздники в обществе приживаются медленно, они не имеют серьезного ценностно-символического насыщения для сознания населения. Из новых праздников наибольшее распространение получил День Святого Валентина. Но его успех принадлежит скорее рекламе, которая интенсивно влияла на население, особенно на молодежь, во все годы независимости. Его празднует треть населения – 32,5%, а среди молодежи – 63%.

А такие государственные праздники, как День независимости Украины и День Конституции Украины празднуют только 25% и 15% соответственно. Пока что они рассматриваются населением страны преимущественно как дополнительные выходные дни.

Какие праздники Вы обычно празднуете в течение года?

	<i>% к ответившим</i>
Пасха	93.0
Новый год	92.8
Свой день рождения	86.4
Дни рождения членов семьи	83.6
Рождество	83.5
Международный женский день (8 марта)	75.0
День Победы (9 мая)	56.0
Троица, Покрова	45.4
День Защитника Отечества (23 февраля)	44.7
Первое мая	33.6
День Святого Валентина (14 февраля)	32.5
День независимости Украины (24 августа)	24.6
День Конституции Украины (28 июня)	15.0
День Октябрьской революции (7 ноября)	11.1
Другие праздники	2.5
Не праздную никаких праздников	0.7

Отношение к праздникам является еще одним свидетельством сложного процесса смены социальных статусов, социальных цен-

ностей, реконструкции ценностно-смыслового поля сознания личности, что проявляется через процессы социокультурной маргинализации личности. А также через смену ее идентичностей.

Следовательно, интенсивная рекомбинация личностных самоидентичностей в координатах политического, идеологического и культурного пространств в украинском обществе еще продолжается. Это сложный и противоречивый социально-психологический процесс, который драматично разворачивается в сознании личности, прежде всего под воздействием внешних факторов – школы, вузы, общественные организации, средства массовой информации. В нем разрушаются прежние смысловое и символическое поля личностного сознания и формируются новые. Однако на нынешний день в сознании личности еще сосуществуют элементы и прежней структуры духовных ценностей и новой, которую разные агенты влияния на личность пытаются внедрить. В результате этого население страны разделено на целый ряд групп самоидентификации, одни из которых имеют более-менее четкие контуры, а другие – размытые.

Литература:

1. В.М.Розин. Мистические и эзотерические учения и практики в средствах массовой информации // Общественные науки и современность. –1997. –№3. –С.49.
2. Юрий Левада. «Человек советский» четвертая волна. Рамки самоопределения // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. –2004. –№ 3 (71). –С. 8.
3. Жизнь этноса: социокультурные очерки. –К. –1997. –С.27.
4. Панина Н.В. Головаха Е.И.Национально-государственная идентификация и формирование социально-политических ориентаций русского меньшинства в Украине. В кн.: Политическая культура населения Украины. –К. –1993. –С.104.
5. Habermas Jurgen. Kleine Politische Schriften VI, Suhrkamp Verlag. –Frankfurt am Main. –1990.

5. ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС КАК УГРОЗА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

После провозглашения независимости перед украинским обществом и государством встал ряд вызовов. О них шла речь в предыдущих параграфах. Однако неадекватные ответы правящей элиты на вызовы обострили ситуацию, осложнили как внутреннее, так и внешнее положение страны. К тому же в конце нулевых годов XXI века обострилась ситуация во всем мире в связи с разразившимся глобальным финансово-экономическим кризисом.

Общественные кризисы в условиях капиталистических, рыночных отношений обрушиваются на социумы так же неожиданно, как и болезни на человека. Кажется, все идет хорошо, все складывается прекрасно: человек чувствует себя здоровым, он полон планов и оптимизма, но оказывается, что где-то внутри организма таится болезнь, развивается подспудно и вдруг неожиданно и резко дает о себе знать. Причем все люди, и каждый человек в отдельности, знают, как не допустить болезнь – что надо следить за своим здоровьем, что нельзя переохлаждаться, переедать, что надо заниматься физкультурой, чаще бывать на свежем воздухе, больше отдыхать и т.д. И тем не менее, болезнь к человеку всегда приходит внезапно. А вероятность проявления непредсказуемых потрясений в обществе, построенном на рыночных отношениях, то есть на отношениях, в принципе отрицающих сознательное регулирование, целенаправленное вмешательство человека в характер социальных связей, намного и намного больше.

Начавшийся в какой-либо стране кризис дезорганизует систему отношений прежде всего в этом обществе. Но значительно большую угрозу представляют мировые кризисы, парализующие целые континенты. Если в случае локальных кризисов есть какая-то надежда на помощь, поддержку близких и дальних соседей, то в случае глобального кризиса ситуация становится крайне опасной.

В чем особенности проявления нынешнего кризиса в Украине? Какие угрозы он создает для общества в целом, для отдельных сфер народного хозяйства, для социальных институтов, в том числе и для государства, для отдельных ветвей и власти в целом? Как проявляется кризис в сфере экономики и политики? Как проходит приспособление людей и организаций к кризису? Какие модели выживания формируются и какие из них уже по-

лучили заметное распространение? Какие ресурсы для преодоления кризиса имеются в украинском обществе, его культуре, в человеческом потенциале?

Круг этих вопросов поднимается в данном параграфе. Одни из них анализируются глубоко и детально, другие представлены в постановочном плане с целью привлечения внимания общественности, экспертов, исследователей.

Кризис был главной проблемой не только для политиков, государственных служащих, политологов, социологов, но и для большинства простых граждан начиная с конца 2008 года. Он коснулся в разной степени, разными сторонами всех сфер украинского общества, всех социальных групп, всех семей и практически каждой личности.

Специфической чертой проявления мирового социально-экономического кризиса в Украине является то, что он наложился на затяжной системный кризис украинского общества. В течение всего этого периода страна поочередно и одновременно переживала экономический, политический, социальный, демографический, экологический, духовный, моральный, ценностный кризисы. Внутренний системный кризис в Украине не был преодолен к началу текущего мирового финансово-экономического кризиса. К кризисам в Украине за это время настолько привыкли, что в СМИ, в публичной риторике термин «кризис» то приглушался, то поднимался до крещендо. Впрочем, украинские социологи о кризисном состоянии украинского общества писали регулярно два десятилетия его новой истории. В повседневной жизни он постоянно давал о себе знать через череду технологических аварий и природных бедствий – вывод из строя отопительных систем целых городов, взрывы газа в жилых домах с многочисленными жертвами, масштабные лесные пожары, разрушительные наводнения, периодические вспышки эпидемий в санаториях, домах отдыха и детских учреждениях и т.д. На дорогах страны ежегодно погибало в два раза больше людей, чем в трехсотмиллионных Соединенных Штатах Америки. В более обобщенной форме говорили об энергетическом, бензиновом, газовом, сахарном кризисах, о кризисах в сфере машиностроения, легкой промышленности, медицины, образования, культуры, спорта...

Термином «кризис общества» обозначают момент, когда политическая и социально-экономическая модель его функционирования дает серьезные сбои, ведущие к разрушению всей системы, когда невозможно воспроизводство социальных институтов

на прежних принципах, когда разрушается устоявшаяся организация жизни общества. Кризисы могут проявляться либо как системные, либо как частные – кризисы отдельных подсистем общества. Частные кризисы существенно влияют на состояние всей общественной системы, но далеко не всегда ведут к ее изменению.

Исследователи обращают внимание на то, что процессы развертывания и прохождения этапов социальных кризисов изучены плохо, что, как правило, внимание сосредоточивается либо на причинах возникновения кризиса, либо на изменениях, к которым он приведет. Сам же кризис по традиции считается переходом, скачком, «черным ящиком», у которого известно только то, что имеется на входе и что на выходе.

Пока что мало конструктивного для объяснения ситуации кризиса дает и синергетика, которая рассматривает скачок как состояние одновременного, параллельного разрушения старого и созидания нового. Но схема является слишком общей и зачастую малопродуктивной для анализа кризиса в конкретном обществе. Сегодня мы стали свидетелями и участниками долговременного системного социального кризиса, для которого характерно развертывание по всему фронту разрушительных процессов и совсем малозаметными являются новые, созидательные тенденции. Такое состояние некоторые авторы поясняют тем, что «процесс разрушения старой системы может опередить противоположный процесс так, что на какое-то время человек оказывается среди социальных руин и не располагает ничем, кроме этих руин», – пишет Л.Бляхер(1).

Нынешний мировой кризис аналитики определяют как финансово-экономический и хронологически ведут его отсчет с лета, а в Украине с осени 2008 года.

Специфика нынешнего мирового кризиса состоит в том, что многие исследователи его рассматривают не как очередной кризис в рамках капиталистических отношений, а как кризис всей этой системы. «Есть основания думать, – пишет Г.Кнабе, – что происходящий кризис выходит далеко за рамки финансов и экономики, что в нем нашло выражение исчерпание той цивилизации, в которой мы жили во второй половине XX столетия, а при более глубоком взгляде и значительно дольше» (2). Такая характеристика мирового кризиса становится дополнительным неблагоприятным условием для преодоления многочисленных проблем, накопившихся в украинском обществе. Уже двадцать

лет оно находится в состоянии транзита без четко обозначенного конечного пункта. Каждая из многочисленных политических элит агитирует за свои ценности, призывает массы идти в направлении ею обозначенного ориентира. Из этих направлений движения никак не складывается общий для всего общества азимут движения. И если и раньше в нашем обществе не было найдено консенсуса по отношению дальнейшего вектора развития страны, то в условиях все более выразительно звучащей в мировом сообществе тревоги об исчерпании ресурса современного капитализма и определенной растерянности в отношении выбора вариантов будущего задача выбора нами собственных перспектив еще более усложняется. Хотя, с другой стороны, возможно, история дает нам шанс сразу влиться в мировой мейнстрим без болезненного отказа от накопленного социального комфорта, поскольку его у нас сейчас просто нет.

Но шанс влиться в общее русло будущего движения в Украине появится только тогда, когда она станет современным общественным субъектом, характеризующимся экономикой, основанной на передовых технологиях, высокой общей и востребованной временем профессиональной подготовкой населения, отлаженной демократической системой власти, консенсусом элит, консолидированными социальными, региональными, этническими, языковыми, религиозными, ценностными группами. А такое состояние общества достигается многолетней слаженной целеустремленной работой всех его групп. И тут перед нами снова встает вопрос, как наладить такой социальный порядок в обществе.

А пока что трудно определить, как долго будет продолжаться нынешний кризис. Несмотря на обнадеживающие заявления премьер-министра Ю.Тимошенко, что мировой кризис коснется Украины в малой степени, 2009 год оказался одним из наиболее провальных для народного хозяйства страны. Внутренний валовой продукт за этот год упал на 15%. Экономика находилась в ослабленном состоянии. Демонстрацией ошибочности избранного Украиной пути является тот факт, что экономика страны все эти годы не только не прогрессировала, но даже не смогла вернуть себе позиции двадцатилетней давности. В 2009 году ВВП Украины составил только 63,3% ВВП УССР 1990 года.

Кризис неравномерно поразил разные отрасли народного хозяйства. Наиболее твердо стояло на ногах сельское хозяйство – в нем объемы производства практически не сократились. А одной из наиболее уязвимых отраслей было строительство. Пострада-

ли химическое производство, торговля, а также и другие отрасли экономики.

Выход из экономического кризиса предстоит для Украины трудный. Если не будут предприняты кардинальные меры по изменению принципов управления страной, а экономика не перейдет на новейшие технологии, страна все больше и больше будет отставать от промышленно развитых государств. Основываясь на прогнозе Минэкономики Украины, доктор экономических наук А.Ревенко сделал пессимистический и оптимистический прогнозы роста ВВП Украины на ближайшие десятилетия. По пессимистическому сценарию к 2020 году наш ВВП будет составлять всего лишь на 1,1% больше, чем в 1990 году, а по оптимистическому – на 17,8%. Но при этом следует учесть, что мировой ВВП к 2008 году уже вырос на 38–40% по отношению 1990 году (3).

К слову, наше нарастающее отставание от других стран ощущают на основе своего практического опыта многие простые граждане Украины. На вопрос: «Если подумать о возможных изменениях в нашей стране лет через десять, то что, по Вашему мнению, наиболее вероятно: «Страна догонит по экономическому уровню развитые страны?» 54 % из них ответили «маловероятно» и еще 20% – «совсем невероятно».

Украинским политикам, государственным служащим и ученым следует реалистически оценивать состояние нашей экономики, народного хозяйства, уровень жизни населения среди стран мира. Уже сегодня мы не только потеряли те позиции, по которым опережали другие страны, но отстали даже от своих ближайших соседей, от бывших советских республик. В 1990 году ВВП на душу населения в Украине был выше среднемировых показателей на 11%. Но уже в 2006 году этот показатель в Украине (6224 долл.) был на 33% ниже от среднемировых показателей (9316 долл.). По отношению к некоторым другим странам это выглядело так: Колумбия – 6381 долл., Куба – 6876 долл., Беларусь – 9737 долл., Казахстан – 9832 долл., Россия – 13205 долл. (4).

Среди стран Европы Украина по уровню ВВП на душу населения занимает одно из нижних мест и опережает по этому показателю только Молдову и Албанию.

Развертывание мирового финансово-экономического кризиса создало дополнительные проблемы для украинских граждан. В качестве примера можно взять падение курса американского доллара по отношению к другим валютам, следствием чего стало обесценивание сбережений многих людей, которые хранили свои на-

копления в этой валюте в банках или на дому. С другой стороны, не меньшие потери несут и те, кто имел вклады в гривнах, – падение курса гривны (даже к полегчавшему по отношению к другим валютам доллару) с 4,9 летом 2008 года до 9,5 за один доллар в марте 2009 года почти наполовину обесценило их сбережения. К тому же, как первые, так и вторые оказались жертвами разорения банков, замораживания депозитов. Началась паника в банках, их клиенты не могли снять свои вклады со счетов, а некоторые банки разорились.

В связи с резким ухудшением условий жизни украинских граждан есть опасность мифологизации 2005–2007 гг., как периода «хорошей жизни». В действительности, у нас еще не было экономической стабильности и сносного уровня жизни. Был небольшой период некоторого облегчения, незначительного улучшения финансового состояния семей всех социальных слоев, снижения уровня тревожности населения. Значительная часть из того, что воспринималось как повышение жизненного уровня, держалась на кредитах, ставших доступными именно в 2005–2007 гг. Но все это происходило в рамках системного кризиса общества, в который оно попало еще в начале 90-х гг. прошлого века. Конечно, все познается в сравнении. Повышение коммунальных тарифов, рост цен на продовольственные и промышленные товары, на услуги в 2010–2011 гг. больно ударили по основной массе населения. Поэтому люди с ностальгией вспоминают даже о незначительном улучшении жизни в 2005–2007 гг.

Экономический и финансовый кризис, охвативший большинство стран мира, спровоцировал в Украине обострение давних проблем не только в экономике, но во всех сферах общества. Результирующая этих негативных процессов на уровне личности проявляется как переход в состояние депривации. Последнее рассматривается как сокращение удовлетворения ставших уже привычными для человека потребностей. Речь идет не о единичных случаях отказа от потребления каких-либо благ, а о переходе на новый, обедненный, упрощенный образ жизни. Уже на момент социологического опроса Институтом социологии НАН Украины в апреле 2009 года респонденты растратили имевшиеся у них резервы и 51,5% из них заявили, что кризис по отношению к ним проявился в том, что они сократили потребление продуктов питания, а 62% уменьшили покупки одежды, обуви, других вещей. При повторном опросе в 2010 году были получены точно такие же ответы.

Кризис с разной силой затронул подавляющую часть украинских граждан. В 2010 году на вопрос «В какой мере Вас и Вашу семью затронул финансово-экономический кризис?» 19% опрошенных ответили: «можно сказать, катастрофически», 61% – «достаточно ощутимо, но не катастрофически» и 16% – «лишь немного». Практически не затронул кризис только 5% респондентов.

Для населения нашей страны явления депривации переживаются по-другому, чем в благополучных странах. Это связано с мобилизованной, живой памятью о лишениях, которые переживали либо ныне здравствующие люди разных возрастов, либо о подобных периодах еще хранится живое представление в семейных преданиях. Мобилизованная память о лишениях в определенной мере смягчает восприятие актуальных ограничений.

Кроме того, периодическое воспроизводство кризисных явлений, социальная маргинализация, хаотизация жизни в государстве в течение многих лет формирует в обществе специфическое состояние привыкания населения к такому образу, такой картине социальной жизни. Люди постепенно привыкают к очередному сокращению уровня жизни, как они привыкают к разбитым дорогам и неосвещенным улицам, отсутствию в квартире горячей воды и неработающему лифту, незасеянным полям и с утра до ночи пьющим мужикам (да и женщинам). Привыкают к грязи в подъездах, грубости на почте и в пенсионном фонде, привыкают к бесправию, необязательности, лжи. Привыкают к парадоксам жизни, когда Конституция провозглашает Украину социальным государством, а повседневная практика среднего украинского гражданина убеждает его в необходимости платить за все – за обучение детей в школе, в вузе, в аспирантуре, за посещение поликлиник и больниц.

Конечно, нельзя феномен привыкания сводить только к негативным социальным явлениям. Привыкание есть только механизм адаптации к новым условиям и образу жизни. А его содержательное наполнение, к стати, как и формы социального выживания зависят от глубинных моделей культуры народа, от его традиций организации жизни, в том числе и повседневной. Например, большинству японцев, которые оказались в трудных условиях реформ последней трети XIX столетия, были присущи, по словам русского чиновника и писателя В.В.Крестовского, который посетил Японию в 1880–1881 гг., «трезво-трудова, опрятная бедность, при которой народ не опускает рук, не попрошайничает, не пьянствует, а только трудится больше, чем прежде, перенося с бодрым духом свой тяже-

льный экономический кризис» (5). Каждый народ переносит лишения в соответствии с кодами своей культуры.

Феномен привыкания держится на традиции терпения, повиновения и он, как правило, в нашем обществе, в нашей культуре соседствует с феноменом выживания. Последний является специфическим способом жизнедеятельности, который опирается на крайне низкие жизненные ресурсы. В условиях дефицита жизненных ресурсов человек направляет, концентрирует имеющийся у него потенциал на удовлетворении непосредственных, базовых потребностей – в еде, одежде, жилье и отказывается от всех других. Вся жизнедеятельность человека сосредоточена вокруг того, чтобы воспроизвести себя физически и помочь это сделать своим близким, чтобы удовлетворить самые простые, самые необходимые социальные потребности. То есть он не может, у него нет возможности удовлетворять другие потребности, прежде всего культурные, досуговые, познавательные, потребности в полноценной поддержке и воссоздании здоровья.

Человек организует в таких условиях свою жизнь как ожидание: сейчас добиться лишь элементарного воссоздания жизни, а после уже можно будет полноценно развиваться. В ситуации выживания все элементы внутренней структуры личности ревизуются, поскольку цели, ориентации, установки, нормы, стандарты, образцы более благополучного этапа жизни здесь становятся инородными, они не действуют, точнее не срабатывают. Прежние жизненные смыслы становятся неадекватными реалиям, привычный объем потребностей сокращается. Привычные, обыденные варианты поведения, дававшие результат прежде, становятся рискованными, положительные результаты социальных ходов, основанных на прежней логике, никак не гарантируются. Некоторые люди начинают понимать неэффективность своих установок, хотя еще и не могут выработать новых. Их собственное поведение, не достигающее социальных ожиданий, формирует у них внутренний дискомфорт, высокую тревожность. Другие не осознают несоответствия своих внутренних ориентаций новым внешним обстоятельствам. Элементы их личностной структуры являются ответом, отражением того социального мира, которого уже нет. Неэффективность их схем поведения на практике тоже вызывает неудовлетворенность и дискомфорт.

Ранее стабильная, относительно устойчивая система социальных отношений личности разрушается. Ее позиции в обще-

стве становятся менее очерченными, размытыми. Она теряет опоры для самоидентификации.

В условиях выживания поведение личности не может строиться на основе ее жизненной стратегии, поскольку для этого у нее нет никаких ресурсов: материальных, социальных, психологических. Ограниченность ресурсов личности сокращает варианты ее жизненных выборов. Ее социальное поведение ограничивается короткими жизненными проектами, которые базируются на непосредственных возможностях. «Короткие жизненные проекты – это индивидуальные планы, видение своих перспектив (социальных, экономических, духовных, семейных) на непродолжительное время. Под непродолжительным временем в данном случае мы полагаем возможным рассматривать социальное время, не превышающее одного–двух календарных лет», – пишет В.В.Кривошеев (6).

Следовательно, в культуре наших людей присутствует сложный комплекс «депривация–привыкание–выживание», который обеспечивает воспроизводство общественной жизни в кризисных условиях и выступает своего рода амортизатором, гасителем крупных социальных конфликтов.

Следует обратить внимание на то, что в состоянии депривации украинское общество попало в 90-е годы, когда практически все социальные группы оказались в состоянии выживания. Если же нынешний кризис затянется, а вместе с ним и депривационное состояние больших масс людей, то обнаружится новая картина жизни: теперь достаточно четко обозначилась богатая часть общества. В этой ситуации огромный разрыв между богатыми и бедными становится взрывоопасным. Впрочем, потенциальная взрывоопасность не означает непосредственной угрозы. Особенно в украинском обществе.

Хотя с позиций анализа нельзя ни один из возможных сценариев развития общественных процессов категорически отбрасывать. Можно говорить лишь о том, что существует большая или меньшая вероятность развития событий по какому-либо варианту в данный конкретный момент времени. В середине 80-х годов XX столетия некоторые аналитики по отношению к Румынии, находящейся под властью Н.Чаушеску, применяли метафору: «малыга не взрывается». Но как оказалось, уже в конце 1989 года она взорвалась, да еще и как!

Предлагая эту объяснительную схему преодоления кризисов на уровне повседневной жизни украинских граждан, мы обращаем внимание и признаем большие трудности отече-

ственной науки в объяснении и оценке происходящего в стране. Мы не имеем надежной теории, способной объяснить нынешнее состояние украинского общества, у нас нет необходимого для этого понятийно-категориального аппарата. Методолого-теоретические трудности переживают и социальные философы, и политологи, и экономисты, и социологи, и представители других социогуманитарных наук. Решая текущие задачи, социологи, натолкнувшись на познавательные проблемы, в лучшем случае используют метафоры, стихийные социологические предпонятия, а чаще – обыденные представления, словесные штампы повседневной речи. Попытки импортировать для нашего общества объяснительные схемы, возникшие для объяснения других обществ, на поверку неоднократно тоже оказались малопродуктивными.

Из этого следует несколько выводов. Во-первых, никто кроме самих украинских социологов не способен создать адекватную картину украинских реалий, дать их квалифицированный анализ, разработать объяснительную теоретическую модель общественных процессов.

Во-вторых, как и прежде, остро стоит задача создания картины социологического видения современного украинского общества. Нужны теоретические модели объяснения происходящего в стране, нужен разветвленный научный аппарат, способный дать адекватный практике образ общества. Без этого наша социальная жизнь будет оставаться необъясненной, а следовательно, неуправляемой и непрогнозируемой.

К факторам, осложняющим течение нынешнего кризиса в нашем обществе, относится масштабная разбалансированность между институтами государства. В правовом отношении она рассматривается как неурегулированность ряда положений Конституции, особенно после внесения в нее изменений в 2004 году. Однако это только малая часть того, что связано с расстройством, с разрушением социального порядка в украинском обществе. Катализатором разрушительных процессов в обществе и государстве выступает разьединенность и противостояние политико-экономической элиты Украины.

Не останавливаясь на детальном описании деструкции социального порядка, отметим только ряд его направлений: ослабленность государственной власти противостоянием ее ветвей; игнорирование законов всеми – государством, бизнесом, гражданами; размытая, неустойчивая социальная структура; стрем-

ление нуворишей получать только сверхприбыли в любой сфере деятельности и при любой экономической конъюнктуре; повсеместная, глубоко укорененная во всех порах общества коррупция; недоразвитость институтов гражданского общества. К этому следует добавить то, что высшие государственные органы уже 20 лет находятся в состоянии перманентного аврала. К тому же в общественном сознании потеряна престижность государственной службы, а в ее учреждениях существует огромная текучесть кадров, персональный состав постоянно меняется, а от этого качество аппаратной работы государственных органов стало крайне низким, теряется преемственность в управлении государством и обществом.

В итоге наша страна все больше напоминает то виртуальное государственное образование, которое описал в своем романе «Абсурдистан» выходец из Ленинграда, а в настоящее время американский писатель Гарри Штейнгатт (7).

Наш Абсурдистан – это социальный организм со все более разрушающимся социальным порядком и с утверждающимся во всех общественных нишах хаосом. Хотя формально продолжают существовать социальные институты, цель которых поддерживать социальный порядок. Однако из-за того, что каждая из ветвей власти проводит собственную внутреннюю и внешнюю политику, высший законодательный орган не разрабатывает самых необходимых законов годами, власть предержавшие игнорируют Конституцию и законы, суды распределены между разными сюзеренами, в пользу которых и принимаются их решения, произошло длительное зависание страны в состоянии хаоса. В нашем обществе и государстве утвердился «идеальный» постмодерн – вся социальная реальность имеет условный характер: у нас как бы есть рыночная экономика, как бы есть средний класс, как бы есть демократия.

Раскол элит, противоборство на уровне ветвей и институтов власти в условиях кризиса привели к тому, что в стране не разработана скоординированная единая программа преодоления кризиса. Неконсолидированность политических и экономических субъектов на протяжении многих лет разбалансировала все институты, обеспечивающие социальный порядок в государстве и обществе. В таких условиях вмешательство внешних агентов (правительств отдельных стран, международных организаций) во внутренние дела страны преподносится как благо. За подобными фактами просматривается тенденция медленной

потери Украиной государственного суверенитета. Впрочем, со слабыми субъектами международных отношений поступали так всегда.

Под давлением всех упомянутых выше условий и факторов в обществе сложилась неблагоприятная социально-психологическая и моральная атмосфера. Очень многие люди деморализованы и разочарованы, ушли в себя, уединились, принципиально игнорируют участие в любых общественных мероприятиях. Свой социальный эскапизм они рассматривают как форму социального бунта. В его основе лежит определенная реакция на свою политическую наивность, выразившуюся в недавнем прошлом в том, что они искренне поверили обещаниям политиков. Многие граждане переживают глубокое разочарование в том, чем на самом деле обернулись красивые слова их вчерашних кумиров. Среди них немало людей, у которых разочарование преобразовалось в месть, в месть вождю Майдана.

Теперь в их сознании вождь превратился в «козла отпущения». Они его ненавидят, насмеются над ним, иронизируют, смотрят на него свысока. Этими актами они компенсируют свою социальную близорукость, неспособность распознать среди политиков людей никчемных, ничтожных, демагогов, политических авантюристов.

Хотя их бывший вождь практически не изменился – как был оторванным от жизни утопистом, певцом патриархальщины, таким и остался. Впрочем, многие разочарованные тоже мало в чем изменились. Они обижены на вождя за то, что он им не преподнес обещанную «халяву», близость прихода которой они уже предвкушали в 2004 году. Вторые, наверное, опаснее, чем первый. Первый уже ушел, а вторые, которые его привели на высшую государственную должность, остались. И не известно, кого они приведут в следующий раз.

Моральная деградация общества стала тотальной. Она пронизывает все его социальные слои и группы. Особенно опасным является то, что аморализм и цинизм глубоко поразили людей, находящихся при власти, причем укоренился во всех эшелонах власти, включая и самые высшие. Самые резонансные преступления совершают те, кто по должности должен обеспечивать законность и порядок, быть образцом нравственного и правового поведения. В нашем обществе уже не осталось ни одной самой высшей должности, представитель которой не оказался бы замешанным в каком-либо из видов преступлений. Уголовные дела заведены и на бывшего президента страны, и на премьер-

министра (а один, как уже отмечалось, давно отбывает срок наказания, назначенный американским судом), и на министров, и на депутатов, и на судей. Немало и таких из «олимпийской» когорты, кто находится в бегах за рубежом. Кроме преступлений с участием должностных лиц регулярно совершаются заказные убийства. Чуть ли не каждую неделю люди узнают о расстрелах и подрывах бизнесменов, судей, руководителей СМИ – в Киеве, Днепропетровске, Львове, других городах и селах.

Разгул преступности, аморальности стал настолько масштабным, что проявление зла банализируется, восприятие его проявления притупляется. Кажется, что уже нет никаких, даже самых жестоких, похабных и отвратительных преступлений, которые бы не совершались в Украине и в которые не были вовлечены те, кто занимает высшие ступеньки в структурах власти. Вершиной морального уродства стало дело о педофилах, фигурантами которого снова оказались представители и власти, и детских воспитательных институтов.

На этом фоне взаимное попустительство, снижение моральных требований людей во всех звеньях официальных и неофициальных отношений, в политической и экономической сферах, на производстве и в быту становится малозаметным и как бы не заслуживающим внимания. Ненормальное, девиантное поведение становится повседневной нормой.

В таком состоянии, как сегодня, Украина не сможет продержаться бесконечно долго. Все равно произойдут существенные изменения в жизни страны. К сожалению, пока остается большая вероятность усугубления нынешней кризисной ситуации, чем благоприятной перспективы выхода из нее. Ведь практически причины всех кризисных событий, которые проявлялись в предыдущие годы, не устранены. Их проявление только отсрочено. Но накопление кризисных факторов, в конце концов, разразится потрясениями или даже катастрофой. Задача ученых – не скрывать факты и не запугивать, а давать объективный диагноз состояния общества, фиксировать все проявившиеся тенденции, указывать, как на те, что несут угрозы, так и на те, что открывают путь выхода из тупика.

В украинском обществе на данный момент еще слабо просматриваются социальные слои и группы, которые станут движущей силой и социальной базой общественных преобразований. Олигархические группы в процессе перераспределения собственности захватили огромные ресурсы и уже сложились и стали узнаваемы в обществе. Но их доминирование не может быть бесконечно дол-

гим, поскольку их нынешнее господство обеспечивается неустойчивостью социальных институтов и размытостью социальной структуры. Развитие производства, основанного на современных технологиях, становление новых видов услуг, складывание новой структуры разделения общественного труда ведет к формированию новых социальных групп. По мере усиления и укрепления их общественного статуса произойдут изменения и в их групповом сознании: углубится осознание своих интересов, выкристаллизуется групповая самоидентификация, будут выработаны коллективные цели. Формирование новых общественных групп и слоев уже фиксируется исследователями. Например, американский социолог Ричард Флорида утверждает в своей новой книге, что все больше набирает силу и общественный вес новый социальный класс – креативный класс. К нему он относит те слои, «чья экономическая функция заключается в создании новых идей, новых технологий и нового креативного содержания» (8).

Они уже составляют, по мнению Р.Флориды, 30% работающих американцев. В рассуждениях американского социолога акцент делается на производстве, а не на потреблении. Креативный класс в отличие от среднего класса связывается с технологическим прогрессом. Эта идея требует своего осмысления. К сожалению, для Украины, находящейся в состоянии деградации, вряд ли сейчас можно говорить о креативном классе как реальной социальной группе. Очевидно, что его появление как массовой общественной группы – дело отдаленного будущего.

Сегодня же задача состоит в том, как побыстрее и с меньшими потерями выйти из нынешнего кризисного состояния. Некоторые авторы считают, что кризис может сыграть и положительную роль.

Сейчас немало пишут о том, что кризис кого-то там сплотит, кого-то мобилизует, кого-то подтолкнет к самоорганизации, спровоцирует на выступления в защиту своих интересов, против произвола монополий и господства олигархов. По-нашему мнению, никаких предпосылок в украинском обществе для таких выводов на данный момент нет. Для этого у нас нет необходимых общественных условий. Во-первых, у нас нет авторитетных в массах социально-политических идей, а тем более одной большой идеи, способной консолидировать общество для глубокого реформирования, преобразования. Во-вторых, у нас нет каких-либо социальных групп, идентифицирующих себя в качестве если не общественного гегемона, то хотя бы достаточно активной социальной силы, способной добиваться своих требований и идти к своей цели. В-третьих, у нас

нет даже конгломератной, распыленной критической массы ненависти, способной на неорганизованный бунт, последствия которого потребовали бы реформирования системы.

Поэтому можно с большой долей вероятности утверждать, что украинское общество выкарабкается из кризиса измотанным, ослабленным, еще более атомизированным и в прежнем качественном состоянии – подавленности, апатии, недовольства, отчаяния, недоверия, разобщенности, пассивности, пофигизма и дремоты и с прежней структурой экономики и господством бюрократии, а значит и с не меньшим, чем сейчас, уровнем коррупции снизу доверху. Прогнозируя и формируя видение Украины на ближайшие десятилетия, необходимо выходить не только из внутренних предпосылок развития страны, но и учитывать направление развития глобального целого, в котором Украина будет занимать определенные позиции. А вот какие позиции она будет занимать, зависит от того, какие цели будут выдвигаться украинской «смыслотворящей» элитой, политическими партиями, истеблишментом, насколько профессионально будет подготовлен проект достижения этих целей и насколько реалистичной будет программа развития страны на эти годы.

Литература:

1. Бляхер Л. Нестабильные социальные состояния. Из книги, готовящейся к печати в издательстве «РОССПЭН» http://www.russ.ru/publishers/extracts/20050314_lb.html.
2. Кнабе Г. Год конца истории. Двадцатилетие конца истории <http://www.russ.ru/pole/God-konca-istorii>
3. Ревенко А. «Мінус двадцять», про які багато хто говорив. – Дзеркало тижня. – 2009. – 4 липня.
4. В рейтинге европейских стран Украина оказалась третьей от конца. <http://www.vsesmi.ru/news/2232435/>
5. Цит. за: Аллатов В. Ларец с потерянным ключом. – Независимая газета. – Exlibris. – 2005. – 3 ноября.
6. Кривошеев В. В. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе. – Социологические исследования. – 2009. – №3. – С.58.
7. Штейнгатт Г. Абсурдиан. – М. – 2007.
8. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М. – 2007. – С.60.

6. ДЕСТРУКЦИЯ ВЛАСТИ

Угрозы национальной безопасности разного уровня существуют в каждой стране. Но в то или иное конкретное время они выстраиваются в определенную иерархию по степени актуализированности, масштабности и потенциалу, по определенным видам и направлениям. В настоящее время в Украине наиболее актуализированными являются такие угрозы: социальная поляризация населения как следствие провала социально-экономических реформ, осуществляемых за годы независимости; мобилизация в общественном сознании политических и социокультурных отличий регионов, которая ведет к территориальной фрагментации общества; дифференциация населения по геополитическим ориентациям, отношению к перспективам объединения восточнославянских государств, вступления в ЕС и НАТО.

В круг угроз национальной безопасности входят и другие социальные явления. В частности, такие характерные для украинского общества явления, как выжидательная позиция, пассивность народа, отход большей его части от сознательного участия в политической жизни, нереализованность личностного потенциала молодежи и среднего поколения в годы независимости. К проблемам национальной безопасности прибавляются и явления, обусловленные социокультурной спецификой регионов, – различный исторический опыт, приобретенный в прошлом в условиях жизни в разных государствах, отличия в языковых предпочтениях населения регионов, разный уровень этнической мозаичности, преобладание определенных религиозных конфессий на разных территориях и т.п.

В Украине кроме традиционных возникли в годы независимости и специфические угрозы. Они имеют внутренний характер и выглядят как парадоксальные и неожиданные. Действительно, разве кто-то мог себе представить, даже имея большую фантазию, что угрозы существованию государства возникнут со стороны самих институтов власти, вследствие действий ее высших органов. Тем не менее, такая угроза стала одной из наиболее актуализированных. Особо опасной она стала после прихода к власти «оранжевой» политической группировки. Парадоксальность данной угрозы состоит в том, что, как известно, призванием, обязанностью высших органов власти, главнейшей их функцией является

достижение такого положения в стране, чтобы ничто не угрожало государству и его населению. В Украине же в последние годы именно центральные властные структуры провоцируют системные конфликты и своими действиями ведут к уничтожению государства.

Все общественные события в годы независимости разворачивались на фоне динамичных, а порой и бурных политических процессов. Политика в этот период превалировала над всеми другими аспектами общественной жизни. Включенность всех социальных акторов в политические события была настолько сильной, что мешала вовремя замечать вызовы времени. Это одна из причин того печального результата, которого достигло украинское общество в конце второго десятилетия своей новейшей истории. При этом следует заметить, что главными акторами политических процессов были не простые граждане, а властная и политическая элита, т.е. те группы, которые олицетворяют украинскую власть. Поэтому целесообразно сосредоточить внимание на общественном эффекте деятельности украинской властной элиты, на результатах на основном поле ее деятельности – в пространстве институтов государственной власти.

Если говорить обобщенно, то политическая жизнь в украинском обществе, начиная с 1991 года, делится на периоды, рубежными точкам в которых являлись острые политические кризисы. Общая же динамика политических процессов разворачивалась по вектору, на котором самой драматичной точкой стали события осени-зимы 2004–2005 гг., события, получившие название «украинского Майдана». Высшей точкой политической активности значительной части общества был Майдан. Однако он не изменил направленность вектора политических событий. Наоборот, в последующие за ним годы политический процесс вошел в состояние паралича. Его причину исследователи и эксперты усматривают в незрелости демократии. При этом отсчет периода демократии они ведут, как правило, с конца 2004 года. Некоторые аналитики события, сопровождающие президентские выборы 2004 года, определили как революцию, как выступление народа под руководством передовой элиты за демократические ценности (1). Такое определение исходной точки нашей новейшей истории становится ключевым и обуславливает оценки и характеристики последующих событий, проявившихся затем в череде экономических, социальных и политических неудач и скандалов. В подобных характеристиках указывают на отход властной элиты

от ценностей гражданского общества и идеалов демократии, обращают внимание на то, что она личные интересы ставит выше национальных и т.д.

Мы считаем, что подобные определения исходной точки не точны, не адекватны сущности тех процессов, которые разворачивались тогда на самом деле. Те определения, которые были даны первоначально, носят больше публицистический, чем научный характер. Будучи изначально ошибочными, они деформируют представления о том, что происходило в государстве, обществе в социальных институтах через год, два и т.д. Поэтому к оценке, определению и осмыслению тех событий исследователи еще будут обращаться не единожды. На самом деле новая элита, прорвавшаяся к власти через Майдан, ни по своим личным качествам, ни по исповедуемым морально-психологическим ценностям, ни по ставящим перед собой жизненным целям практически ничем не отличалась от прежней, «кучмовской». Кстати, не зря же большая часть «президиума» Майдана состояла из лиц, занимавших посты премьеров, вице-премьеров, министров, глав областных администраций и т.п. именно при Л.Кучме. Но будучи смещенными последним со своих постов, они провозгласили новые лозунги для того, чтобы восстановить свой властный статус, защитить и приумножить свою собственность. Придя к власти вторично, они воспроизвели прежние модели поведения: соединение власти и бизнеса, непрозрачность принятия решений, закулисные договоренности, коррупцию, подкуп, жизнь «по понятиям», полный отрыв от народа.

В обществе, не имеющем опыта реального разделения государственной власти, функционирования демократических институтов, нелегко выработать навыки и умение жить в соответствии с новыми, еще только провозглашенными правовыми принципами.

Одной из основных проблем государственной власти является ее готовность делиться полномочиями, наличие навыков согласования вопросов между тремя ее ветвями, нахождения консенсуса по принципиальным вопросам государственной жизни. Немалую роль в гармонизации работы ветвей власти играют морально-психологические качества лиц, возглавляющих основные институты государства. Без глубокого понимания ими своей ответственности за судьбу государства, за его будущее и настоящее, без необходимых для этого черт характера система власти может оказаться перед угрозой деформации, ослабления, паралича и даже

разрушения. Они должны обеспечивать единую, стабильную и институционально сильную систему государственной власти.

Но не меньшая ответственность лежит и на гражданах государства. Без наличия таких качеств, как гражданская ответственность за судьбу страны, за свою собственную судьбу, политическая активность, правовая культура достичь нормального функционирования государственных институтов невозможно. Конечно, ведущей стороной этих двух составляющих современного общества должны быть власть, государственные и партийные лидеры (по крайней мере, до тех пор, пока не сформировано гражданское общество).

Формирующееся государство должно создать институты, которые бы обеспечивали надежную безопасность граждан, их равенство перед законом, гарантировали условия для успешного экономического, социального и культурного развития всех групп населения. Государство обязано обеспечить неприкосновенность имущества, жилища, личности, свободу слова, свободу передвижения внутри страны и за ее пределами, гарантировать возможность создания общественных и политических организаций. Задача государства состоит в том, чтобы задавать направление развития общества, обеспечивать здоровое функционирование всего социального организма, устранять диспропорции, предупреждать конфликты.

К сожалению, как показывает практика становления новейшего украинского государства, достичь такого уровня функционирования и сотрудничества всех ветвей власти, который бы обеспечивал необходимые общественные условия, очень и очень непросто. Власть постоянно находится перед искушением отклониться либо в сторону авторитаризма, либо в сторону конституционной нестабильности. Даже за короткий по историческим меркам период независимости Украина уже пережила обе эти тенденции.

Усиление полномочий президента неизбежно ведет к угрозе авторитаризма. Отсутствие противовесов деятельности парламента может привести к дестабилизации обстановки в обществе. Поэтому перед государственной властью в целом стоит задача найти оптимальную модель, которая бы уравнивала обе эти тенденции.

Но к такой модели украинское государство еще не приблизилось. Вследствие соперничества и межличностного противоборства первых лиц государства в 2005-2009 годах усилилась тенденция саморазрушения и самоуничтожения центральных органов власти. Хотя, возможно, подобные действия и не планировались группами правящей элиты, однако объективно развивались именно такие процессы.

Таким образом, политическое противоборство вышло за пределы политического поля и захватило органы государственной власти. Происходившие в украинской власти деструктивные по своей направленности события и процессы трудно понять. Феномен борьбы одних государственных органов против других проходил на виду всех граждан страны. Но даже исследователям трудно было разобраться в его глубинной сущности. Не менее сложно обозначить его границы и качественную определенность. А явление без названия для общества как бы не существует, поскольку «лишь имеющееся в распоряжении слово наделяет вещь бытием», – писал знаменитый философ-экзистенциалист Мартин Хайдеггер (2). Поэтому, как первый шаг в понимании этого феномена, одни определяют его параличом власти, другие – дефолтом власти, третьи – ступором власти, четвертые – саморазрушением, самоистреблением власти. Мы же называем его деструкцией власти.

Под этим термином мы понимаем разрушение существующей системы власти самой властью через ничем не ограниченное истребление одного государственного института другим. В результате таких действий деформируются функции государственных органов, наступает состояние их бессилия и атрофии, утрачивается управляемость не только в государстве, но и в обществе. Крайним случаем подобных процессов может стать ликвидация самостоятельного государства и образования на его месте другого типа социального организма (либо в виде административной единицы, либо в виде автономного образования другого государства).

В Украине государственная власть в «оранжевый» период разрушалась по нескольким направлениям. Во-первых, по линии власть-оппозиция; во-вторых, по линии противоборства между ветвями власти; в-третьих, по линии противостояния между институтами и организациями внутри одной ветви власти. В принципе каждое из этих направлений напряженности между структурными элементами власти присутствует в системе государства практически любой страны. Однако страны различаются степенью напряженности между институтами власти.

Итак, рассмотрим отношения между властью и оппозицией в Украине. Они имеют тотально конфронтационный характер. При этом опасной чертой украинской политической и шире – общественной жизни – является то, что в своем противостоянии законов не придерживаются обе стороны – как властные структуры, сама власть, так и оппозиция. Поэтому и поменявшись местами: оппозиция, обретя статус власти, а власть – статус оппозиции, они сохра-

няют девиации по отношению к закону и праву. К сожалению, тенденция конфронтации в 2005–2009 гг. развивалась по нарастающей.

Находящаяся у власти политическая сила в демократическом государстве постоянно подвергается критике со стороны оппозиции. Это нормальный процесс. Как правило, интересы большей части общества отражаются теми политическими партиями, которые находятся при власти и таким образом обеспечивается легитимность всей власти. Однако в Украине в указанный период сложилась такая ситуация, когда при одном президенте сменилось несколько правительств, часть из которых относилась к пропрезидентским политическим силам, а часть – к оппозиционным к нему. И за этот короткий период времени граждане, независимо от их политических взглядов, убедились в том, что обе эти команды мало чем отличаются одна от другой. Граждане глубоко разочаровались в этих политических партиях. Подобные ситуации бывали и в других странах. Оригинальность ситуации в Украине состоит в том, что пропрезидентский блок В.Ющенко раскололся на несколько противоборствующих группировок (причем эти группировки не всегда соответствовали определенной политической партии, а отдельные партии даже разделились на несколько противостоящих друг другу частей). Второй украинской особенностью «оранжевых» лет было то, что открытую борьбу вели не только власть и оппозиция, но боролись между собой и находящиеся при власти политические силы. Последние использовали друг против друга различные государственные органы, разные ветви государственной власти.

Наверное, политические сражения в парламенте между различными политическими силами являются классическим и легитимным образцом противоборства внутри одной ветви власти – законодательной. Конфронтация же внутри судебной и исполнительной ветвей власти выглядит противоестественной. Однако в украинском государстве это противоестественное противостояние было повсеместным.

Впрочем, и в парламенте конфронтационные процессы тоже обрели такую форму, которая стала угрожающей для самого государства. Они уже неоднократно приводили этот орган власти в ступор. Недееспособность Верховной Рады обуславливалась несколькими причинами – как внутренними, так и внешними.

В Верховной Раде периодически возникали патовые ситуации, связанные с формированием коалиции большинства и выборами спикера. После окончания выборов и утверждения полно-

мочий парламента начинается долговременный этап переговоров, консультаций, закулисных договоренностей, интриг, измен. Так было в Верховной Раде, например, в 2006 году, пока фракция СПУ не вышла из пропрезидентской коалиции и не была создана антикризисная коалиция. Только такой ценой был найден выход из политического тупика.

Находящаяся у власти антикризисная коалиция в течение зимы и весны 2007 года стала укреплять свои политические позиции, а вместе с коалицией возрастал политический вес и премьер-министра В.Януковича. Президент В.Ющенко не мог допустить укрепления позиций своего предполагаемого соперника на президентских выборах 2010 года. В данном случае позиции и желания В.Ющенко и Ю.Тимошенко по отношению к В.Януковичу совпадали. Надо было если не устранить с политической сцены, то хотя бы обессилить конкурента. А политическая мощь противника была в прочных парламентских позициях. Поэтому усилия по дискредитации В.Януковича было решено направить через парламент.

Для компрометации Верховной Рады Украины в 2007 году президент использовал аргумент, что нависла угроза «узурпации власти правящей парламентской коалицией», в парламенте процветает политическая коррупция, что Партия регионов покупает депутатов из других фракций и переманивает их к себе. Но, несмотря на громкие заявления политиков, никаких доказательств подкупа депутатов никто не представил. Все было на уровне предположений и догадок. Установленным фактом было лишь то, что часть депутатов из фракции НУНС перешла во фракцию Партии регионов. Особенно много депутатов «перебежчиков» было в Партии предпринимателей и промышленников – А.Кинах, А. Волков, А.Заплатинский, А.Ковтуненко, С.Полищук, Л.Гнатенко и др. Но переходы из фракции во фракцию были и раньше, и в других созывах Верховной Рады. Некоторые депутаты установили своеобразные рекорды переходов. Например, бывший Генеральный прокурор Украины М.Потебенько, будучи народным депутатом, переходил из одной фракции в другую десять раз.

Кстати, переходы из фракции во фракцию случаются не только в Украине. Можно приводить множество примеров таких переходов в странах с долгой парламентской историей. Возможно, что в Украине такие переходы случаются чаще, а выглядят они вульгарнее и циничнее.

Несомненно, что выход депутата из фракции, особенно при пропорциональной системе выборов, явление скандальное. Самый главный грех в таких поступках состоит в том, что депутат принимал систему ценностей и мировоззрение одной партии, что он обещал своим избирателям выполнять одну предвыборную программу, а перейдя в другую фракцию, он все это отвергал и переходил на позиции другого мировоззрения (если не внутренне, то хотя бы вербально), на другие ценности, включался в достижение других целей. Если подобного рода переходы становились многочисленными, то несомненно, что они негативно влияли на общественное мнение, формировали отрицательный образ депутата у избирателей, существенно снижали авторитет в обществе такого важного государственного института, как парламент.

Если же компрометация парламента была самостоятельной целью другого государственного института – в данном случае президента страны – то, естественно, эффект компрометации многократно возрастал. Возрастала и масштаб деструктивных последствий подобных действий на общество, на его стабильность, консолидированность, морально-психологическое состояние.

После досрочных сентябрьских выборов в парламент в 2007 года ситуация повторилась. Коалицию создавали два месяца и сформировали ее слабой – с перевесом в два голоса. Внутренними причинами были межфракционная борьба, которая выливалась в блокирование трибуны, захват электрощитовой, выведение из строя системы «Рада» и т.д. Верховная Рада 6-го созыва была малоэффективной еще и по той причине, что в ней была слабая первая правящая коалиции («демократическая коалиция»), которая имела преимущество всего в два голоса. Нередко она не могла принимать решения из-за нехватки голосов.

Естественно, что такая хрупкая конструкция долго существовать не могла. Уже в июне 2008 года, после выхода из коалиции двух народных депутатов, она стала недееспособной. Официально о прекращении ее существования было объявлено 16 сентября 2008 года.

Внешними причинами коллапса парламента были издаваемые и отменяемые указы президента о его роспуске. 8 октября 2008 года президент Виктор Ющенко второй раз в течение полутора лет объявил о роспуске Верховной Рады и проведении досрочных выборов. Поводом для роспуска парламента стало отсутствие в нем правящей коалиции. 12 ноября ушел в отставку и спикер парламента А.Яценюк. Это означало, что Верховная Рада Украины до избрания нового спикера становится недееспособной, поскольку

ее решения имеет право подписывать только председатель парламента. Принятие важнейших государственных документов, в том числе и бюджета на 2009 год, было заблокировано. Началась очередная полоса консультаций, переговоров между фракциями о создании новой коалиции. Работа Верховной Рады Украины снова «зависла». Очередная попытка реанимировать работу парламента была предпринята 9 декабря 2008 года. В этот день Председателем Верховной Рады Украины был избран В.Литвин.

Эти и другие причины обусловили крайне низкий коэффициент полезного действия законодательного органа в 2007 и в 2008 гг. Депутаты неделями и месяцами не могли принять ни одного закона. А экономическая и социально-политическая обстановка в обществе требовала принятия законодательных актов, которые бы регулировали общественные отношения адекватно к изменившимся обстоятельствам. Но этого не происходило. Таким образом, сложилась ситуация непринятия законов по вине самой правящей элиты.

Верховная Рада Украины стала государственным институтом, объективно дезорганизующим порядок функционирования правового государства. Из-за неспособности парламента проводить пленарные заседания месяцами не назначались и не увольнялись судьи, чьи сроки назначения или увольнения давно прошли. Недееспособность Верховной Рады открывала цепочку блокирования работы других государственных органов. Например, невозможность проголосовать в парламенте за судей Конституционного Суда блокировала работу этого высшего судебного органа. Такие же ситуации возникали и по отношению к членам Центральной избирательной комиссии Украины, представителю Верховной Рады в Конституционном Суде и т.д. Количество подобных фактов настолько велико, что оно породило новое качество, новое явление в жизни государства. Его можно назвать правовым саботажем.

Как уже отмечалось, вторым направлением деструкции власти является жесткая конфронтация между ветвями власти. Принцип разделения власти предусматривает различного рода механизмы противовесов, которые бы не допускали чрезмерной концентрации власти в одной из ветвей. Таким конституционным механизмом, заложенным в Конституции Украины, является право президента накладывать вето на принятые Верховной Радой законы.

К сожалению, этот вполне демократический механизм в наших условиях превратился в средство борьбы президента с парламентом и опосредованно – президента с премьер-министром.

Особенно ярко это проявлялось в наложении президентом вето почти на все законы, принимаемые таким большинством в парламенте, политическое укрепление которого могло стать какой-либо угрозой для полномочий В.Ющенко. Например, закон о Кабинете министров Верховная Рада принимала семь раз. Однако президент каждый раз накладывал на него вето. В чем суть опасений президента по отношению к этому закону, озвучил лидер фракции «Наша Украина» В.Кириленко. Он заявил, что этот закон разработан «под диктовку Партии регионов» и дает возможность правительству В.Януковича «узурпировать власть» (3). Свою позицию по этому голосованию пояснила и Ю.Тимошенко, которая подчеркнула, что «фракция абсолютно сознательно сейчас убрала конфликт, который разрушал государство, между президентом, премьером и между секретариатами. Фракция проголосовала так для того, чтобы навести порядок, и не позорить страну на весь мир внутриполитическими скандалами»(4).

Подобные примеры можно продолжить. В апреле 2008 года Ющенко применил вето к принятому Верховной Радой Закону «Об организации и порядке деятельности Верховной Рады».

Осенью 2008 года после того, как «демократическая коалиция» потеряла дееспособность, в парламенте образовалось ситуативное большинство, которое поддерживало правительственные законопроекты. Верховная Рада приняла ряд законов, которые поддержали более 300 депутатов. Это вызвало у президента и его окружения настоящий переполох. Даже в такой временной консолидации парламентских блоков и коалиций президент усмотрел для себя угрозу и стал блокировать почти все принятые ситуативным большинством Верховной Радой законы. Возможно, президент и не ставил задачу своими указами, распоряжениями парализовать деятельность институтов государства, но по последствиям он достиг именно такого результата.

Необходимо заметить, что фактором если и не разрушающим власть, то во всяком случае подрывающим авторитет политической элиты, является непоследовательное поведение политических партий, блоков и фракций в парламенте. Например, фракция БЮТ голосовала за закон о Кабинете министров, в котором существенно расширились полномочия этого органа государственной власти, в январе 2007 года и в сентябре 2008 года. Однако следуя конъюнктуре, сиюминутной политической целесообразности, ровно через месяц – в октябре 2008 года – фракция БЮТ не стала голосовать за преодоление вето прези-

дента на этот и ряд других так называемых антипрезидентских законов.

Элементом деструкции власти стали указы президента о роспуске Верховной Рады. В чем состоит их разрушительный потенциал? Дело не в том, как иногда считают, что результатом их действия становятся досрочные выборы. В этом ничего угрожающего институтам власти нет. Возможность роспуска парламента президентом является конституционной нормой.

Разрушительная сила этого указа содержалась в сомнительности правовых оснований роспуска парламента и в его форме. Не будем здесь касаться сугубо правовых аспектов вопроса. Они не входят в нашу задачу. Обратим внимание лишь на форму роспуска. Она выглядела как бесконечная череда указов, что вызывало у граждан даже не раздражение, а насмешку. Для роспуска парламента пятого созыва президент издал четыре указа. В каждом из них давалось новое обоснование необходимости их проведения. Следствием этой кампании стала инфляция ценности права, поскольку такая «указная эквилибристика» демонстрировала принцип «закон, что дышло».

Устойчивая приверженность президента политическим импровизациям была продемонстрирована и в 2008 году, когда сначала был издан указ о роспуске парламента 6-го созыва и проведении внеочередных выборов, а потом отменен.

Следующим направлением острого противоборства президента, правительства и парламента была приватизация государственных предприятий. Одной из неафишируемых причин такого противоборства в период противостояния президента В.Ющенко и премьер-министра Ю.Тимошенко была возможность использовать правительством полученные от приватизации деньги для укрепления своего общественного статуса, направляя их в социальную сферу, например, для выплаты гражданам сбережений по советским вкладам. Так, В. Ющенко приостановил через решение СНБО продажу Одесского припортового завода, Феодосийской судостроительной компании «Море», Криворожского горнообогатительного комбината окисленных руд, харьковского «Турбоатома» и других предприятий.

Еще одной формой противоборства ветвей власти и одной из форм разложения системы государственной власти было навязывание институтам, подчиненным президенту, несвойственных им ролей – например, ряд функций Кабинета министров президент вменил Администрации Президента и СНБО. Такая вольная трактовка Конституции была характерна для президента В.Ющенко.

Она проявлялась неоднократно. В качестве примера можно привести многомесячную эпопею с исполняющим обязанности председателя Службы безопасности Украины. Исполнять обязанности председателя СБУ В.Наливайченко начал с 22 декабря 2006 года после соответствующего указа президента. В таком статусе согласно Закону «О временном исполнении обязанностей должностных лиц, назначаемых на должность по согласию Верховной Рады президентом или Верховной Радой по представлению президента» он имел право находиться лишь один месяц. Но его кандидатура была рассмотрена Верховной Радой почти через два года – только 2 сентября 2008 года. Однако там В.Наливайченко не получил поддержки, за него не было подано ни одного голоса. Президент проигнорировал мнение парламента, и В.Наливайченко незаконно исполнял обязанности председателя СБУ до начала марта 2009 года, когда Верховная Рада беспринципно проголосовала за его назначение на этот пост. В данном случае имеем дело с вопиющим нарушением правового акта главой государства. Такая практика у него была системой.

Недопустимой формой противоборства является вмешательство двух других ветвей в работу судебной власти. К сожалению, в Украине государственные лидеры пытаются использовать суды в политической борьбе друг с другом. Этим наносится огромный ущерб институтам власти, а в самую ткань правосудия вносится разрушительное начало. Внимание всего общества было приковано к баталиям между судами в отношении законности указа президента о досрочных выборах в 2008 году.

Эта конфронтационная кампания высветила, что в стране суды не только «приватизированы», но и разделены между разными политиками, между разными государственными институтами. Напомним, что указ президента о проведении досрочных выборов был немедленно приостановлен окружным административным судом столицы. В ответ на такое решение президент ликвидировал этот суд. Однако другой суд возобновил в правах окружной административный суд. Тогда Секретариат Президента в свою очередь обжаловал это постановление. А президент подал апелляцию в Высший административный суд относительно решения суда о приостановке выборов.

Кроме правового «пинг-понга» эта кампания сопровождалась грубыми действиями народных депутатов, которые вторгались в помещения судов, в комнату судьи, крушили мебель, пре-

пятствовали работе судьи, толкались с охраной. Одновременно в этих же помещениях проводилась демонстрация силы: с одной стороны – подразделения МВД, а с другой – личным составом Управлений государственной охраны и СБУ. В конечном итоге такие действия ведут к разрушению судебной системы как самостоятельной ветви власти.

Война решений судов подрывает доверие граждан как к отдельным должностным лицам, так и к государственным органам и закону. На фоне баталий между судами, одни из которых выступали на стороне президента, а другие – на стороне премьер-министра, рядовые граждане делали для себя выводы, что в такой общественной обстановке поиски правды в судах для них являются нереальными. Кроме того, они убеждались в том, что у нас в государстве закон не действует или действует избирательно.

К сожалению, правовой нигилизм власти еще больше снижает и без того низкую правовую культуру всего общества. Правовая девиация является частью нашей культуры. У нас не относится к закону как к источнику права. Жизненный опыт граждан убеждает их, что надежнее ориентироваться не на закон, а на начальника. По этому поводу когда-то метко выразился А.И.Герцен: «Правовая необеспеченность, искони тяготевшая над народом, была для него своего рода школой. Вопиющая несправедливость одной половины его законов научила его ненавидеть другую; он подчиняется им как силе. Полное неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности. Русский, какого бы звания он ни был, обходит и нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно, и совершенно так же поступает и правительство» (5).

Наше общее прошлое никуда не делось и пока еще крепко держится в поведенческой культуре граждан как нового российского, так и нового украинского государств.

Такое положение вещей подводит нас к выводу, что Украина пока еще относится к псевдоправовым странам и к странам с «имитационными демократиями».

Деструкция власти может приобретать форму противостояния между институтами внутри одной ветви власти, конкретными ее органами, между отдельными политиками, а также как то и другое вместе взятое.

Особенно опасным в этих процессах является то, что в них втягиваются даже силовые структуры государства: милиция, внутренние войска, СБУ, Управление государственной охраны. Они принимают участие в различных событиях, которые камуф-

лируются под защиту интересов государства. На самом же деле они вынуждены занимать позицию одной из сторон участников конфликта. Причем в большинстве случаев различные силовые структуры противостоят друг другу, что несет угрозу вооруженного противоборства. Так, в 2007 году милицейские подразделения штурмовали помещение Генпрокуратуры Украины, а им противостояли служащие Управления государственной охраны.

Противостояние силовых структур, принадлежащих разным ведомствам, начинает становиться чуть ли не обычным явлением. Осенью 2008 года, во время «войны судов» (когда одни суды принимали решения по поводу проведения досрочных выборов в пользу президента, а другие в пользу премьер-министра) подразделения МВД, судебная милиция «Грифон» и подразделения СБУ и УГО снова выполняли противоположные задачи (6).

Деструкция власти происходит не только как результат конфронтации государственных институтов. Власть разъедает и нездоровая, отравленная взаимным недоверием и враждебностью атмосфера отношений между первыми лицами государства. Особенно если они свою взаимную неприязнь делают публичной. Такие отношения обрастают все новыми и новыми взаимными обидами, нарастающими подозрениями, желанием ущемить, а то и дискредитировать в общественном мнении своего соперника. Полученные обиды порождают желание сатисфакции, мести. Здесь в политику вторгается психология. И тогда общество вынуждено наблюдать, как неприязнь одного политика к другому перерастает в ненависть, как внутреннее негодование переходит в публичные обвинения, как от словесных перепалок переходят к открытым агрессивным действиям друг против друга.

Не углубляясь в анализ личностных качеств, которые могут сыграть роковую роль в разрушении государственности, приведем в качестве примера месть. Тем более, что это личностное качество в контексте властных отношений уже проанализировал Э.Фромм. Он показал, что это психологическое качество обладает большим разрушительным потенциалом. «Мне кажется, – писал он, – что жажда мести поддается вполне определенному шкалированию. При этом на одном конце шкалы находятся люди, совершенно лишённые мстительных чувств: это те, кто достиг в своем развитии уровня, соответствующего христианскому и буддистскому идеалу человека. Зато на другом конце этой шкалы располагаются люди с робким накопительским характером, нарциссы высшего ранга, у которых даже малейший

ущерб своей персоне вызывает бурю мстительных эмоций (настоящую жажду мести)» (7). В состоянии азарта мщения стороны конфронтации, а в нашем случае это первые лица государства, стремятся обидеть оппонента как можно больше, дискредитировать его в общественном мнении. Следуя не лучшим традициям политической борьбы в нашей стране, для политических конкурентов находят ярлыки «предателя», «изменника родины» и т.п.

Рассматривая факторы разрушения власти, нельзя не упомянуть и о таком, распространившемся в последние годы в нашем обществе явлении, как публичные политические скандалы. Непосредственное участие в них первых лиц страны и высших государственных чиновников наносит большой урон авторитету государственных институтов, которые они представляют.

Над этими скандалами иронизировало все общество, все люди – от мала до велика. Они становились темой анекдотов. А как известно, власть, ставшая посмешищем, долго не держится.

К сожалению, от таких деструктивных действий происходит не только смена власти. Подрывается, размывается, ослабляется, обесценивается и дискредитируется украинская государственность.

Несмотря на противоречивый характер развития, в первые полтора десятилетия украинское государство крепло, приобретало черты зрелости за счет обустройства и утверждения институтов власти. Для украинского общества вопрос о силе и слабости государства выглядит совершенно по-иному, чем для большинства других государств. Это связано с тем, что в пространстве истории попытки строительства украинского государства ни разу не заканчивались успешно. Поэтому укрепление государства для украинского общества имеет исторически судьбоносный смысл – либо будут созданы прочные институты государства, либо нас ждет традиционный исход – вхождение в состав какого-то другого государства или государств.

Кстати, современные представления социальной теории о сильном и слабом государстве сложились на основе анализа государств, имеющих долгую историю. Эти представления включают в себя в снятом виде знания о разных периодах развития государств. Сегодня, говоря о государстве, исследователи подразумевают, что речь идет о состоявшихся проектах. И когда анализируют силу государства, то акцентируют внимание на то, насколько активно государство вмешивается в функционирование экономики, насколько развито гражданское общество и какова

степень его автономии по отношению к институтам государства, как влияет гражданское общество на государство (8).

В таком контексте понятие «сильное государство» имеет как бы негативный оттенок. Однако не следует переносить эту оценку на ту проблему, которую мы здесь рассматриваем, – становление и укрепление институтов нового, молодого, становящегося государства. Оно может занять достойное место среди других государств только с прочными институтами власти.

Это утверждение совершенно не противоречит максиме, что государство должно быть демократическим и правовым. Поэтому мы считаем, что степень укрепления некоторых институтов украинского государства в конце XX – начале XXI века (при президенте Л.Кучме) становилась избыточной, приобретала опасные черты. Например, численность милицейских сил, включая и внутренние войска, была раздута до угрожающих размеров. Создавались различного рода специальные подразделения, выполнявшие специальные поручения высших должностных лиц, которые слабо вписывались в рамки существующих законов. Подобные негативные тенденции стали проявляться и в таможенной службе, в налоговой администрации. Эти государственные институты были почти полностью выведены из-под парламентского контроля. Администрация президента стала брать на себя не свойственные ей функции, превышать свои полномочия. Повсеместными были нарушения закона со стороны исполнительной власти – вмешательство в деятельность прокуратуры, судов, подтасовка голосов во время выборов и референдумов. Появились также и другие симптомы разложения власти: бюрократизация, формирование чувства безнаказанности, замыкания интересов чиновничества на самих себе, искусственного чиновничества.

Негативные тенденции в развитии укрепляющейся украинской государственности стали предметом критики и протестов парламентской и непарламентской оппозиции, а затем и всего общества. Стало ясно, что объективно необходимый процесс укрепления институтов формирующегося государства несет в себе угрозу авторитаризма. Надо было развести, отделить процессы укрепления государства и не допустить усиления тенденции авторитаризма. Такая задача стояла перед президентскими выборами 2004 года.

Однако с приходом в 2005 году нового президента и нового правительства начинаются и усиливаются процессы ослабления

и разрушения институтов власти. В бездумной конфронтации власти самой с собой были потеряны остатки уважения к тем социальным скрепам, которые держат воедино все общество, подорвана устойчивость базовых социальных институтов, без которых не могут существовать ни государство, ни гражданское общество, ни суверенная личность. Теперь уже стало ясным, что украинская государственность переживает глубокий кризис, будущее разрешение которого пока содержит в себе все возможные варианты – от оптимистического до пессимистического и даже трагического.

Литература:

1. См., напр.: Котляревский Ю.Л. Оранжевая революция: глазами консультанта. – М. – 2005; Оранжевая революция. Версии, хроника, документы. – К. – 2005; «Оранжевая революция». Украинская версия. – М. – 2008; Сподівання на іншу Україну. – К. – 2005; Політичний портрет України. – №32. – К. – 2005;
2. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – СПб. – 2007. – С. 420.
3. Парламент Украины преодолел вето президента и принял закон о правительстве // <http://www.newsru.com/world/12jan2007/veto.html>.
4. Там же.
5. Цит по: Б.А.Кистяковский. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи. Из глубины. – М. -1991. – С.126 –127.
6. Крамаренко М. Первые жертвы выборов, или Как Тимошенко и Ющенко терзают Фемиду. – Сейчас. – 2008. – 13 октября; У Наливайченка є питання до «Грифона» Луценка // <http://www.pravda.com.ua/news/2008/10/15/82893.htm>
7. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М. – 2006. – С.243.
8. См. Ильин Валерий. Общего стандарта демократии не существует // http://www.wek.ru/interview/obsh/akademik_valerijj_ilin/index.shtml
Мандрас Мари. Слабое государство и сильная администрация: к оценке российской бюрократии // http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2007/03/15/0000304905/007_mendas_-2003.pdf; Фукуяма Фрэнсис. Сильное государство. – М. – 2006.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ дает основание сделать вывод, что украинское общество в основном завершило период трансформации. В нем сформированы социальные институты, опирающиеся на принципы рыночных отношений и на частную собственность. Новые социальные институты уже воспроизводятся на своей собственной основе. В начале трансформационных процессов, когда общество начало переходить на рыночные отношения, архитекторам трансформации казалось, что начинается его социальный дрейф от общества второго мира к обществу первого мира, то есть от страны социалистического типа к развитой капиталистической стране. Однако двадцать лет социально-экономических и политических экспериментов (поскольку инициировавшие государство в этот период изменения реформами никак не назовешь) показывают, что реальная трансформация проходила как дрейф от общества второго мира к обществу третьего мира в его классической форме – с резкой социальной и имущественной поляризацией, бедностью подавляющей части населения, технологически отсталой промышленностью, архаичным сельским хозяйством, теневой экономикой, коррупцией государственного аппарата, вывозом капитала за границу.

Сформировалась новая социальная структура общества, в основе которой лежит частная собственность. Она усложнилась, в ней сформировались новые слои, она стала социально резко поляризованной. Одной из важнейших характеристик новой социальной структуры является то, что удельный вес работников производственной сферы, ранее составлявших большинство трудящихся, из года в год сокращается и уже к настоящему моменту он меньше, чем удельный вес работников сферы услуг.

Большинство населения Украины погрузилось в состояние бедности. Люди переживали, а многие и теперь переживают состояние депривации. По данным Госстата Украины, в 2009 г. 30% населения имели среднедушевые денежные расходы ниже прожиточного минимума. А на селе доля такого населения составляла 46%.

Особенно деградировало за последние 11 лет украинское село. С развалом крупного сельскохозяйственного производства существенно выросла безработица. Разрушена социальная сфера села, особенно медицина. Во многих сельских населенных пунктах нет

фельдшерско-акушерских пунктов, там не работает ни один медицинский работник. В результате этой и других причин уровень смертности сельского населения превышает уровень смертности горожан в полтора раза.

В возрастной структуре сельского населения слишком малой является прослойка детей и молодежи. Треть сельского населения составляют пенсионеры. Многие села состоят из одних стариков и постепенно вымирают. За первое десятилетие независимости исчезло свыше 300 населенных пунктов. А в 8 тысячах сел (из 28,7 тыс.) демографическая ситуация такова, что они уже потеряли возможность самовоспроизводства (1). В последующие десять лет процесс вымирания сел продолжался. В итоге за двадцать лет независимости страна потеряла 504 населенных пункта (2).

Большинство людей не могло приспособиться к новым, рыночным реалиям, к обществу, в котором все решают деньги. В 90-е годы значительная часть населения была вовлечена в процессы социальной и культурной маргинализации. Многие переживают растерянность, дискомфорт, чувствуют себя «не в своей тарелке». Вместе с тем у многих существуют иллюзии улучшения своего социального положения, перехода в более высокий социальный статус, закрепления в нем. Как это ни странно, но особенно широко распространены такие социально наивные представления у людей с высшим образованием.

Новым испытанием для украинских граждан стал глобальный экономический и финансовый кризис. В Украине он спровоцировал обострение всех проблем – как в экономике, так и во всех остальных сферах. Он резко обнажил ошибочность избранного Украиной пути. Оказалось, что экономика страны все эти годы не только не прогрессировала, но даже не смогла вернуть себе позиции двадцатилетней давности. В 2009 году ВВП Украины составил только 63,3% ВВП УССР в 1990 году.

Выход из экономического кризиса предстоит для Украины трудный. Если не будут предприняты кардинальные меры по изменению принципов управления страной, а экономика не перейдет на новейшие технологии, страна все больше и больше будет отставать от промышленно развитых государств.

Еще один вывод из нашего анализа состоит в том, что в стране сформировалось две Украины, два непересекающихся мира. Один мир состоит из нескольких сотен богатых, процветающих семейств, и второй – многомиллионная масса людей, придавлен-

ных жизнью, бедностью и болезнями. Между ними не только разрастается пропасть, но и нарастает ненависть.

Все группы украинского общества и общество в целом испытывают дефицит солидарности. Уровень стихийной социальной солидарности как внутри социальных групп, так и между ними является крайне низким. Одной из причин такого состояния является то, что у нас сейчас крайне низкий уровень доверия как между членами общества в целом, так и между членами отдельных групп, не говоря уже о политических партиях и общественных организациях. Кроме того, значительная часть ныне здравствующих украинских граждан пережили, а многие еще продолжают переживать и сейчас, глубокую ломку своих социальных идентичностей. Самоидентификация личности с социальными группами, с одной стороны, стала более размытой, а с другой стороны, образуются социальные группы с нечеткими, слабыми идентичностями их членов. В связи с этим в социальном поведении украинских граждан слабо просматривается стремление реализовать групповой социальный интерес. В подобных условиях зародилось такое уродливое социальное явление, как политическое «заробитчанство».

Ситуация усугублялась еще и тем, что в дезорганизованном, неконсолидированном обществе шли интенсивные процессы деструкции, разрушения власти и государства. Государственная власть разрушалась по нескольким направлениям: власть–опозиция; между ветвями власти; между институтами и организациями внутри одной ветви власти. Основы государства разрушались из-за вмешательства двух ветвей власти в работу третьей –судебной. В свою очередь, война решений судов подрывала доверие граждан к государственным органам и закону.

Неблагодарное дело давать такую однозначно негативную оценку достаточно протяженному периоду жизни общества. Конечно, в такой большой стране, как Украина, можно было бы найти и что-то хорошее, и какие-то островки прогресса. Но задача исследователя состоит в том, чтобы смотреть на общественный организм как на целое, видеть осевые, главные, определяющие тенденции, замечать, в первую очередь, общий окрас состояния общественного климата, а не лишь его отдельные оттенки. К сожалению, общая социальная характеристика нашего общества является негативной, пессимистической.

Существование независимого украинского государства совпало с развитием глобализационных процессов. Страна объ-

ективно оказалась вовлеченной в них. А это означало, что начала «расшатываться», «разлаживаться» вся традиционная система формирования личности и ее жизнедеятельности. Качественно изменилась пространственная мобильность личности. Она находится в постоянном пространственно-географическом перемещении, преодолевает большие дистанции, достаточно часто изменяет постоянное место жительства. Все это привело к тому, что, во-первых, стал изменяться тип рациональности, на котором основывалась ее жизнь, во-вторых, в процессе социализации возросла роль факторов, которые находятся за пределами национально-культурной среды, в-третьих, усилилось «размытие» традиционных идентитетов человека.

Новые социальные условия привели к смене образа жизни людей и формированию все новых и новых стилей жизни. Плюрализация стилей жизни проявляется как процесс усложнения форм жизнедеятельности людей в обществе, увеличения разнообразия форм жизнепроявлений. Общественная жизнь теперь построена на совершенно других духовных и моральных ценностях, на плюрализме мировоззрений и идеологий. Если раньше главной ценностью провозглашался труд, то теперь – успех. В основе поведения людей должна лежать ориентация на успех. Со школьной скамьи в сознание внедряется норма: «Будь первым!». Этим красивым лозунгом прикрываются средства достижения цели: жестокая конкуренция; каждый за себя, один бог за всех; слабым и больным нет места на вершине и т.п. Побеждает только один, все остальные неудачники. Для последних полем реализации и утешения остается сфера потребления. Ценности потребления становятся регулятором поведения личности во всех других сферах ее общественного бытия. Они выступают ведущим, организующим жизнь человека элементом.

Массовая ориентация населения на ценности потребления, переход на соответствующие стили жизни подавляющего большинства людей означает формирование потребительского общества. Однако особенности образа жизни украинского общества как потребительского порождают и специфику его стилей потребления. Во-первых, это стили потребления бедного населения. Во-вторых, без достаточного ресурса для широкого выбора вариантов потребления стилевое разнообразие потребления является ограниченным. В-третьих, стили потребления нашего населения имеют подражательный характер по отношению к западной моде, западным брендам товаров и услугам.

На этом фоне развивалась моральная деградация общества. Она стала массовой и пронизывает все социальные слои и группы. Взаимное попустительство, снижение моральных требований людей друг к другу во всех звеньях официальных и неофициальных отношений стало повсеместным. Ненормальное, девиантное поведение превратилось в повседневную норму у огромной массы людей. Базовым, к сожалению, для украинского общества становится человек без мировоззрения и морали, «человек без свойств». Продолжающаяся в течение двух десятилетий тотальная нравственная деградация превратила украинское общество в больной организм.

Обычно, когда хотят сказать о позитивных сторонах жизни в новом украинском обществе, ссылаются на демократизацию жизни и свободу слова. Действительно, к достижениям здесь можно отнести регулярно проводимые выборы на всех уровнях, а также множество средств массовой информации, имеющих различную идеологическую и политическую направленность. Однако это только внешняя сторона дела. На сегодня в стране мы, скорее, имеем феномен наличия свободы без демократии. Известный австрийский ученый-гуманист Виктор Франкл писал о том, что «здоровый дух демократии будет выглядеть однобоко, если понимать его как свободу без ответственности. Свобода, если ее реализация не соединена с ответственностью, угрожает выродиться в простое своеволие. Я люблю говорить, что статуя Свободы на восточном побережье США должна быть дополнена статуей Ответственности на западном побережье» (3).

Рядовые граждане за эти годы уже испытали на себе «свободу без берегов», убедились, что страдают от такой «свободы» в первую очередь, именно они. Абстрактная свобода на практике оборачивается сплошным беспорядком в населенном пункте, в районе, в области, в стране в целом. Именно с такой «свободой» мы сталкиваемся ежедневно – когда в 10 метрах от наших окон на детской площадке строят новый, высотный дом, когда подход к пляжу перегорожен забором, когда на месте книжного магазина видим казино и т.д.

Свобода без строгого соблюдения всеми, и в первую очередь властью, законов оборачивается тотальной безответственностью, бездеятельностью и бездушностью. Законы в условиях нашей «свободы» просто-напросто не работают. В такой «свободе» гражданин остается один на один с безразличными к нему социальны-

ми институтами. От такой «свободы», с которой он сталкивается ежедневно, его охватывают неуверенность и страх.

Следовательно, подытоживая двадцатилетний этап новейшего развития украинского общества, можно сделать такой самый общий вывод: его результаты неутешительны.

Цена общественных преобразований оказалась слишком высокой: управляемость государством деформирована, по своему экономическому потенциалу страна отброшена далеко назад, социальное расслоение населения уродливое, социальная защищенность граждан утеряна, будущее для них и их детей неопределенно. Объяснение такого результата «издержками» во имя исторического прогресса и обретения независимости страны выглядит неубедительным. Ведь каждый человек имеет лишь один шанс прожить свою жизнь. И нашему современнику совсем не понятно, почему именно он должен быть жертвой, пребывать треть своей жизни в нищете и неопределенности. И еще не известно, сколько лет испытаний он должен прожить, чтобы дожидаться (или нет) светлого дня. Хотя для нескольких сот семейств этот светлый день сияет уже не один год.

Итак, двадцатилетний дрейф страны состоялся. Но, как оказалось, это был дрейф на обочину.

Литература:

1. Довженко Георгій. Село на узбіччі // Урядовий кур'єр. –2002. –16 січня.
2. В Украине исчезли 500 населенных пунктов // <http://news.mail.ru/inworld/ukraina/politics/4093053/>
3. <http://newlit.ru/cit/000241.htm>

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
РАЗДЕЛ I. СМЕНА ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ В УКРАИНЕ	10
1. Вехи новейшей украинской истории	10
1.1. Провозглашение независимости Украины.....	10
1.2. Становление институтов независимого украинского государства	18
1.3. Приватизация государственной собственности	20
1.4. Формирование новых общественно- политических институтов.....	30
1.5. Нарастание политического кризиса и конфликт элит во время президентских выборов 2004 года	38
1.6. «Оранжевая» перестройка	45
1.7. Углубление кризиса и крах «оранжевой» власти.....	50
2. Трансформация социальной структуры украинского общества.....	65
3. Противоречия развития социальных интересов классов и групп.....	86
4. Гонимые политические практики как форма реализации социальных интересов	117
5. Этапы становления и ротации политической элиты Украины в годы независимости	153
5.1. Военная элита	155
5.2. Научная элита	156
5.3. Криминальная «элита»	157
5.4. Административно-властная элита	157
5.5. Экономическая элита	159
5.6. Политическая элита	162

5.7. Основные этапы становления правящей элиты Украины	167
6. Управленческая, правящая и «смыслотворящая» элиты.....	174
7. Репутация государственных служащих в общественном мнении.....	193

РАЗДЕЛ II.**ФОРМИРОВАНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО**

ОБЩЕСТВА	207
-----------------------	------------

1. Образ жизни и стиль жизни	207
2. Новейшие тенденции в развитии современных стилей жизни	217
3. Ориентация на успех как стиль жизни	248
4. Стили потребления	265
5. Стилевое разнообразие отдыха.....	285
6. Туризм как стиль жизни	310

РАЗДЕЛ III.**СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ**

УКРАИНСКОМУ ОБЩЕСТВУ.....	318
----------------------------------	------------

1. Вызовы времени как социальная категория.....	318
2. Социальный ареал жизни личности	331
2.1. Вызовы глобализации	331
2.2. Социальное пространство и социальный ареал	342
2.3. Изменения социального ареала жизни личности под воздействием глобализации	355
3. Миграция как вызов украинскому обществу	372
4. Социокультурная маргинализация и формирование гражданских идентичностей	385
5. Финансово-экономический кризис как угроза общественной безопасности	408
6. Деструкция власти	423

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	440
------------------------	------------

Наукове видання

ШУЛЬГА Микола Олександрович

ДРЕЙФ НА УЗБІЧЧЯ

Двадцять років суспільних змін в Україні

Редактор І.Г. Бойко
Коректор О.Г.Тищенко

Підписано до друку 28. 04. 2011 р.
Формат 60х90/16

Гарнітура PetersburgС. Офсетний друк

Ум.-друк. арк. 28

Тираж 3000 прим.

Зам.№ 11 - 105

ТОВ «Друкарня «Бізнесполіграф»

02094 м.Київ, вул. Віскозна, 8

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру

ДК №2715 від 7 грудня 2006 року